

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА
Экономико-географическая секция**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЕ ФАКТОРЫ
(ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ)**

Москва – 2008

ББК У04
УДК 338:91

**Сборник издан при поддержке
РФФИ – грант 08-06-06061
и Отделения наук о Земле РАН**

**Утвержден к печати
Ученым Советом Института географии РАН**

К 90-летию Института географии РАН

В сборник вошли материалы XXV ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества, проведенной в г. Тихвин Ленинградской области в июне 2008. Сборник посвящен актуальным современным проблемам социально-экономического развития России, вызванным проводимыми реформами административно-территориального деления и местного самоуправления и их последствиям. Проблемы рассматриваются на разных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЕ ФАКТОРЫ (ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ).

Редакторы: *доктор географических наук
С.С. Артоболевский,
кандидат географических наук
Л.М. Синцеров*

Москва, ИГ РАН, 2008 г. 460 стр. включая карты и рисунки

Редактор-составитель и подготовка оригинал-макета:
Т.А. Корнилова, Д.Е. Палилов

Рецензенты: *кандидат географических наук Стрелецкий В.Н.
кандидат географических наук Агирречу А.А.*

© Институт географии РАН и авторы статей
ISBN 978-5-94101-211-X

Предисловие

Очередной сборник Экономико-географической секции Международной академии регионального развития, подготовленный на базе докладов на уже 25 сессии (в городе Тихвин Ленинградской области), очень похож на своих «предшественников». Как некогда задумывали основатели Секции — М.К. Бандман и Ю.Г. Липец — Сессия объединила специалистов в различных областях экономической географии, от «маститый мужей» до юных аспирантов. При наличии «темы номера» («Объединение субъектов РФ и его негативные и позитивные последствия»), Сборник даёт возможность познакомиться с исследованиями по самой разнообразной «общественно географической» проблематике, в различных частях России и зарубежного мира. Это разнообразие докладов и специалистов привлекает многих, ибо позволяет представить себе современное состояние нашей науки, почерпнуть новейшую информацию, установить связи с коллегами в разных городах и регионах и т.д.

Сборник, как всегда, включил и статьи географов (и иже с ними) не сделавших доклада на секции. Но это лишь увеличило его информационную и научную ценность публикации. Сборник почти идеальное место изложения любых, даже кажущихся странными идей, публикаций аспирантов и соискателей. Конечно, расширение тематики имеет и свои минусы, но нельзя все проблемы общественной географии осветить и решить в одном сборнике.

Обсуждая проблему объединения субъектов РФ, исследователи по разному оценивали это направление деятельности государства и его своевременность. Предложения касались и улучшения реализуемой политики, и использования более географизированных подходов. Общий вывод, при всей разности оценок, может быть сформулирован следующим образом: действия государства по объединению субъектов РФ не имеет научной базы, что не позволяет реально оценить их последствия, особенно, если дело дойдёт до Тюменской области или национальных республик (прежде всего Северного Кавказа). Аналогичные соображения могут быть высказаны и относительно планов объединения двух столиц с их областями.

Отсутствие научной и общественной экспертизы столь важной для страны проблемы заставляют с привычным опасением относиться к деятельности нашего государства, страдающего, к тому же тягой

к гигантизму. Реформа административно-территориального деления (АТД), как показал недавний опыт европейских стран, бывает необходима, но должна включать ответы на вопросы «зачем?» и «как?».

На Сессии и, соответственно, в Сборнике проявилось и расширение географии участников/авторов. Очень приятно, что впервые было так много питерских географов, украсивших и заседание, и публикацию. Географы Украины и Белоруссии так же очень пришлось ко двору. Некоторые участники представляли администрации различных территориальных уровней — надеемся, что им было интересно участвовать и будет интересно прочесть этот сборник.

И, в завершении, короткое обращение к потенциальному читателю:

1. Если Вы держите в руках книгу и она Вам интересна, то это заслуга конкретных людей в Институте географии, Администрации Ленинградской области и одной динамичной «структуры» (РФФИ).

2. Сами сессии намного интереснее Сборника, а последний особенно интересен для участников Сессии. Рассматривайте этот пассаж как приглашение на следующие Сессии.

3. Если Вам все еще что-то неясно, то вот наши координаты:
mirecon2006@yandex.ru, artob@aha.ru

4. Общественные географы всех населенных пунктов РФ и СНГ — соединяйтесь.

Глава 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Корытный Л.М.

О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ РОССИИ

В российском обществе продолжается обсуждение целесообразности изменения административно-территориального деления (АТД) страны, причем имеются две полярные точки зрения. Одни считают, что существующая система АТД слишком громоздка, а контрасты между площадями, населением и экономикой 89 субъектов РФ (в 2004 г.) слишком велики. Это мешает формированию в России подлинно федеративных отношений, при которых субъекты были бы достаточно сильны, чтобы отстаивать свои интересы, и вместе с тем гармонично увязывали бы эти интересы с федеральными. По мнению других, сейчас не время заниматься реформированием АТД, можно навредить, нарушив существующий баланс в отношениях, особенно межнациональных. Одним из ведущих отечественных специалистов по федеративным отношениям и региональной политике Л.В. Смирнягин (2005) вообще считает, что в истинной федерации не должно быть прямой связи между АТД и управлением.

Между тем фактически реформирование системы АТД в стране уже идет с 2000 г. Первым проявлением стало создание 7 федеральных округов. Затем начался процесс укрупнения субъектов РФ путем объединения некоторых автономных округов (Коми-Пермского, Таймырского, Эвенкийского, Корякского, Усть-Ордынского Бурятского, Агинского Бурятского) с соседними регионами. Уже сегодня количество субъектов в стране уменьшилось на 6, что, между прочим, противоречит существующей конституции. Наконец, началась реформа местного самоуправления, что тесно связано с сеткой АД на локальном уровне.

Однако все эти «движения» являются импульсивными, определяются в основном политическими интересами и кардинально проблему не решают. Необходимо принципиальное решение в отношении административной реформы всей страны, даже если она растя-

нется на десятилетия. В первую очередь речь должна идти об изменениях сети деления высшего уровня, т.е. страны на ее субъекты.

Эта реформа, безусловно, должна опираться на научные разработки. Их немало (Смирнягин, 1998; Лапин, Любовный, 2006; и др.), не говоря уж о множестве материалов в СМИ. Однако теория вопроса разработана недостаточно. Социально-экономическая география здесь может иметь определенные преимущества, так как опирается на богатый опыт исследования, в том числе районирования территориальной организации общества.

Недостатки современного АТД и предложения по его изменению

Субъекты РФ сегодня существенно отличаются по многим параметрам и правовому положению.

1. Площадь наибольшего субъекта РФ более чем в 3000 раз больше, чем наименьшего, что намного превышает размах территориальных различий большинства других федеративных государств планеты, кроме Индии и США (Колосов, Мироненко, 2002) Коэффициент вариации территорий субъектов — 17,7 — у России намного выше остальных стран, у ближайшей — США — он 8,6, а, например, у близкой к нам по географическому положению, природным условиям и пространственным параметрам Канады — 3,7.

2. Еще большее значение имеют различия в населении субъектов, максимальный размах которых достигает в РФ 433, что намного превышает этот параметр в большинстве других федераций, опять-таки кроме Индии. По коэффициенту вариации населения субъектов (8,5) Россия уступает только Аргентине (10,2). Добавим, что средняя численность населения нашего субъекта 1,6 млн. чел., что более чем втрое меньше, чем, например, численность его в Бразилии, Германии или США.

3. Еще более велики экономические контрасты. Величины валового регионального продукта на душу населения многих субъектов различаются на порядок. Большинство российских административных регионов, особенно в Европейской части страны, лишены не только ресурсов для самостоятельного развития, но фактически и производственной специализации, а значит — и экономических перспектив. В результате они являются дотационными, и только полтора десятка субъектов «тянут» всю экономику страны.

4. Особо значительные проблемы — и экономические, и правовые — связаны с 32 (до начала «поглощения» округов) национальными субъектами. Все они, за исключением Татарстана, Башкортостана

и Якутии, отличаются низкими значениями валового регионального продукта, но имеют по Конституции равные (а фактически большие!) права с остальными субъектами. Известно, что эти субъекты имеют преимущество в субвенциях, таможенных пошлинах, налогах и т.п.; и это при том, что лишь в 7 субъектах доля титульной нации превышает 50% проживающего в них населения.

5. Нельзя признать оптимальным АТД России и с позиций теории управления, недаром такого количества субъектов управления высшего уровня нет нигде в мире. Ближе всех к нам в этом смысле США (50 штатов и федеральный округ), но как раз там задача контролирования регионов из центра, в отличие от России, вообще не стоит. В других же государствах число членов федерации еще меньше: в Индии — 25 (плюс 6 территорий и федеральный округ), в Мексике — 31, в Нигерии — 30, в Швейцарии — 26, в Бразилии — 25 (и федеральный округ), в Аргентине — 23, в Германии — 16.

Перечисленных выше аргументов, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы говорить о необходимости реформы АТД. Такого мнения придерживаются многие политики и ученые; примеры ряда конкретных предложений изменения сети АТД страны рассмотрены нами (Корытный, 2006) и приведены в табл. 1.

Таблица 1

Предложения по реформированию АТД

Авторы	Год	Принцип	Название субъекта	Количество субъектов
Гранберг А.Г. и др.	2003	Экономический	Губерния	30
Бугаев В.К.	2005	Экономико-национальный	Регион	23
Романов М.Т.	2004	Экономико-управленческий	Губерния	46
Ишмуратов Б.М.	2003	Экономико-географический	Конфедерация	14

Тщательный анализ богатого мирового опыта реформирования АТД позволил В.А.Колосову и Н.С.Мироненко (2002) сформулировать основные принципы административного районирования, с которыми мы полностью согласны. Их в кратком виде можно представить следующим образом.

1. Единицы АТД должны быть смежными.
2. Единицы АТД должны быть компактными.
3. Границы новых АТД должны по возможности не нарушать уже сложившихся границ.

4. Границы АТД должны быть максимально естественными.
5. Единицы АТД должны быть достаточно «мощными», желательны — экономически самодостаточными.
6. АТД должно быть и относительно стабильным, и относительно динамичным, например, учитывать особенности нового освоения.

Бассейновый вариант реформирования АТД

Одним из перспективных вариантов новой сети АТД страны может быть бассейновый (Корытный, 2006). Он основывается на принятом нами синтезе в отношении бассейна (речного, озерного, морского) позиций представителей естественнонаучных, гуманитарных, технических дисциплин, что нашло отражение в представлении о бассейне как интегральной природно-хозяйственной системе и в целом в бассейновой концепции (Корытный, 2001). В частности, нами показано, что бассейн как особый пространственный объект биосферы весьма перспективен не только для разностороннего изучения природы и экономики, но и для управления окружающей средой, понимаемой в самом широком смысле. Учитывая, что именно оптимальное управление — важнейшая задача любого АТД, применение и здесь бассейнового подхода выглядит вполне привлекательным.

Следует подчеркнуть, что крупные межсубъектные бассейны России представляют собой особые геополитические образования. Различные части их соединены энергетическими, вещественными, информационными потоками, но одновременно разделены границами регионов с различными уровнями экономики и культуры, причем эти границы часто не совпадают с природными рубежами. Такое положение чревато возможностями различных конфликтов, поэтому для входящих в такие бассейны регионов крайне важен путь всестороннего сотрудничества. Закономерно поиск такого пути связывать с бассейновой концепцией.

Административные границы в совокупности образуют нормированные пространственные сети, производные социально-экономических процессов дифференциации территории. В отличие от ненормированных естественно-географических сетей, в том числе иерархических речных и водораздельных, административные сети сегодня в значительной степени субъективны, зависимы от исторических, этнографических и даже этических обстоятельств [Тархов, 2000]. Поскольку эти сети слабо учитывают политические и экономические реалии, заманчиво использовать закономерности строения и функционирования естественных сетей для реформирования АТД (Корытный, Никульников, 1989).

Как показано нами для Азиатской России (Корытный, 1998), взаимосвязи административных и бассейновых структур по топологическим отношениям иерархичности, граничности, транзитности, компоновки площадей для Азиатской России весьма существенны. Это объясняется прежде всего тем, что заселение восточных районов и их хозяйственное освоение обычно шли по рекам; в результате именно в границах бассейнов чаще всего образовывались целостные хозяйственные и этнодемографические общности с едиными традициями ресурсопользования. В Европейской России ситуация несколько иная, но и там бассейновые структуры основных речных бассейнов — волжского, донского, днепровского и др., а также морских — Каспийского, Балтийского, Черного, северных морей — вполне определены.

На основании изложенного выше, предлагается провести административно-территориальное переустройство страны, исходя из следующих принципов.

1. Границы будущих субъектов проходят преимущественно по водоразделам крупных речных, озерных и морских бассейнов.
2. Объединяются существующие субъекты; сохраняются при этом традиционные закономерности районирования, прежде всего пространственное и социально-экономическое единство.
3. Необходимым признаком должна быть экономическая самодостаточность региона.
4. Поскольку одной из основных целей является укрупнение регионов, количество будущих субъектов должно быть уменьшено примерно вчетверо, т.е. быть в диапазоне 22 — 26.
5. Субъекты должны быть примерно равновелики по площади (100–500 тыс. км² в европейской части и 1000–4000 на севере и востоке) и по численности населения (3–10 млн. чел.).
6. Национальные образования входят в субъекты на правах прежде всего культурной, но, возможно, и определенной политической автономии.
7. Субъекты (кроме двух столиц) называются «край» с добавлением названия бассейна; при этом прежние названия, как правило, не используются.

8. Центром субъекта становится крупнейший город, причем самые крупные города желательно «развести» по разным территориям.

В результате предложен вариант административно-территориального деления страны (рис. 1). Выделено 23 субъекта — 23 края и города федерального подчинения Москва и Санкт-Петербург. В прежних границах сохранены столицы, анклав Калининградская область (переименованная в Прибалтийский край).

Структура и основные параметры предлагаемых субъектов РФ

№ п/п	Новые субъекты РФ — края	Прежние субъекты РФ	Центр	Площадь, тыс. км ²	Численность населения, млн чел.	ВРП на душу населения, млн руб.
1	Баренцево-Балтийский	Области: Ленинградская, Новгородская, Псковская и Мурманская, Республика Карелия	Новгород	519,2	4,5	109,6
2	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	1,4	4,5	145,5
3	Печорско-Двинский	Области: Архангельская и Вологодская, Республика Коми, Ненецкий АО	Архангельск	1328	3,5	154,3
4	г. Москва	г. Москва	Москва	1,1	10,4	384,6
5	Прибалтийский	Калининградская область	Калининград	15,1	0,9	85,7
6	Днепровско-Донецкий	Области: Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская	Белгород	141,8	4,99 /// 5,0	72,0
7	Верхневолжский	Области: Тверская, Ярославская, Костромская, Ивановская	Ярославль	202	4,5	67,4
8	Окский	Области: Московская, Калужская, Орловская, Тульская, Рязанская, Владимирская	Тула	194,7	12,7	74,5
9	Донской	Области: Липецкая, Тамбовская, Воронежская, Ростовская	Ростов-на-Дону	211,7	8,8	74,9
10	Камский	Кировская область, Пермский край, республика Удмуртская и Башкортостан	Пермь, Уфа	465,6	9,7	90,6
11	Волжско-Окский	Нижегородская область, республики Марий Эл, Мордовия, Чувашская	Ниžний Новгород	144,4	6,2	60,3

12	Средневолжский	Области: Самарская, Ульяновская, Пензенская, Саратовская, Республика Татарстан	Самара, Казань	303,2	12,2	86,7
13	Ниженеволжский	Волгоградская и Астраханская области, Республика Калмыкия	Волгоград	236,6	3,9	60,8
14	Кубанский	Краснодарский край, республики Адыгея и Карачаево-Черкесская	Краснодар	97,6	5,97 /// 6,0	50,4
15	Терекский	Ставропольский край, республики Кабардино-Балкарская, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Ингушетия, Дагестан	Ставрополь	156,2	8,6	35,3
16	Уральский	Области: Челябинская, Оренбургская, Курганская	Челябинск	283,7	6,6	83,2
17	Северообский	Свердловская и Тюменская области, Ханты-Мансийский АО-Югра, Ямало-Ненецкий АО	Екатеринбург	2962,6	9,8	389,9
18	Южнообский	Области: Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Алтайский край, Республика Алтай	Новосибирск	989,9	11,2	92,7
19	Енисейский	Красноярский край, Эвенкийский АО, Таймырский АО, республики Хакасия и Тыва	Красноярск	4240,1	3,8	88,8
20	Байкальский	Иркутская область, Республика Бурятия, Усть-Ордынский Бурятский АО	Иркутск	1148,2	3,6	91,6
21	Амурский	Читинская и Амурская области, Еврейская АО, Хабаровский край, Агинский Бурятский АО	Хабаровск	1637,3	3,6	85,1
22	Тихоокеанский	Приморский край, Сахалинская и Камчатская области, Корякский АО	Владивосток	1008,7	2,9	148,8

Таблица 3

Характеристики новых административных единиц

№ п/п	Новые субъекты РФ – края	Количество городов	Количество районов	Стоимость основных фондов, млн. руб	Площадь пашни, тыс. га	Лесистость, %	Плотность автодорог, км/1000 км ²	Объем розничной торговли на душу населения, руб.	Количество высших и средних учебных заведений	Коэффициент младенческой смертности
1	Баренцево-Балтийский	84	82	1611797	1200	247,8	105,2	49514	90	11,7
2	г. Санкт-Петербург	1	—	1420407	—	—	—	77549	160	7,3
3	Пенорско-Двинский	40	59	1825040	918,3	197,5	28,1	58431,7	99	13,5
4	г. Москва	1	—	6142520	—	—	—	174218	401	10,4
5	Прибалтийский	21	13	195805	255,4	18,3	413	47468	24	14
6	Днепроовско-Донецкий	51	101	1166457	5062,5	90,2	210	41537,5	147	12,7
7	Верхневолжский	63	98	1334219	2651,3	220,1	154,2	37288	152	12,8
8	Окский	161	150	3452919	6106,6	183,7	255,6	43803,8	328	12
9	Донской	54	115	1934216	11972	28,9	182	46123,3	223	12
10	Камский	70	151	2837984	7482,5	220,5	115	46702,7	296	12,7
11	Волжско-Окский	48	105	1467598	3607,6	162,6	189,8	34041	196	11,2
12	Средневолжский	67	157	3597526	14442	84	154	50475,2	366	11,8
13	Нижневолжский	28	57	997954	5508,6	6,3	71	35053,3	100	13,5
14	Кубанский	32	54	1240867	4218,9	60,7	211,6	40007	122	12,2
15	Терекский	52	104	1071364	4769,3	91,3	241,8	28024,5	161	16,3
16	Уральский	51	86	1789864	9870,9	55,2	100,6	43299,6	178	13,6
17	Северобайкальский	100	84	13811334	2459,4	184,5	17,9	99923	244	10,8
18	Южнобайкальский	59	167	2664698	14934	243,9	55,8	50273,6	300	14,3
19	Енисейский	34	79	1116368	2895,6	238,4	13,3	35107,2	98	19,8
20	Байкальский	28	60	890964	1776,4	197,6	44,6	35154	92	15,6
21	Амурский	28	76	1367863	1609,6	272,9	34,4	42471,8	102	16,4
22	Тихоокеанский	30	54	887182	504	231,8	14,6	54159,3	61	17,2
23	Ленно-Колымский	18	49	634151	103,8	89,8	2,8	54359,6	46	17,9

Рис. 1. Вариант АТД России на основе бассейновой концепции.

1–23 — новые субъекты РФ (см. табл. 2 и 3)

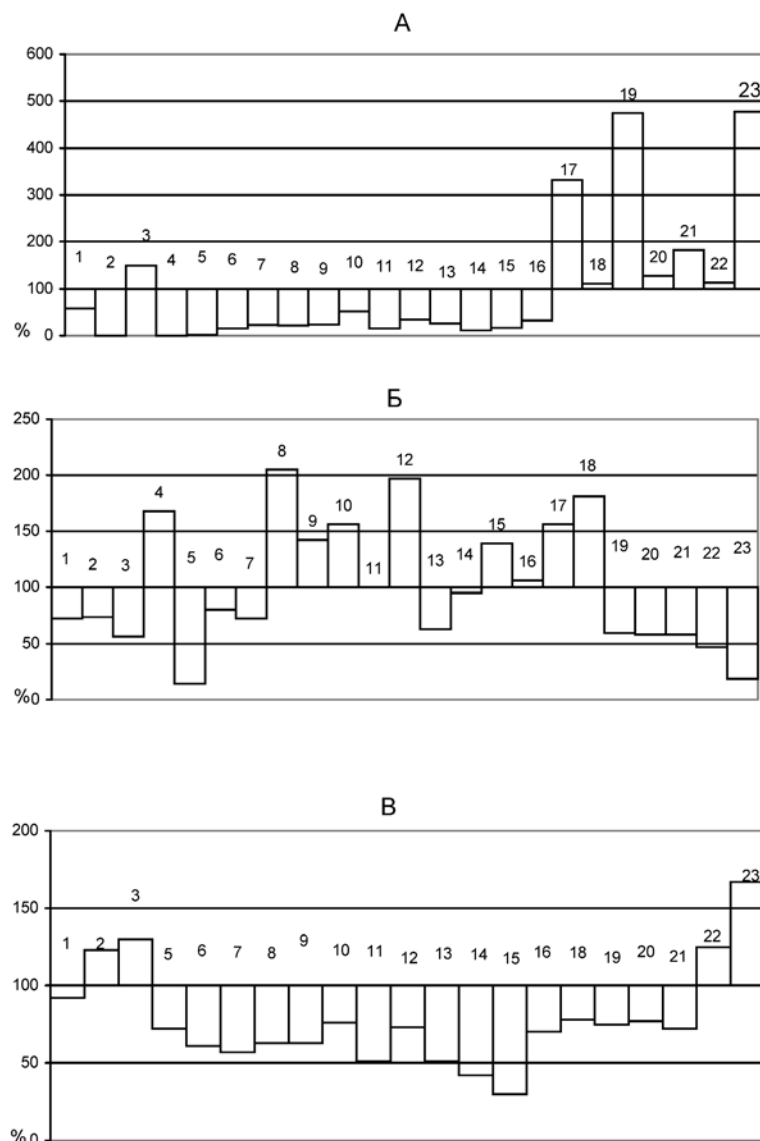

Рис. 2. Соотношение параметров по предлагаемым субъектам РФ, в % от среднего, принятого за 100%.

А — площадь, Б — численность населения, В — валовой продукт на душу населения (без учета Москвы и Северообского края. 1–23 — края, названия в табл. 2

Рассчитан ряд экономических характеристик новых субъектов на душу населения (табл. 2, 3, рис. 2), которые находятся для большинства субъектов, не считая столиц, в относительно узком диапазоне, что подтверждает примерно равные их экономические возможности.

Бассейновый подход к административно-территориальному делению является объективным, совмещающим при выделении таксонов районирования природные и общественно-исторические закономерности, что поможет уменьшить остроту неизбежных при изменении административного районирования противостояний различных политических сил.

Литература

- Бугаев В.К. Проблемы районирования для целей совершенствования территориального устройства Российской Федерации // Региональные проблемы России: Доклады XII съезда РГО. — СПб., 2005.
- Государственно-территориальное устройство России: экономические и правовые основы / Гранберг А.Г., Кистанов В.В., Адамеску А.А. и др. — М.: Дека, 2003.
- Ишмуратов Б.М. Сибирь в российской и мировой перспективе (очерки социально-экономической и политической географии). — Иркутск, 2003.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. — М.: Аспект Пресс, 2002.
- Корытный Л.М., Никульников Ю.С. Принципы максимального согласования административных и водохозяйственных сетей при оптимизации управления природопользованием // Проблемы природопользования в таежной зоне. — Иркутск, 1989.
- Корытный Л.М. Бассейново-административная структура Азиатской России // Структурная организация и взаимодействие упорядоченных социоприродных систем. Владивосток: Дальнаука, 1998.
- Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2001.
- Корытный Л.М. Административно-территориальное деление России: бассейновый вариант // География и природные ресурсы. — 2006. — № 4.
- Лапин В.А., Любовный В.Я. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России. — М.: Дело, 2006.

Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. — Владивосток: Дальнаука, 2004.

Структурная организация и взаимодействие упорядоченных социо-природных систем. — Владивосток: Дальнаука, 1998.

Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. — М.: МОНФ, 1998.

Смирнягин Л.В. Общественная география. Федерализм. Регионализм: Публикации 1989 — 2005 гг. — М.: Ком-Книга, 2005.

Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. — 2000. — № 51, 52.

Герцен А.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ И ГЕОГРАФИИ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ

Основные понятия и термины. Классификация и типология

В результате проведённой географической экспертизы понятийной базы административно-территориального деления (АТД) [Герцен, 2006, 2007] выявлены основные понятия и термины, используемые в географии АТД, уточнены некоторые теоретические положения, предложены наиболее удобные формулировки для углублённого изучения вопроса:

Проанализировав современное состояние понятийной базы АТД, таким образом, нами предлагается изложить и в дальнейшем использовать основные понятия и термины в следующей редакции:

Политический регион (территориально-политическая система) — узловой социально-экономический район, обладающий определённой юридической самостоятельностью, единица политического районирования.

Административно-территориальная единица (АТЕ) — политический регион государства.

Административно-территориальное деление — совокупность административно-территориальных единиц.

Административно-территориальное устройство (АТУ) — система территориальной организации государства на основе административно-территориального деления.

Политическая регионалистика — наука о территориально-политических системах, пограничная дисциплина политической географии и теоретической регионалистики.

География административно-территориального деления — раздел политической регионалистики, изучающий административно-территориальные устройства.

Детально изучены факторы формирования АТЕ, как ведущие движущие силы изменений АТД на концептуальном уровне и на конкретных примерах. В систему представлений о АТЕ как географических объектах заложен эволюционный принцип: АТЕ рассматриваются как объекты, имеющие фундаментальные природные и социально-экономические предпосылки существования, эндогенные и экзогенные факторы развития, неотъемлемый исторический аспект — от зарождения примитивных протогосударственных форм на ранних стадиях развития общества до высокоразвитых современных политико-географических систем.

Процесс формирования АТЕ обозначен термином *политического регионообразования*, а факторы, цепочку причинно-следственных связей и условия, регулирующие его качественные и количественные характеристики — *механизмом политического регионообразования*.

Механизм всякого конкретного политического регионообразования — весьма сложное сочетание различных условий и факторов, большинство которых то играло решающую роль, то отодвигалось на второй план. Политическое регионообразование зачастую (в особенности в странах Старого Света) растянуто во времени на многие столетия и, очевидно, продолжается и сейчас.

«Спонтанный» способ формирования АТЕ, обусловленный преимущественно внешними силами, представляет собой *естественно-исторический механизм политического регионообразования*, своего рода «*путь снизу*». Причины, обусловившие именно такой путь, следует воспринимать как *объективные факторы* данного механизма. Везде, кроме неосвоенных районов, он предваряет «*путь сверху*» — второй способ формирования АТЕ, вызванный внутренними силами саморазвития политических регионов и сложившейся системы территориальной организации государства (ТОГ). Речь идёт о *регулировании АТУ*, которое проводит большинство современных государств. [БРЭ,

2005]. Вследствие целенаправленных действий власти и возникают новые АТЕ. К *субъективным факторам* относятся не только директивные решения о выделении/упразднении/разделении/объединении АТЕ, но и ситуации политических конфликтов, когда происходят *количественные и/или качественные изменения АТУ* (в результате войн, восстаний или же мирного волеизъявления граждан). В мирное время изменения АТУ производятся в основном централизованным способом. «При проведении административных границ часто используется *принцип социально-экономической целесообразности*. Административные единицы привязываются к крупным, интенсивно развивающимся центрам и формируются в качестве их зон тяготения (хинтерландов)» [Туровский, 1999. — С. 169].

Одновременно само АТД обладает определённой *инертностью*, стремится сохранить свою структуру. В значительной степени этому способствует традиционализм и консервативность населения и его политических элит, в том числе местных. Впрочем, по словам В.А. Колосова и Н.С. Мироненко, АТД и должно быть устойчивым. Всякая его ломка чревата крупными проблемами для граждан и хозяйства. Вместе с тем, как отмечают учёные, относительная неизменность АТД неминуемо вступает в противоречие с прогрессом в технологии, экономике, социальной структуре и идентичности (самосознании) людей, изменениями их потребностей и отношения к участию в управлении муниципальными делами, пересмотром роли государства в решении социальных проблем, и, в первую очередь, урбанизацией и эволюцией узловых экономических районов [Колосов, Мироненко, 2002. — С. 429–430].

Регулирование АТУ имеет два *варианта*: *постепенный* (внесение незначительных изменений в существующую систему с сохранением основополагающих принципов её функционирования) и *радикальный* — когда проводимая **реформа АТУ** меняет систему по сути. Реформа может быть *общегосударственной*, если охватывает всю территорию страны, либо *региональной*, если распространяется лишь на её отдельные части.

В представлениях советской школы АТУ «любого государства обусловлено его классовой природой, задачами и функциями; цель его — в наиболее эффективной организации и функционировании всего государственного механизма, в особенности системы местных органов государственной власти (местного самоуправления)...» В буржуазных странах оно основывается преимущественно на соображениях административного «удобства» и фискально-полицейских интересах [АТУ // БСЭ, 1970]. П.М. Алампиев категорически утверждал, что АТД капиталистических стран многие десятилетия, а то и од-

но-два столетия почти не меняется, не следуя за изменениями в экономической жизни страны. Существовала критика и со стороны западноевропейских учёных, полагавшим АТД искусственным и не учитывающим ни влияния, оказываемого центром на периферию, ни отношений, существующих между этим центром и окружающим местностями [Алампиев, 1963. — С. 107; Рорске, 1956]. Ныне распространяется более широкий и комплексный взгляд на природу и эволюцию данных систем. Британский учёный Р. Беннет (1989), а вслед за ним В.А. Колосов и Н.С. Мироненко (2002) выделяют этапы «в развитии АТД и местного самоуправления в Европе» [Колосов, Мироненко, 2002. — С. 414], каждый из которых характеризуется специфическими чертами и особенностями в причинах, движущих силах и последствиях происходивших перемен. Однако им в целом свойственны существенные количественные и качественные изменения в государственном устройстве европейских стран, что находит отражение на политико-административных картах соответствующих периодов.

На начальном этапе социально-экономический прогресс, выражавшийся в смене натурального хозяйства товарным, интенсивном развитии торговли, заложил основы местного самоуправления: особые права и свободы получили крупные богатые города. Просветительская мысль кардинально изменила представления общества о государстве, его природе и функциях. Реформы средневекового устройства Франции стали собственно первыми настоящими реформами АТУ — радикальными централизованными действиями власти по регулированию всей системы территориальной организации государства. Именно такое явление впервые можно противопоставить естественно-историческому механизму политического регионообразования, движимому объективными преимущественно факторами. Теперь (а примеру французских революционеров рано или поздно последовали практически все политические элиты) главными движущими силами количественных и качественных изменений АТУ становятся субъективные факторы, а вопросы административного регулирования самим государством воспринимаются как безусловно естественные. Многим странам пришлось вскоре адаптировать свои АТУ в соответствие с новыми реалиями. Мировые войны и революции кардинальным отразились на всём порядке мироустройства, а также породили новые волны внутренних реформ. В социалистическом лагере они были строго подчинены субъективным факторам, хотя немаловажную роль в принятии решений играл научный подход. В капиталистических странах реформирования АТУ, также обусловленные значительными социально-экономическими изменениями, в значительной мере учитывали мнения территориальных коллективов, так как

местное самоуправление считалось одним из оплотов демократического общества. Следовательно, АД Западной Европы характеризовались повышенной инертностью. Наконец колоссальные перемены начала 90-х позволили выделить последний — седьмой этап, основной особенностью которого, как ожидается, станет стремление к балансу между объективными и субъективными факторами, а значит и поиск неких «оптимальных» АТУ.

Особый интерес представляет опыт стран, шедших по пути строительства коммунизма. Регулирование АТУ в них приобрело впечатляющие масштабы, осуществлялось на научной основе: «в самом начале переходного периода от капитализма к социализму в каждой из стран обычно дело ограничивалось спешным приспособлением доставшегося по наследству... АД к новым условиям. В дальнейшем во весь рост вставала проблема нового территориального устройства на базе научного, глубоко обоснованного социалистического экономического районирования. В каждой из социалистических стран были произведены коренные изменения в АД, иногда это производилось даже не один раз ввиду бурного роста народного хозяйства и крупных изменений в экономической структуре... АД в странах социализма строится на экономической основе» [Алампов, 1963. — С. 109, 122]. Как неоднократно повторялось, характер АД определяется не только социально-экономическими условиями, но и политическим режимом государства: социалистическое АД «исходит из принципиально новых, по сравнению с капиталистическим строем, общественных отношений и создаётся с учётом социалистического районирования, национального состава, исторических и бытовых особенностей населения, его размещения и тяготения к определённым центрам» [ЭСГТ, 1968]. Реформирование АТУ проводилось в соответствии с этим тезисом и с учётом особенностей государств. АТУ в СССР «строится с учётом естественно-исторических и экономических условий (природные ресурсы, характер и уровень развития хозяйства, направление и развитие путей сообщения, количество и плотность населения и т. д.), национальных моментов (национальный состав населения, бытовые особенности), необходимости максимального приближения государственного аппарата к населению в целях предоставления трудящимся возможностей для участия в осуществлении государственной власти». АТУ других социалистических стран строится с учётом своих конкретных особенностей, регулируется конституциями, законами и указами по вопросам АТУ, законами о местных органах государственной власти [БСЭ, 1970]. Командная система позволяла периодически и беспрепятственно внедрять изменения в жизнь на основе выбранных принципов, практичес-

ки сводя на нет инертность АД, в первую очередь, потому что её источники были либо слишком слабы, либо отсутствовали вовсе. Тем не менее, в целом АТУ социалистических стран долгое время сохраняла унифицированный вид, потому как реформы строго придерживались единых принципов. «На поворотных пунктах развития хозяйства страны часто производятся коренные изменения в системе АД и экономического районирования нередко в связи с изменениями в самой структуре и функциях территориальных звеньев государственного аппарата... Примером такого периода коренных изменений в системе АТУ страны являются 1957–1963 гг., когда возникла необходимость перестройки управления промышленностью, строительством, сельским хозяйством, когда потребовались существенные изменения структуры партийных и советских органов на местах. Изменения коснулись всех ступеней АД и экономического районирования страны» [Алампов, 1963. — С. 130].

В современной России АТУ «регулируется законами субъектов Федерации и... основывается на принципах соответствия исторически сложившейся системе расселения в субъекте РФ и устойчивым тенденциям ее развития; создания экономических, финансовых и организационных условий для формирования и деятельности местных органов государственной власти и самоуправления; демократических решения вопросов территориального устройства; обеспечения местного населения здоровой и безопасной среды обитания; учета природно-географических условий; содействия рациональному использованию природных ресурсов и всего экономического потенциала территории, развитию ее социальной инфраструктуры, системы коммуникаций; развития национальных культур, культурно-бытовых традиций и исконных видов хозяйственной деятельности населения, проживающего на данной территории» [БРЭ, 2005].

Воздействие разного рода факторов влечёт изменения АТЕ и, следовательно, АД. Их определение и тщательный анализ имеет первостепенное значение для классификации АТЕ, которую следует по таким существенным признакам, как значение, форма, размеры, положение, возраст и другим. Сгруппировать данные признаки можно в пять основных *классификационных принципов* (см. табл. 1): генетический, морфологический, позиционный, иерархический и функциональный.

Одним из важнейших признаков сложных и разнообразных АД является *значение АТЕ*. Оно определяется сочетанием *степени самостоятельности* отдельного политического региона и его *роли в ТОГ* (см. табл. 2). Именно в соответствии с ним выстраивается вся иерархия системы АТУ государства.

Таблица 1. Классификация политических регионов

Классификационный принцип	Критерий классификации	Основные характеристики классов
Генетический	ведущий фактор формирования АТЕ	- возникшие в результате естественно-исторического пути - возникшие в результате регулирования - обусловленные природным фактором - обусловленные социальным фактором
	возраст АТЕ	- устойчивые - новые
Морфологический	форма АТЕ	- компактные - вытянутые - разорванные
	размеры АТЕ	- крупнейшие - большие - средние - малые
Позиционный	географическое положение (ГП) АТЕ	- с центральным ГП - с ГП, приближенным к столице - с ГП, удалённым от столицы - с внутренним ГП (в т.ч. анклавным) - с эксклавным ГП - с полупериферийным ГП - с периферийным ГП (в т.ч. приморским и/или приграничным)
	географическое положение центра АТЕ	- с центральным ГП - с полупериферийным ГП - с периферийным ГП (в т.ч. приморским и/или приграничным)
Иерархический	значение политического региона	- высшего порядка (союзы стран) - основные (государства) - АТЕ 1-го порядка (автономии) - АТЕ 2-го порядка - АТЕ 3-го порядка
Функциональный	функции политического региона	- многофункциональные - узкофункциональные

Всю совокупность политических регионов Земли можно без остатка разделить на пять групп (представлены в первой колонке табл. 2). Политические карты мира изображают современные независимые государства. Административные карты стран раскрывают их АТД на АТЕ 1-го, 2-го и 3-го порядков. Всё чаще географами создаются и применяются геополитические картографические произведения, основным содержанием которых становятся различные объединения государств. С точки зрения политической регионалистики первостепенное значение в этом отношении имеют пограничные союзы, особые образования — конфедерации.

Таблица 2. Классификация политических регионов по значению

Политический регион	Обладание властью	Политико-административная роль	Примеры
Конфедерация	законодательная, исполнительная	субъект международного права	Советский Союз, Европейский Союз, Союз Швейцарии и Лихтенштейна, Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина, Сенегамбия
Государство	законодательная, исполнительная	субъект международного права	Россия, Молдавия, Германия, Австрия, Сербия, Черногория, Федерация Боснии и Герцеговины, Республика Сербская
АТЕ 1-го порядка	законодательная, исполнительная	автономный субъект государства	Гагаузия, Приднестровье, Татария, Московская область, Бавария, Каринтия, Страна Басков, Северная Ирландия, Афон (Айон-Орос), Воеводина, Косово
АТЕ 2-го порядка	исполнительная	основная единица деления	Шатурский, Каушанский районы, район Кузьминки, город Дзержинский, периферия Пелопонес, ном Лакония
АТЕ 3-го порядка	исполнительная	наименьшая единица деления	Будештская коммуна, Васильевский сельсовет, дим Спарта

Такая классификация политических регионов основана на строгих критериях, определяющих их значение. Как полноправный субъект международного права государство обладает полнотой законодательной, исполнительной, а также судебной власти. Автономные образования внутри независимых государств также могут получить

высокую степень властных полномочий всех ветвей, однако распространение их строго ограничено территорией автономии, над которой установлен суверенитет государства, и самое главное — АТЕ 1-го порядка не являются полноценными субъектами международного права.

Некоторые государства не имеют автономных образований, а их основные АТЕ являются равноправными и наделены исполнительными полномочиями. Третье звено АТД представлено наименьшими неделимыми единицами — «политическими атомами». В принципе они представляют собой элементарные городские и сельские общины. В случае, когда в АТУ страны выявляются дополнительные звенья, не являющиеся ни наименьшими АТЕ, ни автономными регионами, их следует рассматривать как подклассы АТЕ 2-го порядка.

Наконец, высшим классом политических регионов могут считаться конфедерации, которым государства делегируют специальные полномочия, создавая надгосударственные управленческие структуры и ограничивая тем самым собственный суверенитет. Такие образования также выступают субъектами международного права, однако наделены властью приоритетной перед государственной.

Таким образом, важнейшим для политической регионалистики синтетическим выводом из данного способа классификации предстаёт универсальное трёхуровневое деление АТЕ.

Определяющую роль в разграничении функций АТЕ, как единиц ТОГ играет их значение. Вероятно, правильным будет утверждать, что функции АТД порождаются соотношением прав и обязанностей, слагающих его политических регионов.

Местное самоуправление является неотъемлемым правом территориального коллектива и одновременно непреложной обязанностью избираемого им руководящего органа (например, совета), что отражено в основных законах (конституциях) государств. Важнейшей функцией любого политического региона, таким образом, становится *организация и реализация местного самоуправления*. В то же время АТЕ, являясь неотъемлемой частью государства, имеет право на представительство в центральных органах власти — будь-то в столице всей страны, или же в региональном центре. Так достигаются две важнейшие государственно-правовые цели: консолидация общих интересов при возможности защиты региональных (местных). В результате второй функцией АТЕ является *организация выборного процесса*, как механизма реализации демократических принципов управления. В России, странах СНГ и других государствах избира-

тельные округа формируются на основе АТД. Помимо сугубо политических функций АТЕ выделяются и общественные.

Научные принципы положены в основу международных (*ISO 3166-2, UN/LOCODE, NUTS*) и национальных (*OKATO, OKTMO, FIPS PUB 10*) классификаций АТЕ.

Научная классификация АТЕ позволяет систематизировать знания о политических регионах в принципе — выявить их специфические черты и найти аналогичные с другими подобными образованиями. Совокупности АТЕ в рамках конкретного государства приобретают общие особенности, в соответствии с которыми осуществляется *типология АТУ*. В науке сложились разнообразные подходы к рассмотрению этого вопроса. В исследованиях специалисты преимущественно делают акценты на те или иные важные аспекты данного явления, которые, тем не менее, не противоречат, а наоборот дополняют друг друга и гармонично выстраиваются в комплексный типологический приём.

Наиболее часто выделяемыми типами АТД государств являются **унитарный** и **федеративный**. Определяющим критерием этих типов служат особенности иерархии системы АТУ: подразделение всей территории на АТЕ 2-го и, естественно, 3-го порядков подразумевает унитарный тип; деление на АТЕ 1-го порядка делает такое государство федеративным. Зачастую встречается *смешанный тип АТД*, когда в рамках одного государства существуют две иерархические системы: чаще всего в таких случаях в состав большей частью унитарного государства входит одна или несколько автономий. Наиболее сложная иерархическая система характеризует *конфедеративный тип АТД*, при котором управление некоторыми (многими) процессами осуществляется на надгосударственном уровне, создаются специальные наднациональные органы с высокими полномочиями, в определённой степени ограничивается суверенитет составных частей этого особого политического региона. Важнейшей стороной общей типологии АТУ является **типология местного самоуправления**. Правоведы, основываясь на типах АТД, выделяют **формы государственного устройства** [Головистикова, Дмитриев, 2005. — С. 233.]. Двумя основными признаются **унитарная** и **федеративная**. В зависимости от вида контроля над АТЕ различают **централизованные** (Норвегия, Румыния, Швеция, Дания) и **децентрализованные** (Великобритания, Франция, Испания) унитарные государства. В первом случае за органами самоуправления регионов осуществляется прямой контроль назначенным из центра чиновником, во втором — косвенный, тем самым с учётом национальных особенностей региона допускается определённая **автономия**. Под ней понимается «право какой-либо части госу-

дарства самостоятельно решать свои внутренние вопросы». Унитарные государства без автономных образований называются **простыми** (Болгария, Польша), а с автономией (одной или несколькими) — **сложными**.

Принципиальным отличием федеративных государств служит путь передачи полномочий — не сверху вниз, а снизу вверх — от равноправных субъектов — федерации. Выделяются **административные** (США, Германия, Мексика, Бразилия), **национальные** (СССР, Чехословакия), а также **смешанные (административно-национальные)** федерации, например, Российская Федерация. Кроме того существуют и другие типы федераций: **централизованные** и **нецентрализованные**, различия между которыми определяются принципами распределения объёма прав по вертикали — централизации и субсидиарности, соответственно. Исходя из критерия разделения и реализации государственной власти, юристы отличают **дуалистический** и **кооперационный федерализм**. В первом случае источник суверенитета федерации двойной, разделён федеральными и местными властями. Во втором — конституционно определяются предметы совместного ведения федерации и её субъектов, либо совместная компетенция их органов государственной власти. Профессор В.Е. Чиркин рассматривает деление федераций на **симметричные, асимметричные**, а также особо выделяемую **скрытую асимметрию** [Чиркин, 1997]. Первая призвана максимально обеспечить соблюдение принципа равенства субъектов в рамках одного государства. Вторая имеет три разновидности: федерация, в состав которой наряду с субъектами входят не субъекты с усечёнными правами (федеральные территории, округа, владения или «ассоциированные государства»); федерация с неодинаковыми субъектами; федерация с одинаковыми субъектами, которые в каких-то отношениях не во всём равны — модель скрытой асимметрии. В зависимости от компетенции центральных и региональных органов власти по отношению к основному закону рассматривают **договорные, конституционные** и **конституционно-договорные** федеративные государства.

Внешне похожим на федерацию, но принципиально отличным считается третья форма государственного устройства — **конфедерация**. Юристы полагают, что такие политические регионы характеризуются следующими чертами: отсутствием общих законодательных, исполнительных и судебных органов, единых армии, системы налогов и государственного бюджета, сохранением гражданств государств, временно находящихся в союзе, возможностью установления единых денежной системы, таможенных правил, межгосударствен-

ной кредитной политики. Принципиально отмечаются главные цели создания конфедераций — экономическое или оборонное сотрудничество, а также их недолговечность [Головистикова, Дмитриев, 2005. — С. 238–239.]. Исходя из этих параметров, вероятно предположить, что одновременно под них не будет подходить ни одно межгосударственное образование. Поэтому главными критериями конфедерации следует считать *юридическое основание, географическую общность и государственный суверенитет её членов*, а остальные — важными, но частными признаками.

Особыми формами государственного устройства признаются **империя, содружество и сообщество государств** [Головистикова, Дмитриев, 2005. — С. 240–242.]. Первая характерна для прошлых эпох, главной целью её создания определяется захват и насильственное удержание в своём составе суверенных соседних государств мощным деспотическим государством (Римская империя, Российская империя, ЮАР). Вторая — весьма редкое (СНГ, Британское содружество наций), ещё более аморфное, чем конфедерация, организационное объединение государств. Выделяется по общим признакам и целям: экономическим, правовым, этнокультурным и другим; носит переходный характер. Третья форма возникает, как правило, на основе межгосударственного договора; также является переходной — начальным этапом на пути к содружеству и конфедерации. Примеры: Союз России и Белоруссии, Европейские сообщества.

Независимой от прочих считается такая форма государственной организации общества, как **международная организация**. Она не является формой государственного устройства, но может представлять её, не ставя тем не менее перед собой подобные задачи. Главными целями международных организаций выдвигаются политическое, военное, экономическое, экологическое, научное, культурное сотрудничество или их комплексы. Особое значение имеют общегеографические интересы, порождающие различные региональные организации.

Анализируя сложившиеся представления о формах государственного устройства, отметим, что содружества и сообщества государств следует считать не самостоятельными, а разновидностями или переходными формами между конфедерациями и международными организациями.

Методика географических исследований административно-территориального деления

Несмотря на то, что политическая география уже перешла через столетний рубеж своего существования, она продолжает формироваться как один из четырёх главных разделов общественной географии (наряду с экономической, социальной и культурной отраслями). В особенности это касается её составных частей. Если военно-географическими вопросами учёные и правители занимались «испокон веку», так как были жизненно заинтересованы в подобных знаниях, то юридическая и электоральная география и сейчас воспринимаются новыми направлениями в науке. Наши дни можно охарактеризовать и как период становления политической регионалистики. Во многом это связано с неразвитостью самой регионалистики как отдельной географической подсистемы. Поэтому исследователям геополитических регионов, стран с их АТД и составляющими их АТЕ приходится затрагивать теоретические проблемы регионалистики и по возможности их решать.

Базис политической регионалистики заложен ещё классиками политической географии: И.М. Маергойз видел в последней особую географическую науку, изучающую «территориальную расстановку (размещение, сочетание, соотношение) политических сил, главным образом, классовых» [Маергойз, 1971], а Р. Хартшорн считал её задачами «изучение политических единиц (районов), задаваемых государственными или политико-административными границами, а также пространственных сходств и различий между такими единицами» [Хартшорн, 1957]. Выделение новой отрасли вовсе не означает своего рода «открытия Америки» в науке. Географы «естественным образом» воспринимали политическую регионалистику в составе политической географии, не выделяя специально одну от другой. Однако развитие науки и общества в целом позволяет более строго подойти к данному вопросу, разделить предметы изучения отраслей, определить их собственные объекты исследования, особые подходы и методы, дать чёткие дефиниции специальным терминам, тем самым, предоставив право на существование и некоторую степень самостоятельности.

Колоссальный научный труд Р.Ф. Туровского, вышедший в 2006 г. в Москве, так и называется: «Политическая регионалика». Наряду с огромным опытом конкретных (в первую очередь региональных) исследований здесь детально представлены её теоретические и методологические основы. Тем не менее, однозначно согласиться с дефинициями объекта и предмета политической регио-

налистики, определяемыми автором соответственно как «объект политологии, т.е. политические институты, явления и процессы» [Туровский, 2006. — С. 19] и «пространственное измерение политических явлений» [Туровский, 2006. — С. 21], трудно. Такой подход отражает представление о политической регионалистике как о «политологической дисциплине», «политической науке», «часть сравнительной политологии» [Туровский, 2006. — С. 13, 14, 25], в то время как всякая регионалика — наука в первую очередь географическая, а к изучению политических систем и их дифференциации в пространстве ближе региональная политология.

В современной системе географических наук [Исаченко, 2004. — С. 42–54; Алаев, 1983. — С. 16–24.] политическая география приобретает следующий вид: см. табл. 3. Так, на стыке с теоретической регионалистикой формируется общая *политическая регионалика*, предметом изучения которой являются *политические регионы*, а объектом — вся *политическая сфера Земли*.

В то же время практико-региональными дисциплинами, дополняющими общую политическую регионалистику становятся части **географии управления** — *география АТД, география государства и региональная геополитика*. У каждой из них свои объекты и предметы исследования: соответственно, для географии АТД объектом является совокупность *АТУ стран мира*, а предметом — собственно *АТД и АТЕ*; для географии государства — совокупность самих *стран мира* и *государственные образования* по отдельности; для региональной геополитики предмет — *геополитические регионы*, образующие *планетарную геополитическую систему*, или *геополитическую сферу Земли* (объект науки).

Структура политической географии развивается по аналогии со структурой **экономической географии**, в рамках которой общей её части соответствует практико-региональная **география хозяйства** со своими подразделениями (географией промышленности, сферы обслуживания, потребления и др.). Конкретно-теоретические блоки — военная, электоральная, юридическая отрасли — также находят свои аналогии: утвердились такие науки, как рекреационная, коммерческая география. Логическим соответствием политической регионалистики выступает собственно экономическая регионалика, тесно связанная с региональной экономикой. Рис. 1 позволяет понять место политической регионалистики и географии АТД, как неотъемлемых частей политической географии в системе наук.

Как каждая самостоятельная наука, политическая регионалика разрабатывает свои собственные подходы и методы исследова-

Таблица 3. Структура политической географии

Смежные дисциплины	Конкретно-теоретические дисциплины	Предмет / объект науки	Практикорегionalные дисциплины	Предмет / объект науки
Геополитика, политология	Политическая география	Политические геосистемы / политическая сфера Земли	География управления	Конкретные политические геосистемы / политическая сфера Земли
Региональная политология, географическое государственное устройство	Политическая регионалистика	Политические регионы / политическая сфера Земли	Региональная геополитика География государства География АТД	Геополитические регионы / геополитическая сфера Земли Государства / страны мира АТД и АТЕ / АТУ стран мира
Социология, конфликтология	Военная география	Военные геосистемы / политическая сфера Земли	Военное страноведение	Конкретные военные геосистемы / политическая сфера Земли
Юриспруденция, гражданское право	Электoralная география	Электoralные геосистемы / политическая сфера Земли	География выборов	Конкретные электoralные геосистемы / политическая сфера Земли
Юриспруденция, сравнительное право	Юридическая география	Юридические геосистемы / политическая сфера Земли	География права	Конкретные юридические геосистемы / политическая сфера Земли

ний. Первоочередным моментом для начала географических исследований АТД является **анализ юридической базы** — законодательства и других правовых документов, определяющих АТУ государства. Политические регионы не существуют вне юридического поля внутреннего и международного. Наоборот, они решительным образом зависят от аспектов данного поля и определяются в первую очередь юридически. Так география АТД и политическая регионалистика в целом обнаруживают тесную связь с новой, интенсивно набирающей силы последнее время, юридической географией. И хотя её основным предметом исследования выдвигаются правовые геосистемы, различные в разных государствах, а иногда и внутри одного государства, эта наука в перспективе, очевидно, сможет предоставить серьёзный материал и новые направления для географии АТД, политической регионалистики, всей политической географии и других разделов географической науки.

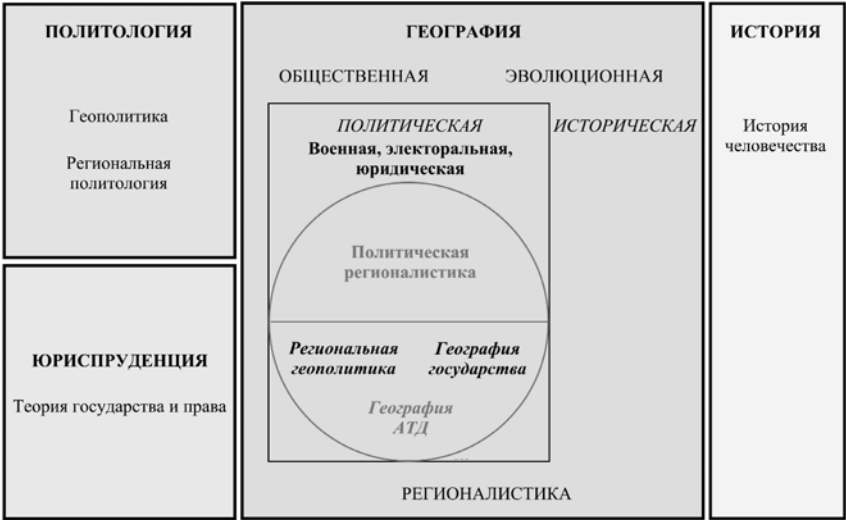

Рис. 1.

Анализ юридической базы АТУ имеет значение как для современного положения, так и для **пространственно-временного под-хода** в том случае, если есть возможность восстановить правовые условия прошлых эпох, в которых возникли и развивались политические регионы. Так, вторым важнейшим аспектом изучения АТЕ и их сово-

купностей в рамках географических изысканий, безусловно, является происхождение политических регионов. Только создание возможно подлинной эволюционной картины с помощью реконструкции всего механизма политического регионообразования, включающего естественно-историческую часть с объективными (внешними) факторами и этап регулирования, определяемый субъективными (внутренними) причинами, даст основу действительно научного анализа, полезного для применения в последующих разработках и справедливом прогнозировании. Имеет непреходящее значение и выявление ведущих факторов формирования АТЕ, а также степень инертности всего АТД.

Определённые закономерности могут открыться с помощью метода наложения сетки АТД на общегеографическую (топографическую) карту и сопоставление с ландшафтным районированием. Совпадение/несовпадение административных границ с природными покажет степень их зависимости, а также поможет выявить ведущие факторы политического регионообразования.

Генетический принцип признаётся основополагающим в методологии всех научных дисциплин, в том числе географических. Однако возраст и связываемые с ним устойчивость/новообразованность АТЕ как «историческая компонента» слабо подвергаются математическому анализу. Историзм в вопросах АТД должен обрести более строгую методику оценивания.

Вероятно, одним из наиболее эффективных для решения данной задачи и в географических исследованиях АТД в целом может стать *метод лимнологического районирования*. Механически он заключается в наложении сеток деления различных периодов. Важнейшим условием его применения является соответствие принципу единообразности: правильнее сопоставлять сетки политических регионов одного уровня — второго или первого. В результате выявляются *устойчивые области* («острова») и *подвижные пояса* («проливы»). «Острова» являются наиболее стабильными в политическом отношении частями государства, чаще соседних территорий исполняют управленческие функции, выступают в роли центров притяжения окрестностей, фокусов комплексного развития складывавшихся вокруг них АТЕ. Нестабильные «проливы» чаще всего выступают в качестве периферии центральных мест; им более характерна пограничная роль. Представляется логичным предположить, что выявленные географические объекты являются наиболее эффективными в своём качестве, а совершенствование сетки АТД следует проводить с учётом их истории и результатов данного метода. Использование метода лимнологического районирования может оказаться полезным и для геополитиче-

ских исследований на уровне государств для определения наиболее стабильных и нестабильных в политическом плане регионов мира.

Статистический подход подразумевает анализ совокупности АТЕ по ряду существенных признаков: **площади, числу и плотности жителей, количеству соседей, составных частей** и другим. Классификация геосистем по позиционному и морфологическому принципам (см. § 1.3) является для географии традиционной. Видимо, определение некоторых характеристик при дальнейших теоретических и практических исследованиях потребует более абсолютных числовых критериев, — какие политические регионы являются средними по своим размерам, а какие — крупнейшими; с какого момента считать территорию вытянутой, нежели компактной и т.п. Тем не менее, уже сейчас можно констатировать значимость **сравнительного метода**. Решение данных проблем лежит в ведении теоретической регионалистики, в фундаментальных изысканиях которой давно нуждается вся система географических наук. Однако и сама политическая регионалистика может выдвинуть ряд приёмов, активно используя статистический подход. Особое место при этом занимают характеристики, отражающие качество жизни населения, что является наглядным индикатором эффективности управления и, соответственно, самих политических регионов. **Валовой региональный продукт, обеспеченность бюджетов, продолжительность жизни населения, уровень образования и здравоохранения** возможно интегрально, но и по-отдельности представляют собой важнейшие показатели социально-экономического развития АТЕ.

Ещё одним интересным научным приёмом, одновременно статистическим и историческим выступает **центрографический метод**. Картирование таким способом может наглядно показать, особенно для стран с развитыми системами АТУ, уровень удалённости АТЕ от государственных границ в определённый период, а сопоставление разновременных карт укажет регионы с *перманентно внутренним, перманентно пограничным и изменчивым географическим положением*.

Реконструируя эволюцию АТД и анализируя его характеристики, географ должен руководствоваться *парадигмой «рост — развитие»*. Описывая АТЕ, как и любой политический регион, и выделяя исторические этапы, через которые она прошла, исследователь должен различать *периоды роста* (положительного, либо отрицательного), характеризующегося изменением количественных показателей, и *развития*, отличительной чертой которого является приобретение качественно новых свойств. Увеличение площади и численности населения, изменение границ вширь или утрату части территории следует

относить к признакам роста. В то время как приобретение новой политико-административной роли и обладание более высоким/низким уровнем власти, влекущее за собой повышение/понижение порядка в АТУ, а также улучшение/ухудшение в исполнении основных функций, что отражается в социально-экономических показателях АТЕ, следует считать главными признаками развития политического региона.

Большое значение для определения качественных характеристик политических регионов имеет **функциональный подход**. Зачастую, в особенности политологами изучается *соотношение доходов и расходов органов местного самоуправления*, что служит неплохим индикатором для определения фактического положения АТЕ. Как показали В.А. Колосов и Н.С. Мироненко, «расходы органов местного самоуправления, естественно, зависят от их компетенций», и выделили три вида **компетенций**: добровольные, **обязательные** и **порученные** [Колосов, Мироненко, 2002. — С. 426.]. Компетенции местного самоуправления в идеале соответствуют функциям АТЕ (табл. 3), но в реальности определяются в результате взаимодействия с центральной и/или вышестоящей властью. Часть полномочий делегирована специальным службам с их региональными подразделениями, не подчинёнными местному самоуправлению. «Компетенции в какой-либо сфере редко разделяются полностью. Обычно используется ступенчатая шкала» [Колосов, Мироненко, 2002. — С. 426.]. Главную роль в этом противостоянии играет борьба центра и периферии за налоговую базу и в конечном итоге возможности АТЕ исполнять свои функции, т.е. фактические компетенции. Как известно, источники доходов местного самоуправления складываются из налоговых поступлений, а также дотаций государства и кредитов. При этом бюджеты разных АТЕ сильно разнятся вследствие географического разделения труда и специализации регионов. Это порождает ряд географических, в т.ч. социально-экономических и политических проблем, зачастую приобретающих довольно острый характер.

Поэтому АТД представляет собой важнейшее и интереснейшее географическое явление, изучение которого имеет огромное **значение** для географов, политологов, историков, а также других специалистов, которые сталкиваются с ним в своей работе. Понимание этого явления важно и для широкого круга лиц, так или иначе связанных с вопросами АТУ государства, а также для всех граждан, потому что к этим вопросам то или иное отношение имеют многочисленные аспекты повседневной жизни. Явление, возникшее одновременно с зарождением такого института, как государство, в свою очередь обнаруживает «обратную связь» с этим процессом: «...признавая первостепенное значение производственного процесса, а также имущест-

венной и социальной, в том числе классовой, дифференциации как причины преобразования первобытнообщинного строя в цивилизованные общества и родоплеменной власти в государство, современная наука не может считать, что этими факторами исчерпываются условия и причины возникновения государства. К числу последних следует отнести преобразование родовой общины в отдельные семьи и сельские общины, переход к территориальной организации населения, а также усиление войн и военной организации племен, влияния религии на объединение племен в единый народ и на укрепление верховной царской государственной власти» [Головистикова, Дмитриев, 2005. — С. 66.]. Таким образом можно говорить о неразрывной взаимосвязанности процессов государствообразования и политического регионообразования, что ещё лучшим образом отражает значимость последнего.

Самостоятельное научное направление призвано решать ряд задач, число которых с течением времени растёт, а сами задачи только усложняются. **Функции политической регионалистики** можно объединить в 7 больших групп: **гносеологическая** (объяснение явлений и процессов, связанных с развитием политических регионов), **онтологическая** (поиск материала о политических регионах, его изучение, систематизация и анализ), **эвристическая** (открытие новых закономерностей), **методологическая** (построение планомерного пути научного познания и установления истины), **организаторская** (осуществление на практике теоретических моделей), **прогностическая** (моделирование ожидаемых изменений с политическими регионами и их воздействия на другие явления), **идеологическая** (определение роли политических регионов в других сферах).

Одной из важнейших научных задач политической регионалистики является вопрос соотношения **АТД и экономического районирования**. Основательным образом в середине XX в. его исследовал П.М. Алампиев. Как и большинство советских учёных, он придерживался мнения о безусловной взаимозависимости АТД и экономического районирования в рамках социалистического государства и обратном положении при капитализме. Одним из главных положений методологии социалистического экономического районирования, утверждал профессор, является **принцип единства экономического районирования и АТД**, выдвинутый уже в первые годы советской власти. Фундаментом данного принципа было представление о хозяйственно-организаторской деятельности государства: государственное управление в республиках, краях и областях строится на принципе единства политического и хозяйственного руководства. Это требует экономической обоснованности АТД. Территориальные

органы социалистического государства должны быть построены не в отрыве от территориальной экономической структуры, а в возможно более полном соответствии с ней [Алампиев, 1963. — С. 106–107]. В основе такого представления лежат ленинские тезисы о том, что после социалистической революции, с переходом в руки трудящихся не только политической власти, но и власти экономической, «касающейся самых глубоких основ повседневной человеческой жизни», перед государством во весь рост встаёт задача управления народным хозяйством. Одной из важнейших функций государства становится руководство хозяйством. Более того: «...чем прочнее будут закладываться основы завоеваний социалистической революции, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место... аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться, крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества» [Ленин; Алампиев, 1963. — С. 104–105]. Отмечалось, что первоначально функции административно-хозяйственных районов несли старые административные единицы — губернии, уезды, волости, при советской власти переставшие быть чисто административными единицами; но для новых функций они были мало приспособлены, несмотря на внесённые изменения в административную карту страны. Принцип единства экономического районирования и АТД неуклонно проводился в дальнейшем в работах Госплана и Комиссии ВЦИК по районированию и при осуществлении на практике нового советского экономического районирования, которое при социализме поднялось на уровень крупной общегосударственной задачи. В докладе Госплана III сессии ВЦИК прямо указывалось, что в стране, где руководство народным хозяйством принадлежит государству, АТД неизбежно должно совпадать с экономическим районированием [Экономическое районирование России, 1922; Алампиев, 1963. — С. 112]. Опровергая «утверждения некоторых теоретиков районирования о том, что единственным фактором формирования экономического района является экономика», а «при создании административного района экономика отнюдь не является важнейшей основой» П.М. Алампиев доказывает, что только те единицы АТД оказались стойкими и жизнеспособными, которые были созданы на прочной экономической основе [Алампиев, 1963. — С. 115]. Признавая, что «на практике бывают случаи, когда АТД несовершенно и в какой-то мере противоречит экономическому районированию», автор отрицает возможность вывода

«о принципиальном противоречии между тем и другим». Таким образом, АТД и национально-политическое устройство вместе с экономическим районированием выступают частью **административно-хозяйственного районирования**, объединявшим **крупные экономические, экономические административные и низовые административно-хозяйственные районы** в единую систему.

Однозначно согласиться с данным суждением вряд ли возможно. Тем более в наше время. Проанализировав основы советского подхода к АТУ, исследователь не может не задаться рядом вопросов. Каково взаимоотношение между АТД и экономическим районированием в изменившихся условиях нового — переходного периода? Разрушается ли единство АТД и экономического районирования с переходом от плановой экономики к рыночной? Тем очевиднее новые проблемы географической науки, чем яснее абсолютизация производственной обусловленности во всех социальных процессах, роли политических и административных границ при экономическом районировании; незыблемость национального фактора, в угоду снижения остроты которого советские власти порой жертвовали не только материальными ресурсами, но и научными принципами. Их реализация на практике в некоторых случаях просто декларировалась, а несостоятельность экономической модели в конечном итоге была доказана значительным отставанием в развитии по сравнению со странами Запада по многим направлениям, в особенности в благосостоянии населения.

В первую очередь, надо полагать, соотношение АТД и экономического районирования зависит от задач и детальности самого экономического районирования, понимаемого как научный метод. Осознавая ошибки, но перенимая весь опыт предыдущих исследователей, современные учёные должны поставить на вооружение власти правильные методы управления государством с точки зрения географии, под руководством принципов устойчивого развития. Возможно, эффективным окажется реабилитация ряда идей критиков принципа неперемещения единства этих явлений, таких как польский учёный К. Дзевоньский, аргументировавший объективность существования экономических районов, являющихся «выражением исторического общественно-экономического развития определённой человеческой общности», или болгарский экономист-географ Х. Маринов, отмечавший, что «формирование производственно-территориально-комплекса, а в результате этого — и экономического района представляет собой продолжительный процесс планового освоения природных богатств той или иной территории и организации общественного разделения труда, а не простой акт управления, коим является

АТД» [Проблемы экономического района, 1961; Маринов, 1956; Алампиев, 1963. — С.116].

Если АТД и является районированием, то районированием политическим, а экономическое, социальное и этно-конфессиональное — такими же базовыми методами самостоятельных отраслей общественной географии. Ни одно из них нельзя признать интегральным. Экономический компонент может выступать только как главный, но ни в коем случае не единственный. Естественно, при проведении всякого общественно-географического районирования, в том числе экономического, придётся опираться на сеть ячеек, обнаруживающих тесную связь с политическими регионами, потому что на их основе функционируют среди прочих органы статистического учёта, дающие необходимый и незаменимый материал при социально-экономических изысканиях. При проведении наиболее детального экономического районирования государства или его части исходной сетью ячеек станет совокупность АТЕ 3-го порядка — наименьших единиц деления — «политических атомов», так как варианты, не привязанные к низовым политическим регионам, будут страдать недопустимым волюнтаризмом исследователя, трудностью практического применения и, скорее всего, не будут сопоставимы с аналогами ни в пространственном, ни во временном плане. При мелкомасштабном районировании следует руководствоваться достаточно низким уровнем политического районирования — звеньям АТЕ 2-го порядка (младшим) для государств, старшим или АТЕ 1-го порядка для конфедераций и некоторых регионов мира, разумеется, с учётом их собственной специфики. В XXI веке постиндустриального информационного общества нельзя более лишать объективности существование межграницных экономических районов только из-за наличия государственного рубежа, тем более в эпоху усиленной интеграции в некоторых регионах, особенно в Западной Европе. Безусловно, границы продолжают выполнять свою барьерную функцию, однако она может быть ослаблена или даже нивелирована в пользу фильтрующей и контактной. Оценивать обратное влияние политических границ, как административных, так и государственных, на экономические районы необходимо именно исходя из этой пропорции.

Особое значение в географических исследованиях АТД занимает соответствующий организаторской научной функции **практический аспект**. Он предусматривает выявление географических проблем АТУ, нахождение путей их решения, во многом определяет прогноз развития регионов. Опираясь на фундаментальные теоретические заключения, исследователь-практик решает конкретные вопросы, имеющие значение в данный момент и в данном месте.

Противоречия, возникающие между АТД и развитием общества отмечены географами уже давно. П.М. Алампиев видел их решение в перманентном **совершенствовании сети АТЕ на основе экономических районов**. Как говорилось выше, у данной проблемы есть объективные причины — движущие силы процесса регулирования АТУ (см. § 1.2). В.А. Колосов и Н.С. Мироненко [Колосов, Мироненко, 2002. — С. 426–427.] ссылаются также на увеличение числа функций, выполняемых местными властями, обуславливающее **оптимизацию АТУ**. Поиск решений «прикладных географических задач, связанных с местным самоуправлением» видится авторам отчасти определением «технических критериев эффективности», что, правда, вызывает ряд трудностей. Выдающийся шведский географ Т. Хагерstrand предложил приблизить административные границы к рубежам **пространственно-временных циклов людей**. На этих идеях основана американская концепция **стандартного метрополитенского статистического ареала**, в рамках которого не менее 15% самостоятельного населения работает в центральном городе. По словам В.А. Колосова и Н.С. Мироненко, на них ориентировалась и реформа АТД 1974 года в Великобритании и теория административного районирования в СССР и многих других бывших социалистических странах. Однако, как оказалось, жизненное пространство большинства населения агломерации много уже границ стандартного метрополитенского статистического ареала. Другим способом оптимизации АТУ выступает **выделение одинаковых по численности населения территориальных ячеек**, применение которого наталкивается на ту же проблему поиска критериев [Колосов, Мироненко, 2002. — с. 441–442].

Вряд ли оптимальное АТУ в принципе возможно. Всегда найдутся несовпадения в научных подходах к моделям регулирования. Сама главная движущая сила регулирования АТУ — прогресс общества — процесс неумолимый, а, следовательно, имеется повод для новых реформ. Методологически более верным и практически значимым является поиск географических проблем, «слабых мест» в существующих системах, отсталых регионов и предложений по их совершенствованию — незначительных, либо существенных. Не исключается в определённых случаях и необходимость радикальных реформ, для которых должны сложиться особые предпосылки. Их выяснению и должны быть посвящены в итоге прикладные исследования по политической регионалистике.

Литература

1. **Алаев, 1983:** *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. — М.: Мысль, 1983.
2. **Алампиев, 1963:** *Алампиев П.М.* Экономическое районирование СССР. Книга 2-я / П.М. Алампиев. — М.: Издательство экономической литературы, 1963.
3. **БРЭ, 2005:** Административно-территориальное деление // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 1. А — Анкетирование. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. — С. 236.
4. **БСЭ, 1970:** Административно-территориальное устройство // Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред.: А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 1. А—Ангоб. — М.: Советская Энциклопедия, 1970. — С. 232.
5. **БЭС, 1991:** Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. — Сов. энциклопедия, 1991.
6. **Герцен, 2006:** *Герцен А.А.* Кластеры в политической регионалистике // Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? / Под редакцией д.г.н. Ю.Г. Липеца — М.: ИГ РАН, 2006.
7. **Герцен, 2007:** *Герцен А.А.* Административно-территориальная единица как географический объект // Сборник научных трудов географического факультета 2006 г. — М.: МПГУ, 2007.
8. **Головистикова, Дмитриев, 2005:** *Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А.* Теория государства и права: Учебник. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — С. 60.
9. **ГЭС, 1988:** Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / гл. ред. А.Ф. Трёшников; ред. кол.: Э.Б. Алаев, П.М. Алампиев, А.Г. Воронов и др. — М.: Сов. Энциклопедия, 1988. — 432 с. с илл.
10. **Исаченко, 2004:** *Исаченко А.Г.* Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
11. **Колосов, Мироненко, 2002:** *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2002.
12. **Ленин: Ленин В.И.** Соч., изд. 4-е, т. 27. — С. 372–373.
13. **Маергойз, 1971:** *Маергойз И.М.* Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы

- экономической и политической географии зарубежных стран. — М., 1971. — вып. 1, с. 33 — 50.
14. **Маринов, 1956:** *Маринов Х.* Об экономическом районировании стран народной демократии // Известия АН СССР, серия географическая № 6, М., 1956. — С. 114.
 15. **Маркс, Энгельс:** *Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, с. 170.
 16. **Михайлов, 1998:** *Михайлов Ю.П.* К вопросу о территориальной организации общества и организации территории. — География и природные ресурсы. — 1998. — № 4. — С. 12.
 17. **Общественная география России, 2003:** *Общественная география России (экономическая, социальная и политическая география России): учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общей ред. д.г.н., проф. В.П. Дронова и д.г.н., проф. В.Г. Глушковой.* — М.: Классикс Стиль, 2003. — 560 с.
 18. **Проблемы экономического района, 1961:** *Проблемы экономического района.* Варшава, 1961. — С. 338.
 19. **Родоман, 1999:** *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999.
 20. **СЭС, 1988:** Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — Сов. энциклопедия, 1988.
 21. **Транин, 1984:** *Транин А.А.* Административно-территориальная организация капиталистического государства. М., 1984. — С. 10.
 22. **Туровский, 1999:** *Туровский Р.Ф.* Политическая география: Учеб. пособие. — М.—Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
 23. **Туровский, 2006:** *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
 24. **ФС, 1991:** *Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова.* — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Политиздат, 1991. — 560 с.
 25. **Хартшорн, 1957:** *Хартшорн Р.* Политическая география // Американская география / Под ред. Н.Н. Баранского. — М., 1957.
 26. **Хорев, 1981:** *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества (Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). — М., 1981. — С. 3.
 27. **Чиркин, 1997:** *Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство. — М., 1997. — С. 11.
 28. **Экономическая география СССР, 1972:** *Экономическая география СССР. Общий обзор / под ред. Н.П. Никитина, Е.Д. Прозорова, Б.А. Тутыхина.* Учебник для студентов геораф. фак-тов пед. ин-тов, 4-е изд. — М.: Просвещение, 1972.

Левинтов А.Е.

29. **Экономическое районирование России, 1922:** Экономическое районирование России. М., 1922. — С. 2.
30. **ЭСГТ, 1968:** Административно-территориальное деление // Энциклопедический словарь географических терминов/Глав. ред. С.В. Калесник. М., «Сов. Энциклопедия», 1968. — С. 11.
31. **Ропcke, 1956:** *Ropcke M.J.* Metodologie se l'enquete regionale. «Revue de l'institute de Sociologie» № 2–3, Bruxelles, 1956.
32. **FIPS:** <http://www.itl.nist.gov/fipspubs/fip10-4.htm>,
<http://www.itl.nist.gov/fipspubs/by-num.htm>.
33. **ISO:** <http://www.iso.org/iso/en/prods-services/iso3166ma/04background-on-iso-3166/what-is-iso3166.html#iso3166p3>;
<http://www.iso.org/iso/en/prods-services/iso3166ma/04background-on-iso-3166/iso3166-2.html>;
http://ru.wikipedia.org/wiki/ISO_3166.
34. **NUTS:** http://simap.europa.eu/nomen_nuts/7148f4fa-ad24-9e4d-03e427e0aca09bad_en.html;
http://ec.europa.eu/comm/eurostat/ramon/nuts/basicnuts_regions_en.html.
35. **ОКАТО:** <http://nalog.consultant.ru/doc46871.html>;
<http://ru.wikipedia.org/wiki/ОКАТО>.
36. **ОКТМО:** ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ», 2006;
http://ru.wikipedia.org/wiki/Общероссийский_классификатор_территорий_муниципальных_образований.

МОДЕЛИ ОСВОЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ И РЕСУРСОВ

Фундаментальное различие

В освоении заключены две идеи: совершенствования (по-английски *mastering*) и развития (*development*).

Освоение как развитие предполагает новую онтологию места.

По картине мира навахо Калифорнии испанцы «нарисовали» новую картину, а самих навахо сжигали на кострах или обращали в рабов. В середине XIX века Калифорния переходит к США, и новые освоены создали поверх испанской «картины» новую, современную нам. Нечто подобное наблюдалось в Австралии и Новой Зеландии, в Канаде и Бразилии, в Европе в ходе Великого переселения народов и множестве других эпизодов человеческой цивилизации. Многие территории, попадая в волны освоений, представляют собой «иконы», писанные на одной доске одна над другой, они хранят эти наслоения истории в ожидании тщательных реставраторов-исследователей.

Освоение как совершенствование связано с построением логики и языка коммуникации с осваиваемым миром, его людьми, природой, духами и гениями места, законами, нравами, обычаями, культурой и особенностями. Совершенствование, *mastering*, не предполагает коренных онтологических преобразований, но расширение собственных ресурсов и средств, а также ресурсов и средств осваиваемых территорий. Так, русские, придя в Сибирь, освоили новые средства и ресурсы хозяйствования, например, систему заимок, а также многие элементы язычества (шаманизма), а местные народы переняли у них оседлый образ жизни, деревянные жилища, земледелие, некоторые христианские обряды и, увы, привычку к алкоголю.

Это фундаментальное допущение позволяет построить дискурс на тему о моделях освоения ресурсов и территорий в двух жанрах — теоретическом и историческом, что соответствует методологии исследований, предложенной М. Вебером (2)

1. Теоретическая модель

1.1. Хозяйственная

Акинфий Демидов, плывя по уральским рекам и увидев красивое лесистое место, посылал к нему рудознатцев — нет ли тут какой руды. И, если руда находилась, строил город и при нем металлургический завод. Так возникла система городов-металлургических центров Урала: Кыштым, Златоуст, Миасс, Ивдель, Челябинска и во множестве другие. Главным критерием выбора места была все-таки красота места, его эстетичность.

Хозяйство вообще, в противоположность производству, эстетично и ориентировано ценностным образом, а не целевым. Философия хозяйства, выраженная о. С. Булгаковым (1), заключается в преодолении хозяйствующим субъектом своей смертности, в воспроизводстве себя — в доме, семье, саде, круге дел и забот. В этом смысле хозяин, игемон, не отличает себя от собственного хозяйства и границы своей личности проводит по границам своего хозяйства, а не тела или сроку жизни. Его «я» распространяется на скот и двор не только по праву собственности, но и на правах любви.

Хозяйство, согласно О. Тоффлеру (27), представляет собой просьюминг, «протребление», циклический процесс, в котором производство и потребление составляют единое целое.

Хозяйственное освоение, таким образом, имеет смысл обустройства жизни, прежде всего. Хозяйственным образом Робинзон Крузо осваивал свой остров — и не имел иной цели, как выживание. Хозяйственное освоение — это, в первую голову, сбережение ресурсов, их приумножение в ходе эксплуатации.

Ярким примером хозяйственного освоения является история освоения немецкими сельскохозяйственными колонистами сначала России, а затем Америки.

При Екатерине II они были привлечены к освоению плодородных земель Новороссии (Северное Причерноморье, нынешние Краснодарский и Ставропольский края). Не смешиваясь с русским сельским населением, живя обособленно, даже не осваивая русского языка и сохраняя свою религиозную независимость («штундисты»), они за сто лет своего проживания в России не только значительно расширили ареал своей диаспоры, расселившись в Нижнем Поволжье, на Урале и за Уралом, но и создали в России товарное зерновое хозяйство, дававшее устойчиво высокие урожаи и позволившее России захватить (доминировать) хлебные рынки Европы, довести российский рубль до конвертируемости и создать предпо-

сылки для такого мощного демографического процесса как урбанизация России (то, что было названо в свое время «развитием капитализма в России»).

В конце XIX века, в период правления царя Александра III, обеславившего себя крайним национализмом и религиозной нетерпимостью, немецкие крестьяне-колонисты, не желая более терпеть притеснения и оскорбления, потянулись из России в Америку (собственно, это была первая мощная этническая и религиозная волна эмиграции из России), где ими было воспроизведено их высокотоварное зерновое хозяйство в штатах Айове, Миннесоте, Миссури, Канзасе, Колорадо и других штатах Среднего Запада.

Когда Екатерина II безжалостно разорила важнейшие очаги староверия — Ветку и Запорожскую сечь, многие из несчастных бежали в дельту Дуная, где много воды, тепла и солнца, но почти совсем нет земли. Терпеливо, по крохам, прорывая каналы и осушая маленькими горстями землицу, липованы, выращивая здесь яблоки и виноград, клубнику и удивительные овощи, приумножали свои земельные участки: подсыпая, набрасывая камыш в смеси с навозом, наращивая свои берега дунайским илом, делая все для закрепления земли, которая лишь в малой степени содержит в себе минеральный материал, а в основном сложена из труда и пота.

При этом, на хозяйстве, опять в отличие от производства, индифферентного, безразличного ко всему гуманистическому, сказывается духовный мир хозяйствующего субъекта. Для сравнения: дунайские староверы-липованы — поповцы, имеют церкви и избираемых приходом пастырей, мир липован полон Христа, а потому светел. Двор липованина обнесен непролазным тыном, но внутри, в глубине своей, чем дальше, тем открытее и дружелюбнее. В досоветскую эпоху липованы Дуная, особенно Вилково, отличались необычайным дружелюбием и гостеприимством, но жестокой ревностью между собой. Алтайские староверы — скорее нетовцы (течение в православии, предшествовавшее и сопровождавшее староверие), беспоповцы, для которых мир захвачен Антихристом и потому спасение — в отворачивании от него, самоуглублении и поиски истины, Бога внутри себя. Двор уймонского старовера-кержака (Верхний Уймон на Катунь) распахнут настежь, ценный инвентарь разбросан даже за пределами забора, да и сам забор — редкие колья. Внутри же, чем глубже, тем тесней и невзрачней. Алтайский (и вообще сибирский) старовер в дом к себе не пригласит, воды не подаст, а и подаст, так тут же демонстративно выбросит или сломает поданную кружку. Он предельно недоверчив, недружелюбен, негостеприимен, но за соседа встанет горой и стеной.

Из этих двух примеров видно, что даже в пределах одной конфессии (староверие) возможно формирование различных, вплоть до противоположных укладов хозяйства.

Хозяйство культурно (само слово «культура» имело изначальный смысл «способ обработки земли»), оно формирует культуру, прежде всего, бытовую и обрядовую, нравственную, обыденную, делая по сути каждое хозяйство хоть на малую йоту уникальным и неповторимым.

Хозяйственное освоение по своей воспроизводственности как базового процесса, «навсегда», оно делается так, чтобы осваиваемый ресурс и осваиваемая земля были неисчерпаемы и в своем объеме и в своей красоте.

В России жизнь, из-за огромности и пустопорожности просторов и пространств, организуется островным образом, малыми и крохотными островками вдоль рек и дорог. Мы испокон веков — робинзоны. И даже когда государство в своей производственной, колониалистской политике посылает людей на производственное освоение новых ресурсов и территорий, люди поневоле преобразуют эти производственные задания в хозяйственное островное обустройство — иначе им не выжить на своем острове, называемом то Норильск, то Братск, то Сургут, то еще каким «голубым городом».

И только истощив в людях хозяйственный дух и резерв, государство смогло вырастить поколение с отбитым напрочь хозяйственным чутьем. Так возникла цепочка городов БАМа, каждый из которых ощерился помойками и завалами мусора и дряни вокруг себя. Жители этих «городов» вынуждены летать за грибами на вертолетах за 100–300 километров, потому что вся окрестная тайга ими сожжена, вырублена, загажена и изуродована. Эта человеческая сволочь («сволочь» не как ругательство, а как характеристика сволоченного из разных мест и чужеродного месту сволакивания народа) и было последним поколением советских людей, настолько безразличных к хозяйству и хозяйствованию, что позволили и даже способствовали развалу и разорению собственной страны и среды обитания.

1.2. Колониальная

Колониальная модель освоения новых территорий, независимо от того, это индивидуальное движение колонов, извергнутых из недр своего отечества на изгнание в ходе процедуры остракизма, либо государственная политика насаждения на вновь завоеванных землях поселенцев или переселенцев — в любом случае это экспорт культуры и воспроизведение метрополитенского образа жизни.

Так в Элладе недовольные порядком вещей и законами сами уходили, снимаясь с насиженных мест и гнездовых, шли в дальние страны, на границы Ойкумены, где оседали, но, не имея других образцов, восстанавливали структуры жизни, ими ненавидимой и оставленной. Благодаря колонам и колониям шло, подобно разбеганию звезд и галактик, с тем же Допплеровым смещением, расширение границ Ойкумены.

Когда колониальное освоение и экспорт метрополитенской культуры становилось государственным делом, происходила интенсивная эллинизация мира (при Александре Македонском). Если не считать раннеэллинистических традиций поселений колонов (добровольно или как наказание изгнанием), все остальные случаи колонизации, включая русскую колонизацию Сибири, Севера и Дальнего Востока (в том числе Америки) имела военную доминанту или, как минимум, осуществлялось с применением военной силы.

Вычурной формой колониализма сталинской эпохи стал тотальный географический геноцид. В этом смысле ГУЛАГ был орудием колониальной политики Сталина, так как основной смысл ГУЛАГа заключался не столько в освоении природных ресурсов, сколько в уничтожении людей.

Греческая колонизация шла точно также или почти точно также, как и колонизовалась сама и как это описано в работах (5, 31). Волны пеласгов, шедших на опустевший после катастрофы крито-микенской культуры Пелопоннес, оседали демами и комами. Демы — общины, принимавшие на себя родство с вновь обретенной землей, дававшей им не только жизнь, но и общее, родовое имя, фил. Комы осознавали свою инородность осваиваемому миру, ощущали себя пришедшими чужаками, общинно противостоящими этому чужеродному миру.

Позже возникла сеть римских колониальных поселений.

Municipium — малый самостоятельный город в системе городов Римской империи (6). Еще они назывались oppidum (предположительно ob pedon — «от земли») и отличались по размерам от крупных городов — civitas (носителей цивилизации или, как сказал бы современный культуролог, очевидных следов городского образа жизни; в муниципиях преобладал маргинальный сельско-городской уклад), а также от несамостоятельных городов — colonias. Технически все эти городские поселения назывались по прототипу Рима urbs, а после реформы Каракаллы, предоставившего право римского гражданства всем живущим в Римской империи, разница между municipium и colonia вовсе исчезла.

Municipium в римской традиции до IV–V вв. н.э. представлял собой укрепленный замок (castel, castle, castro, англизированное chester) с municipes — охраняющей его дружиной, готовой к рукопашному бою (muni близко сопрягается с mani — «рука»), во главе с consul'ом (графом, сеньором) и proconsul'ом (виконтом), окруженными curiales (свитой), занимающей curia (двор), куда входят также senatores (дворяне и другие свободные люди), praetor (прево, духовный отец) и quaestores (офицеры сеньора). Все вместе взятое составляло consulatos — графство, то есть некоторое территориальное пространство, обеспечивающее материальную независимость и жизнеспособность и города, и его сеньора.

Вот несколько примеров разных способов прорастания средневековых городов через систему римских (6, 7):

Племенные поселения, превращенные в римские города	Города на месте лагерных палаток римских войск	Города при крепостях (самая многочисленная группа)
Мец — civ Mediomatricum	Кельн — civ Agrippinensium	Цюльних — Tolbicum
Трир — civ Trevirorum	Страсбург — civ Argentoratensis	Битсбург — Beda
Тонгр — civ Tongromm	Ксантен — col Trayana	Нимвеген — Noviomagum
Шпейер — civ Vangionum	Базель — civ Basilia	Крейцнах — Crikiniacum
Вормс — civ Nemetum	Майнц — civ Moguntiamm	Бонн — Bonna
Аугсбург — col Augusta Vindelicorum		Регенсбург — Castra Regina
Хур — col Curia		Пассай — Castra Batava
Брегенц — col Bregantia		Цюрих — Turicum
Кемптен — col Campodunum		Кобленц — Coniluentes
Зальцбург — col Janavum		

Британская и Французская колониальные системы в основе своей имели именно экспорт (насаждение) своих метрополитенских культур в завоеванные и колонизируемые страны. Точно также как до того Испанская колонизация Нового Света имела смысл не только как обогащение метрополии золотом.

Если конкистадоры и королевские войска в Мексике и Калифорнии уничтожали индейцев и их культуру, грабили — не недра, но сокровищницы и сокровища, то католическая церковь и прежде всего францисканцы во главе с Джуниперо Серра крестили и обращали

в христианство индейцев, тем самым спасая их от костра, но превращая в рабов, обязанных принять образ жизни «цивилизованных» испанских крестьян. 20 католических миссий Калифорнии, соединенные Королевской дорогой (Camino El Real, ныне хайвэй 101), составили каркас и форпосты испанской культуры.

Там, где местная культура слаба и неразвита, колонизация и экспорт культуры проходят достаточно безболезненно и успешно. В рамках Британского содружества наций это — США, Канада, Австралия. Но если метрополия пытается внедрить в колонию свою культуру в условиях наличия там собственной богатой культуры, интервент рано или поздно терпит поражение, достаточно сокрушительное и позорное: Англии не удалась колонизация Индии, Пакистана и Афганистана, но особенно чувствительна была неудача англичан в Китае и Египте.

Современная глобализация может рассматриваться как попытка экспорта американской культуры, прежде всего политической культуры на весь мир: американская демократия насильственно внедряется в Ирак и Россию, восточную Европу, Латинскую Америку, всюду, где американцы чувствуют «культурный» прогиб и кризис национальных культур. К проявлениям американского колониализма под знаменами глобализации могут быть отнесены Макдоналдс, Интернет и рок.

1.3. Производственная

Производство как процесс может быть описано следующим образом: в противовес, а чаще — в подражание природным процессам превращений, производство — искусственно-технический процесс перевода исходного материала (ресурса) в продукт, о котором имеется либо целевое представление либо четкое описание в виде задания. Процесс производства может быть разделен на ряд строго последовательных процедур и операций, например, рубка леса — распилка на бревна — колка дров — сжигание дров и получение тепла. Трудно представить себе иную последовательность этих операций.

Важнейшим свойством процесса производства является его необратимость, что резко отличает его от воспроизводства и хозяйствования: из дров никогда не получится лес, из бензина — нефть, из электроэнергии — газ, из вина — виноград и т.д. В хозяйстве в принципе сеном и травой можно откормить корову, которая даст необходимое для поддержания плодородия почвы количество органических удобрений, которые потребны для выращивания кормовых трав для откорма коровы... В хозяйстве за счет цикличности имеет место повторяемость продуктов и исходного материала.

Векторальность, необратимость процесса производства обуславливает безвозвратное потребление ресурсов (естественных ресурсов — интеллектуальные ресурсы, в силу их природы, возобновимы и даже могут увеличиваться по мере их включения и использования в производстве). Производство практически всегда, за редкими исключениями, связано с изыманием природных (естественных) ресурсов и в этом — экологическая трагедийность человеческой цивилизации. Осваивая те или иные естественные ресурсы, мы их тем самым уничтожаем. Наблюдая заброшенные машины и технику добычи боракса в Долине Смерти, я пришел к такому унылому выводу: «естественные ресурсы — это то, что с большим трудом добывается, с наименьшими усилиями отмывается и перерабатывается, чтобы затем быть проданным за бесценок и себе в убыток».

Данная модель в наиболее ярком виде была реализована в СССР. Если английским эквивалентом освоения считается *mastering*, то советским — опустошение.

Мертвые города-призраки: нефтяные — в Татарии и Башкирии, угольные — в Кузбассе, лесные — на Европейском Севере, железнодорожные — на БАМе — это все гораздо страшней, чем кукольные и игрушечные *Ghost towns* Сьерры Невады в Калифорнии. Эти дома и люди в них — жуткие по своей бессмысленности персонажи фильма «Облака-рай», откуда надо бежать, бежать — куда угодно, без оглядки и со страшной клятвой более никогда не возвращаться сюда.

Примером производственного освоения являются попытки французов наладить виноделие в России: еще в XVIII веке они интродуцировали свои шабские вина в Новороссии (территории к западу от Одессы: Овидиополь, Белгород-Днестровский, Шабо и др.). В настоящее время они внедряют свои методы ведения виноделия в Крымском районе Краснодарского края (фирма Шато Ле Гран Восток).

Гегемония производства, производство, не сдерживаемое и не управляемое спросом, превращается в самоцель и игрушку плановой экономики, бессмысленной, поскольку централизация и узурпация, объективация спроса невозможна, а лишение спроса стихийности и субъективности порождает роботизацию людей и превращение их в безликие единицы статистического учета.

Однажды меня попросили, если не посчитать, то хотя бы представить более или менее правдоподобную схему расчета расходов на освоение и эксплуатацию нового ресурса на вновь осваиваемой территории, с учетом не только прямых производственных расхо-

дов, но и всей воспроизводственной сферы: рекультивации земель, обучения занятых и членов их семей, обеспечения их культурной и духовной жизни, обеспечения ре-миров (релаксации, рекреации и т.п.) и т.д. и т.п. Расчет убедительно показывал: по сути извлечение любого ресурса и основанное на этом ресурсе производство связано с таким объемом затрат на воспроизводство и восстановление, что оправданным становится извлечение только таких ресурсов, без которых современная жизнь невозможна или задохнется.

Производственная модель освоения необходима, но экономически неоправдана, а потому должна быть предельно ограничена.

1.4. Экономическая

В 1848 году Калифорния и еще пять мексиканских провинций стали американскими штатами, а уже в следующем году в Калифорнии было найдено золото. Золотая лихорадка, перекинувшаяся затем на Юкон (Аляска), стала классическим образцом экономической модели освоения территорий и ресурсов. Главные герои этой трагикомедии, фотинайнеры (от «49» — 1849-го года открытия золота) бросились в эту авантюру, не преследуя никаких иных целей, кроме одной — личного быстрого и сказочного обогащения. Ни о колонизации, ни о воспроизводстве, ни о производстве, ни тем более о духовности и мессианстве они и не помышляли.

Можно выделить два принципиально разных, во многом даже противоположных подтипа экономического освоения: предпринимательский и коммерческий:

Свойства и качества	Предпринимательская модель	Коммерческая модель
отношение ко времени	обращена к будущему	обращена к настоящему
преобладающие отношения	игра, творчество, волюнтаризм	коммуникация
функция денег	деньги как развитие (кредит)	деньги как накопление (богатство)
мотивация освоения	новизна и успех	рынки сырья и/или сбыта
установки и интенции	ценностные и целевые	только целевые
последовательность действий	реализация и исследования	исследования и реализация

В кильватере фотинайнеров шли те, кто жаждал обогащения не на мытье золота, а на обслуживании золотоискателей. В этом кортеже оказался, например, австрийский предприниматель, еврей Леви

Штраус, сделавший свое неслыханное богатство на джинсах для фотинайнеров. Сюда же должны быть отнесены многочисленные владельцы салунов, отелей, рабочего инвентаря... чем дальше от лотков, тем верней богатство.

Экологически экономическая модель освоения также опасна, как и производственная. Более того, они часто совмещены в единый процесс освоения. Гораздо реже экономическое освоение сопряжено с воспроизводственным, хозяйственным: в Голден Гейт Парке в Сан-Франциско установлен памятник городским проституткам, которые на своем «профсоюзном собрании» решили вместо выколачивания денег из золотоискателей стать их женами, рожать детей и таким манером вращаться в местную почву. Случай, действительно, достаточно редкий...

1.5. Духовная

Духовное, мессианское освоение связано с пассионарностью и потому сильно напоминает перелеты саранчи. Мы можем по-разному относиться к Священной истории, но, независимо от религиозных убеждений или их отсутствия, приходится признать, что не Исход, а вторжение 12-ти колен, после сорока лет скитаний в пустыне, в землю Ханаанскую стал актом духовного освоения земли обетованной. С волей Господа трудно спорить, но это вторжение сопровождалось истреблением целого народа, филистимлян, настолько массового и безупречного, что Господь на поле Армагеддон остановил мечом Иисуса Навина солнце, не дав пощады в тот затянувшийся день несчастным потомкам безумных гутиев.

Полчища гуннов и позже монгол, если верить Л. Гумилеву и его теории этногенеза, хотя и были порождением природных сил и явлений, но всегда несли на себе идеи мессианства, спасения человечества или явления ему новых идей.

Большевизм также нес в себе мессианские идеи — мировой революции, переустройства мира, коммунизма. Это духовное освоение земель воплощалось не только в лозунгах, идеологии и действиях Коминтерна, но было заложено и во внутреннюю политику страны: благодаря этому появлялись бесконечные комсомольски, ленински, сталински, октябрьски и т.п.

Испанская реконкиста конца XV — XVI века также имела во многом характер духовного освоения Нового Света и христианизации новых народов. Духовная составляющая безусловно не только присутствовала, но и доминировала в освоении мормонами Северной Америки в середине XIX века.

Редко духовное освоение приносит исторически значимые позитивные результаты. Более того, все эти немногочисленные позитивные результаты весьма сомнительны в своей позитивности: Израиль, Юта...

В наше время духовное освоение земель — удел компактных сект и групп, по большей части, изуверских или переполненных до краев эсхатологией. Сегодня становится все более популярным духовное освоение Космоса. В добрый путь, друзья и — как можно дальше!

1.6. Коктейли и кентавры

В редчайших случаях мы можем наблюдать ту или иную модель освоения в чистом виде. Как правило, это — коктейли и кентавры.

Обычно духовное освоение, поиски Беловодья и земли обетованной тесно переплетается с хозяйственным освоением (лидер мормонов даже написал свою Библию, где доказывает, что мормоны населяли Америку еще в дохристианскую эпоху). Тем не менее, советский опыт показывает, что духовное освоение может вполне сочетаться с производственным и колониальным (колонизация Крайнего Севера, производственное освоение его ресурсов и территорий и все это — с безумными идеями преобразования природы, строительства железной дороги по Полярному кругу и водружением на Северном полюсе государственного флага СССР, к которому тянутся, вопреки циркуляции полярных льдов государственные границы — не в натуре, разумеется, но на всех картах и глобусах советской эпохи).

Производственное освоение очень часто связано с экономическим. Однако нередко две эти модели освоения противоречат одна другой: освоение целинных и залежных земель, предпринятое в СССР во второй половине 50-х годов, с экономической точки зрения было абсурдным (урожайность на этих землях долгое время едва-едва превышала норму высева, при том, что затраты труда, энергии и материалов были огромными, а посевной материал по своим кондициям был в несколько раз дороже собранного зерна).

Другим примером противоречия производственного и экономического освоения является гидроэнергетика Восточной Сибири, когда полученную электроэнергию вынуждены были просто «заземлять».

В конце 1980-х гг. я был приглашен для участия в проекте строительства огромной Тогурской приливной электростанции. В геологическом и природно-климатическом чертоломе, с вложением огром-

ных средств, предполагалось на базе этой ПЭС создать завод по переработке австралийского глинозема в алюминий для продажи его в Японию. По сравнению с предстоящими затратами разница в цене глинозема и алюминия смехотворно ничтожна. Слава Богу, проект рухнул вместе с СССР. Вообще, надо заметить, что большинство случаев производственного освоения в СССР вступало в вопиющее противоречие с экономическим: в силу отсутствия в стране экономической действительности, а также благодаря постоянному смещению производственного освоения с идеологическими и квазидуховными целями.

Колониальное освоение — и об этом уже многократно говорилось — часто сопровождалось с христианизацией, деятельностью христианских миссий и миссионеров самого различного толка: крестоносцев и тамплиеров, католиков с их иезуитским, францисканским и иными орденами, англикан, протестантов самого широкого профиля и т.п. Колониальное освоение Россией Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки также сопровождалось духовным освоением (староверы, а также официальное никонианское православие, крестившее бурятов, якутов и другие народы, порой насильственно).

Освоение Сибири — яркий пример кентавр-освоения. Казаки-первопроходцы строили свои остроги и осваивали новые территории, неся две функции: захват этих территорий и сбор натурального налога с местного населения. Позже остроги стали использоваться как очаги про-ГУЛАГа. Вслед за казаками шли промысловики-охотники (gathering economy, присваивающее хозяйство), а за охотниками — крестьяне-земледельцы (produce economy, производящее хозяйство), что, в сочетании с традиционными формами хозяйствования породило единообразие освоения на огромной территории от Урала до Калифорнии. Поражает это единообразие русского метода освоения: строительство вокруг поселения мощного защитного забора (тына) острога, непреодолимого, но уязвимого для огня, смешанные браки с туземцами как средство защиты от этих туземцев, свободный и широкий культурный обмен.

Мозаика моделей освоения создает неповторимый хозяйственно-природный и этно-социальный ландшафт осваиваемых и освоенных земель в каждом отдельном месте и каждом отдельном периоде его истории.

Можно резюмировать основные типы освоения по стадиям освоения следующим образом:

Типы освоения	Неосвоенная территория	Примитивная стадия («подмастерская»)	Деятельная стадия («мастерская»)	Коммуникативная стадия («гроссмейстерская»)	Креативная стадия («виртуозная»)
Хозяйственное	хозяйственная пустыня	Присваивающее хозяйство	Производящее хозяйство	расширенное воспроизводство	хозяйство по порождению новых ресурсов
Колониальное	аутентичная культура	интервенция (вторжение)	маргинальная культура	диалог культур	новая культура
Производственное	разведка (природный шпионаж)	извлечение	переработка	глубокая и комплексная переработка	новое употребление ресурса
Экономическое	изолированная территория	обмен	торговля	Врастание в мировые потоки	формирование фокуса мирового развития
Духовное	Домифологическое существование	мифологизация	присвоение предыдущей мифологии	формирование миссии	формирование эсхатологии

2. Исторические модели

1.7. Российская

Россия имеет богатейший, но, к сожалению, уникальный опыт освоения: в отличие от Англии, Франции, Испании, Португалии и других метрополий, осваивавших по преимуществу заморские территории, сильно удаленные от метрополий, Россия осваивала земли вокруг себя. Московия прирастала во все стороны и при этом, как это принято среди империй, считала осваиваемое и колонизируемое гораздо ниже себя по культурному и любому иному уровню. Даже столкнувшись с гораздо более развитой и не менее древней цивилизацией (Киев, Вильно, где уже имелся университет), царь Алексей Михайлович Тишайший проявил свойственную ему нетерпимость к иноверцам и инородцам: «Всех жидов крестить, а кто не желает креститься, топить в Немане».

И все-таки генеральной линией освоения был, как и у немцев *drang nach Osten*. В.П. Семенов-Тянь-Шаньский, обсуждая и сравнивая движение немцев и русских на восток с присущим ему патриотизмом и гордостью указывал на то, что немцы в своем историческом движении на восток каждый раз останавливались и возвращались, а русские по сути одним махом дошли до Тихого океана и даже перепрыгнули его, правда, в том месте, где его уже нет: между Чукоткой и Аляской.

Именно это различие в способе продвижения отразилось и на результатах освоения: о российских будет сказано подробнее дальше, а здесь — и результатах немецкой колонизации на восток:

- страны Балтии до сих пор сильно онемечены;
- магдебургское городское право действовало или даже продолжает действовать в Польше, Западной Украине, Западной Беларуси и в Балтии;
- российская наука появилась из-под немецкой полы;
- кокуйские немцы породили не только такое антироссийское чудовище как Петр I, но и все его реформы;
- все русские цари, грубо говоря, — немцы;
- немецкая философия была в России единственной философией до конца XX века;
- два века профессиональных русских педагогов готовили исключительно в Лейпциге;
- немцы настроили в России гораздо больше, чем итальянцы, французы и прочие европейцы, вместе взятые;
- Ленин — немецкий шпион и агент Генштаба вермахта;
- план ГОЭЛРО был разработан энергетиками Германии на случай победы над Россией;
- до середины XX века немецкий язык был основным иностранным языком в России;
- в Америке стандартен диалог: «Where you from» — «From Russia» — «It's part of Germany?»

Россия, свершив стремительный *drang nach Osten*, произвела несколько волн колонизации и освоения земель к востоку от Урала.

Первая волна — острожная. Первым ссыльным в Сибирь оказался Угличский колокол, который я застал в Тобольском Кремле, примыкающем к Тобольскому Централу, еще в 60-е годы прошлого века. Трехсотлетняя ссылка медного страдальца, с оторванным языком и ухом, завершилась тихо и незаметно. Сибирь была и остается самым большим островом Архипелага ГУЛАГ, этот огромный край рас-

сматривался и до революции, и после революции, прежде всего как гноище неудобного человеческого материала, братская могила свобод. Эта направленность использования огромной Сибири будет сохраняться до тех пор, пока Сибирь не получит независимость или пока не выйдет из состава России.

Самая массовая репрессивная акция (если не считать, конечно ГУЛАГа при Сталине, рекордсмена мира по репрессиям, переселениям и посадкам) в российской империи — сгон в Сибирь Екатериной II староверов.

Второй заметной волной освоения Сибири стал сбор налогов. Долгое время народы Сибири были двоеданцами и платили налоги и Москве, и Пекину. Во второй половине XIX века Поднебесная сильно ослабела, чем не преминула воспользоваться Белокаменная, а точнее — Северная Пальмира.

Природные ресурсы — одна из наиболее привлекательных причин освоения в России. При этом, наш опыт освоения строится на освоении и изымании пусть и труднодоступных, но самых лучших ресурсов, что обедняет не только территории, но и наше собственное будущее. Важно также подчеркнуть, что освоение ресурсов чаще всего происходит не в силу жизненной необходимости, а просто из-за наличия этих ресурсов. Наиболее показательными примерами в этом отношении являются освоение гидроэнергоресурсов Восточной Сибири, а также добыча нефти и газа в Западной Сибири; произведенную электроэнергию просто «заземляли», потому что спрос был явно ниже предложения, а нефть и газ продавались буквально за бесценок (или в обмен на трубы большого диаметра) в Европу и уж совсем по бросовым ценам в страны-члены СЭВ, так как были излишни для народного хозяйства страны.

Сельскохозяйственное освоение Сибири в новейшую историю связано с именами Столыпина и Хрущева.

Петр Столыпин, будучи человеком образованным, понимал, что там, где государство помогает крестьянству, формируется фермерство (способ хозяйствования с применением и использованием наемного труда и предполагающий конкуренцию между фермерами), а там, где государство противостоит крестьянству, быстро формируется сельская кооперация. Справедливо считая, что фермерство — наиболее прогрессивная форма ведения сельского хозяйства, Столыпин вместе с тем понимал всю безнадежность малоземельного крестьянствования на землях Европейской России. Суть Столыпинских реформ в сельском хозяйстве сводилась к формированию на востоке страны, в Сибири и на Дальнем Востоке, фермерства. Для

этих целей переселенцам предоставлялась безвозмездная ссуда в 20 тысяч рублей, перевозка по Транссибу или морским путем, вокруг Азии — бесплатная, земли можно занимать неограниченно и по сути бесплатно. Результаты этих реформ сказались чрезвычайно быстро, а многие последствия проявляются до сих пор, спустя сто лет.

В середине 50-х годов Хрущев развернул кампанию по освоению целинных и залежных земель Сибири и Казахстана.

С экономической точки зрения эта затея казалась безумием: в Казахстане, например, долгие годы даже официальная статистика показывала урожайность в 5.1–5.4 ц/га (при норме высева 2.7 ц/га), однако с социально-демографической позиции целина позволила решить сложнейшую проблему избытка трудоспособной молодежи в сельской местности и малых городах Европейской части страны. Принудительное и «добровольное» переселение в Сибирь и Казахстан сопровождалось типичной советской бестолковостью и жестокостью: отсутствие жилья и социально-бытовой инфраструктуры, техническая и финансовая неподготовленность, суетливая быстрота организационных решений, демагогические обещания и идеологическая накачка.

В первые годы войны сложилось весьма любопытное освоение Сибири как места сброса устаревших технологий: сюда эвакуировались фабрики и заводы из Европейской части страны. После войны промышленность европейских городов страны восстанавливалась на новом или трофейном оборудовании, с использованием новых технологий. Наспех собранные в неподготовленных и неподходящих помещениях станки и оборудование сибирских заводов оказались в заведомо неконкурентоспособном состоянии. В дальнейшем практика сброса сюда устаревшего парка станков, технологий и технических решений сохранялась десятилетиями. Сибирь была обречена производить заведомую и негодную дрянь кадрами, профессиональная квалификация которых явно уступала стандартам европейской части СССР.

1.8. Американская

Американское освоение — это не только закон Кэрри («первыми осваиваются не самые лучшие, а наиболее доступные ресурсы»).

Важное значение имеет роль государства — оно обеспечивает правовое пространство освоения, прежде всего, вопросы собственности и распоряжение ею (почти все земли на вновь осваиваемых территориях принадлежат индейцам, которые ни за какие блага и коврижки эти земли не продадут). Кроме того, государство обеспокоено инфраструктурной насыщенностью территорий освоения, прежде всего транспортной инфраструктурой: государственный интерес за-

ключается в появлении бизнесов, пользующихся инфраструктурой и платящих за ее эксплуатацию, а также в налогообложении вновь возникающих бизнесов.

Все остальное — частные и корпоративные инициативы и риски, включая выбор модели освоения.

Освоенческое поведение американцев довольно однообразно: как только начинается освоение того или иного ресурса или территории, тут же происходит включение внешних ресурсов: Америка до сих пор чрезвычайно привлекательна для искателей приключений и авантюристов. Золотая лихорадка Калифорнии и Юкона охватила не только американцев, но и европейцев, и китайцев, и японцев, и латиноамериканцев. На серебряных рудниках в пустыне Мохаве трудились выходцы со всего света, «Боракс компании» в долине Смерти эксплуатировала китайцев, игорные дома Лас-Вегаса недолго эксплуатировали ресурс азарта строителей Гуверовской дамбы, очень скоро они потянули на себя одеяло ресурсов порока и денег всей Америки, а теперь и всего мира.

Типичным для Америки также является быстрая и весьма пестрая диверсификация бизнесов вокруг освоения основного ресурса. В качестве примера:

Академгородок под Новосибирском возник в середине 1950-х, то есть на десять лет позже, чем в Сан-Хосе осела полупроводниковая промышленность, и на гораздо более современных научно-технических технологиях, чем в Сан-Хосе. Казалось бы — все преимущества. Однако новосибирский Академгородок за полвека своего существования если не деградировал, то и не очень-то развился. А в Силиконовой долине сформировался мировой центр самых передовых технологий хайтека: здесь был создан первый компьютер, здесь сосредоточены многочисленные производства компьютеров, программного обеспечения (Intel, Microsoft и др.), компьютерной техники (Hewlett Packard и др.), Интернет-технологий (Google и др.), Интернет-торговли (E-Bay и др.), несколько университетов (не считая Стенфорда в Пало Альто), множество технопарков... диверсификация идет все дальше и дальше, охватывая не только хайтек, но и сервис, транспорт, строительство, рекреацию, сельское хозяйство, увеселения и развлечения.

На Силиконовую Долину работают Китай, Индия, Латинская Америка — по всему миру разбросаны филиалы, на аутсорсинг выбрасываются практически все, включая самые передовые протуберанцы диверсификации.

И точно также на Атланту, Лас-Вегас и другие точки освоения и роста брошены все силы мира.

1.9. Советская

В 1987 году в Тынде, «столице» БАМа проходили выборы начальника штаба ЦК ВЛКСМ по зоне БАМа. В рамках этого мероприятия проводилась общественная экспертиза «Долгосрочной программы социально-экономического развития зоны БАМ на период до 2000 года». Я оказался руководителем группы экспертов. Пришлось прочитать материалы всех 25 научных сессий по зоне БАМ (эти сессии организовывал новосибирский Институт организации промышленного производства СО АН СССР, возглавляемый тогда академиком Аганбегяном), кучу статей, монографий и диссертаций, досконально изучить саму «Программу» (правда, многие ее разделы оказались засекреченными настолько, что даже моей формы допуска № 2 (совершенно секретные документы) не хватало на проникновение в некоторые тайны этого «кирпича», созданного в Госплане СССР и силами 50 министерств и ведомств), а также проехать весь БАМ с востока на запад.

Картина вырисовывалась неприглядная:

- ни о каком хозяйственном освоении речь на БАМе не шла: перепуганный возможностью китайского вторжения генсек КПСС Брежнев велел в мае 1972 года построить к северу от Транссиба еще одну железнодорожную магистраль, увы, такую же уязвимую для современных средств доставки оружия и вооруженных сил, как и Транссиб; к тому же вероятность китайского вторжения вскоре упала до нуля, вместе со смыслом строительства этой железной дороги;
- проектирование трассы шло с огромным опозданием от строительства, крайне небрежно, поэтому коридоры трассы часто менялись, а некоторые проектные решения, в частности, строительство дороги вдоль северного берега Байкала и через Северо-Муйский хребет оказались, с геологической точки зрения, преступными;
- трасса прокладывалась без учета размещения естественных ресурсов, порой сильно в стороне от них, в результате большинство построенных вдоль трассы городов оказались бесполезными, нужны только на период строительства дороги (город Чара, предназначенный для освоения Удоканского месторождения меди, переносился три раза — месторождение так и не было освоено);
- вся социальная инфраструктура, в целях экономии средств и ускорения строительства, сведена к минимуму: до роддома порой надо было добираться по трое суток, жилье явно отставало от производственного и транспортного строительства, отли-

- чалось крайне низким качеством, люди годами жили в балках в ожидании «нормального» жилья, чаще всего бесполезном;
- вся жизнь в зоне организована одноразовым образом: для подрастающих поколений не предусмотрено ни ПТУ, ни техникумов, ни вообще каких-либо форм профессионального образования;
- в освоении самое активное участие принимали эки, железнодорожные войска и военизированные колонии корейцев — контингенты, помимо своей жестокости и беспощадности, ни на что не годные;
- через БАМ прошло около 4 миллионов человек (единовременно на БАМе в конце 1980-х гг. жило более 700 тыс. человек) — обманутых, с обворованными молодостью и будущим;
- ненормальные условия существования сделали всю зону БАМ крайне неблагоприятной с медицинской, санитарной и других гуманистических точек зрения: детская смертность здесь очень напоминала ситуацию самых бедных африканских стран;
- в результате беспощадных вырубок, бездумных освоенческих ходов хозяйственные и экологические структуры жизни местных этносов (эвенки, нанайцы, якуты, буряты и многие другие) были нарушены и порушены;
- практически все ресурсы, осваиваемые в зоне БАМ, вывозились отсюда, главным образом на экспорт (в Японию и Северную Корею), земли обесценивались и теряли всякую экономическую привлекательность;
- мощная идеологическая накачка так и не смогла преодолеть бессмысленность всего этого проекта и пустое разбазаривание огромных людских, материальных и финансовых ресурсов страны; по сути, БАМ и Чернобыль стали символами краха советского периода истории России.

В СССР шла постоянная игра в освоение. Секретари обкомов, самая мощная ветвь местной власти, обивала пороги ЦК, министерств, Госплана и Госстроя, предлагая к освоению все, что есть в подчиненном крае: грабьте, уважаемые товарищи, вывозите все наши ресурсы и все лучшее, что у нас есть, стройте своих монстров, ухудшайте экологию и демографическую ситуацию, делайте, что хотите... Но нет, не инвестиции и капиталовложения их интересовали, не новые дороги и города — они прекрасно и заранее знали, каких уроков понастроят в их владениях. Но им очень надо было, чтобы а) к ним в область пришли нити и щупальца влиятельных и могущественных министерств и ведомств, б) областная парторганизация быстро

и сильно выросла, а они, следовательно, продвинутся в партийном кругу и в) прольется дождь наград и пайков — натурой и деньгами.

А все остальное — лишь демагогия.

Включая критерий эффективности освоения и всего промышленного производства в стране: «достижение максимального народнохозяйственного эффекта при минимизации затрат на его достижение» (8). Этот критерий не только стимулировал хищническое разграбление страны, ее недр, ресурсов и территорий, но и способствовал развитию самых людоедских способов освоения, бессовестного обмана и нещадной эксплуатации собственного населения, доводимого до состояния желдорвойск, стройбата и просто зэка.

Великие стройки коммунизма, которые ложились на карты и в умы людей, провозглашались на партийных съездах и воспевались всеми средствами искусств, по большей части не были даже промышленным освоением. Это было, прежде всего, освоение капитальных вложений. Подавляющее число строек не было вызвано экономической или оборонной необходимостью — все эти обоснования пришивались за уши.

Реально стройки разворачивались и растягивались во времени ради самих строек, а точнее — ради строительных организаций, ведущих их. Собственно, эти строительные организации и инициировали освоенческие инициативы.

Каждое крупное министерство и ведомство имело собственный строительный комплекс, представленный несколькими региональными строительно-монтажными трестами.

Всякое строительство — явление временное. Всякая же организация стремится к увековечиванию своего существования. На этом противоречии и строилась вся инвестиционная политика в стране. Каждый региональный отраслевой строительный трест, во имя своего дальнейшего пребывания в регионе, вынужден искать себе все новое и новое применение. Строить не одну, а каскады ГЭС на реках Сибири, на Волге и Днепре, не один, а несколько автозаводов Поволжья, обустраивать газовые и нефтяные месторождения, хотя уже освоенные могли бы продолжать давать нефть и газ, будь технологии их эксплуатации более совершенными и эффективными; в лесной промышленности явно предпочиталось создание все новых и новых леспромпхозов, а лесопосадки, если и велись, то в символических объемах и с символическими результатами.

Понятно, что в проектах «великих строек коммунизма» намеренно закладывалось отсутствие идей и объектов воспроизводства: воспроизводство делало ненужными новостройки.

1.10. Постсоветская

Все худшее, что было в советский период освоения, скопилось и сконцентрировалось в постсоветском способе освоения. Это произошло по многим причинам, важнейшими из которых являются:

- в ходе приватизации основными собственниками в стране стали бывшие лидеры и нерядовые партхозактива, а также комсомольские лидеры и откровенно уголовные элементы; новый класс собственников имел и имеет опыт и вкус распоряжаться собственностью, но не владеть ею, что привело к бесхозяйственному, порой варварскому освоению;
- полученное (взятое) в ходе приватизации, оказалось, по бросовым, нереально низким ценам (ориентировочно — от 0.1 до 0.2% от реальной стоимости объектов), практически украденным, а не купленным (приватизационные аукционы так ни разу и не дошли до торгов — собственность оформлялась при одном покупателе, по стартовой цене и при закрытых дверях); отношение к ворованному и доставшемуся даром не может быть хозяйским;
- в стране рухнули если не все, то многие моральные устои и ограничения — не только собственники, но и работники перестали ощущать ответственность за будущее;
- система налогообложения в стране такова, что укрывательство от налогов оказалось неизбежным, особенно распространенным стало укрывательство от налога за недр;
- бизнес-планирование предполагает краткосрочные (в пределах года-полугода) взгляды на будущее, что вполне допустимо в торговле, но абсурдно при освоении ресурсов и территорий, где лаг планируемого времени составляет годы и десятилетия;
- острая политическая и криминальная неустойчивость ситуации в стране стимулирует безоглядно быстрое выкачивание ресурсов;
- вовлечение иностранного капитала в инвестиции индуцирует у иностранных инвесторов, владельцев и совладельцев неокOLONIALISTскую модель освоения — во имя и во благо метрополий, а не колоний;
- система проектирования и взаимоувязок проектов на территории (районная планировка и др. виды территориального планирования и проектирования) в стране рухнула, породив анархию и произвол;
- в менеджмент производством и освоением пришли непрофессионалы, к тому же не имеющие реального опыта управления;

по уровню невежества и неопытности их превосходят только их консультанты, которые реально играют роль неграмотных политиков при полуграмотных командирах Красной Армии (30).

1.11. Новороссийская

Инкубационный период построения порядка в стране может занять несколько генераций, при этом не исключен уже хорошо проверенный вариант ускорения смены генераций за счет массовых или выборочных репрессий.

Наша задача — не предрекать сроки и методы установления порядка, но указать его основные черты и характеристики.

Прежде всего, это должно быть нормативное освоение, освоение по законодательно установленным нормам. Глобализация предполагает освоение человечеством некоторых единых законодательных коридоров, касающихся недр, территорий и акваторий, а также экологических ограничений любой человеческой деятельности, независимо от государственной принадлежности, этнической характеристики, культурных традиций и уровня развития экономики. Если, например, какая-либо страна Экваториальной Африки или Восточной Сибири по своим экономическим возможностям не сможет обеспечивать нормальность (законсообразность) освоения своих земель и ресурсов эта функция будет осуществляться под протекторатом мирового сообщества или государства-волонтера.

Скорее всего, сложится некоторая иерархия глубины освоения:

- ситуативное (не влекущее за собой заметных экологических последствий);
- проектное освоение (разработка кортежа альтернативных или конкурирующих между собой проектов — выбор проекта, предназначенного к реализации, будет осуществляться по критериям не экономической или коммерческой эффективности, а хозяйственной и экологической безопасности);
- программное освоение (увязка на территории различных проектов по стратегическим, концептуальным параметрам, имеющим планетарное значение, а потому затрагивающим пласты будущего на десятилетия как минимум);
- сценарное освоение, предполагающее своей целью освоение гуманитарных ресурсов, отличающихся от естественных своей неисчерпаемостью и приращением объемов в ходе использования; результатом этого освоения будет являться обогащение потенциала территорий.

В общем виде новороссийская модель освоения может стать передовой и фронтальной, если сможет ассимилировать в себе и возродить традиции, нравы и обычаи хозяйственного, воспроизводственного освоения, освоения навсегда.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990. — 412 с.
2. Вебер А. Теория размещения промышленности. М., 1926.
3. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 805 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Изб. Соч. с. 61–272. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — 396 с.
6. Дживилегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1902. — 248 с.
7. Дживилегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. — М., 1904.
8. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии. «Вопросы географии», 1947, 6.
9. Левинтов А.Е. Влияние природных ресурсов на работу транспорта в Тюменской области. В сб.: «Природа и природные ресурсы Тюменской области». — Тюмень, 1973.
10. Левинтов А.Е. Дорога — куда?... «Смена», 1988, 9.
11. Левинтов А.Е. Жизнедеятельность и хозяйство. Принципиальные методологические схемы, 1993. — 22 с. (рукопись)
12. Левинтов А.Е. Какой быть дельте Дуная? // «Природа», 1988, 1, с. 48–53.
13. Левинтов А.Е. Мечты о былом. Избитые мифы о Русской Америке. «Мы и Америка», Лос-Анджелес, № 70–72, июль 2003.
14. Левинтов А.Е. Могущество Российское прирастать будет Сибирью... «Химия и жизнь», 1967, 10.
15. Левинтов А.Е. Некоторые проблемы и направления региональных транспортных исследований. В сб.: «Научная конференция молодых специалистов по методологическим проблемам региональной экономики». — М.: СОПС, 1976.
16. Левинтов А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии. «Вопросы методологии», 3, 1991, с. 45–52.

Нагирная А.В.

17. Левинтов А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии. «Известия АН СССР. Серия географическая», 6, 1994, с. 120–129.
18. Левинтов А.Е. Проект TVA и Гуверовская ГЭС. «Кстати», Сан-Франциско, № 231, с. 12.
19. Левинтов А.Е. Разбирая завалы мифов. «Кстати», Сан-Франциско, № 201–203.
20. Левинтов А.Е. Региональные особенности и этапы формирования транспортной сети Сибири. В сб.: «Материалы IV конференции молодых социологов и экономистов Сибири». — Тюмень, 1976.
21. Левинтов А.Е. Транспортно-экономические связи и формирование территориально-производственной структуры Обь-Иртышского района. «Известия АН СССР, Серия географическая», 1971. 3.
22. Левинтов А.Е. Транспортно-экономические связи и проблемы хозяйственного освоения (на примере формирующегося Обь-Иртышского территориально-производственного комплекса). Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. геогр. наук. — М., 1972. — 22 с. (на правах рукописи)
23. Левинтов А.Е. Форт Росс. «Афиша +», Сакраменто, 25 июля 1999, с. 6.
24. Levintov A. Transport-economic links and the formation of the territorial-production structure of the Ob-Irtysh region. «Soviet Geography»: review and translation, NY., 1972, 1.
25. Леш А. Географическое размещение хозяйства. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 455 с.
26. Портер М. Конкуренция. — СПб.–М.–Киев: Вильямс, 2000.
27. Тоффлер О. Прогнозы и предпосылки. «Социологические исследования», 1987, 5, с. 94–101.
28. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. «Вопросы философии», 1989, 9, с. 116–163
29. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. — М.: Экономика, 1989. — 492 с.
30. Щедровицкий П.Г. Формула развития. — М.: ШКП, 2005. — 182 с.
31. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. — М.: Наука, 1990. — 271 с.

ТИПОЛОГИЯ СТРАН МИРА ПО УРОВНЮ ГОТОВНОСТИ К ЖИЗНИ В ИНФОРМА- ЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И НАЛИЧИЮ УСЛОВИЙ ДЛЯ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ¹

Движущей силой социально-экономического развития в информационном обществе является производство, приобретение, распространение и практическое применение информации и знаний. Следовательно, главной задачей для перехода к информационному обществу (ИО) является рост эффективности использования информации и знаний во всех областях общественной деятельности, в том числе в экономике.

Мировая экономика становится все более динамичной и конкурентной. Для каждой страны возникает необходимость разработки стратегии повышения эффективности использования знаний для того, чтобы повышать производительность традиционных отраслей производства, развивать новые отрасли и не упустить возможность догнать тех, кто сейчас находится на передовых позициях.

С развитием ИО способность производить, приобретать и использовать знания становится важнейшим фактором международной конкурентоспособности. Для достижения роста эффективности использования знаний в стране необходимы долгосрочные инвестиции в образование, развитие национального инновационного потенциала, модернизация информационной инфраструктуры, а также обеспечение благоприятной для развития ИО и, в частности, экономики знаний, среды. Это положение разделяют эксперты Всемирного банка, согласно мнению которых основными составляющими ИО и экономики знаний являются [7]:

1. *Экономический и институциональный режим* (благоприятная экономическая политика и система институтов), способствующий эффективному использованию ресурсов и стимулирующий всё более ускоренное и эффективное создание, распространение и использование информации и знаний;

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект 07-06-00398).

2. *Высокообразованная и высококвалифицированная рабочая сила*, способная эффективно создавать и использовать информацию и знания;
3. *Эффективная национальная инновационная система*, состоящая из фирм, исследовательских центров, университетов, консалтинговых и других организаций, обеспечивающих доступ национальной экономики и общества к растущим мировым запасам знаний, их сбор и адаптацию к местным условиям.
4. Современная и/или динамично развивающаяся *информационная инфраструктура*, являющаяся основой для эффективной коммуникации, передачи и обработки информации и знаний.

С целью помочь правительствам стран осознать свое место в нарождающемся глобальном информационном обществе и глобальной экономике знаний специалисты Института Всемирного Банка разработали *электронную систему оценки эффективности использования знаний (World Bank Knowledge Assessment Methodology (KAM))* [13]. В базе данных KAM собрана информация по 76 первичным количественным и качественным показателям по 132 странам мира, характеризующим каждую из описанных выше четырех основ ИО, а также по некоторым показателям, отражающим общее социальное и экономическое развитие (полный список показателей представлен в таблице 1).

Система KAM автоматически вычисляет и составляет рейтинг стран по четырем интегральным показателям: уровень развития ИКТ-инфраструктуры, уровень развития человеческого потенциала, эффективность национальной инновационной системы, экономический и институциональный режим, стимулирующий развитие ИО.

На базе 14 ключевых показателей (выделены курсивом в таблице 1) вычисляется специальный показатель — *индекс развития экономики знаний* (knowledge economy index — KEI) — рассчитывается как среднее арифметическое нормализованных оценок страны по всем четырем составляющим ИО и экономики знаний (экономический и институциональный режим; образование; ИКТ-инфраструктура; инновации). Индекс развития экономики знаний — это интегральный показатель, характеризующий способность страны использовать знания для эффективного развития экономики.

Система KAM вычисляет также индекс готовности к знаниеемкому/информационному развитию (knowledge index — KI) или *индекс готовности к жизни в информационном обществе* как среднее арифметическое нормализованных оценок страны по трем из 4 составляющих ИО — образование, ИКТ-инфраструктура, инновации. То есть он не учитывает экономических и институциональных условий развития

ИО. Индекс готовности к жизни в ИО измеряет способность страны генерировать, адаптировать, распространять и использовать информацию и знания.

Всемирным банком собрана статистика по 132 странам мира в двух временных разрезах: на 1995 г. и на последний из доступных (чаще всего — 2005 г.). Электронная система Всемирного банка предоставляет уникальную статистическую базу для исследования развития ИО в различных странах и регионах мира, а также для анализа территориально-временных аспектов этого глобального процесса.

Ввиду того, что страны чрезвычайно разнообразны по размерам территории и населения, этническому и национальному составу, месту в международном разделении труда, особенностям и уровню экономического, исторического, а также информационного развития, особый интерес для исследования представляет проведение систематизации стран мира. Для сравнительного анализа стран мира по уровню готовности к жизни в ИО и наличию необходимых для его развития экономических и институциональных условий была составлена *Диаграмма 1*. По оси X взят индекс готовности стран к жизни в ИО, по оси Y — экономический и институциональный режим, способствующий эффективному использованию ресурсов и стимулирующий всё более ускоренное и эффективное создание, распространение и использование информации и знаний. Расположив страны мира в предложенной системе координат можно наглядно увидеть, во-первых, насколько в настоящий момент различные страны готовы к жизни в ИО, и, во-вторых, насколько сами правительства стимулируют развитие ИО в этих странах. Отметим, что именно последнее имеет первостепенное значение для оценки перспектив будущего развития ИО в странах. Графическое сочетание двух комплексных показателей на диаграмме, а также расположение стран относительно диагонали (отражающей соответствие между готовностью стран к жизни в ИО и благоприятностью условий для его развития) наглядно иллюстрирует успехи, достижения, а также неудачи стран на пути к ИО и дает возможность для выводов и прогнозов.

Комплексный сравнительный социально-экономико-географический анализ расположения стран на предложенной диаграмме позволяет разработать типологию стран мира по уровню готовности к жизни в ИО и наличию необходимых для его развития условий. Целью создания типологии является выявление (на основании сходных и индивидуальных признаков развития ИО) типов и подтипов стран по степени готовности стран мира к жизни в ИО и наличию необходимых для его развития условий, оценка готовности стран мира к пере-

ходу к ИО, анализ факторов успеха и неудач на пути к ИО, а также оценка перспектив развития ИО в различных странах мира.

Под типом страны будем понимать объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий ее роль и место в глобальном информационном обществе на современном этапе мирового развития. Подтипы стран выделяются в том числе в результате определения цивилизационных, региональных особенностей в пределах одного типа. Однотипные страны в условиях разных макрорегионов могут значительно отличаться друг от друга.

Существование различных типов стран является результатом действия закона неравномерности развития. Человечество вступило на постиндустриальный и, в частности, информационный этап своего развития. Развитие ИО в разных странах идет разными темпами, в разных условиях и разными способами и методами. В этой связи проведение типологии стран по уровню готовности к жизни в ИО и наличию необходимых для его развития условий является актуальным и представляет большой научный интерес.

Согласно проведенной типологии, все страны мира в соответствии с их уровнем готовности к жизни в информационном обществе и благоприятностью необходимых для его развития экономических и институциональных условий можно разделить на три основных типа: А — лидеры, В — догоняющие, С — отстающие. В рамках каждого из типов можно выделить подтипы стран (см. диаграмму 1).

К типу А — «лидеры» относятся 38 стран, которые образуют Центр мирового хозяйства. Для них характерны максимальные показатели как по уровню готовности к жизни в ИО (> 7 баллов), а также благоприятные условия для его развития (в среднем больше 7). Почти все страны вошли в период постиндустриального развития: доля сельского хозяйства в ВВП стабилизировалась на самом низком уровне (2–5%), доля промышленности все больше сокращается (производственные мощности переводятся в страны Полупериферии и Периферии), а доля сферы услуг достигает 60–70%. Экономика большинства из этих стран ориентирована на инновации. Страны этого типа отличаются высокими показателями объема ВВП и ВВП на душу населения. В этих странах достигнут высочайший уровень развития ИКТ-инфраструктуры. Для этого типа стран характерны самые высокие показатели социального развития: высокий уровень образованности населения, высокие индексы развития человеческого потенциала, наиболее равномерное распределение доходов (коэффициент Джини) и т.д.

Лидерами в области готовности к жизни в ИО являются, прежде всего, страны Северной Европы и Австралия, а также страны Северной Америки, Западной Европы, Япония и Новая Зеландия (подтипы А1 и А2). Три североευропейские страны — Финляндия, Дания и Швеция (подтип А1) являются наиболее готовыми к жизни в ИО, они формируют собой авангард становления глобального ИО. Для стран, формирующих юго-восточный фасад ЕС (подтип А3) характерной оказывается модель ускоренного догоняющего развития в рамках типа лидеров.

Особо следует сказать о еще двух подтипах стран, особо выделяющихся в рамках типа стран «Лидеры» (А): они находятся на относительно большом расстоянии от диагонали Диаграммы 1 и включают в себя лишь по две страны. Сингапур и Гонконг (подтип А4) обладают самыми благоприятными в мире экономическими и институциональными условиями для развития ИО (>9 баллов). На карте мира эти страны выглядят крошечными точками, но в мире высоких технологий, в том числе информационных, эти государства являются одними из лидеров. Другой подтип — А5 — Барбадос и Республика Корея — отличаются сочетанием высоких показателей готовности к жизни в ИО, но лишь умеренно благоприятных экономических и институциональных условий для его развития (5,5–6 баллов).

Тип В — «Догоняющие» включает в себя 66 стран, которые в основном образуют Полупериферию мирового хозяйства. По сравнению с типом А «лидеров» тип В «догоняющих» не обнаруживает консолидированности. Страны в рамках этого типа оказываются широко разбросанными по Диаграмме 1 и сильно отличаются друг от друга по различным показателям.

Лидерами среди «догоняющих» (подтип В1) являются страны-нефтеэкспортеры Персидского залива, небольшие латиноамериканские страны Тринидад и Тобаго, Коста-Рика, Уругвай, а также Мексика, и кроме того, ЮАР, Таиланд, Малайзия, Турция и Армения. Такой же уровень готовности к жизни в ИО, но в целом недостаточное экономическое и институциональное стимулирование его развития характерны для таких восточноевропейских стран, как Болгария, Румыния, Молдова, Украина и Македония, стран Ближнего Востока Иордании и Ливана, двух крупных стран Латинской Америки — Аргентины и Бразилии, а также Ямайки (подтип В4). Особое положение занимают Хорватия и Болгария — лидеры этого подтипа, которые активно движутся к ИО, позиционируя себя как так называемые *near-shore* зоны для европейского производства ИТ и программного обеспечения.

Исключительное положение занимает государство Чили (подтип В7), обладающее одним из самых высоких показателей готовности к жизни в ИО среди стран типа «догоняющие» (6,20 балла) и одним из самых высоких в мире показателей благоприятности экономических и институциональных условий для развития ИО (8,84 балла). По значению последнего показателя Чили стоит наравне с Люксембургом и уступает только Сингапуру и Гонконгу. Чили — несомненный лидер региона Латинской Америки в области построения ИО. Высокий для догоняющей страны уровень готовности к жизни в ИО и наличие одних из самых благоприятных в мире условий для информационного развития дает основание предполагать, что в ближайшем будущем Чили станет одной из стран типа «лидеры».

Сочетание пониженной готовности к жизни в ИО (3,5–5 баллов) и умеренно неблагоприятных экономических и институциональных условий для его развития (3–5 баллов) характерно для таких стран, как Маврикий, Оман, Монголия, Филиппины, Шри-Ланка, Тунис, Египет, Колумбия, Перу, Боливия, Босния и Герцеговина и Китай (подтип В2). Сочетание пониженной и низкой готовности к жизни в ИО (2,5–3,5 баллов) с умеренно неблагоприятными и неблагоприятными экономическими и институциональными условиями для его развития (около 2–4 баллов) свойственно странам подтипа В3: пяти странам Латинской Америки (Никарагуа, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Парагвай), четырем африканским странам (Марокко, Кения, Алжир, Эквадор), четырем азиатским (Индия, Вьетнам, Индонезия и наименее развитая из стран СНГ — Таджикистан), а также Сирии и наименее развитой из европейских стран — Албании.

Семь республик бывшего СССР (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Грузия и Азербайджан) вместе с двумя латиноамериканскими странами Аргентиной и Венесуэлой, а также Ираном, Сербией и Черногорией² заняли интересное положение на Диаграмме 1, чем и обусловили выявление подтипа В5, который отличается сочетанием средней и повышенной готовности к жизни в ИО (до 7,07 баллов (Россия)) с неблагоприятными экономическими и институциональными условиями для его развития (1–3 балла). Причина тому — серьезные недостатки в области развития экономической конкуренции и необходимой для неё нормативной базы. В частности, недостаточно обеспечено законодательством право на частную собственность, низко оценивается качество экономического регулирования

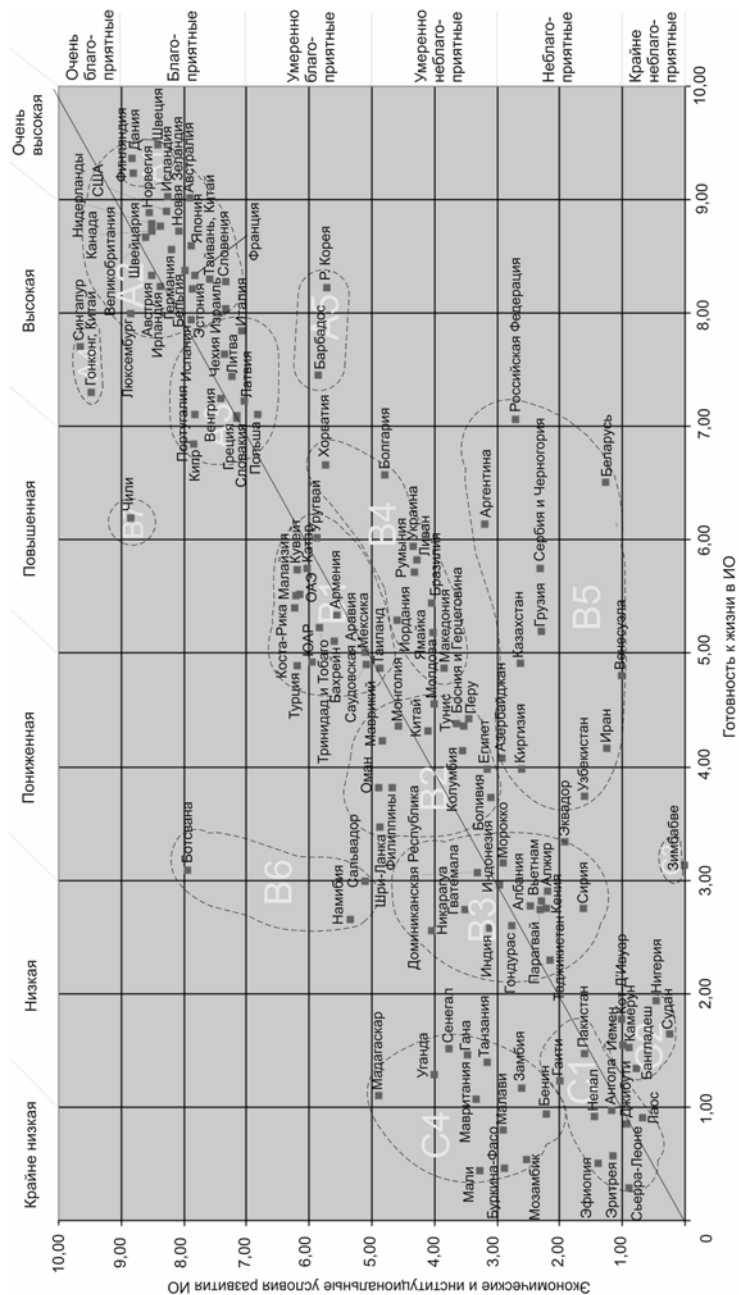
² Статистика Всемирного банка на 2005 г., когда Сербия и Черногория еще составляли единое государство.

со стороны государства, плохо обстоит дело с противодействием коррупции, недоразвитой остаётся финансовая система, процветает бюрократия.

В области инноваций у России огромный потенциал, традиционно развитая фундаментальная наука и значительные ресурсы научно-технических кадров. Однако расходы России на НИОКР относительно невелики (1,17% ВВП в 2004 г.) по сравнению, например, с США (2,68%) и Японией (3,15%) [11]. В России развитие тормозят слабая связь науки с производством, а также недостаточное использование мировых запасов знаний из-за морально и технически устаревшей системы их распространения. Большинство стран постсоветского пространства, и в особенности Россию, отличает высокий средний уровень образования. Но из-за слабой связи системы образования с рынком труда происходит «утечка мозгов», а неразвитость системы повышения квалификации приводит к застойным явлениям. То есть Россия занимает весьма достойное место в области знаний, но недостаточно хорошо применяет эти знания.

ИКТ-инфраструктура в странах СНГ в целом находится в слабо развитом состоянии (за исключением самых крупных городов). Во многом это связано с недостаточной ценовой доступностью ИКТ для населения. Наиболее динамично на рынках стран СНГ развивается мобильная связь. В России за 2001–2005 гг. проникновение мобильной связи увеличилось в 16 раз, а в 2006 г. перевалило за 100% [5]. ИКТ — один из немногих секторов экономики, где Россия сокращает свое технологическое отставание от развитых стран. Отрасль растет в несколько раз быстрее, чем экономика страны в целом, и доля сектора ИКТ в структуре ВВП постоянно увеличивается (если в 2000 г. она была на уровне 3,2%, то на конец 2005 г. вклад ИКТ в экономику страны достиг почти 5%). Однако пока Россия и другие страны СНГ серьезно отстают от стран, которые вышли на постиндустриальный этап своего развития. Доля ИКТ в ВВП США составляет 6,7%, Японии — 7,7%, Великобритании — 8%, а в некоторых странах ЦВЕ приближается к 10%. В пересчете на душу населения ИКТ-расходы России составили в 2005 г. немногим более 250 дол., в то время как в Европе их уровень выше в 6,3 раза, в Японии — в 10 раз, а у мирового лидера по этому показателю, Швейцарии, — почти в 13 раз. Тем не менее, согласно прогнозам, к концу 2010 г. доля ИКТ в ВВП России вырастет вдвое — до 10%, а доля сектора ИКТ в структуре российского экспорта — в 4 раза, с 1 до 4%, и Россия по совокупному объему рынка ИКТ может стать пятым рынком в Европе — после Великобритании, Германии, Франции и Италии [5].

Диаграмма 1. Распределение стран по сочетанию готовности к жизни в информационном обществе и наличия благоприятных условий для его становления

Составлено по данным World Bank Knowledge Assessment Methodology (на 2005 г.)

Особое место на Диаграмме 1 занимает подтип В6, к которому относятся три страны — Ботсвана, Намибия и Сальвадор. Этот подтип отличает сочетание пониженной и низкой готовности к жизни в ИО (около 3 баллов) и достаточно благоприятных экономических и институциональных условий для его развития (до 8 баллов). Ботсвана — яркий пример страны, правительство которой мудро распределяет прибыли от добычи алмазов и других полезных ископаемых с помощью грамотной налоговой и внешней политики. В Ботсване практически отсутствуют ограничения во внешней торговле, страна признана наименее коррумпированным государством в Африке и предлагает одни из лучших возможностей инвестирования среди развивающихся стран. В результате Ботсвана, будучи одной из беднейших стран мира, за годы своей независимости (с 1966 г.), сумела стать страной со средним уровнем дохода населения (ВВП на душу населения в 2005 г. составил немногим более 10 тыс. дол. США).

Тип С — «отстающие» включает в себя 33 страны, которые могут быть отнесены в основном к Периферии мирового хозяйства. В большинстве своем это наименее развитые страны мира с минимальными показателями доходов на душу населения, доминированием первичного сектора экономики, слабо развитой транспортной и ИКТ-инфраструктурой, большой долей безграмотного населения, населения, проживающего ниже уровня бедности. Это большинство стран Африки, а также Бангладеш, Гаити, Йемен, Лаос, Непал и Пакистан. Социально-экономическому развитию большинства из этих стран, в том числе развитию инфраструктуры и ИО, препятствовали и препятствуют этнические конфликты и гражданские войны. Для этих стран характерны очень низкие показатели уровня готовности к жизни в ИО (0–2 балла). По показателю благоприятности для формирования ИО экономических и институциональных условий страны этого типа сильно различаются в интервале от 0 до почти 5 баллов. Если в таких странах, как Зимбабве и Судан условия для развития ИО можно охарактеризовать как крайне неблагоприятные, то, например, на Мадагаскаре созданы средне благоприятные условия для его развития. В связи с этим основным критерием для выделения подтипов в рамках данного типа была дифференциация стран по наличию экономических и институциональных условий, стимулирующих развитие ИО и экономики знаний.

Таким образом, все страны мира в соответствии с их уровнем готовности к жизни в ИО и наличием необходимых для его развития экономических и институциональных условий можно разделить на три основных типа: А — лидеры, В — догоняющие, С — отстающие. Происходит все большая консолидация внутри типа стран «лидеры», для

которых характерны самая высокая готовность к жизни в ИО и максимально благоприятные условия для его развития. Остальные страны стремятся в своем развитии догнать лидеров, стараясь сократить разрыв между ними.

Темпы и сущность развития ИО в странах типа «лидеры» и странах типа «догоняющие» различны. Для стран-лидеров, с их насыщенным информационным рынком и высоким уровнем проникновения ИКТ, характерно эволюционное развитие и все большая консолидация. Что касается развивающихся стран, то темпы их роста заметно выше. Они имеют возможность заимствовать и адаптировать новые технологии, не затрачивая время и средства на их разработку, то есть развиваться революционно. В результате, происходит сокращение цифрового разрыва (по некоторым направлениям) между наиболее и наименее развитыми странами мира.

Для развития ИО необходима соответствующая благоприятная среда — благоприятные экономические и институциональные условия как катализатор развития ИО. Создание благоприятной среды является задачей правительства. Анализ благоприятности условий дает возможность делать прогноз о дальнейшем развитии ИО в стране.

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Контуры информационного общества / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям. — М., 2005.
2. Карл Далман. Знание-ёмкая экономика: концепции, тенденции, стратегии // Информационное общество, 2002, вып. 1, с. 27–33.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Национальные модели информационного общества / Отв. ред. и сост. Е.Л. Вартанова, науч. Ред. Н.В. Ткачева. — М.: Издательство ИКАР, 2004.
5. Региональному содружеству в области связи — 15 лет // Вестник связи №11 2006.
6. An International Perspective for a Global Information Society. IS Activity: International Aspects. European Commission, 2004.
7. Derek H.C. Chen and Carl J. Dahlman. The Knowledge Economy, the Knowledge Assessment Methodology and World Bank Operations // The World Bank. — Washington DC 20433. October 2005.
8. Digital Opportunity Initiative report 2001.
9. Global Information Technology Report 2005–2006.

10. The Economist Intelligence Unit. The 2006 e-readiness rankings.
11. World Development Indicators 2006.
12. Central Intelligence Agency: <http://www.cia.gov>
13. The Knowledge assessment Methodology (KAM) website (www.worldbank.org/kam)

Таблица 1.

	Группа	Показатели
I.	Базовые показатели (performance indicators)	Средние темпы роста ВВП (%)
		ВВП в расчете на душу населения (по ППС)
		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)
		Индекс бедности
		Комплексный индекс риска
		Средний уровень безработицы (%)
		Занятость в промышленности (% от общей занятости)
		Занятость в сфере услуг (% от общей занятости)
II.	Экономика (economic regime)	ВВП (в текущих ценах, млрд долл. США)
		Среднее валовое привлечение капитала в % от ВВП
		Государственный бюджет в % от ВВП
		Торговля в % от ВВП
		Тарифные и нетарифные барьеры во внешней торговле
		Охрана интеллектуальной собственности
		Устойчивое состояние банковского сектора
		Экспорт товаров и услуг (% от ВВП)
		Разница процентных ставок (ставка кредита минус ставка депозита)
		Конкуренция на местном уровне
III.	Государственное управление (institutions)	Национальный кредит частному сектору (% от ВВП)
		Качество экономического регулирования
		Качество правового регулирования
		Эффективность правительства
		Гласность
		Политическая стабильность
		Коррупция
IV.	Образование и человеческий капитал (education and human resources)	Свобода прессы
		Уровень грамотности среди взрослого населения (% , старше 15 лет)
		Среднее количество лет обучения
		Охват населения средним образованием
		Охват населения высшим образованием
		Ожидаемая продолжительность жизни
		Доступ в Интернет в школах

		Расходы на общественное образование в % от ВВП
		Число специалистов и технических работников (% от рабочей силы)
		Достижения 8-го уровня в математике
		Достижения 8-го уровня в естественных науках
		Качество математического и естественного образования
		Профессиональные тренинги и переподготовка
		Доступность высококачественного управленческого образования
		Эмиграция образованных людей
V.	Наука и технологии (innovation system)	ПИИ в процентах от ВВП
		Авторские выплаты и лицензионные платежи (млн. долл.)
		Авторские выплаты и лицензионные платежи (млн. долл.) в расчете на 1 млн. чел.
		Поступление авторских выплат и лицензионных платежей (млн. долл.)
		Поступление авторских выплат и лицензионных платежей (млн. долл.) в расчете на 1 млн. чел.
		Общее количество персонала в НИОКР
		Число сотрудников, занятых в НИОКР, в расчете на 1 млн. жителей
		Валовые расходы на НИОКР в % от ВВП
		Торговля промышленными товарами в % от ВВП
		Сотрудничество в НИОКР между компаниями и институтами
		Плата за регистрацию бизнеса (% от ВВП на душу)
		Плата за регистрацию контракта (% от ВВП на душу)
		Число научно-технических публикаций в журналах
		Число научно-технических публикаций в журналах в расчете на 1 млн. жителей
		Административная нагрузка на начинающие компании
		Доступность венчурного капитала
		Общее количество заявок на патенты в USPTO
		Число патентов, выданных USPTO, в расчете на 1 млн. жителей
		Развитие кластеров
		Доля высокотехнологичной продукции в промышленном экспорте
		Затраты частного сектора на НИОКР

VI.	Информационная инфраструктура (information infrastructure)	Количество телефонов на 1000 чел. (фиксированная и мобильная связь)
		Количество телефонных фиксированных линий на 1000 чел.
		Количество мобильных телефонов на 1000 чел.
		Количество ПК на 1000 чел.
		Количество телевизоров на 1000 чел.
		Количество радиоприемников на 1000 чел.
		Количество ежедневных газет на 1000 чел.
		Число хост-узлов Интернет на 10000 чел.
		Число пользователей Интернет на 10000 чел.
		Международная связь: стоимость 3 минут разговора по телефону с США в долл.
		Электронное правительство
		Расходы на ИКТ в % от ВВП
VII.	Равноправие полов (gender equality)	Индекс гендерного развития
		Женщины среди работающего населения (%)
		Женщины в парламенте (% от числа всех парламентариев)
		Уровень грамотности среди женщин (% грамотных среди женщин старше 15 лет)
		Охват средним образованием (%)
		Охват высшим образованием (%)

Источник: [13]

ПРАКТИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ³

По закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131-ФЗ от 06.10.2003) должна быть обеспечена преемственность структуры территориальной организации местного самоуправления, созданной в соответствии с федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г [6; 14].

I. Небольшой исторический экскурс

Принятие в 1995 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не являлось прямым требованием Конституции России. Однако реальная практика государственного строительства подсказала необходимость разработки такого закона. С законодательной инициативой выступили Президент РФ и две группы депутатов Государственной Думы. Таким образом, к первому чтению были подготовлены три альтернативных законопроекта, отражавших основные представления о местном самоуправлении в кругах политической элиты страны. В результате принятый закон стал компромиссом, которого удалось достичь представителям различных ветвей государственной власти [5; 7; 9].

С 1 января 2006 г. вступил в силу (принят 06.10.2003 № 131-ФЗ) новый закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Его основной целью является устранение неопределенностей в разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Именно поэтому вводится единая структура территориальной организации местного самоуправления. Полномочия РФ и ее субъектов в сфере регулирования местного самоуправления устанавливаются на основе иных принципов, чем это

³ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-02-00120а).

осуществлено в предыдущей редакции Федерального закона, более подробно регулируется деятельность органов местного самоуправления [5].

Федеральный закон № 131-ФЗ обязал органы власти всех субъектов РФ до 1 января 2005 г. установить границы муниципальных образований в соответствии с новыми требованиями и наделить соответствующие муниципальные образования статусом городского поселения, сельского поселения, муниципального района, городского округа.

Сельским поселением может стать один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (сёл, станций, деревень, хуторов). *Городским поселением* может быть признан город или поселок городского типа с прилегающей территорией (в составе городского поселения также могут находиться сельские населенные пункты, не являющиеся сельскими поселениями). *Муниципальным районом* могут стать несколько поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией. *Городской округ* — это городское поселение, которое не входит в состав муниципального района. *Внутригородские муниципальные образования* формируются в городах федерального значения (в Москве — управы, в Санкт-Петербурге — муниципальные округа, города и поселки). [8]

В ходе реализации положений Федерального закона 131-ФЗ, к концу 2007 г. были достигнуты следующие результаты:

- создана современная модель территориальной организации местного самоуправления;
- сформированы органы местного самоуправления;
- организована муниципальная служба;
- приняты и прошли государственную регистрацию уставы муниципальных образований;
- реализуются полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. [11]

II. Практика реформирования муниципальных образований в некоторых субъектах РФ

Два субъекта Российской Федерации — Новосибирская область и Ставропольский край добровольно взяли на себя роль пилотных площадок для отработки основных положений реформы. В этих пилотных регионах основные этапы реформы были пройдены к 1 января 2005 г. [12].

Новосибирская область является одним из первопроходцев в реализации муниципальной реформы. С 1993 г. в России практически перестали существовать институты местного самоуправления. Все полномочия органов местной власти оказались в компетенции назначаемых глав администраций. Представительные органы формально наделялись некоторыми контрольными полномочиями, однако на практике они не реализовывались. В Новосибирской области не стали разрушать сельский уровень представительной власти. Это объединяет область со Ставропольским краем — в субъектах остались сельсоветы. В 1994 г. в области было принято «Положение о местном самоуправлении», куда были внесены почти все полномочия прежних органов сельской власти, которые они исполняли в советское время⁴.

Реформирование местного самоуправления в Новосибирской области фактически не привело к существенному изменению границ и статуса муниципальных образований. На 1 января 2003 г. в области было 460 муниципальных образований, из них 6 — города областного подчинения. В ходе реформы количество муниципальных образований увеличилось до 490, добавились 30 муниципальных образований в виде районов, действуют 5 городских округов, 26 городских поселений и 429 сельских поселений. Два города областного подчинения — Куйбышев и Барабинск — не получили статуса городского округа и были включены в состав муниципальных районов по финансовым соображениям. В то же время рабочий поселок Кольцово получил статус городского округа, поскольку является наукоградом [12].

Реализация муниципальной реформы в *Ставропольском крае* носила более комплексный характер, затрагивая не только территориальные и организационные вопросы, но и финансовую систему. Механизмы реформирования территориальной структуры в крае существенно не отличались от подобных механизмов в Новосибирской области, поскольку в дореформенный период здесь также господствовала поселенческая модель, а на районном уровне функционировали территориальные подразделения государственной власти. Соответственно, указанные подразделения были упразднены, при этом было сформировано 25 муниципальных районов. В настоящее время в крае 330 муниципальных образований, из них — 9 городских округов, 26 муниципальных районов, 14 городских и 281 сельское поселе-

⁴ Информация по реализации муниципальной реформы в Новосибирской области взята из интервью депутата от Новосибирской области по списку КПРФ Виктора Кузнецова от 21.09.2005 (сайт <http://www.regnum.ru>).

ние. Вновь образованными муниципальными образованиями являются 25 муниципальных районов и 15 поселений. Статус городских округов получили все города краевого подчинения [12].

Необходимо отметить, что в других субъектах Российской Федерации сложилась несколько иная ситуация, чем в пилотных регионах. Для примера рассмотрим ход прохождения реформы в субъектах Центрального федерального округа. Помимо общероссийских тенденций на формирование территориальной организации местного самоуправления повлияли также макрорегиональные факторы, такие как приближенность к Москве, развитость транспортной инфраструктуры, высокая плотность населения (особенно в зоне тяготения к Москве и к Центрально-Черноземной полосе России), отсутствие компактно проживающих национальных меньшинств.

К 2003 г. в регионах Центрального федерального округа сложились различные системы территориальной организации местного самоуправления. Таким образом, можно выделить несколько типов территориальной организации местного самоуправления [4].

1. *Одноуровневая территориальная организация государственной власти субъекта Федерации и одноуровневая структура муниципальных органов власти (на уровне крупных городов и районов)*. В Белгородской, Ивановской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской областях (и в большинстве регионов в целом по России) в середине 1990-х гг. сложилась одноуровневая система муниципальных образований, то есть «территориальная модель»⁵ местного самоуправления, в рамках которой существовали районные муниципальные образования (как правило, в структуре административных районов субъектов Российской Федерации) и городские муниципальные образования (как правило, в городах областного подчинения), при этом территории районных и городских муниципальных образований не содержали в своих границах каких-либо иных муниципальных образований [1; 2; 3; 4; 11].

⁵ Территориальная, или районная модель. Административный район с расположенными на его территории городами районного значения, поселками, волостями, сельсоветами и сельскими поселениями составляет единое муниципальное образование. В городах районного значения, поселках, волостях и сельсоветах на территории района создаются территориальные администрации, подчиненные администрации района. Число муниципальных образований в одном субъекте РФ при данной модели измеряется десятками. Эта модель проще других в управлении и была принята в большинстве субъектов РФ. Однако она лишает низовые территориальные единицы, в том числе города районного значения и крупные поселки, муниципальной собственности, своего бюджета и выборных органов местного самоуправления.

В ряде субъектов Российской Федерации система муниципальных образований в основном соответствовала территориальной модели организации местного самоуправления, но при этом существовали отдельные поселенческие муниципальные образования в границах районных и объединенных муниципальных образований. Так, в *Брянской и Владимирской областях* существовали городские, сельские и поселковые муниципальные образования в границах районов, а во Владимирской области — также внутригородские муниципальные образования в составе муниципальных образований городов Владимира и Собинки.

В тех регионах, где к 2003 г. сложилась территориальная модель организации местного самоуправления, естественным решением было наделение районных муниципальных образований статусом муниципальных районов с образованием на их территории городских и сельских поселений и наделение самостоятельных городских муниципальных образований статусом городских округов. Что касается внутригородских муниципальных образований, то их следовало либо преобразовать в поселения в составе муниципальных районов, либо упразднить.

2. *Двухуровневая территориальная организация государственной власти субъекта Федерации и одноуровневая структура муниципальных органов власти.* В некоторых регионах Центрального федерального округа, тяготеющих преимущественно к Центрально-Черноземной полосе России (*Воронежская, Липецкая, Орловская, Тамбовская области*), сложилась двухуровневая система местного самоуправления, в рамках которой существовали не только районные и городские, но также поселковые и сельские муниципальные образования в составе районных муниципальных образований — города районного подчинения, поселки (поссоветы), сельсоветы. Территории этих муниципальных образований в основном соответствуют административно-территориальным единицам, на которых до 1993 г. существовали городские, районные, поселковые, сельские советы народных депутатов.

В тех регионах, где к началу муниципальной реформы уже сложилась двухуровневая система местного самоуправления, изменения, обусловленные принятием нового Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, были минимальными.

Например, в Орловской области к 1996 г. существовало 267 муниципальных образований, из них 3 городских (города Орел, Ливны, Мценск), 24 районных, 2 городских и 15 поселковых муниципальных образований в составе районов, 223 сельсовета. В ходе муниципаль-

ной реформы все муниципальные образования фактически сохранили свой статус.

В Тамбовской области к 1996 г. существовало 352 муниципальных образования, из них 7 городских (города Кирсанов, Котовск, Мичуринск, Моршанск, Рассказово, Тамбов, Уварово), 23 районных, 1 городское муниципальное образование и 12 поселковых муниципальных образований в составе районов, 309 сельсоветов. В ходе муниципальной реформы все муниципальные образования, так же как и в Орловской области, сохранили свой статус.

В Липецкой области к 2003 г. существовало два городских муниципальных образования (города Липецк и Елец), 18 районных муниципальных образований (Воловский, Грязинский, Данковский, Добринский, Добровский, Долгоруковский, Елецкий, Задонский, Измаковский, Краснинский, Лебединский, Лев-Толстовский, Липецкий, Становлянский, Тербунский, Усманский, Хлевенский, Чаплыгинский районы) и 303 сельских муниципальных образования — сельсоветы. В ходе муниципальной реформы города Липецк и Елец были наделены статусом городских округов, районные муниципальные образования — статусом муниципальных районов, сельсоветы — статусом сельских поселений. Кроме того, были образованы 6 новых городских поселений (города Грязи, Данков, Задонск, Лебедянь, Усмань, Чаплыгин), и 2 новых сельских поселения (Лев-Толстовский и Добровский сельсоветы).

В Воронежской области к началу реформы существовали два самостоятельных городских муниципальных образования (города Воронеж и Нововоронеж) и одно объединенное муниципальное образование (город Борисоглебск и район), 31 районное муниципальное образование, а также города, поселки и сельсоветы, которые охватывали почти всю территорию области. В ходе муниципальной реформы города Воронеж, Нововоронеж и город Борисоглебск с районом были наделены статусом городских округов, районные муниципальные образования — статусом муниципальных районов, города и поселки — статусом городских поселений, сельсоветы — статусом сельских поселений. Были образованы 3 новых городских муниципальных образования в районных центрах — Лиски, Поворино, Подгоренское, а также 14 новых сельских поселений в Подгоренском районе. В период реформы 3 раза проводились объединения сельсоветов — Хохольского и Новохохольского (Хохольский сельсовет), Еланского и Коленовского (Коленовское сельское поселение), Старожильского и Московского (Троицкое сельское поселение). В ходе реформы поселок Краснолесный был наделен статусом городского поселения Верхнехавского района с исключением его территории из состава му-

ниципального образования город Воронеж, однако данное преобразование было пересмотрено по суду. Таким образом, преобразования затронули далеко не все муниципальные образования [4; 11].

3. *Одноуровневая система муниципальных образований на основе поселенческой модели.* В Курской области сложилась одноуровневая система муниципальных образований, в рамках которых существовали районные, городские, поселковые и сельские муниципальные образования (так называемая «поселенческая модель»⁶ местного самоуправления), при этом административные районы не имели статуса муниципальных образований, а были публично-властными территориальными образованиями с неопределенным статусом. На территории 28 районов области, охватывавших большую часть ее территории, действовали представительные органы власти и районные администрации, подчиненные администрации области. В ходе реформы 5 городских муниципальных образований (города Железнодорожск, Курск, Курчатов, Льгов, Щигры) наделены статусом городских округов, 5 городов (Дмитриев, Обоянь, Рыльск, Суджа, Фатеж) и 22 поселка — статусом городских поселений, 480 сельсоветов (включая Первоавгустовский сельсовет, который до 2003 г. был поселком) — статусом сельских поселений. На территории 28 районов области образованы новые муниципальные районы [4].

4. *Система местного самоуправления в городах федерального подчинения.* В городах федерального подчинения были разработаны собственные модели организации местного самоуправления во избежание создания параллельных структур, двоевластия, дублирования функций, а также разрушения единства городского хозяйства.

В ноябре 2002 г. был принят Закон города Москвы «Об организации местного самоуправления в городе Москве». Местное самоуправление в Москве осуществляется на территориях внутригородских муниципальных образований путем проведения местных референдумов, выборов, собраний и конференций, проявления гражданской инициативы, через органы и иные формы местного самоуправления, создаваемые по мере формирования социально-экономических, финансовых и организационных предпосылок. Таким образом, сложилась сис-

⁶ Поселенческая, или волостная модель. Муниципальными образованиями являются все города, волости (сельсоветы) и поселки. В сельских административных районах были созданы местные органы государственной власти, поэтому главной особенностью данной модели является наличие в субъекте РФ не одного, а двух уровней государственной власти — центральной и районной. Число муниципальных образований в одном субъекте РФ измеряется сотнями.

тема 125 внутригородских муниципальных образований, соответствующих районам города Москвы, в которых с 1997 г. существовали представительные органы и которые в 2003 г. после длительных судебных разбирательств и решения Московского городского суда фактически были признаны муниципальными образованиями [5; 10].

III. Анализ переходных положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»

Несмотря на кажущуюся простоту территориальных преобразований, вытекающих из переходных положений Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ, при их реализации были применены различные подходы, а в ряде регионов при реформировании территориальной организации местного самоуправления возникли серьезные проблемы.

Со дня опубликования — 8 октября 2003 г. — вступили в силу переходные положения Федерального закона, а также ряд норм, обеспечивающих их реализацию. Закон полностью вступает в силу с 1 января 2009 г. [8].

В соответствии с переходными положениями закона органы государственной власти субъектов Российской Федерации к 1 января 2005 г. должны были установить границы муниципальных образований и наделить их статусом городского, сельского поселения, городского округа, муниципального района. Установление границ муниципальных образований, наделение их определенным статусом проводилось, исходя из требований к составу территорий муниципальных образований, а также ряда критериев, которые должны были учитываться при установлении границ территорий двух уровней муниципальных образований [1; 2].

В новой редакции Федерального закона содержится также комплекс основных процедурных требований к порядку определения границ территорий двух уровней муниципальных образований, наделению их соответствующим статусом. Весь комплекс работ, связанных с установлением границ муниципальных образований, включает в себя следующие действия и меры органов государственной власти субъектов Российской Федерации:

1. Анализ существующих границ и состава территорий муниципальных образований.
2. Анализ требований, предъявляемых новой редакцией Федерального закона к определению границ, территорий и установлению статуса муниципальных образований.

3. Выбор модели перехода от существующей территориальной организации местного самоуправления к двухуровневой модели, предписанной новой редакцией Федерального закона.
 4. Подготовка и принятие нормативных правовых актов, создающих правовые условия для перехода к заданной новой редакцией Федерального закона двухуровневой территориальной организации местного самоуправления.
 5. Реализация публичных процедур, предусмотренных новой редакцией Федерального закона и обеспечивающих трансформацию существующих моделей территориальной организации местного самоуправления в заданную законом двухуровневую модель [2].
- Регионы России по-разному решали вопросы статуса существующих городских и сельских поселений.

В Московской и Калужской областях, где сложились похожие системы муниципальных образований по «территориальной» модели с элементами «поселенческой», к реформе территориальной организации местного самоуправления подошли принципиально с разных сторон.

В *Калужской области* городские, поселковые и сельские муниципальные образования включили в состав преобразованных муниципальных районов, наделив статусом городских округов только город Калугу (областной центр) и город Обнинск (наукоград), при этом мнение населения поселенческих муниципальных образований учитывалось путем опросов. Никакие электоральные процедуры на территории 10 из 24 муниципальных районов Калужской области, которые фактически были преобразованы в связи с включением в их состав новых поселений, не проводились.

В *Московской области* все городские муниципальные образования (в том числе небольшие города с населением 15–30 тыс. жителей, которые отделились от районов в 1990-х гг.) были наделены статусом городских округов, в то время как районные центры, не имевшие статуса муниципальных образований до начала муниципальной реформы, стали городскими поселениями в составе соответствующих муниципальных районов.

В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда сравнительно небольшие города Звенигород, Котельники, Лосино-Петровский, Черноголовка, Юбилейный стали городскими округами, а расположенные на пересечении транспортных путей, имеющие развитую промышленную и социальную инфраструктуру и обладающие свойствами межрайонного притяжения города Мытищи, Одинцово, Ногинск, Люберцы, Щелково стали лишь городскими поселениями.

Следует отметить, что из 15 городов Московской области с населением более 100 тыс. жителей 9 городов получили статус городских округов (Балашиха, Железнодорожный, Коломна, Королев, Орехово-Зуево, Подольск, Серпухов, Электросталь, Химки), не получили такого статуса 6 городов.

В *Брянской области* статусом городских округов были наделены четыре города, которые не входили в состав районов (Брянск, Клинцы, Новозыбков, Сельцо), а также городские и поселковые муниципальные образования (города Фокино, Стародуб, поселок городского типа Климово), которые существовали на территории районных муниципальных образований (город Фокино — на условиях разграничения полномочий с районом). В составе муниципальных районов были образованы новые городские и сельские поселения.

В то же время во *Владимирской области* городские муниципальные образования, находившиеся на территории районных муниципальных образований (города Покров, Суздаль), получили статус городских поселений в составе муниципальных районов. Следует отметить, что Владимирская область — единственный регион Центрального федерального округа (конечно, за исключением города Москвы), в котором на момент принятия Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ и начала муниципальной реформы имелись внутригородские муниципальные образования — поселки Лесной, Энергетик, Юрьевец в составе города Владимира и город Лакинск в составе города Собинки. В ходе муниципальной реформы города Лакинск и Собинка стали городскими поселениями в составе Собинского района, а внутригородские муниципальные образования города Владимира в силу требований Федерального закона были упразднены [4].

Что касается вновь образуемых муниципальных образований, то во многих регионах России территории сельских административно-территориальных единиц (в которых до 1993 г. существовали сельсоветы) оказались по ряду причин непригодными к созданию самостоятельных муниципальных образований.

В случае создания сельских поселений во многих сельских административно-территориальных единицах они неизбежно столкнулись бы с серьезными проблемами при решении вопросов местного значения ввиду низкой численности населения и отсутствия необходимой инфраструктуры.

При таких обстоятельствах органы государственной власти субъектов Российской Федерации были вынуждены либо группировать небольшие сельские населенные пункты, создавая на основе нескольких населенных пунктов одно поселение, либо включать сельские на-

селенные пункты в состав городских поселений. Но если небольшие поселения могли бы не справиться с решением вопросов местного значения, то более крупные поселения не всегда удовлетворяют критерию пешеходной доступности до административного центра [1; 12].

Тенденции укрупнения сельских поселений хорошо прослеживаются на примерах Московской, Тверской, Тульской и Ярославской областей, в которых число сельских муниципальных образований в несколько раз меньше, чем число сельских административно-территориальных единиц. В Ярославской области создали несколько искусственных «пригородных» сельских поселений, объединяющих населенные пункты, находящиеся недалеко от административного центра муниципального района, но не включающие сам административный центр.

Примером сведения идеи укрупнения сельских единиц к абсурду стало Рыбинское сельское поселение с административным центром в городе Рыбинске, которое объединяло всю сельскую территорию Рыбинского района с сельским населением 28,0 тыс. жителей и заведомо не удовлетворяло критериям пешеходной доступности до административного центра. Впрочем, впоследствии оно было разделено на 8 сельских поселений [4].

В качестве вывода следует отметить, что ни географические факторы, ни сложившаяся структура расселения не определяют специфику организации муниципальных образований.

Таким образом, муниципальная реформа, помимо проблем разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления разного уровня и проблемы оптимизации территориального устройства местного самоуправления, выявила еще и проблему соотношения территориальной организации местного самоуправления и административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации [12].

Следует отметить основные проблемы, выявившиеся в ходе реализации реформы.

Во-первых, административно-территориальное устройство и территориальная организация местного самоуправления во многом совпадают и дублируют друг друга (в первую очередь на уровне района субъекта Российской Федерации — муниципального района, города республиканского, краевого, областного, окружного значения — городского округа).

Во-вторых, отдельные несовпадения административно-территориального устройства и территориальной организации местного са-

моуправления (например, когда один и тот же город обладает статусом города республиканского, краевого, областного, окружного значения и статусом муниципального района в составе субъекта Российской Федерации) создают дополнительные сложности в деятельности и организации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

По всей видимости, оптимальным вариантом решения проблемы соотношения административно-территориального устройства и исключения ненужного дублирования является такая система административно-территориального устройства, принятая, в частности, в Смоленской области (областной закон «Об административно-территориальном устройстве Смоленской области от 05.09.1996 г.»), где за административно-территориальные единицы третьего уровня приняты городские округа и муниципальные районы, за административно-территориальные единицы четвертого уровня — городские и сельские поселения, за административно-территориальные единицы пятого уровня — населенные пункты, к учету которых, по существу, сведены вопросы административно-территориального устройства [4; 13].

Литература

1. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2004, № 26 (246).
2. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2004, № 7 (227).
3. Аналитические материалы Федерального Собрания Российской Федерации (Парламентская библиотека Российской Федерации, часть II).
4. Колпаков Н.В. Реформа территориальной организации местного самоуправления в регионах центрального федерального округа // Государственная власть и местное самоуправление. 2006, № 11.
5. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 2006.
6. Материалы Департамента федеративных отношений и местного самоуправления Министерства регионального развития Российской Федерации.
7. О местном самоуправлении в Российской Федерации. Закон от 06.07.1991 г. № 1550–1 (в редакции от 26.06.2007 № 118-ФЗ).
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (редакция по состоянию на 8 ноября 2007 г.).

9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ (последняя редакция 21.07.2005 г. № 97-AP).
10. Система муниципального управления. Учебник для вузов / Под ред. В.Б. Зотова. 2006 г.
11. Мокрый В.С. Социально-экономическое развитие муниципальных образований в условиях реформы местного самоуправления // Материалы научно-практической конференции «Комплексное социально-экономическое развитие муниципальных образований — правовая и экономическая основа. Практика взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований». Екатеринбург, 17 февраля 2006 г.
12. Сайт Инвестиционно-консалтинговой компании «ТОНАП», (www.iip.ru).
13. Сайт Смоленской областной Думы (www.parlament.smolensk.ru).
14. Сайт Министерства регионального развития (www.minregion.ru).

Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ГО УСТРОЙСТВА СУБЪЕКТОВ РФ В ХОДЕ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ⁷

Введение

Реформирование территориальных основ местного самоуправления в соответствии с принятым в сентябре 2003 г. Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] (далее Закон) сопровождается масштабной трансформацией административно-территориального деления (АТД)⁸ субъектов РФ.

Одна из целей Закона — введение (в отличие от соответствующего закона 1995 г.⁹, который он заменил) *унифицированной системы территориального устройства местного самоуправления*: на всей территории РФ оно организуется на основе *двух типов/уровней муниципальных образований* (МО). К первому относятся городские и сельские поселения, ко второму — муниципальные районы и городские округа¹⁰. Территория субъекта РФ разграничивается между поселениями (в них могут не включаться только территории с низкой — более чем в три раза ниже средней в РФ — плотностью сельского населения). В состав городского поселения входит один город или один поселок городского типа, также могут входить близко расположенные сельские населенные пункты, не являющиеся МО. Сельское поселение — один или несколько сельских населенных пунктов. Муниципальный район состоит из нескольких поселений (городских и сельских) или поселений и межселенных территорий. Городской округ — город-

⁷ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-02-00120а).

⁸ В статье как равнозначные употребляются понятия «административно-территориальное деление» (АТД) и «административно-территориальное устройство» (АТУ).

⁹ Федеральный закон «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» № 154-ФЗ от 28.08.1995.

¹⁰ Такой тип МО, как внутригородская территория города федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга), в статье не рассматривается.

ское поселение, наделенное статусом округа, которое не входит в муниципальный район. Закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и наукограды являются городскими округами.

Границы территорий МО и их статус (и сам перечень МО) определяются специальными законами субъектов РФ, которые были приняты в 2004–2005 гг. в развитие федерального закона № 131. Процесс первоначального формирования территорий МО, установления их границ и наделения статусом в основном завершился в 2005 г. По состоянию на 1 апреля 2006 г. в России были сформированы 1799 городских и 19848 сельских поселений, 522 городских округа и 1800 муниципальных районов.

Очень важно проанализировать первые результаты реформы местного самоуправления с точки зрения влияния на социально-географическую реальность, причем проанализировать, не ограничиваясь правовыми критериями. Один из важнейших аспектов — региональные особенности территориальной структуры местного самоуправления, ее соответствие сложившемуся или трансформирующемуся расселению. Исследовать ситуацию во всей стране, охватив все субъекты РФ, в самом общем виде можно путем сопоставления муниципальной и административной территориальной структур, то есть сетей МО и административно-территориальных единиц (АТЕ).

Соотношение МО и внутрирегиональных АТЕ: Россия в целом

Все объекты АТД на территории России согласно Общероссийскому классификатору (ОКАТО) образуют иерархическую систему. Ко второму уровню (первый включает субъекты РФ) относятся, в частности, административные районы; города и поселки городского типа (пгт) республиканского, краевого, областного подчинения (далее — областного подчинения, областной город). К третьему уровню относятся, в частности, города и пгт районного подчинения (далее — районный город, пгт); сельсоветы (они называются также сельскими округами, волостями, сельскими администрациями и др.); сельские населенные пункты.

Несмотря на различия в назначении и принципах формирования АТЕ и МО, можно выделить не противоречащие Закону пары однопорядковых элементов административной и муниципальной территориальных структур. Сельское поселение по своему территориальному уровню соответствует сельсовету; муниципальный район — административному району. Однозначное соответствие существует также

между городами и пгт областного подчинения, являющимися ЗАТО и наукоградами, с одной стороны, и городскими округами — с другой.

Другие виды городских МО сложнее «привязать» к определенным видам городских населенных пунктов. Тем не менее, с некоторой долей условности можно считать, что по характеру выполняемых функций и по взаимоотношениям с окружающим районом городское поселение, наделенное статусом городского округа, соответствует городу или пгт областного подчинения, а городское поселение, не наделенное статусом городского округа, — городу или пгт районного подчинения. Параллель также можно провести между муниципальным районом и таким областным городом, которому подчиняется несколько населенных пунктов. Подчеркнем, что городской округ, находящийся согласно Закону на том же территориальном уровне, что и муниципальный район, административному району не соответствует.

На основании выявленных соответствий (и несоответствий) оказывается возможным сопоставить сети МО и АТЕ, сравнивая количество МО с количеством однопорядковых, то есть *соответствующих по территориальному уровню или статусу АТЕ*.

Количество муниципальных районов в России лишь на 49 единиц меньше количества административных районов, причем разницу почти полностью обеспечили три региона — Калининградская, Свердловская и Сахалинская области, в которых в 50 административных районах вместо муниципальных районов сформированы городские округа. Важно подчеркнуть, что ни в одном регионе не произведено объединение или разделение административных районов.

Количество городских округов меньше количества городских населенных пунктов областного подчинения на 105 единиц (около 17% от общего числа последних). Если не считать округа, сформированные на основе административных районов, разница оказывается еще больше и составляет не менее 25%.

Городские поселения (не наделенные статусом городского округа) сформированы на основе 1799 городских населенных пунктов. Количество городов и пгт, имеющих районное подчинение, — лишь немного больше (1818). Однако с учетом того факта, что городские поселения этого вида созданы не только в районных городах, но и в подавляющем большинстве тех областных, где не сформированы городские округа, выходит, что лишь около 90% районных городов и пгт являются МО.

Всего в субъектах РФ сформировано 2321 городское МО (поселения и округа). Несколько городских округов созданы на основе административных районов, в состав которых входят только сельские населенные пункты. Таким образом, из 2443 городских населенных

пунктов, насчитывающихся в стране, примерно в 130 (более 5%) не созданы «городские» МО. Анализ ситуации по регионам показал, что часть городов и пгт входят в состав городских округов в качестве вторых и последующих городских населенных пунктов и лишены местного самоуправления (что противоречит Закону). Часть получила муниципальный статус сельских поселений (их административный статус не изменен), что также противоречит Закону, поскольку согласно его норме сельское поселение создается на основе только сельских населенных пунктов. Подчеркнем, что по Закону все городские населенные пункты должны быть наделены статусом «городских» МО.

В субъектах РФ также сформировано 19848 *сельских поселений*. В их основе — 23070 сельских администраций, около 100 пгт и порядка 200 бывших пгт, преобразованных непосредственно в сельские поселения. Хотя почти в половине регионов создание сельских поселений сопровождалось объединением сельских администраций, количество которых за 2003–2005 гг. сократилось на 1151 единицу, тем не менее, и сейчас их примерно на 3500 единиц больше числа соответствующих МО. В 1/3 российских регионов многие сельские поселения сформированы на основе не одной, а нескольких сельских администраций. При этом в одних регионах пошли по пути простого объединения единиц АТЕ, а в других — перенарезали их сеть, объединив в сельские поселения части нескольких сельских администраций, а не их территории целиком.

Уменьшение количества сельских администраций было не единственным видом административно-территориальных преобразований в период формирования МО. Самые масштабные изменения касались пгт. В 2004 г. в сельские населенные пункты было преобразовано 264 пгт и три города, 67 пгт вошли в состав городов, прекратив тем самым самостоятельное существование. Эти изменения охватили 36 регионов. В 2005 г. в 26 регионах 83 пгт стали сельскими населенными пунктами, 22 пгт вошли в состав городов¹¹. За 2003–2005 гг., то есть пока шло формирование МО, количество пгт уменьшилось на 1/4 (483 единицы), этот процесс затронул 53 региона.

Следует отметить, что число АТЕ и административный статус населенных пунктов на протяжении XX в. менялись постоянно. В ходе ускоренной урбанизации в РСФСР вплоть до 1990-х гг. множество

¹¹ Одновременно происходили противоположные преобразования, но существенно менее многочисленные. В 2004 г. 12 сельских населенных пунктов стали пгт и городами (в 2005 г. — лишь 2); за счет административно-территориальных преобразований численность городского населения увеличилась в 8 регионах (в 2005 г. — в 3-х). Всего в стране в 2004 г. 813 тыс. горожан стали сельскими жителями, и, наоборот, 119 тыс. сельчан стали горожанами.

сельских населенных пунктов было преобразовано в городские. В начале 1990-х гг. в связи с кардинальными переменами в социально-экономической ситуации в стране жителям небольших пгт стало экономически выгоднее числиться селянами, и начались преобразования в противоположном направлении¹². Многие годы во многих регионах происходило укрупнение сельсоветов. Причины этого процесса были разные. Во второй половине XX в. важнейшую роль в укрупнении сельсоветов играло сокращение сельского населения. В 1990-х гг. количество сельских администраций увеличилось под влиянием новых политических и экономических факторов.

Однако реформа местного самоуправления по закону № 131 породила даже более *многочисленные и быстрые* преобразования, чем масштабные трансформации 1990-х гг., особенно в отношении сети пгт. В 1989–2002 гг. городское население за счет административных преобразований уменьшилось примерно на 1 млн. чел., в том числе в 1991–1992 гг. (в годы наибольшего размаха преобразований) на 650 тыс. чел., а в 2004–2005 гг. — на 900 тыс. чел. (в 2006 г. — еще 52 тыс. чел.). За 1989–2002 гг. количество пгт уменьшилось в 60 регионах, в том числе в 1991–1992 гг. — в 42; в 2004–2005 гг. — в 52 регионах. За 2003–2005 гг. по сравнению с 1989–2002 гг. сократилось в 1,4 раза больше пгт, а за 2004–2005 гг. по сравнению с 1991–1992 гг. — в 3,4 раза больше.

Погодовая динамика АТЕ после 2002 г. показывает, что наибольшее уменьшение числа пгт произошло в 2004 г., а числа сельских администраций — в 2005 и 2006 гг. Таким образом, анализ географии и динамики административно-территориальных преобразований позволяет сделать вывод, что *именно формирование МО послужило причиной сокращения АТЕ*¹³.

Региональные особенности МО и динамики АТЕ

В 2003–2005 гг. лишь в 15 регионах АТЕ не были изменены, еще в 18 изменения коснулись одной-двух АТЕ разных видов. Таким образом, с начала реформы местного самоуправления в России по закону № 131 более 3/5 регионов охвачены административно-территориальными преобразованиями. Однако они идут не одинаково. Представ-

¹² Этой теме посвящено много исследований, появился даже специальный термин «административная рурализация» [2], подробный анализ представлен также в [3].

¹³ Хотя не все преобразования АТЕ были связаны с реформой местного самоуправления.

ление о том, каковы различия между регионами в соотношении административной и муниципальной территориальных структур, дают материалы таблицы 1. Сравнение ситуации в 2002 и 2006 гг. показывает, происходит ли приближение административно-территориального устройства к муниципальному.

Наиболее близки друг к другу *муниципальные и административные районы*: более чем в 80% регионов их структуры совпадают, в остальных различаются незначительно. Исключение составляют лишь те субъекты РФ, где вместо почти всех муниципальных районов в нарушение Закона созданы городские округа (Свердловская, Сахалинская и Калининградская области).

Наименее похожи *сельские поселения и сельские администрации*: на этапе формирования первых их количество совпадало с АТЕ лишь в 8 регионах, в 2006 г. таких регионов стало 33. В ходе реформы местного самоуправления в 35 субъектах РФ число сельских администраций сократили, в 26 увеличили, в результате *муниципальная и административная территориальные структуры в сельской местности в целом по стране сблизились*¹⁴. Осталось очень мало регионов, где количество МО больше количества АТЕ. Только в 15 регионах (из 35) при объединении сельских администраций они сравнялись по количеству с поселениями. Во многих регионах различие в числе сельских административных и муниципальных единиц и сейчас достигает двух-трех раз.

Кроме того, регионы со сходными первоначальными соотношениями сельских МО и АТЕ пошли разными путями. Например, при большом превышении количества сельских администраций над сельскими поселениями в Новгородской, Псковской, Ярославской и Владимирской областях в первых двух число АТЕ сравнивали с числом МО, сократив соответственно в 1,5 и 1,3 раза, а в остальных оставили почти без изменений, хотя число АТЕ в них в 2,8 раза больше, чем МО. В регионах, относящихся к одному типу по характеру сельского расселения (мелкоселенное, депопулирующее), например, в Костромской и Ярославской областях, соотношение сельских МО и АТЕ сильно различается и составляет соответственно 1:1 и 1:3. Одновременно в регионах с разным расселением (например, крупно- и мелкоселенным) наблюдаются одинаковые соотношения.

Почти так же сильно, как сельские МО и АТЕ, различаются городские единицы. На момент формирования МО более тождественны

¹⁴ Хотя среди регионов, в которых число АТЕ было больше, чем МО, встречаются такие, где созданы новые администрации (Архангельская область, Пермский край).

Таблица 1.

Количество субъектов РФ по видам соотношений
числа сформированных муниципальных образований (МО)
и соответствующих административно-территориальных единиц (АТЕ) в 2002 и 2006 гг.

Количество МО по сравнению с числом АТЕ	Муниципальные районы и админист- ративные районы		Сумма городских поселений и городских округов и сумма городов и пгт		Городские поселения и сумма городов и пгт районного подчинения		Городские округа и сумма городов и пгт областного подчинения		Сельские поселения и сельские администрации	
	2002	2006	2002	2006	2002	2006	2002	2006	2002	2006
Совпадает	68	67	14	39	13	22	29	38	8	33
Незначительно меньше	7	9	39	29	23	18	16	15	27	23
Значительно меньше	5	5	27	9	30	16	24	20	33	24
Незначительно больше	2	1	2	5	10	17	6	2	14	4
Значительно больше	2	2	0	0	4	7	5 ³	5 ³	2	0
Нет МО данного вида	—	—	2 ¹	2 ¹	4 ²	4 ²	4 ³	4 ³	—	—

¹ В одном субъекте РФ нет городов и пгт.

² В одном субъекте РФ нет городов и пгт районного подчинения.

³ В трех субъектах РФ нет городов и пгт областного подчинения.
Источник: таблица составлена по данным [7; 8; 9].

были *городские округа* и *городские населенные пункты областного подчинения*, хотя и в этой категории структуры совпали лишь в трети регионов. Изменение статуса городов и пгт (с областного на районный и с районного на областной) в ходе реформы местного самоуправления осуществили лишь 9 и 6 субъектов РФ соответственно, затронув, как правило, по одному населенному пункту.

Большое несовпадение характерно для *городских поселений* и *городских населенных пунктов районного подчинения*, что связано во многом с формированием городских поселений, не наделенных статусом городского округа, также на основе городов областного подчинения. Масштабное сокращение (десятками) числа пгт в ряде регионов привело даже к тому, что в 2004–2005 гг. добавились новые регионы, где МО этого вида больше, чем соответствующих АТЕ (Московская, Владимирская, Тульская, Челябинская области, Краснодарский край, Республика Башкортостан и др.) — явление, отличающее только эту категорию МО.

Даже если рассматривать *городские поселения* и *городские округа* совместно, их количество сильно расходится с числом *городов* и *пгт*. Первоначально оно совпадало лишь в немногих регионах, в подавляющем большинстве остальных МО было меньше, чем АТЕ (иногда более чем в 2 раза). К 2006 г. почти в половине регионов количество городских МО и АТЕ сравнялось. «Заплатили» за это, как описано выше, жители пгт.

Выводы

Географический анализ распределения разных видов соотношений количества МО и соответствующих АТЕ показывает, что лишь небольшая часть расхождений между числом МО и АТЕ объясняется пространственными особенностями социально-экономической структуры и расселением в регионах. Даже такой вид МО, как сельские поселения, которые в наибольшей степени связаны с особенностями расселения, в своих соотношениях с сельскими администрациями почти не подчиняется географическим закономерностям.

Существенно большую роль при формировании МО играют субъективные соображения — что именно выгоднее для региона создать с экономической точки зрения: муниципальный район или городской округ, городской округ или городское поселение. Изменяя АТУ, большинство субъектов РФ преследуют две цели: 1) обеспечить желаемую муниципальную структуру; 2) приблизить к ней административную. Для этого количество пгт было сокращено в 2004 г., то есть, предваряя формирование МО, а количество сельских адми-

нистраций уменьшилось в 2005 и 2006 гг., то есть вслед за сформированными МО.

Территориальный вопрос, подобно многим другим, оказался камнем преткновения при проведении реформы местного самоуправления. Уже более 30 раз в Закон вносились поправки, в том числе по территориальным основам. Формирование МО в регионах сопровождается обращениями в Конституционный Суд и суды субъектов РФ, вынесено множество решений об изменении границ и статуса ряда МО.

Происходящий в настоящее время в России передел АТД субъектов РФ — не просчитанное заранее последствие реформы территориальных основ местного самоуправления, в результате которого происходит нарушение сложившихся социально-экономических связей. Муниципальная структура (границы и статус МО) в ближайшие годы будет изменяться. Этот процесс обусловлен тремя причинами.

- 1) Поскольку согласно Закону сформированные в 2004–2005 гг. МО должны сохранять преемственность по отношению к прежним (созданным в соответствии с законом 1995 г.), они зачастую не адекватны современной социально-экономической ситуации и расселению.
- 2) Экономически слабые МО (а таких подавляющее большинство) не способны решать вопросы местного значения, записанные за ними по Закону.
- 3) Продолжающийся во многих регионах процесс депопуляции населения в сельской местности и в большинстве городов и пгт ослабит и так малонаселенные МО.

На наш взгляд, в контексте соотношения АТД и муниципального устройства важна следующая логика. Территория субъекта РФ разграничивается, прежде всего, между поселениями, а МО второго уровня (район) — «производная» территориальная единица, в том смысле, что она образуется из МО первого уровня (поселений) для решения вопросов местного значения межпоселенческого характера [1; 6]. Поскольку не район делится на поселения, а поселения объединяются в муниципальный район, то его границы устанавливаются с учетом возможности решения межмуниципальных задач органами местного самоуправления. Но территориальные единицы районного уровня также нужны для осуществления на своей территории государственных полномочий. Отсюда следует, что *муниципальные районы могут не совпадать с административными*.

Чтобы совместить АТЕ и МО надо, чтобы последние могли исполнять государственные полномочия. В то же время вопросы реализа-

ции принципа о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями и подконтрольности государству осуществления этих полномочий являются наименее разработанными [4]. Один из важнейших вопросов дальнейшего реформирования территориальных основ местного самоуправления, видимо, будет заключаться в том, как разрешить это противоречие.

Литература

1. Актуальные вопросы проведения реформы территориальной организации местного самоуправления. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2004. № 32 (252). 28 с.
2. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94.
3. Бородин Т.Л. Региональные особенности динамики населения и ее компонентов во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 245–280.
4. Дементьев А.Н. Местное самоуправление в Российской Федерации. М.: Норма, 2007. 320 с.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (редакция по состоянию на 8 ноября 2007 г.).
6. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2007. 461 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сборник. табл. 1.7. М.: Росстат, 2007.
8. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2004 (2005, 2006, 2007) года. М.: Росстат, 2004 (2005, 2006, 2007).
9. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. (В 14 томах). Т. 1. М.: ИИЦ Статистика России, 2004.

Корнус А.А.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ (XVII–XVIII вв.)

Заселение Слобожанщины

В течение XV — первой половины XVI века территория Слободской Украины начала заселяться выходцами из Левобережной и Правобережной Украины. Основную массу переселенцев составляли казаки, крестьяне, иногда духовенство, убегающие от польской шляхты. Поселения, которые учреждались украинскими переселенцами, назывались слободами (отсюда и название «Слободская Украина»).

Еще в 1638 г. в Чугуеве поселилось около тысячи участников национально-освободительного восстания во главе с гетманом Яковом Острянином. Однако массовый исход днепровских казаков на Слобожанщину начался в период освободительного восстания против Польши, поднятого гетманом Б. Хмельницким. В 1651 г. казаки из Корсуня основали Краснокутск. В 1652 г. переселенцы из Черниговского и Нежинского полков во главе с полковником Иваном Дзинковским (И. Зиньковский) основали Острогжск, в этом же году переселенцы из городка Ставище Белоцерковского полка во главе с Герасимом Киндратовичем (Г. Кондратьев) основали Сумы. В 1654 г. начали строиться Харьков, Змиев, Печенеги, Хорошево; в 1659 г. — осадчим Иваном Семененко основан Салтов; в 60-х гг. XVII века Яков Черниговец основывает Изюм; в 1674 г. запорожец Мартын Старочудный строит Волчанск.

Одновременно, в середине XVI века территория Слобожанщины оказывается под влиянием Московского царства. Используя украинских переселенцев для экономического освоения края и охраны южных границ царства от крымских и ногайских татар, московское правительство освободило украинцев от уплаты налогов, позволяло свободно заниматься промыслами, курить и продавать водку. Переселенцы безвозмездно владели определенным количеством свободной земли (право заимки), за ними сохранялись казацкие привилегии и самоуправление.

Полково-сотенное устройство Слободской Украины

Между 1650 и 1765 гг. Слобожанщина владела самоуправлением и была организована в соответствии с казацкими военными традициями, характерными для Гетманщины, т.е. имела полково-сотенное устройство¹⁵. В 1650-х гг. из числа украинского населения Слободской Украины, по разрешению царского правительства, были сформированы четыре казацких полка: Острогожский (Рыбинский), Ахтырский, Сумский и Харьковский.

Острогожский полк (Рыбинский полк) — первый слободской полк, сформированный на Слобожанщине в 1652–1658 гг. из переселенцев из Левобережной и Правобережной Украины, которые во главе с полковником Иваном Дзинковским учредили г. Острогожск. Полковой центр — город Острогожск (другое название — Рыбное), в настоящее время расположен на территории России.

Полк состоял из 7 сотен, которые назывались по фамилиям своих сотников или от тех местностей, откуда прибыли: Остапова, Дубовика, Иванова, Батуринская, Конотопская, Карабутинская, Бутурлинская. Сотенные городки — Белолауцк, Ольшанск, Старобельск, Евдаковка, Усерд и др. Со временем территория полка расширилась и приросла населением за счет переселенцев из Гетманщины и других частей Украины.

После казни в 1670 г. И. Дзинковского за его поддержку Степана Разина полковниками были Герасим Корибут (1671–1680), Иван Сас (1680–1693) и другие. В XVIII в. полк возглавляли выходцы из рода Тевяшовых (Иван, Иван Иванович, Степан Иванович).

После ликвидации царским правительством казацкого самоуправления на Слободской Украине в 1765 г., полк был расформирован, а его казаки составили основу Острогожского гусарского полка российской армии.

Ахтырский полк — сформирован на Слобожанщине в 1655–1658 гг. Первым полковником был Иван Гладкий (1658). Следующими полковниками были Перехрестовы (Иван Иванович и Даниил Иванович), Кондратьев, Осиповы (Федор Осипович и Максим Федорович), Лесевичи (Алексей Леонтьевич, Иван Алексеевич, Константин Алексеевич

¹⁵ Собственно началом полкового устройства в Украине стало подписание Куруковского соглашения 27 октября 1625 года между польским коронным гетманом С. Конецпольским и украинской делегацией во главе кошевым атаманом Войска Запорожского М. Дорошенко во время восстания М. Жмайла. По договору украинское реестровое войско было поделено на 6 полков: Белоцерковский, Каневский, Киевский, Корсунский, Переяславский и Черкасский.

и Георгий Алексеевич). Полковой центр — город Ахтырка (в настоящее время город Сумской области).

В 1732 г. этот полк разделялся на 20 сотен, административными центрами которых были города Ахтырка, Богодухов, Боромля, Грач, Коломак, Колонтаев, Котельва, Краснокутск, Мурафа, Рубливка, Хухра и др. На то время на территории полка существовало 13 городов, 63 села и слободы, 11 хуторов.

Сумский полк — сформировался на Слобожанщине в 1652–1658 гг. переселенцами из Правобережной Украины, которые во главе с Герасимом Кондратьевым учредили полковой центр — город Сумы. Полковниками были Кондратьевы (Григорий Герасимович, Андрей Герасимович, Иван Андреевич, Дмитрий Иванович), В. Перехрестов-Осипов, М. Донец-Захаржевский, Р. Романов.

В 1732 г. в состав полка входили 20 сотен: две Белопольские, Бишкинская, Ворожбянская, Краснопольская, Недригайловская, Новоместенская, Нижнесыроватская, Верхнесыроватская, Сумская, две Суджанские, Ольшанская, Перекопская, Рыбальская и др.

В связи с ликвидацией слободского казачества, в 1765 г. Сумской и Ахтырский полки были реорганизованы в гусарские полки российской армии.

Харьковский полк — сформирован в 1659–1660 гг., полковой центр — город Харьков. Первые полковники Харьковского полка неизвестны. В 1660, 1664–1665, 1667, 1668 гг. его возглавлял знаменитый Иван Сирко, которого сменил ставленник Москвы Федор Рипка (1668). В дальнейшем полковниками были Григорий Донец (1668–1690), Иван Григорьевич (1690–1691), Федор Григорьевич (1692–1706) Донец-Захаржевские, Федор Владимирович (1706–1710) и Лаврентий Иванович (1710–1711) Шидловские, П. Куликовский (1711–1714), Г. Квитка (1714–1734), С. Тевяшов (1734–1757), М. Куликовский (1757–1765).

В 1664 г. на Слобожанщину эмигрировал полковник Яков Черновец (противник правобережного гетмана Павла Тетери), основавший город Балаклею, ставшую центром нового — Балаклейского полка. В 1677 г. последний был присоединен к Харьковскому, однако в 1685 г. эта часть территории Харьковского полка отошла к вновь созданному Изюмскому полку. На то время в Харьковском полку осталось 12 городов и 43 села, в частности Волчанск, Салтов, Печенеги, Золочев, Малиновка, Валки, Мерефа, Славянск, Соколов, Змиев.

В 1732 в его состав входили сотни: Валковская, Дергачевская, Золочевская, Липецкая, Люботинская, Мерефянская, Ольшанская, Перекопская, Пересечнянская, Салтовская, Соколовская, Таранов-

ская, Угольчанская, Тишковская, две Харьковские, Хорошевская, Циркуновская. На этот же год в полку были 2 города, 11 городков, 52 села, 6 слободок и 45 хуторов.

В связи с ликвидацией слободского казачества в 1765 г. Харьковский полк был реорганизован в уланский полк российской армии.

Изюмский полк — административно-территориальная и военная единица Слободской Украины, которая в 1685 г. выделилась из Харьковского полка¹⁶. Полковой центр — город Изюм (в настоящее время город Харьковской области). Управление полком осуществляли полковники К. Донец-Захаржевский (1685–1691), Ф. Шидловский (1703–1706), М. Донец-Захаржевский (1707–1719), Л. Шидловский (1730–1751), И. Квитка (1743–1751), М. Милорадович (1751–1761), Ф. Краснокутский (1762–1765).

Граница полка прошла в основном по реке Северский Донец, что собственно и было причиной разделения, т.к. управлять огромной территорией полка, разделенной примерно напополам большой водной преградой в те времена было затруднительно.

К полку отошли 25 городов и городков, в частности Изюм, Ольховатка, Двуречная, Новый Перекоп, Балаклея, Андреевы Лозы, Бишкинь, Лиман, Савинцы, Цареборисов, Сеньков, Купеческий, Каменка, Печенеги, Махнач, Змиев, Спиваковка, Тор и др., а также 54 села.

В 1732 г. Изюмский полк состоял из 17 сотен. После ликвидации полкового деления его было реорганизовано в регулярный Изюмский гусарский полк российской армии.

В 1666 г., оставив на время кошевое атаманство из Запорожья на Слобожанщину прибыл Иван Сирко — чтобы возглавить вновь учрежденный Змиевской полк, выделившийся тогда из состава Харьковского полка, однако уже в 1671 г. Змиевской полк был снова присоединен к Харьковскому.

Таким образом, в последний год перед ликвидацией полково-сотенного устройства Слободской Украины на ее территории насчитывались 5 полков: Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогожский (рис. 1). В оперативном плане, слободские полковники подчинялись белгородскому воеводе, взаимоотношения с которым были далеко не всегда безоблачными. Не всегда ладили полковники и друг с другом.

Все эти полки просуществовали до 1765 г., когда они были преобразованы в российские регулярные военные части, а в административном отношении полковая территория вошла в состав вновь со-

¹⁶ Еще раньше, в 1682 г., в Изюм был перенесён центр Балаклейского полка.

зданной Слободско-украинской губернии. Полк одновременно был и военной, и административно-территориальной единицей¹⁷. Вся военная, административная и судебная власть на территории полка принадлежала полковнику, который имел при себе символы власти полка: печать, литавры, полковую хоругвь. Полковую старшину во главе с полковником избирали на полковом Совете. В военную и гражданскую администрацию входила полковая старшина: обозный, судья, есаул, хорунжий и два писаря. Из полковой старшины состоял полковой Совет. Полковая власть распространялась не только на казачество, но и на все население полков.

Создание полков не было чем-то принципиально новым. Этот принцип был использован и при организации повето-воеводской структуры Великого княжества Литовского и Польского королевства. Новационный же подход правительства при введении новой административной структуры украинских земель заключался в том, что казачьи полки и сотни имели значительно меньшие территории, чем воеводства и поветы (уезды) Речи Посполитой, а потому и административным органам было легче ими управлять. Преимуществом новой административной сети стало и то, что приказы из полка быстро доходили к местным урядникам.

Все слободские полки разделялись на сотни (от 7 до 20), которых состоянием на 1734 г. было 98. Каждый полк и сотня имели свою хоругвь, в виде полотнища, преимущественно прямоугольного, с державом-хоругвищем, иногда с навершием в виде креста или шара. На полотнищах разнообразной расцветки чаще всего изображались Иисус Христос, святые, казак с мушкетом, геральдические символы. Административные центры сотен были в городах и городках, иногда — больших селах. В больших центрах, преимущественно полковых городках, располагалась не одна, а две сотни. Название сотни преимущественно происходило от названия населенного пункта, где был сотенный центр, а иногда от фамилии или (реже) от имени сотника или организатора сотни.

Сотенное управление осуществляли сотник, атаман, есаул, хорунжий и писарь. Каждый десяток имел десятника. Такая система власти отличалась двумя характерными признаками, с одной стороны: избирательностью старшины, с другой — жесткой иерархией полувоеводской власти.

¹⁷ Существовали также вольнонаемные военные отряды, носившие названия полков — компанейские, сердюцкие и другие, однако они не были административными единицами государства.

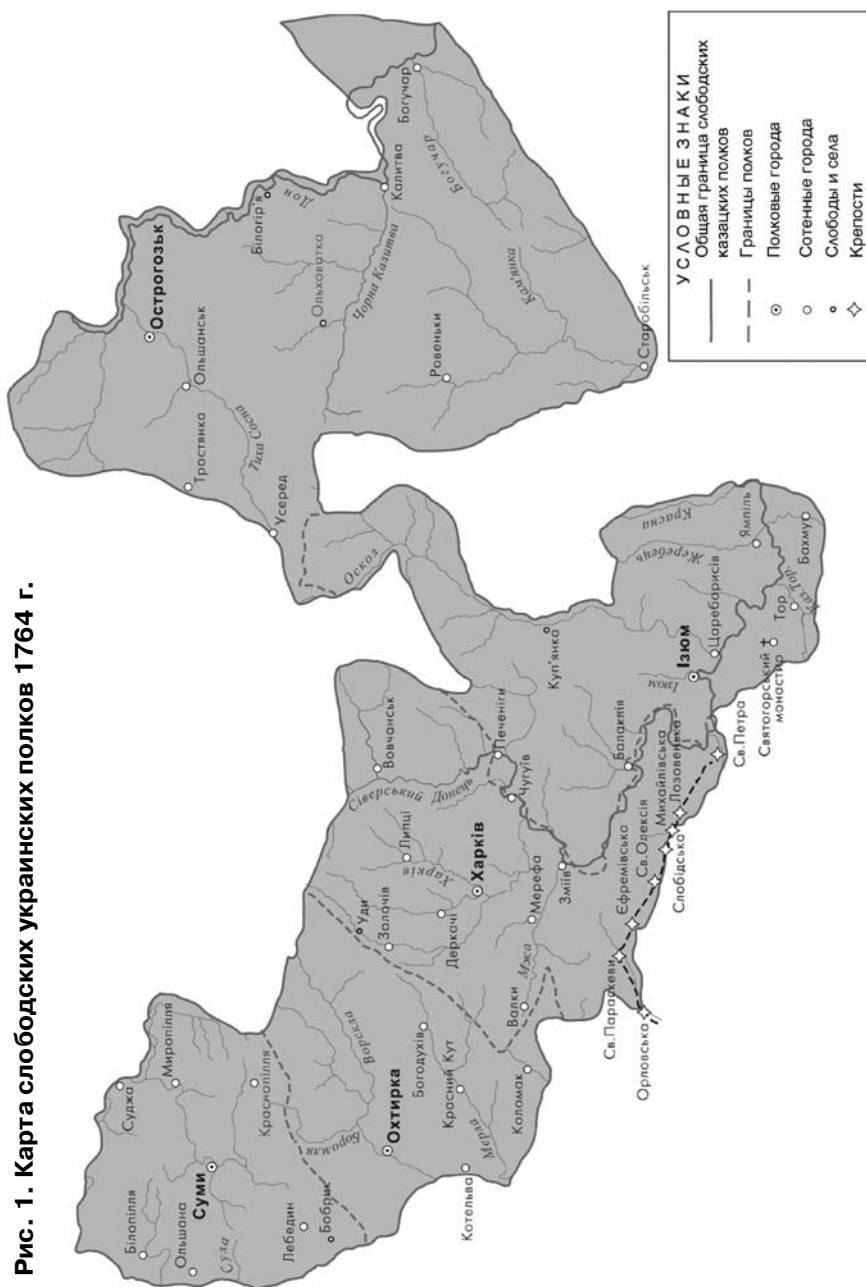

Рис. 1. Карта слободских украинских полков 1764 г.

С самого начала заселения Слобожанщины, украинцы вели борьбу с кочевыми татарами, которые часто совершали набеги на села и хутора, убивали и уводили в рабство слобожан, отбирали скот и имущество. Татары хорошо знали пути в заселенную Московию и выбирали те, по которым не приходилось переплывать через глубокие и широкие реки. Например, известный Муравский шлях начинался от крымского Перекопа и лежал до Тулы по междуречью Донского и Днепровского водосборов.

Еще во время царствования Михаила Романова (1613–1645 гг.) московские рукописи отмечали необычайно большую роль украинцев в борьбе с татарами. В 1653 г. московский воевода Арсеньев писал царю, что переселенцы-украинцы поселились в Диком поле на пути, где ранее ходили татары с набегами на Путивль, Рыльск и другие московские города. Прочно заняв водораздел Днепра и Дона, слобожане преградили крымским татарам пути (шляхи и сакмы) в Центральную Россию: слобода Рубежная (основан в 1660 г.), города Савинцы (основан в 1671 г.), Белополье (1672), Волчанск (1674), Колмак (1680) встали прямо на татарских тропах. В 1731–33 гг. для защиты границ Российской империи от турецко-татарских набегов усилиями казаков левобережных и слободских полков и посполитых крестьян была построена система укреплений — Украинская линия (рис. 1).

Несмотря на это, царская администрация с самого начала создания слободских полков пыталась вмешиваться в их внутренние дела и ограничивать автономию. В середине XVII века слободские полки были подчинены Разрядному приказу, а с 1688 г. — Великороссийскому отделу Посольского приказа. В 1718 г. Слобожанщина и вовсе была расчленена: Ахтырский и Харьковский полки стали подчиняться киевскому, а Изюмский и Острогожский — воронежскому военному губернатору. С 1726 г. казацкие полки Слобожанщины переданы в ведение Военной коллегии, в каждом полку создавалась регулярная рота. В царствование Анны I притеснения продолжились: налоговый гнет, запрет на заселение и обработку резервных земель, непосильные трудовые повинности. Указом от 12 марта 1732 г. казацкие полки преобразованы в армейские, полковники названы премьер-майорами, ликвидировано право заимки, введен подушный налог, запрещен свободный выход из Слободской Украины. В том же 1732 г. столицей Слобожанщины стали Сумы.

Императрица Елизавета Петровна в 1743 г., упразднив указ 1732 г., перенесла столицу Слобожанского войска в Харьков и возобновила автономию Слобожанщины, однако обязала держать там 4 армейских полка. В 1749 г. казакам было запрещено не только покидать Слобожанщину, но и оставлять свои полки.

Особенности исполнительной власти

При управлении вверенным ему полком полковник опирался на полковую старшину, состав которой институционно почти полностью дублировал состав гетманского правительства — полковой обозный, полковой судья, полковой есаул, полковой писарь и полковой хорунжий, то есть не было лишь правительства бунчужного.

Очевидно, близкими были и модели служебной иерархии полкового и генерального уровней, правда, позиции полкового писаря, как и полкового обозного, имеют значительно более слабый вид, чем позиции их аналогов в гетманском правительстве. В частности в соответствии с нормами договора 1654 г. (повторенными без изменений в этой части и в более поздних соглашениях) полковой есаул получал ежегодно на ранг 200 злотых и прибыли от мельницы, в то время как полковые писарь и хорунжий были ограничены лишь выплатой 50 злотых. О плате полковых обозных в договорах речь не шла, а на ранг полковнику назначалось 100 ефимков и прибыли из мельницы. Определенное преимущество статуса полковника перед частью генеральных старшин удостоверяет и фактический материал, касающийся взаимоотношений Войска Запорожского с царем. В частности, в «Выписке краткой о дачах жалованья...» [1], датированной концом 70-х — началом 80-х гг. XVII века, размеры полученной полковниками от царя натуральной платы по случаю заключения перемирия с турецким султаном уступали лишь размерам жалования гетмана и едва-едва генерального обозного, вместо этого превышали вознаграждение других генеральных старшин.

Завершая рассмотрение иерархической модели полкового правительства, следует отметить, что в начале становления их военно-административной структуры встречаются упоминания о наличии не одного, а двух полковых хорунжих, один из которых является «первым», а, следовательно, и старшим. В документах конца XVII–XVIII века обнаружить подобные факты не удалось, поэтому можно предположить, что от такой практики отказались.

Вместо этого становится распространенным так называемое «наказничество», прикладываемое к правительству полковника (чаще всего), и к правительствам его помощников. Наказных, то есть временно выполняющих обязанности полковников, назначал или сам полковник или царская администрация либо на время отсутствия полномочного правительственного чиновника в полку, либо для управления частями полка в походе, либо же по устранению полноправного полковника к новому избранию или назначению. Нередко дело не ограничивалось назначением лишь одного наказного полковни-

ка — их могло быть два-три (особенно если это касалось разделения полка для участия в военных операциях сразу на нескольких театрах боевых действий и, естественно, управления полковой администрацией на местах).

Исполнителями обязанностей наказного полковника по большей части назначали сотников, причем, прежде всего тех, которые возглавляли сотни в полковых центрах; реже — полковую старшину. Пребывание у власти наказного полковника часто становилось своеобразным трамплином для перемещения его на полное полковничество или же удостоверяло влияние того или иного старшины в казацкой среде.

В практиках администрирования первой половины XVIII в. царское правительство прибегало к применению института «наказничества» для того, чтобы, избегая номинирования «полного» полковника, сохранить место вакантным для назначения на него своего протеже или для передачи фактического управления полковыми делами другим властным структурам (например, комендантам российских гарнизонов, расквартированных в полковых центрах Слобожанщины).

Модель административного уклада полка дублировалась на сотенном уровне, где властные полномочия реализовали сотник, опираясь на сотенную старшину — сотенного есаула, сотенного хорунжего и сотенного писаря, а также куренных атаманов, которые осуществляли непосредственное управление казацкими обществами сотни. И хотя упоминаний о них, в отличие от сотенного хорунжего или есаула, в правовых документах, регулирующих размеры ежегодной ранговой платы, нет, исторические источники, отображающие ход политических процессов, убеждают в их важной роли, возможно, даже несколько больших властных возможностях, чем у других казацких урядников сотенного уровня, за исключением, конечно, сотника и городского атамана (там, где последние были) [1].

Кроме сугубо военных функций, сотник был и администратором сотни, где он отвечал за порядок, и головою сотенного суда, который рассматривал гражданские и менее важные уголовные дела между казаками, а иногда и другим населением сотни (тогда в состав суда входили и представители соответствующих слоев населения).

Функциональные обязанности городского атамана предусматривали прерогативы администрирования в полковом центре, без ущемления сферы военной. Впрочем, такое формальное ограничение не слишком ослабляло влияние этой группы казацких правительственных чиновников. В этой связи стоит отметить, что институт городских атаманов сохранялся лишь в больших казацких центрах — пол-

ковых городах, где находилось несколько казацких сотен. В реестрах казацкой старшины ведомости о городском атамане, как правило, шли сразу же после упоминания о сотнике полковой или первой городской сотни, перед куренными атаманами и другой сотенной старшиной.

Вспомогательным органом низовой администрации были местные советы, которые созывались старшиной для обсуждения и решения важнейших военных, административных и судебных дел.

Должности как полковой, так и сотенной старшины формально считались выборными. В дальнейшем это требование неоднократно повторялось, но с началом XVIII в. определяющим стало не мнение старшины и «всей черни», а позиция официального Петербурга. В середине в 1709 г. правительство Петра I запретило самостоятельно, без разрешения царя, осуществлять кадровые перестановки на полковом уровне. Сотники правили иногда десятки лет или «доживотно», и их преемниками по большей части были их сыновья и дальнейшие потомки. Это создавало фактически наследственность сотничьего правительства и способствовало формированию своего рода сотничьих (как и полковничьих¹⁸) «династий».

Ликвидация автономии (1765 г.)

Манифестом Екатерины II от 28 июля 1765 г. слободские казацкие полки были ликвидированы, вместо них созданы Харьковский уланский, Сумской, Острогожский, Ахтырский и Изюмский гусарские полки. Полуавтономный регион был превращен в наместничество. Казаки были лишены давних привилегий и превращены в военных обывателей, вынужденных платить подушный налог. Казацкая старшина могла выйти в отставку или, вступив в регулярные полки, сменить свои чины на армейские. Полковники, особенно отличившиеся в битвах, получали звания полковника, обозные — премьер-майора, судьи — секунд-майора, есаулы, хорунжие и сотники — поручика. Казацкие старшины, которые не принимали участия в боевых действиях, получали звание чином ниже. Тем, кто желал остаться казаками, было разрешено переселиться на Кубань, активно заселявшуюся в то время.

¹⁸ Например, после смерти в 1701 г. сумского полковника Герасима Кондратьева, полковником в Сумах стал третий из его четверых сыновей — Андрей Герасимович. Внук Герасима Кондратьева — Иван Андреевич наследовал полковничество в Сумах после гибели Андрея Кондратьева при подавлении булавинского восстания на Дону.

В том же 1765 г. на территории Слобожанщины была создана Слободско-украинская губерния с административным центром в Харькове, в состав которой вошли Изюмская, Ахтырская, Острогожская, Харьковская и Сумская провинции. Согласно переписи, в 1773 г. в Слободско-украинской губернии проживало свыше 660 тыс. чел., в том числе 390 тыс. (59,1%) военных обывателей, 226 тыс. государственных и помещичьих крестьян.

21 апреля 1785 г. Екатериной II были созданы новые сословные органы городского самоуправления — городские думы и процесс унификации форм городского самоуправления в Украине по российскому образцу был фактически завершен. Система управления на описываемой нами территории стала такой же, как и в других губерниях Российской империи.

Литература

1. *Горобець В.* Історія українського козацтва: нариси у 2 т. / Ред. кол.: Смолій В.А. (відп. ред) та інші. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. — Т. 1. — 800 с.

ВЗГЛЯД НА РЕФОРМУ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ РФ (СИБИРСКИЙ АСПЕКТ)

Мне хотелось бы поделиться своими соображениями по поводу вялотекущей, с периодическими обострениями, дискуссии относительно реформы административно-территориального деления в современной России. Посмотрим на проблему с точки зрения закономерностей политического пространства, которых со времен Аристотеля пока никто не смог отменить. Смыслообразующим в этом пространстве является проблема эффективного политического центра. В данной связи Аристотелем было замечено, что идеальное политическое пространство возникает при следующих двух условиях: во-первых, оптимальном наполнении его подданными, способными прокормить себя и власти предрежающие; во-вторых, это пространство должно перекрываться сетью властных решений и возвратных апелляций подвластных к центру (*Аристотель. Политика. Кн. V*). В противном случае возникает ситуация разрыва граждан с территорией проживания, при которой, например, как пишет философ, «уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей ничего об этом не знала» (*Аристотель. Политика. Кн. III*).

Несмотря на подзаголовок своей работы, я не уполномочен от имени сибирских регионов защищать их суверенитет. Но по поводу того, что мы собираемся громоздить Вавилоны, и какую это несет опасность, в частности, для Сибири, я выступаю уже не в первый раз. Два года назад в Дэвис-Центре Гарвардского университета по окончании моего доклада, посвященного методологии сценарирования развития Сибири до 2020 г., известный экономист Маршалл Голдман задал мне вопрос, насколько я считаю состоятельным сценарий, предложенный Фионой Хилл и Клиффордом Гэдди в книге «Проклятие Сибири», впоследствии отжатый до формулы Кондолизой Райс. Суть данного сценария заключается в том, что, по словам госпожи госсекретаря США, «Сибирь слишком велика, чтобы принадлежать одной стране». Аргументы в этом сценарии таковы: пространство, где проживает менее 1 человека на км² — не государство, а территория. Чем поддерживать жизнь в таких регионах, считают Хилл и Гэдди, проще выплатить населению компенсацию за переселение в любой район мира, а Сибирь отдать в концессию. В данном случае мне хотелось бы

подчеркнуть, мягко говоря, «небезразличие» наших стратегических оппонентов к будущему Сибири.

Переходя к теме, замечу также, что в условиях, когда на 75% российской территории Сибири и Дальнего Востока проживает двадцать пять миллионов человек по соседству с полуторамиллиардным Китаем (а он уже хозяйничает в нашем Вавилоне), на пороге реализации арктической стратегии мы затеваем аппаратные игры с пространством. Польский политолог Артур Боднар проблему политического пространства сформулировал следующим образом: «Сила власти обратно пропорциональна квадрату расстояния от центра». В этом смысле, особенно для Сибири, укрупнение регионов, а, следовательно, удаление центра только усложнит управляемость огромной территорией, где и сегодня расстояния от некоторых населенных пунктов до областного центра под тысячу, а иногда и более километров.

Если посмотреть на проблемы и тенденции сегодняшнего мира, то Сибирь нам показывает, что следует осторожно подходить к институциональным экспериментам именно на тех территориях, где требуются инвестиции в коммуникации, человеческий капитал и эффективное использование стратегических ресурсов, как бесспорных естественных преимуществ XXI в. — запасы минерального сырья, площади под сельхозугодья, запасы питьевой воды, благоприятная (в условиях изменения климата) среда обитания и т.п.

В данном аспекте, в XXI в. некоторые наши ученые советуют центральной власти озаботиться институтами (созданием регионов-«комодов»), а не связями (отношениями, коммуникациями). Однако, даже при идеальном законодательстве и управлении, современность, российская в том числе (бизнес, СМИ, рабочая сила, финансовые потоки, налоги), будет их обтекать, подобно тому, как в 1940 г. немецкая армия обошла линию Мажино. Тогда придется громоздить новую реформу, чтобы заставить «текущую современность» (З. Бауман) считаться с малоподвижными институтами. В дополнение к неуклюжей управленческой логистике (расстояние до центра), делающей население для власти труднодоступным (и наоборот), политика потеряет контроль над элитой нового поколения.

В предполагаемой стратегии укрупнения мы возвращаемся на двести лет назад, когда Константин Арсеньев — основатель русской статистики, географ и историк, сообразуясь с критериями целесообразности управления, предложил разделить Российскую империю (которая включала тогда и Закавказье, и Царство Польское, и Финляндию) на 10 «пространств», одним из которых было бы Сибирское. Отличительной особенностью для Сибирского пространства он называл «грядущие перспективы». Арсеньев (в теории), как и наши

нынешние руководители на практике, явно тяготился бременем огромной Сибири и предлагал считать ее и Закавказье колониями, а вместе с Финляндией и Царством Польским такими «странами», которые обеспечивают внешнюю безопасность, не затрудняя внутреннего управления.

На примере Сибири и Дальнего Востока в данной статье обозначены угрозы целостности страны и государственной политике. При этом не затрагивается печальный опыт административно-территориальных реформ 20–30-х и 50-х гг., не рассматривается реальная цена за переименование поглощенных регионов (а даже в масштабе одной улицы областного центра переименование обойдется в десятки миллионов рублей). Когда речь заходит об интересах государства (а не аппарата), я ставлю вопрос о необходимости укрупнения регионов следующим образом:

- существуют ли неразрешимые в нынешней административно-территориальной ситуации проблемы (управленческого, геостратегического, хозяйственного, внутриполитического порядка), которые могут привести к фатальным последствиям для государства, территории страны (или ее частей), которые представляют угрозу стратегии социально-экономического развития?
- является ли нынешнее административно-территориальное деление ключевым эндогенным или экзогенным фактором, определяющим основные достижения/недостатки внутренней и внешней государственной политики?
- выиграет ли государство (аппарат) при положительном решении этой задачи?;
- следует ли считать, что интересы целого (государства/аппарата) выше интересов суммы составляющих его частей?
- каким образом эта проблема (не только теоретически) касается каждого из нас?

Как показывает анализ, большое количество научных трудов нынешних сторонников укрупнения регионов, высказываний политиков в СМИ не проясняют стратегической ситуации. Если резюмировать их, то получается следующая картина:

- процесс укрупнения идет по инициативе центра и за основу взята искусственная схема центра, основанная на платежеспособности, поделившая регионы на «доноров» и «должников»;
- укрупнение может быть проведено и из чисто символических соображений (Дж. Пол Гуд), чтобы, как говорится, «власть употребить»;

- укрупнение, в той или иной форме и в разное время, поддержано региональными руководителями (по крайней мере, в Сибири), при условии, что их регионы станут «титовскими»;
- оно продиктовано тем, что центр тяготеет этнокультурным и территориальным разнообразием страны, которой в отличие от США и Канады (именно на них ссылаются сторонники укрупнения) свыше тысячи лет. «Отягчающим» обстоятельством является национальный вопрос. На заре СССР в стране было создано 5596 национальных образований (от 16 союзных, 19 автономных республик до пяти с лишним тысяч национальных сельсоветов), а в постсоветское время на территории России эти образования получили дополнительно правовые и экономические преференции;
- в основе преобразований лежит задача оптимизации территориального управления и повышения его эффективности, которая не делает различия между объектом и субъектом (условно говоря, областью и департаментом администрации);
- при этом провал самой административной реформы должен бы стать сигналом того, что если невозможно оптимизировать собственно аппарат, то вряд ли следует ожидать его продуктивной работы в условиях административно-территориальной неразберихи, которая может затянуться более чем на 5 лет;
- если сравнивать две предыдущие реформы (20-х и 50-х гг.) и их неудачу, когда государство тотально контролировало экономику, в нынешних условиях рыночные отношения не имеют границ. Если этого не происходит, то в этом вина худших законов, коррумпированных чиновников и недалековидных региональных элит, а значит, надо менять управленцев, организовать систему самоуправления, идущую от «корней»;
- реформы подобного рода еще более отдаляют общество от власти, выстраивая государственные отношения по схеме «ВЛАСТЬ — власть», а не «власть — народ», закрывая потенциал политическому творчеству масс.
- вызывает сомнение эффективность объединения регионов во всех трех ипостасях: «сильный–сильный» — создает суперрегион типа сатрапии, несущий угрозу государству; «сильный–слабый» — обрекает последний на внутренний колониализм (и хорошо если без этно-конфессионального обременения); «слабый–слабый» ситуация по типу создания большей (и неуправляемой) нищеты.

И, наконец, в качестве вывода. Уже XX век стал эпохой времени, а не пространства. Те, кто этого не понимают — неизбежно проигрывают, как во внешней политике, так и во внутренней.

Воробьева В.В., Малов В.Ю., Мелентьев Б.В.,

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКО- МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ¹⁹

«И даже Богу не дано не бывшим
сделать то, что было сделано»!

Аристотель

С самых первых лет создания сектора формирования и развития территориально-производственных комплексов²⁰ ИЭиОПП СО РАН его научные исследования (с 1965 г. по 2002 г. под руководством М.К. Бандмана) были ориентированы на разработку системы экономико-математических моделей для прогнозирования пространственной структуры экономики региона. Такие модели (известные в литературе как составные элементы модельного комплекса «ТПК — подход») были разработаны и широко использовались для решения прикладных задач по экономическим районам, территориально-производственным комплексам, отдельным промышленным узлам. На стадии анализа промежуточных решений, получаемых в процессе расчётов по моделям, для уточнения и корректировки исходной постановки конкретной задачи всегда учитывался исторический опыт реализации или отказа от реализации крупных отраслевых и инфраструктурных проектов. Это диктовалось необходимостью получения дополнительной информации к научному обоснованию результата решений — прогноза вариантов структуры, предпочтительных по тем или иным критериям и рекомендуемых к рассмотрению для принятия окончательных решений.

¹⁹ В данной статье использованы материалы сотрудников института Истории СО РАН, опубликованные в коллективной монографии «Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны» Новосибирск, ИЭОПП СОРАН, 2008.

²⁰ С 2008 г. переименован в сектор анализа и прогнозирования развития проблемных регионов Сибири.

В качестве наиболее яркого примера можно привести иерархический (в территориальном разрезе) комплекс задач по прогнозированию производственного и пространственного развития хозяйственного комплекса Ангара-Енисейского региона. При постановке и решении их анализировался опыт разработки в 20–30-х годах прошлого столетия масштабного проекта «Сдвиг производительных сил на Восток», для которого намечалась достаточно длительная поэтапная реализация. Известно, что в те годы были и альтернативные ему предложения, которые сводились к тому, чтобы сосредоточиться в основном на развитии производства в уже освоенных экономически частях СССР — на Украине, в Белоруссии, в Центральной России. Несомненно, что с «чисто экономических» (коммерческих) критериев эти варианты были предпочтительнее. Но неоспоримое значение детальной научной проработки и первых шагов по реализации рассматриваемого проекта проявилось позже, и особенно в годы Великой Отечественной войны при выполнении оборонного заказа.

Полезно отметить и более ранний инфраструктурный проект создания Транссибирской железнодорожной магистрали, реализация которого даже его инициаторами сначала признавалась коммерчески убыточной на многие годы вперед. Но со временем реальная ситуация подтвердила социально-экономическую и геополитическую значимость этого крупного инфраструктурного проекта. Переоценить роль Транссиба в последующие, и особенно в очень сложные для страны, периоды невозможно.

История не знает сослагательного наклонения. Любое историческое событие, строго говоря, уникально. Уникальны и причинно-следственные характеристики каждого из них. Поэтому перенос опыта разрешения в прошлом проблем на современные условия и, тем более, на будущее время всегда будет спорным тезисом дискуссий. Также справедливо и то, что ретроспективный анализ последствий возможных, но нереализованных в прошлом, альтернатив надо проводить крайне осторожно. Например, как оценить последствия отказа от проекта создания железнодорожной магистрали Россия — США с тоннелем под Беринговым проливом, предложенный 100 лет назад? Или последствия задержки с созданием магистрали Салехард — Уренгой — Норильск? Ведь в общем случае, средства, предполагаемые на эти проекты, вложены в какие-то другие проекты, причём не всегда альтернативного направления. Поэтому обязательным этапом решения таких задач является реконструкция территориальной и отраслевой структуры основных параметров экономической среды реализации исследуемого проекта, адекватной соответствующему периоду времени.

Ниже рассматривается предлагаемый экспериментально проведенный авторами подход к использованию экономико-математического аппарата при расчётах обсуждаемого рода оценок с тем, чтобы при долгосрочном прогнозировании иметь больше оснований для использования опыта истории, получения количественных оценок последствий отказа от некоторых стратегических решений прошлых лет (не всегда единогласно приветствуемых в то время «лицами принимающими решения», будь то царское правительство или Политбюро ЦК КПСС). Этот аппарат позволяет не только выявлять некоторые «упущенные возможности» прошлых периодов, но и обеспечивает расширение информационного поля для понимания а) логики выработки суждений по исследуемым альтернативам и б) мотиваций принятия тех или иных решений, определяющих судьбу если не государства в целом, то хотя бы отдельных регионов.

Для экспериментальных расчетов в качестве базовой была использована широко известная в научных кругах оптимизационная межрегиональная межотраслевая модель — ОМММ. Её конструкция и структура позволяют получать количественные взаимообусловленные значения макропоказателей развития экономики России — СССР — России за любой длительности промежутка времени. Нами рассматривался период: с 1889 по 2029 г. Выбор начального года определился началом проектирования и строительства Транссиба — наиболее масштабного по государственным меркам проекта, обеспечившим на многие десятилетия возможность и, самое главное, успешность «сдвига производительных на Восток»²¹.

Экономика страны представлена в модели в разрезе трёх макро-регионов — охватывающих в своей совокупности территорию страны в целом. Это Европейская и Азиатская части РФ и достаточно крупная по масштабам «прочая» часть, включающая территории всех остальных бывших республик СССР. Хозяйственный комплекс любого макрорегиона описывается межотраслевым балансом по восьми отраслям: тяжелая, нефтедобыча, легкая и пищевая, сельское и лесное хозяйство, строительство, транспорт, торговля и услуги, сумма прочих отраслей. По каждому макрорегиону для каждого десятого года (1889, 1899, 1909 и т.д.) рассматривается набор переменных, отражающих объемы валовых выпусков продукции перечисленных выше отраслей. Предполагается, что производственно-транспортные связи между «прочим» и «азиатским» макрорегионами обеспечиваются че-

²¹ Поход Ермака, освоение золотых приисков и другие мероприятия по освоению Сибири, поощряемые и частично субсидируемые государством, здесь нами не рассматриваются.

рез «европейский» (такое допущение принято только для упрощения процесса отладки предлагаемой модельной конструкции и не является проблемным для формализации указанных связей при расширении числа территориальных единиц исследования).

Набор управляющих параметров (решений) имитируется через задания максимально возможных темпов роста отраслей хозяйственной деятельности в каждом из макрорегионов и требуемых для достижения этого объемов капиталовложений. Численность трудовых ресурсов в исходном варианте реконструкции реального состояния экономики задается строго по статистическим данным конкретного года, а при расчётах по альтернативным предложениям — экспертными оценками. Количественные оценки «упущенных» в прошлых периодах возможностей принятия тех или иных решений выявляются в процессе сравнительного анализа показателей развития экономики макрорегионов страны по альтернативному и исходному вариантам. При этом результирующие показатели последнего варианта²² должны с определенной долей погрешности (но не более 3%) соответствовать реальным данным статистики.

Одной из наиболее трудных задач «конструирования» альтернативного варианта является построение «цепочек» тех или иных обязательных и неизбежных последствий от возможной реализации его. Например, если бы не было Транссиба, то не было бы и крестьян-переселенцев, приехавших на восток страны из Украины, Белоруссии и др. европейских регионов Российской империи и освоивших новые масштабные сельскохозяйственные угодья. Именно они обеспечили здесь рост населения, спасшего позже своим сибирским хлебом жителей Украины, вымиравших в годы страшного голода в XX веке. Без Транссиба не была бы создана в 1930-е гг. здесь индустриальная база, принявшая в последующие 1940-е гг. промышленные объекты и беженцев из европейской части России (что во многом обеспечило коренной перелом и окончательную победу в Великой Отечественной войне). И наконец, восточные регионы России значительно позже могли бы получить мощное индустриальное развитие. В связи с этим при формировании альтернативного варианта развития России, в котором исключается (с 1889 г.) возможность реализации проекта «Транссиб», были приняты следующие логические посылки корректировки макро-региональных ограничений, имеющих место в исходном варианте.

²² Исходный вариант формировался по материалам статистических изданий и публикаций, содержащих количественную информацию о структурном развитии экономики СССР/России за исследуемый период: население, трудовые ресурсы, объемы производства и т.д.

✓ Для Азиатской части РФ:

- сокращается численность населения и, соответственно, трудовых ресурсов;
- ограничиваются (сверху) темпы возможного развития сельского хозяйства в 1899 и 1909 гг.;
- ограничиваются (сверху) темпы возможного развития отраслей тяжелой промышленности и в 1899 и 1909 гг., и в последующих годах.
- сокращаются возможности обмена продукцией всех отраслей с потребителями/поставщиками из Европейской части РФ и «Прочей» части СССР.

✓ Для Европейской части РФ и «Прочей» части СССР:

- уже с 1899 г. расширяются возможности развития всех отраслей за счёт перераспределения в эти макрорегионы той части капиталовложений, которая «исключается» из процесса освоения при отказе от строительства Транссиба²³.

Основные положения предлагаемого авторами подхода к выявлению сравнительных оценок исторического опыта реализации крупных альтернативных инфраструктурных проектов представлены в таблице 1. Существенным в практическом использовании его является определение ключевых моментов, характеризующих историко-экономическую, историко-политическую и геополитическую среду, в которой принималось то или иное решение относительно реализации той или иной альтернативы проекта. Они необходимы для выявления, обоснования и максимально приближенного к реальным условиям отображения «контуров области» расчётов по выявлению количественных оценок влияния на развитие экономики страны конкретного проекта. При проведении экспериментальных расчётов на примере Транссиба авторами были приняты следующие исходные посылки «реконструкции среды» принятия решений по строительству этой магистрали и некоторых вероятных последствий с его запаздыванием.

✓ Некоторые исторические события не зависят от факта создания Транссиба:

- неурожай и голод в стране в начале XIX века;
- исход и результаты Русско-Японской войны 1904–1905 гг.;
- революция 1917 г. и социально-экономические последствия её для страны;

²³ Правда, поскольку Транссиб создавался преимущественно на заемные средства, то можно считать, что никаких существенных новых, дополнительных вложений в «Европейский» и «Прочий» макрорегионы все равно не было бы. В данном эксперименте мы приняли случай перераспределения капиталовложений, что дало возможности улучшить положение других частей России в эти начальные годы.

Таблица 1.

Исходные посылки постановки задачи оценки исторического опыта реализации крупных инфраструктурных проектов (макетное представление)

Посылка	Содержательный аспект посылки	
Время: период $[t \div T]$ по десятилеткам	Базовый год: $[t]$ (начало расчётов)	Расчётные годы: последний год десятилетки $[(t+10), \dots, 1999, \dots T]$
Пространство: макрорегионы СССР и РФ	<i>Европейский и Азиатский</i> – в границах Российской Федерации; <i>«Прочий»</i> – до 1989 г. в границах СССР (вся совокупность бывших союзных республик)	
Отрасли: агрегаты отраслей	Тяжелая, нефтедобыча, лёгкая и пищевая, сельское и лесное хозяйство, транспорт, торговля и услуги, прочие	
Межрегиональный обмен продукцией: транспортные связи макрорегионов	Европейский макрорегион → Азиатский макрорегион Азиатский макрорегион → Европейский макрорегион Европейский макрорегион → «Прочий» макрорегион «Прочий» макрорегион → Европейский макрорегион	
Исходная информация для каждого расчётного года – из результатов решения задачи по предыдущему расчётному году (для базового года – информация задана)	Межотраслевой баланс, представленный в структуре модели ОМММ с целью получения и передачи необходимой информации для решения задачи по следующему расчётному году	● По отраслям: ✓ объёмы выпуска (предложения) продукции (услуг), ✓ коэффициенты межотраслевого обмена продукцией, ✓ объёмы транспортировки продукции по направлениям межрегиональных связей; ● По территориальной структуре: ✓ капиталовложений в фондообразующие отрасли, ✓ занятых трудовых ресурсов, ✓ конечного потребления
Управляющие параметры, обеспечивающие в процессе расчётов учёт специфики условий социально-экономического развития каждого макрорегиона в каждом расчётном году		Интервальные ограничения по изменению показателей ● развития отраслей: ✓ темпов роста, ✓ коэффициентов межотраслевого обмена продукцией, ✓ трудоёмкости выпуска продукции, ✓ капиталоемкости фондообразующих отраслей, ✓ коэффициентов возмещения выбывающих мощностей; ● отраслевой и территориальной структуры конечной продукции: ✓ в векторе оптимизируемой части, ✓ в векторе фиксированной до расчётов части
Контрольные параметры до 1999 г. – информация из статистических изданий и научных публикаций	✓ Численность населения и трудовых ресурсов макрорегиона ✓ Объём валовой продукции в разрезе отраслей и макрорегионов ✓ Отраслевая структура экспорта и импорта по макрорегионам ✓ Другие экономические показатели, через которые косвенно можно уточнить границы интервалов изменения значений параметров, выступающих в задаче в качестве управляющих	

- неурожай и голод в 20-х годах XX века;
- Вторая мировая и Великая Отечественная война;
- потеря 30% производственного потенциала Европейской части СССР в 1941–1944 гг.;
- результаты войны с Японией в 1945 г.
- ✓ В период с 1909 по 1939 гг. создание Транссиба было бы невозможным.
- ✓ Капиталовложения в Транссиб не могли конвертироваться в полном объёме во вложения в другие отрасли Европейской части страны.
- ✓ Без Транссиба невозможно было бы резкое увеличение численности населения в Азиатской России и, как следствие, объемов производства сельского хозяйства.
- ✓ Без Транссиба невозможна была бы в 1930-е гг. реализация «СДВИГА производительных сил на ВОСТОК», т.е. тяжелая промышленность в Азиатской России не стала бы такой значимой для страны, но значительно выросло бы производство в Европейской части СССР.
- ✓ Исход Великой Отечественной войны был бы тот же, но при дополнительных человеческих потерях из-за отставания развития оборонного комплекса СССР (недостаток черных и цветных металлов для оборонной промышленности, задержка создания «Норильска»).

В качестве аргументов «за» принятие таких исходных посылок приведем некоторые исторически значимые факты.

- Именно в годы Первой мировой войны почти половина акционерных обществ обрабатывающей промышленности Зауралья развернули свою деятельность. Ряд промышленных предприятий входили в общероссийские концерны, но одновременно усилилось проникновение иностранного капитала. К 1917 г. монополии поставили под контроль ключевые отрасли агропромышленного комплекса Сибири. Монополизация не только не вела к преодолению технического отставания сибирской индустрии, но скорее наоборот: конъюнктура военного времени сопровождалась разрушительными тенденциями в производстве. За годы Первой мировой войны индустрия восточных районов России пришла в упадок. Даже в золото- и угледобывающей промышленности произошло значительное сокращение производства.

Свою негативную роль сыграла и иностранная интервенция, ущерб от которой составил около 4 млрд. довоенных рублей. Особенно пострадало сельское хозяйство. Политика подрыва, организованная в 1916 г. царским правительством, была «творчески»

перенята большевиками, использовавшими опыт проведения политики «военного коммунизма» в годы Первой мировой войны некоторыми из враждующих стран.

- Характерно, что именно в период 1918–1920 гг. Советское правительство обращается к уже высказываемым идеям по осуществлению крупнейшего индустриального проекта — Урало-Кузнецкого комбината (УКК), который наряду со строительством Транссибирской магистрали стал не только масштабным «социально-экономическим событием» XX века, но и мощным фактором индустриализации восточных районов России. Возвращение к такой идее имеет ту же подоплёку, что и в условиях прежней России, когда по условиям заключения Брестского мира страна теряла Украину и весь европейский юг, где располагались крупные индустриальные предприятия. Решение Урало-Кузнецкой проблемы стало рассматриваться в качестве панацеи не только от экономического, но и политического краха.
- С экономической точки зрения противники реализации проекта, безусловно, были правы: новое промышленное строительство на востоке страны обходилось в несколько раз дороже, чем на Украине. Но вспомним, что в течение трех месяцев войска гитлеровской Германии оккупировали территорию, на которой проживало до войны более 70 млн. человек, да еще и размещалась основная индустриальная база. С чем бы остался СССР уже в итоге первого периода Великой Отечественной войны? Думаю, немецкий блицкриг тогда бы удался во славу немецкого оружия. Кстати, недооценка восточного экономического потенциала России стала, пожалуй, основной стратегической ошибкой высшего руководства Германии. Идеология советской индустриализации справедливо учла и интегрировала в себе геополитические императивы, существенно изменившие, конфигурацию территориально-хозяйственных приоритетов в пользу Азиатской части России. Идея глубокого индустриально-стратегического тыла была осуществлена и сыграла свою роль.
- В годы Великой Отечественной войны объем выпуска продукции гражданских отраслей значительно сократился. Резко упало производство пищевых продуктов. Конечно, потенциал тяжелой промышленности Азиатской части России вырос неизмеримо. Но регион превратился, по сути, в кузницу оружия, что тормозило его комплексное индустриальное освоение и вело к тяжелым социально-экономическим последствиям. Тем не менее, при всех трудностях военного времени государство не останавливало модернизацию хозяйственного комплекса азиатской части

России, хотя вопрос о диверсификации его структуры и не ставился. Интенсивное развитие получили только те отрасли, которые работали на оборону. Они истощали природные ресурсы региона, нанося огромный урон его экологии. Развитие традиционной экономики резко затормозилось. Последствия войны негативно отражались на экономике азиатского края вплоть до середины 50-х годов, а некоторые влияют не лучшим образом и сейчас, потому что на его территории оказались производства, которые в мирное время не стали бы здесь создавать.

В качестве примера практического использования предлагаемого подхода приведём некоторые результаты расчётов, показывающие изменения в динамике территориальной структуры производства продукции сельского хозяйства и тяжелой промышленности в зависимости от принятия решения по строительству Транссиба.

В период до конца 1889 г. строительство Транссиба только «отнимало» ресурсы, в том числе и трудовые, от задач развития европейской и прочих частей страны, что и отражается в некотором снижении показателя конечного потребления — на 20 млн. руб. (таб. 2). Азиатская часть страны выступала в это время макрорегионом-«реципиентом» по обеспечению продукцией всех отраслей экономики — тяжелой и легкой промышленности и, конечно, сельского хозяйства.

К 1899 г. строительство Транссиба продолжает замедлять темпы роста конечного потребления, но сама экономика уже способна развиваться более быстрыми темпами. Об этом свидетельствуют (таб. 3) показатели превышения объемов продукции сельского хозяйства по варианту «С Транссибом». Естественно, что это превышение обеспечивается за счёт опережающего роста производства в Азиатском макрорегионе. При этом направления поставок продукции сельского хозяйства пока сохраняют направленность 1889 г. — с Запада на Восток.

Таблица 2.

Объем сельскохозяйственного производства в 1889 г.
(млрд. руб. в сопоставимых ценах)

Вариант «С Транссибом»		Вариант «Без Транссиба»	
Макрорегионы	Объём продукции	Макрорегионы	Объём продукции
«Прочий»	1,8	«Прочий»	1,8
↓ Европейский	↓ 2,2	Европейский	2,3
Азиатский	0,1	Азиатский	0,1
Конечное потребление страны — 3,00		Конечное потребление страны — 3,02	

Примечание: здесь и далее стрелки отражают направления межрегионального обмена продукцией

Таблица 3.

Объем сельскохозяйственного производства в 1899 г.
(млрд. руб. в сопоставимых ценах)

Вариант «С Транссибом»		Вариант «Без Транссиба»	
Макрорегионы	Объём продукции	Макрорегионы	Объём продукции
«Прочий»	2,2	«Прочий»	2,25
↓ Европейский	↓ 2,3	Европейский	2,34
Азиатский	0,23	Азиатский	0,12
Конечное потребление страны — 3,84		Конечное потребление страны — 3,95	

К 1909 г. отставание варианта «Без Транссиба» становится уже существенным. Снижается уровень конечного потребления в стране (таб. 4). Это вызвано резким сокращением, по сравнению с альтернативным вариантом, уровня производства в сельском хозяйстве Азиатского макрорегиона — более чем в 5 раз. В варианте «С Транссибом» меняется по сравнению с 1899 г. направленность вектора межрегионального обмена продукцией этой отрасли: доминируют потоки с Востока на Запад.

И, наконец, к 1929 г. по варианту «С Транссибом» уже со всей отчетливостью прослеживается опасность автаркического развития западной и восточной частей страны (отсутствие взаимного обмена продукцией), когда формируются «самодостаточные» экономики, но при существенно худшем (на 9%) показателе суммарного конечного потребления (таб. 5).

Таблица 4.

Объем сельскохозяйственного производства в 1909 г.
(млрд. руб. в сопоставимых ценах)

Вариант «С Транссибом»		Вариант «Без Транссиба»	
Макрорегионы	Объём продукции	Макрорегионы	Объём продукции
«Прочий»	2,3	«Прочий»	2,4
Европейский	2,4	Европейский	2,4
↑ Азиатский	0,8	Азиатский	0,15
Конечное потребление страны — 6,68		Конечное потребление страны — 6,55	

Таблица 5.

**Объем сельскохозяйственного производства в 1929 г.
(млрд. руб. в сопоставимых ценах)**

Вариант «С Транссибом»		Вариант «Без Транссиба»	
Макрорегионы	Объём продукции	Макрорегионы	Объём продукции
«Прочий»	2,5	«Прочий»	2,5
Европейский	2,6	Европейский	2,7
▲ Азиатский	1,2	Азиатский	0,2
Конечное потребление страны — 11,00		Конечное потребление страны — 10,10	

Опасность продолжения этих тенденций наиболее отчетливо прослеживается по показателям двух исследуемых альтернативных вариантов развития страны в 1930–1940-е гг., включающие и период Второй мировой войны.

К 1939 г. по варианту «Без Транссиба» Азиатская часть страны превращается в действительно слабо развитой макрорегион, требующий ввоза большинства товаров тяжелой и легкой промышленности и практически не вывозящий продукцию сельского хозяйства (таб. 6). При альтернативном варианте «С Транссибом», наоборот, активный спрос на продукцию тяжелой промышленности Азиатской части страны заметен на Урале, в Европейской и прочих частях СССР/России. При этом превышение объема конечного потребления по этому варианту составляет около 4,3%.

При расчетах для периода до 1949 с целью обеспечения принципа «равноправия» рассматриваемых альтернатив по Транссибу авторами было принято допущение об одинаковом проценте потерь производственного потенциала в период 1941–1945 гг. Сравнительный анализ вариантов даёт убедительные основания для следующего вывода. Восстановление разрушенного во время войны хозяйственного комплекса в любом случае «идет» со стороны Азиатской России, только существенно в разных масштабах (таб. 7). Если в дальнейшем для варианта «Без Транссиба» предположить тот же темп восстановительных работ, как и в случае «С Транссибом» — полагая все-таки возможность создания этой магистрали в период 1945–1955 гг., то к настоящему времени уровень конечного потребления при варианте «Без Транссиба» все равно оказался бы на 30–35% ниже.

Таблица 6.

**Объем производства продукции тяжелой промышленности
в 1939 г. (млрд. руб. в сопоставимых ценах)**

Вариант «С Транссибом»		Вариант «Без Транссиба»	
Макрорегионы	Объём продукции	Макрорегионы	Объём продукции
«Прочий»	8,0	«Прочий»	9,4
Европейский	11,3	Европейский	12,1
▲ Азиатский	2,8	Азиатский	0,5
Конечное потребление страны — 45,8		Конечное потребление страны — 43,9	

Таблица 7.

**Объем производства продукции тяжелой промышленности
в 1949 г. (млрд. руб. в сопоставимых ценах)**

Вариант «С Транссибом»		Вариант «Без Транссиба»	
Макрорегионы	Объём продукции	Макрорегионы	Объём продукции
«Прочий»	15,4	«Прочий»	9,3
Европейский	20,5	Европейский	18,0
▲ Азиатский	6,6	Азиатский	▲ 3,1
Конечное потребление страны — 83,0		Конечное потребление страны — 52,3	

Не менее интересным может быть и другой срез экспериментальных расчетов — по «реконструкции» вероятных событий при «невозможности» создания СО АН СССР на территории Сибири, будь она мало подготовленной в промышленном отношении. В этом случае вряд ли с таким же успехом «проходили» бы и открытия новых месторождений нефти и газа в Западной Сибири, и создание в Ангаро-Енисейском регионе каскада ГЭС и энергоемких производств. Было ли бы это большим «плюсом» в деле инновационного развития экономики Европейской части страны — вопрос дискуссионный и оставленный для дальнейших исследований.

И ещё раз подчеркнём, что авторы понимают всю сложность «использования сослагательного наклонения» при анализе историко-экономического развития. Но для нас очень важно попытаться найти формализованные способы оценки принимаемых в прошлом дискуссионных решений по выбору магистральных направлений пространственного развития экономики страны.

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Родоман Б.Б.

СТРАНА ПЕРМАНЕНТНОГО КОЛОНИАЛИЗМА

Знаменитое определение историком В.О. Ключевским России как страны колонизируемой не устарело. Многие ныне наблюдаемые у нас явления могут быть описаны, объяснены, оценены как *колониализм, колонизация, колонии*. Тот факт, что термины эти в современной, постсоветской России табуированы, вытеснены из общественного сознания, — не случаен и многозначителен. В использовании земли, окружающей среды, природных и человеческих ресурсов, в миграциях людей, во взаимоотношениях между этносами, между коренными жителями и приезжими в тех или иных регионах, между государственной властью и населением, — по-прежнему живы многие «хрестоматийные» черты колониализма, не раз проявлявшиеся при формировании завоевательских империй Древнего мира и Средневековья, а также в процессах глобальной колонизации XVI–XIX вв., инициированных европейскими странами после Великих географических открытий.

Традиционная империя сохранилась. Россия росла как *традиционная континентальная империя* того же типа, что и древнеперсидские державы, Римская, Византийская, Китайская, Османская империя; встав в круг европейских великих держав в XVIII в., пыталась вдогонку за ними обзавестись и заморскими колониями, но не удержала американские владения из-за чрезвычайной транспортной разобщённости.

Преодолимым «морем» для нашей колониальной империи оказался Каспий и подобные ему в качестве *барьерного пространства* Туранские степи. Колонизация Туркестана шла в конце XIX в. не столько по суше, со стороны Оренбурга и Омска, сколько через Каспийское море. Включённая в Россию большая часть нынешней Туркмении не случайно называлась Закаспийской областью. В отличие от других земель, присоединённых к России ранее, Средняя Азия была похожа

на заморские колонии Великобритании и Франции: другой климат, другая цивилизация и религия, заметные расовые различия. Туркестан стал для России «своей Африкой и Индией» [2]; рядом с туземными городами и кварталами возникли европейские дублёры (наподобие Нью-Дели — Новая Бухара, Новый Город в Ташкенте), складывались аналогичные отношения с местным населением.

Новоевропейские трансокеанские империи рухнули в XX в. Континентальная империя СССР распалась отчасти по *этноцивилизационным* причинам. От ослабевшей державы отвалились наиболее чуждые куски, которые она не смогла, не успела переварить; Балтия вернулась в Европу, Туркменистан в Азию. Из традиционных континентальных империй сохранились постсоветская Россия, Китай и немногие другие, в которых метрополия и колонии различаются не резко, не разделены природными барьерами, а соединены расплывчатыми промежуточными, переходными зонами.

Этнополитический колониализм сегодня. В нашей стране имеется один главный этнос, тождественный ей по названию и давший государственный язык, и множество других этносов, из коих некоторые имеют свои национально-территориальные автономии, но без права выхода из псевдофедерации, т.е. удерживаются в ней фактически принудительно. Необходимость административных единиц, выделенных по этническому признаку, подвергается всё большим сомнениям, процесс их ликвидации начался с автономных округов. И это при том, что почти все нерусские народы в России — не иммигранты, они не переселились в уже существовавшее русское государство, а наоборот, были им завоёваны, оттеснены, отчасти истреблены и ассимилированы, иногда лишены своей государственности. В таком историческом контексте национальные автономии, при любой степени их реальности или номинальности, должны рассматриваться как моральная компенсация этносам, испытавшим «травму покорения» [5]. В нашей стране малые народы, не имевшие или лишившиеся территориальной автономии, быстро исчезают (например, вепсы и шорцы).

Коренные этносы, в начале советского периода составлявшие большинство в своих автономиях, ныне оказались в меньшинстве в результате недавней колонизации, связанной с освоением природных ресурсов, великими стройками, индустриализацией и милитаризацией. Распашка «целинных» земель, строительство некоторых портов и электростанций в прибалтийских республиках имели не только экономические причины, но и задачу русификации окраин Советского Союза. После его краха типичными войнами за сохранение колоний в составе распадающейся империи стали вооружённые конфлик-

ты на Кавказе, народы которого сделались заложниками имперской политики «разделяй и властвуй». Расширение сферы влияния в мире, в том числе включение в неё бывших частей СССР, ныне является приоритетом российской внешней политики. Царская Россия в XVIII–XIX вв. принимала в своё подданство кочевые племена, после чего их земля автоматически становилась российской; постсоветская Россия раздаёт российские паспорта жителям сопредельных стран...

Следы недавних аннексий. В составе России находятся десять территорий, которые СССР аннексировал во время и вскоре после Второй мировой войны: четыре куска Финляндии, два куска Эстонии, один уезд Латвии, северная треть Восточной Пруссии, Тува, Курильские острова. Со всех присоединённых земель, кроме Тувы, почти всё местное население согнано; разрушены системы расселения, лесопользование, дренажные сети. При этом администрация и население Карелии, бывшей Восточной Пруссии, Сахалинской области принимают как должную материальную помощь от потомков изгнанников — финнов, немцев, японцев.

При заселении присоединённых земель благонадёжными славянами отодвинуты интересы местных народов: литовцев — вокруг Кёнигсберга, айнов — на Сахалине и Курилах. Корейцы на Сахалине, принудительно привезённые туда японцами, были лишены права на репатриацию, оказались на положении иностранцев, ограниченных в передвижении; фактически стали рабами пограничников.

Топонимическая агрессия. На присоединённых к СССР территориях и в местах депортации репрессированных народов почти все прежние географические названия заменены новыми, которые везде, кроме Южного Сахалина и Курил, где потрудился географ Ю.К. Ефремов, безвкусны, однообразны, трудноразличимы (Светогорск, Зеленоградск, Советское, Первомайское), скрывают не только историю, но и географические особенности. Прошное замалчивается и тем самым искажается в СМИ и в учебниках, отчего поддерживаются мифы: Выборг основан русскими, пруссы — славяне, И. Кант — придворный философ российской императрицы, Кёнигсберг в XVIII в. принадлежал России, а в 1945 г. ей по праву возвращён, Калифорния (можно подумать, что вся!) в XIX в. была российским владением, Аляска в 1867 г. сдана США в аренду, срок которой давно истёк, и т.д. С таким же основанием можно утверждать, что Швейцария и Париж раньше принадлежали России, поскольку и там побывали русские войска. Бывшая столица Восточной Пруссии носит имя не имевшего к ней никакого отношения «всесоюзного старосты» М.И. Калинина, хотя известно старинное славянское название Кролевец (по-литовски Караляучюс).

Самый известный и многострадальный город на Кавказе имеет устрашающее название, совпавшее с прозвищем жестокого русского царя. Такие имена давались в царской России эсминцам и крепостям. Одной из них стала крепость Грозная, основанная в 1818 г. О колониальных аппетитах империи, о её стратегической, военной географии свидетельствуют такие названия, как Владивосток и Владикавказ. У последнего, впрочем, есть политически нейтральное имя Дзауджикау, бывшее официальным в 1944–1954 гг.

В пылу борьбы с китайскими и псевдокитайскими топонимами в дальневосточном Приморском крае реки получили русские имена, частично совпавшие с названиями посёлков, а также с именами людей. Например, появилась на карте река Арсеньевка (бывшая Даубихе). Дальневосточные произведения самого В.К. Арсеньева, а также М.М. Пришвина и А.А. Фадеева, читать с современной географической картой уже невозможно.

Хозяйственно-демографический колониализм на окраинах. Большую часть России занимают так называемые «районы Крайнего Севера и приравненные к ним». При их массовом заселении, в основном в середине XX в., преобладали неэкономические методы — репрессии, депортации, вербовка, переводы по службе. Традиционное землеприродопользование коренных народов нарушено, разрушен прежний культурный (охотничье-промысловый) ландшафт, а новый, устойчивый и биологически продуктивный, не создан; вместо него — деградирующая среда.

Характерное колониальное отношение к земле сложилось в советское время. Почти все обитатели севера и северо-востока нашей страны чувствовали себя там не постоянными жителями, а долговременными гостями; они прибывали туда на срок не более своего укороченного трудового стажа, после чего собирались жить «по-человечески» на «материке» в качестве ещё не старых привилегированных пенсионеров. За колонистами сохранялись права на жилплощадь и прописку на их «малой родине», а на причерноморском юге СССР многих ждали домики с садами и виноградниками, новые молодые жёны из вчерашних школьниц и... скорая смерть от крутой перемены обстановки.

Богатая и достигая европейского уровня комфорта в квартирах и офисах, северо-восточные добывающие города России не сживаются с окружающей природой, а стремятся стать капсулами, изолированными от суровой и невзрачной окружающей среды. Норильск, Мирный, Сургут, Нижневартовск лучше связаны с Москвой и с дальним зарубежьем, чем с окраинами своих регионов. Чуждость посе-

ленцев окружающей местности выражается и в том, где они проводят отпуск: у родственников в обжитой части страны и на пляжах тёплых морей. Всё говорит о том, что настоящего постоянного населения на большей части России по-прежнему нет. Вопреки усилиям многих отечественных правительств, большинство жителей наших северо-восточных окраин там не укоренилось и не застраховано от насущной потребности в репатриации на внутрироссийскую «историческую родину» в случае очередного социально-экономического потрясения.

Источник благополучия — экогеноцид Сибири. Паразитический характер и историческая бесперспективность жизни огромной страны исключительно благодаря экспорту газа и нефти общеизвестны и в особых комментариях не нуждаются. Менее очевидно, что и сельское, и домашнее хозяйство, поддерживаемое неустанным трудом, фактически тоже паразитирует на невозобновляемых энергоресурсах. Значительная, а в некоторых регионах и большая часть сельскохозяйственной продукции производится на малых клочках земли, обрабатываемых одной семьёй без привлечения наёмного труда. У горожан это пригородные садово-дачные участки, а у настоящих сельских жителей (крестьян) — приусадебные участки под полукриминальной крышей бывших колхозов и совхозов, переименованных во что угодно.

Рядовые жители Москвы и Петербурга пользуются удалёнными на десятки и сотню километров дачами благодаря удобной, густой транспортной сети и практически бесплатному, т.е. почти для всех льготному проезду на пригородном транспорте, который дотируется государством за счёт всё того же невозобновляемого природного энергосырья. В возделывании дачных и приусадебных участков во всей России и в хищнической, браконьерской вырубке лесов огромную роль играют бесплатное и дешёвое «левое» пользование транспортом и другой техникой, краденые нефтепродукты, энергия, стройматериалы. Для того и сохраняются крупные аграрные предприятия и леспромхозы, чтобы обеспечивать ресурсами индивидуальное, семейное, частное хозяйство своих работников.

Не только полумифические «олигархи», эти всенародные жупелы и пугала, но и ненавидящие их «простые труженики», не мыслящие лета без того, чтобы посадить свою картошку, огурцы, помидоры, благополучно пожинают плоды *экогеноцида*, охватившего Зауралье. Повседневный образ жизни россиян возможен лишь благодаря продолжающемуся разрушению ландшафта, истреблению флоры и фауны, вымиранию малых коренных народов на большей части российской территории. Россия не случайно отказалась поддержать проект Декларации ООН о правах коренных народов [6].

Колониализм в метрополии. Веками проявлявшийся центробежный вектор колониализма отчасти сменился центростремительным или раздробился во множестве локальных метрополий и колоний, когда каждый центр региона, подражая столице империи, эксплуатирует, подавляет, грабит свою периферию [1]. Пережитками, проявлениями, последствиями колониализма выглядят многие социально-экономические процессы и в коренной, европейской, Центральной России.

- Приобретение, захват сибирскими добывающими компаниями наиболее ценных земель в Подмосковье и Причерноморье, строительство элитных коттеджных посёлков и своих сельскохозяйственных предприятий. Лесистая Мещёра стала кое-где колонией нефтяников и добытчиков никеля, а лучшие сосновые леса вдоль Волги приватизированы хозяевами Газпрома и туда уже не пускают даже местных жителей. Скупаются бывшие пионерлагеря, дома отдыха, турбазы вместе с берегами и прилегающей акваторией.
- Чрезвычайно агрессивная субурбанизация, расширение городов и пригородных зон, дальнейший захват земель под коттеджные посёлки, даже в водоохранных зонах и городских лесопарках; вырубка лесов под застройку, замена зелёных насаждений гаражами и торговыми центрами, превращение лесов, оврагов и заброшенных полей в свалки.
- Принудительная ликвидация малоэтажной полусельской, усадебной, дачной застройки в городах; насильственное выселение жителей, чтобы отвести быстро дорожающую землю под элитную, коммерческую, прибыльную застройку. (Главным стимулом сноса старых ещё не обветшавших зданий часто бывает потребность в подземных гаражах).
- Вытеснение социально не защищённых, экономически лишних людей (бедняков, стариков, инвалидов, сирот) из элитных, престижных частей городов на окраины, в пригороды, в провинцию, на социальное дно (в бездомные, безработные, беспризорные) и из жизни вообще.
- Переселение и истребление мёртвых — перенос и уничтожение захоронений, селекция останков («бесхозные» покойники выбрасываются), массовая ликвидация и застройка кладбищ.
- Уничтожение памятников истории и культуры, археологических объектов и захоронений, относящихся к нерусским этносам и к военным противникам, если нет зарубежных опекунов и спонсоров. Почти исчезли во всех городах России особые

неправославные кладбища. Бывало, что археологи, раскопав не столь уж древнее неславянское городище, поспешно закапывали его, чтобы не перечить господствующим представлениям. Так в русле постоянной фальсификации истории происходит *этническая зачистка исторического прошлого*, русификация земли и почвы.

Колониальный (в худших значениях) характер многим из вышеперечисленных процессов придают игнорирование поселенцами и новыми хозяевами сложившегося землеприродопользования и регулировавших его обычаев, в законах не записанных; бесправие местных жителей, лишение их достойной, а чаще всего — любой компенсации; разрушение природного и культурного ландшафта; *отсутствие преемственности* в использовании территории, смене людей и культур и как следствие всего этого — случайность, неожиданность, насильственность перемен, происходящих в той или иной точке пространства. И, наконец, что должно нас волновать больше всего, — *колониальный способ приобретения земельных участков*. Местный администратор, как туземный вождь или царёк, то ли продаёт, то ли уступает за взятку землю, которой распоряжается, не спрашивая разрешения у местных жителей. Сфера земельных отношений в больших городах и их окрестностях настолько коррумпирована и криминализована, что все причастные к ней или обладающие важной информацией помалкивают, опасаясь за свою жизнь. Эта тема в СМИ фактически игнорируется.

Паразитизм и экспансия Москвы. Процветание нашей столицы основано на рабском и полурабском труде приезжих — немосквичей, которые никогда не получали за свой труд достойной оплаты. Советскую Москву строили крестьяне, бежавшие из деревни от голода и коллективизации, заключённые, военнопленные, лимитчики. Сегодня на строительных и ремонтных работах в Москве и Подмосковье заняты иностранцы — «гастарбайтеры» из Таджикистана, с Украины и из Молдовы, российские сограждане из числа, например, поволжских татар, а также выписанные для элитныхстроек привилегированные рабочие из Турции. Славяне служат в силовых структурах и в бюрократическом аппарате, а формально образованные москвичи (обладатели дипломов) считают и распределяют деньги в офисах. Дворы и улицы подметают таджики, торговля на рынках и в ларьках находится в руках азербайджанцев. В России возродилось архаичное *этническое разделение труда*, присущее традиционным средневековым империям, преимущественно азиатским.

После распада СССР нынешняя Российская Федерация оказалась не только его правопреемницей, но и наследницей месторожде-

ний полезных ископаемых, ставших почти единственным средством существования для нашей страны. А жителям некоторых прочих республик бывшего СССР, которые в своё время участвовали в освоении Крайнего Севера и Сибири, приходится приезжать в Россию и работать на её хозяев, подвергаясь унижениям и опасности нападения на почве ксенофобии. Циничная репрессивная эксплуатация бывших соотечественников — ещё один аспект современного российского колониализма.

Весьма примечательна *московская неоколониальная волна* — приобретение столичными чиновниками-бизнесменами крупной собственности в провинции с кооптацией их в местные органы власти и вытеснением местных деятелей. Московские префекты и заместители мэра — потенциальные кандидаты на посты провинциальных губернаторов. Волна эта склонна вылиться и за пределы России...

Некоторые процессы, описанные здесь в территориальном разрезе как проявления и пережитки колониализма, можно рассматривать и как *периодические переделы собственности*, неотъемлемо присущие российской квазифеодальной экономической системе [4]. Страна перманентного колониализма — это страна *перманентного перераспределения* (по В.М. Полтеровичу) [3].

Территориальные сословия. Независимо от имущественного положения все россияне могут быть разделены в первом приближении на три категории: 1) жители столицы, т.е. москвичи; 2) жители Московской области и С.-Петербурга — полупровинциалы; 3) все остальные — провинциалы. Москвичи — настоящее привилегированное сословие, принадлежность к которому отнюдь не прямо связана с фактическим местом жительства; они могут подолгу жить в разных концах России и в зарубежных странах, но не расстаются с постоянной московской пропиской (якобы отменённой и потому ныне именуемой регистрацией) и жилплощадью в столице, ибо это такой капитал, потеря которого для большинства его обладателей выглядит хуже смерти. Российская «элита» — миллиардеры и высшие чиновники (что зачастую одно и то же), в том числе все губернаторы, принадлежат к категории «статусных москвичей», поскольку имеют резиденции в Москве, точнее, в её Центральном округе и в западной половине; эту часть города вместе с прилегающим к ней ближайшим сегментом Западного Подмосковья и следует считать *суперметрополией*, тогда как остальная земля России является метрополией и колонией в разной степени.

В известном смысле московская прописка аналогична римскому гражданству той эпохи, когда им обладали не все подданные римских

императоров. В конце концов, Римская империя даровала римское гражданство жителям провинций. У нас же о том, чтобы всех россиян уравнивать в правах с москвичами, т.е. отменить репрессивную регистрацию, пока и речи нет. Ведь такая регистрация и придумана для эксплуатации приезжих. Это лишний раз свидетельствует, что традиционная колониальная империя сохраняется со всеми своими удручающими особенностями.

Литература

1. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. — М.: НЛО, 2001.
2. Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги российской колонизации Туркестана. — Тель-Авив, 2001.
3. Полтерович В.М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Пути России: двадцать лет перемен / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. — М.: МВШСЭН, 2005, с. 90–102.
4. Родоман Б.Б. Идеальный капитализм и российская реальность // Неприкосновенный запас, 2001, № 3 (17), с. 22–29.
5. Родоман Б.Б. Сколько субъектов нужно Федерации? // Отечественные записки, 2004, № 2 (17), с. 285–294.
6. «Твои права, абориген». Правовой вестник. Приложение к альманаху «Мир коренных народов. Живая Арктика». 2006, № 1.

А.И. Чистобаев

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ И СХЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В соответствии с Градостроительным кодексом РФ (Федеральный закон от 28.12.04 № 190 — ФЗ), начиная с 2005 г., в нашей стране разрабатываются Схемы территориального планирования. Они, как указано в упомянутом кодексе, должны учитывать положения, содержащиеся в другом документе — Стратегия развития региона. Эта рекомендация детально не регламентирована, что позволило разрабатывать эти документы изолированно друг от друга. Такому характеру разработки названных документов способствовало и то обстоятельство, что они курируются разными министерствами: Схемы — Минрегионом, Стратегии — Минэкономразвития. В результате рекомендация о сопряженности документов, направленных на повышение эффективности управления развитием территории, не всегда выполняется. Об этом, в частности, свидетельствует наш собственный опыт участия в разработках схем территориального планирования по Пермскому краю, Тверской области и ряду других субъектов РФ. Есть, правда, и приятные исключения, например, по Вологодской области, где положения стратегии развития увязаны с положениями территориального планирования. Это стало возможным благодаря непосредственному участию руководителей структурных подразделений Администрации области в разработках того и другого документов.

Накопив опыт такого партнерства, мы, разработчики Схем территориального планирования, выполняемых в Научно-проектном институте пространственного планирования «ЭНКО», предприняли усилия по обеспечению взаимоусловленности разработки Стратегий регионального развития и Схем территориального планирования и по другим субъектам РФ. В качестве таких примеров приведу Брянскую область и Республику Удмуртия. В первом случае мы пытались сотрудничать с Институтом социально-экономического развития Центрального Федерального округа РФ, во втором — с Центром стратегических разработок «Северо-Запад». Слово «пытались» я употребил не случайно, ибо истинной взаимоусловленности документов, о которых идет речь, добиться пока не удалось. Причина, на мой взгляд, вовсе не в субъективных отношениях разработчиков к партнерству, а в объективных условиях территориального планирования

в системе государственного и муниципального управления. Обращусь далее к сути данного вопроса.

За последние 15–20 лет национальное планирование как форму и метод управления постигла, я бы сказал, тяжелая участь. Имея богатейший опыт разработки долгосрочных прогнозов, пятилетних планов, целевых комплексных программ, схем расселения, территориальных схем охраны природы, районных планировок, генеральных планов городов, проектов детальной планировки, государство не использовало эти разработки в управлении территориальным развитием. Более того, оно в весьма существенной мере сузило свое участие в управлении общественными процессами, что не могло не сказаться негативно на ключевом этапе развития страны — переходе к рыночным отношениям. Произошло это в силу чисто идеологических установок власти. На протяжении 10–12 лет общественные процессы, в том числе в сфере градостроительства, можно сказать, не контролировались государством. Его роль была сведена, по сути дела, к вынужденному реагированию на те или иные проблемы, возникающие в обществе. Применительно к рассматриваемой здесь теме можно назвать уплотнительную застройку в городах, строительство особняков в природоохранных зонах, изменение облика городов, являющихся объектами культурно-исторического наследия. Во всех этих случаях роль властных структур была сведена к минимуму, она проявлялась, как правило, в качестве вынужденного ответа на выступления общественности. Территориальное планирование в этих условиях оказалось, по существу, ненужным и, более того, по мнению предпринимателей, мешающим бизнесу.

Ныне в региональном управлении и территориальном планировании наметились существенные сдвиги, о чем выше уже было сказано. Дополнительно можно указать на принятие ряда изменений и дополнений в нормативно-правовой базе территориального планирования. Это — положения о совместной подготовке проектов документов, о составе схем территориального планирования, о способах отображения на картах (схемах) точечных, линейных и площадных объектов, о согласовании проектов схем территориального планирования субъектов РФ и проектов документов территориального планирования муниципальных образований. Все это свидетельствует о том, что постепенно идет процесс усовершенствования нормативно-правовой базы территориального управления, в том числе направленный на обеспечение сочетания вопросов стратегии развития и территориального планирования.

Однако на практике связи регионального управления и территориального планирования проявляются, прежде всего, в том, что пер-

вое выступает как заказчик второго. Иначе говоря, согласно устоявшимся среди функционеров представлений, документ под названием «Стратегия развития...» определяет конкретные задачи и содержание другого документа — «Схема территориального планирования...». С учетом сказанного, встает вопрос о том, насколько само региональное управление адекватно потребностям объекта управления, т.е. территории. В связи с этим важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, необходимо выяснить, на какие цели сориентировано региональное управление — достижение максимальной прибыли или удовлетворение нужд социума региона? Во-вторых, насколько цели регионального развития соответствуют природно-ресурсному потенциалу территории, прежде всего, его экологической емкости? Если исходить из интересов государства, призванного отражать чаяния своего народа, то тогда вполне правомерен вывод о том, что планирование следует рассматривать как обязательный, логически неизбежный этап, как стадию процесса управления, без которой этот процесс не может осуществляться. Отсюда вытекает еще более обобщенный и конструктивный вывод: территориальное планирование первично, поскольку оно определяет миссию региона, а значит и цели регионального развития. Этот вывод можно соотнести не только с уровнем муниципального образования или субъекта РФ, но и с уровнем страны в целом.

Развивая сделанный вывод, надо сказать, что территориальное планирование не только создает базу для разработки стратегии регионального развития, но и отражает последствия неадекватного управления, т.е. является своеобразным «барометром», показывающим необходимость смены или уточнения стратегического курса развития региональной экономики. Следовательно, схемы территориального развития — это не разовый акт, а постоянно действующий способ контроля над управлением развитием территории; это — мониторинг социально-экономического и экологического развития территории. Такие функции территориального планирования в полной мере отвечают принципам устойчивого развития, предотвращают возникновение опасных территориальных диспропорций в социально-экономическом развитии страны.

Можно предвидеть возражения со стороны методологов стратегического управления в связи с выводом о первичности территориального планирования, поэтому сразу же скажу, что во многом они будут правы. В то же время должен заметить, что их возражения могут быть приняты только в том случае, если они признают необходимость первоочередного учета специфики территории при проведении обоснований стратегических решений по развитию региональной эконо-

мики. Пока же такого учета в большей части выполненных стратегий развития субъектов РФ не просматривается.

Здесь надо заметить, что региональное управление на уровне субъектов РФ все в большей мере утрачивает свои функции в сфере экономики и, в значительной мере, в сфере социальной инфраструктуры. Взамен ему приходят интересы бизнеса, которому, как известно, нет дела до качества жизни социума, состояния окружающей среды и других составляющих регионального комплекса. Интерес проявится только в том случае, если бизнес будет получать доход от решения названных вопросов. И в этом случае схемы территориального планирования, определяющие функции территории, исходя из экологических, этно-конфессиональных, природных, социально-экономических и геополитических условий, будут содействовать и развитию бизнеса, и обеспечению рационального природопользования, и росту качества жизни людей.

В русле главных проблем территориальной организации общества в условиях рыночных отношений лежит прогрессирующая территориальная концентрация, сосредоточение экономического и финансового потенциала, новых рабочих мест в так называемых зонах опережающего развития и полюсах роста. Естественно, такая стратегия развития страны приводит к «опустыниванию» остальной территории, где само проживание людей становится проблематичным. Причем оно охватывает наименее жизнестойкую часть населения — престарелых, инвалидов, а в ряде случаев — и детей. Этот процесс характерен для всех уровней управления — от федерального (концентрация финансово-экономических ресурсов в Москве) до местного (концентрация сфер жизнедеятельности в центрах поселений). Чем ниже уровень региона, тем острее проблемы; в деревнях, селах и малых городах они могут быть классифицированы как социальная катастрофа.

В условиях нашей страны (огромные расстояния, слабая освоенность и обжитость территории) население не может встраиваться в процесс перемещения экономической активности, как это имеет место в ряде других, преимущественно высокоразвитых, стран. Оно и в силу своей ментальности «привязано» к месту традиционного проживания, но чаще всего просто не может выехать из-за отсутствия средств. На этом фоне рекомендации Евросоюза о создании условий для переезда населения из отстающих регионов в интенсивно развивающиеся [5] не просто не обоснованы, но крайне вредны, особенно в геополитическом отношении. Более правильный, гуманный подход — создавать рабочие места там, где живут люди. Для этого необходимо осуществлять хозяйственную активизацию территорий тра-

диционного природопользования. Это может быть достигнуто и на основе схем территориального планирования.

На этапе грабежа государственной собственности (1990-е гг.) были искусственно обанкрочены градообразующие предприятия во многих городах, особенно малых. Впоследствии некоторые из них были восстановлены, но их градообразующая роль была утрачена. Произошло это в силу того, что они вошли в состав холдинговых структур, промышленных групп, штаб-квартиры которых расположены в более крупных городах, куда стала уходить подавляющая часть результатов деятельности предприятий, т.е. прибыли и налогов. Пугающим примером в этом отношении является столица России, главный паразитирующий город страны. Ныне Москва не только высасывает финансовые ресурсы, но и лишает территориальные администрации заинтересованности в наращивании экономического и налогового потенциала своих территорий: чем выше этот потенциал, тем больше доля отчислений в федеральный бюджет.

Проводимая в стране региональная политика обусловила резкие различия в уровнях социально-экономического развития территорий. Особенно в тяжелом положении оказались сельские поселения. Несмотря на протесты жителей, в них в массовом порядке закрываются школы, детские сады, медицинские пункты. Все это приводит к росту неуправляемых и социально неприемлемых миграций, особенно молодежи. Наиболее престижный и высокодоходный вид занятости — сферы государственного и муниципального управления, где, помимо бюджетных доходов в виде зарплаты, присваивается часть прибыли и трансфертов. Остальные места приложения труда — мелкая торговля, малотоварное фермерство, небольшая часть предприятий, имеющих, главным образом, ресурсную направленность (чаще всего — заготовка и первичная обработка древесины). Причем все эти виды занятости находятся вне управляющих воздействий (исключения — «крышевания» и поборы).

На этом фоне территориальное планирование и — тем более — стратегическое управление остаются «вещью в себе», т.е. оказываются невостребованными. В большинстве своем предусмотренные в них идеальные модели территориального развития никогда не будут реализованы, а «лягут на полку»; в лучшем случае они будут использованы как справочно-аналитический материал. Но даже и в этом, последнем, варианте использования документов нужно проявлять осторожность, ибо зачастую стратегические рекомендации носят обобщенный, трафаретный характер. Нам приходилось видеть стратегии развития, которые отличаются друг от друга лишь названием региона-субъекта РФ. Говорить о возможности использования таких стра-

тегических «обоснований» для целей территориального планирования не приходится.

Нельзя сказать, что отечественная наука не создала теоретико-методологическую базу для совершенствования территориальной организации общества в условиях новой формации. Такая база есть [1–4, 6], но она из-за нигилизма, охватившего все структуры, включая власть, неизвестна многим лицам, осуществляющим разработку документов территориального развития страны. По нашим оценкам, выполнить качественно данную работу могут лишь некоторые коллективы, имеющие в своих рядах опытных специалистов, знающих постулаты рыночной экономики.

Общий вывод: в условиях, когда документы, направленные на совершенствование территориального развития, разрабатываются в разные сроки и разными коллективами, разрушается сама идея, методология регионального управления, утрачивается смысл такой работы. Необходим увязанный воедино документ, сопряженный по целям, задачам, принципам и методам разработки. Только в этом случае наши усилия по совершенствованию территориального развития России будут действенными, эффективными.

Литература

1. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. — СПб.: Изд-во Михайлова, 1998.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование и стратегическое планирование социально-экономического развития. — М.: Экономика, 2006.
4. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. — М.: Эдиториал УРСС, 1997.
5. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. — М.: Экономика, 2000.
6. Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. — М.: Гелиос АРВ, 2000.

Зигерн-Корн Н.В.

СМЕНА ПАРАДИГМЫ ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Те важные проблемы, с которыми мы сталкиваемся, не могут быть решены на том же уровне мышления, на котором мы находились тогда, когда они создавались.

А. Эйнштейн

Актуальность исследований и оценки региональных потенциалов для целей прогнозирования регионального развития и стратегического планирования очевидна. Особенно актуальна эта задача для долгосрочных прогнозов структурных сдвигов в экономике, как на национальном, так и на региональном уровне.

Несовершенство методологического и методического инструментария оценки потенциала развития производительных сил продолжает оставаться существенным сдерживающим фактором в прикладных экономических исследованиях, ведет к некорректным прогнозным оценкам, способствует выбору неэффективных управленческих решений в области регионального развития.

К настоящему времени в отечественных исследованиях существует много работ, определяющих категорию «потенциал территории» и накоплен значительный методический опыт по оценке региональных потенциалов. Если работы 1970-х — 1990-х гг. посвящены изучению частных потенциалов как отдельных факторов территориального развития, то в исследованиях последних лет предпринимаются попытки использования этого обширного опыта в поисках интегрального потенциала регионального развития. При этом у исследователей возникает ряд проблем методического свойства, причиной которых, на наш взгляд, является неправомерность заимствования концептуальных схем и представлений о потенциале регионального развития из прошлых лет (см. табл. 1).

Со времени первых работ о региональных потенциалах в экономике и общественно-политическом устройстве страны произошли значительные изменения.

Таблица 1.

Развитие представлений о потенциале регионального развития (ПРР)

	ПЕРИОДЫ	Советский период Централизованное управление экономикой	Переходный период Становление рыночной экономики	Современный период
	Условия формирования парадигм ПРР (1-6) и некоторые их положения (7-11)			
1	Тип экономики	Индустриальный тип с утяжеленной отраслевой структурой. Многоукладность при господстве 3-го ТУ	Индустриальный с сырьевой ориентацией	Становление информационного общества
2	Уклад экономики	Общественная собственность	Стихия рынка	Олигополия. Сочетание государствен- ного управления и рынка
3	Сущность государственного планирования	План-директива	Индикативность; прогнозная;	стратегическая функция планирования
4	Содержание понятия «региональное развитие»	Рост объемов общественного производства		«Прогрессивное» развитие
5	Регион как субъект госу- дарственной региональной политики	Регион — территориальная ячейка национальной экономики	Регион — субъект экономических отношений. Новые парадигмы региона	Регион — субъект конкуренции на на- циональном и глобальном социально- экономическом пространстве
6	Цели государственной региональной политики	Индустриализация урбанизация	Определенная совокупность социальных благ	Качество информационной среды
7	Определение понятия «потенциал регионального развития»	Совокупность доступных и вовлеченных ресурсов	Совокупность потенциальных и вовлеченных ресурсов экономика	Функциональное качество территории (вектор развития, коридор возможностей)
8	Отрасль знаний, развивающая категорию «потенциал регионального развития»	География, прочие естественные науки		междисциплинарность
9	Методологическая основа	Системный (геосистемный) подход	Теория регионального воспроизводства, концепция регионального капитала	Геосистемный + воспроизводственный + эволюционный подходы
10	Значимость «эмерджентности»	мало	нет	велико
11	Способ оценки	Балльный, стоимостной	индексный	Современные методы математической моделирования

Индустриальный тип экономики советского государства с утяжеленной отраслевой структурой, усугубленный в переходный период сырьевой экспортной ориентацией, сегодня в условиях глобальной трансформации экономических и социальных структур постепенно обогащается инновационным содержанием грядущего периода, характеризующегося как информационное общество. В современной многоукладной экономике страны при господстве четвертого технологического уклада закладываются основы и появляются элементы шестого технологического уклада. (В России пятый технологический уклад существует, в основном, только в оборонных отраслях промышленности).

Согласно концепции К. Переса и К. Фримена, представленной в отечественной мысли т.н. технологическими укладами С.Ю. Глазьева (1993 г. *С. Глазьев* «Теория долгосрочного технико-экономического развития»), каждая смена технологий основывается на определенном «ключевом» факторе — продукте, товаре, энергоносителе, изменение цены на который способно воздействовать на всю систему цен в экономике и определять дальнейшую эволюцию. Из этого положения становится очевидным, что со сменой технологических укладов претерпевает изменение и понятие ресурсов. Поскольку каждый технологический уклад специфичен по своим ведущим технологиям и задает свои стандарты производства и потребления в экономической системе, имея свою энергетическую базу, ресурсы меняют свою относительную цену и долю в общественном производстве и потреблении. Согласно концепции технологических укладов переход к постиндустриальной стадии развития общества также знаменует замену отраслевого деления национальной экономики делением технологическим. Приоритетом становится не расширение отдельных отраслей, а развитие высоких технологий во всех отраслях. По мере продвижения к 6-му технологическому укладу в общественном производстве происходит переход от предметной и поддетальной специализации в рамках индустриального общества к специализации на производстве материальной продукции и информационной продукции. Причем, производственные отношения определяет специализация на информационном продукте.

Данные процессы смены господствующих технологий имеют и пространственное измерение, которое отображается в рамках взаимодействия Центр–Периферия.

Ключевой категорией в методологическом аппарате региональных потенциалов является «развитие». Практически во всех работах понятие потенциала возникает и развивается в контексте региональ-

ного развития. Вне задач прогноза и анализа регионального развития это понятие теряет смысл.

Однако, в этом контексте существенно и необходимо разграничить понятия «изменение» — «развитие» — «рост».

Согласно общей теории систем первичным элементом развития выступает элементарное *изменение*. Само же развитие есть последовательность изменений, но конструктивность его характера определяет цепочка конструктивных кризисов.

Существенным фактором смены парадигмы «потенциала регионального развития» является разграничение понятий *развитие* и *рост*, которые в свете новых подходов и теорий не могут рассматриваться как синонимы. Развитие фиксирует качественные изменения в системе, а рост только количественные. «Сопоставление результатов хозяйственной деятельности и ресурсов дает возможность исследовать содержание регионального развития и регионального роста, дает возможность составить представление о складывающихся тенденциях экономического роста и развития и возможных инерционных траекториях развития (К.М. Миско, 1993)». Как увеличение физического объема ОФ не свидетельствует об их развитии, так и рост объемов общественного производства в регионе не всегда свидетельствует о региональном развитии. Рост имеет прогрессивный характер тогда, когда согласуется с развитием, а региональное развитие, вернее его способ, определяется местом региона (страны) в территориальном разделении труда, его конкурентными преимуществами, структурой общественного производства и экспорта.

С этих позиций по-новому высвечиваются ориентиры государственной стратегии в отношении регионов. Очевидна эволюция целей и задач региональной государственной политики. В период централизованного управления цель государственной политики в отношении региона — территориальной единицы национальной экономики — определялась как всемерная его индустриализация и урбанизация. При реформировании экономики страны ее децентрализации и встраивании в мирохозяйственные отношения, когда регион становится самостоятельным субъектом экономических отношений, цели государственной региональной политики и регионального развития определяются конкурентоспособностью региона на национальном и межнациональном экономическом пространстве.

Таким образом:

- господство и значимость природных ресурсов для регионально-го развития уходит в прошлое вместе с индустриальными укладами, их сменяют ресурсы информационные, интеллектуальные,

духовные. Уже не природно-ресурсный потенциал определяет развитие, а инновационный;

- концепцию регионального развития как производства и роста при максимизации использования совокупности региональных ресурсов сменяет концепция развития региона, принимающего инновации.

Новые концепции регионального развития требуют новой теоретической основы или парадигмы потенциала регионального развития. Эволюция концепции регионального развития от региона «производящего своими ресурсами» к региону «принимающему инновации» предполагает, что прогноз (как экстраполяция) роста сменяется прогнозом восприимчивости территории к инновациям, его способности в силу специфики региональной структуры, участвовать в «новом» территориальном разделении труда.

Значение пространственной социально-экономической и природно-экологической дифференциации для регионального прогнозирования и целеполагания еще больше возрастает. Количественные и качественные соотношения в региональной триаде «природа–экономика–хозяйство» и положение региона в отношениях «центр–периферия» определяют потенциальную возможность и восприимчивость к инновациям и развитию, функцию или миссию региона в общественном производстве. В частности, многоукладность экономики большинства стран сохранится и в перспективе, а ввиду ограниченности и практической исчерпаемости природного сырья и снижения качества биотических ресурсов, обладание ими закрепляет сырьевое место региона в международном разделении труда.

Всякий регион осуществляет внешнюю «миссию» по отношению к его включающей территориальной системе более высокого таксономического уровня. Эта «миссия»-функция опосредована внутренними факторами развития системы, которые можно рассматривать в качестве отдельных ее подсистем и их функций, но не тождественна их совокупности, как не тождественен результат тем ресурсам, которые использованы для его получения. Значит, в контексте регионального развития принципиальное значение имеет именно функциональное, а не «интегрально-ресурсное» качество потенциала. «Функциональный» потенциал определяет способность региональной системы реализовать конкретную миссию, и эта возможность обусловлена не столько количеством тех или иных ресурсов, сколько особенностью структуры данной территориальной системы. В общем виде — это пропорции и соотношения между элементами в триаде «природа–население–хозяйство». От структурных свойств зави-

сит не только региональная специфика социально-экономического развития, но и его внешняя функция по отношению к включающему его пространству.

Если в период, предшествующий становлению рыночных отношений тема региональных потенциалов в большей степени освещена и разработана географами, то с конца 1990-х гг. она привлекает внимание и экономистов. Однако, ни с позиций исключительно геосистемного подхода, ни при помощи новых для отечественных исследований концепций региональной экономики (воспроизводственный подход и новые концепции региона) создать логичную систему взглядов на проблему социально-экономического прогнозирования через оценку потенциала регионального развития не удалось. Принимая во внимание сложность региона как социально-эколого-экономической системы, решение данной задачи видится не только в совместном использовании геосистемного и воспроизводственного подходов, но и в необходимости эволюционного подхода, суть которого — в изучении циклических закономерностей развития сложных систем — одного из основных механизмов формирования экономической неоднородности пространства. Как известно, чем выше уровень междисциплинарного проникновения в суть проблем, тем долговечней методологический аппарат, разработанный в процессе исследований.

В новой парадигме потенциала регионального развития возрастает внимание к эмерджентности (несводимость свойств системы к свойствам ее элементов) как одному из важнейших системных свойств, в силу которого, потенциал регионального развития не может быть выражен совокупностью частных потенциалов (например, природно-ресурсного, социально-демографического, экономического или производственного, бюджетного). Поэтому прежде господствовавшие в региональных исследованиях балльные, стоимостные, индексные методы оценки уходят в прошлое. Им на смену приходит использование современных математических методов анализа. Для выявления внутренней нелинейной структуры используется факторный анализ, особенности поведения сложных систем и их временную динамику исследуют средства WaveLet-анализа; для моделирования в условиях неопределенности — теория нечетких множеств.

Семина И.А.

ДЕПРЕССИВНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА В ПЕРИОД С 1990 ПО 2006 ГГ.

Важной государственной задачей в сфере регионального развития является сохранение целостности страны, преодоление тенденций социально-экономической дифференциации и регионализации депрессивных территориальных ситуаций. Особую обеспокоенность вызывает не сама территориальная дифференциация, формирующаяся под воздействием природно-климатических, социально-экономических условий или исторических особенностей освоения территории страны, а динамика отставания ряда регионов, ведущая к возникновению проблемных (депрессивных, отсталых, кризисных) территорий.

В связи с рыночной трансформацией российского экономического пространства, существенными изменениями в системе общественного разделения труда и формированием новых моделей федеративных и бюджетно-налоговых отношений возникает необходимость в анализе процесса возникновения проблемных территорий, их типологизации и обоснования перспективных механизмов региональной политики с учетом новых задач и возможностей их решения.

Анализ показывает, что в теоретическом аспекте проблематики депрессивных территорий в России накоплен определенный позитивный опыт. Однако оценка социально-экономической ситуации в субъектах РФ не носит прикладного, рекомендательного характера, что необходимо для построения конструктивных программ преодоления региональной депрессии и разработки механизмов поддержки проблемных территорий. В официальных правительственных документах и научной литературе не выработано единого критерия для определения проблемного района, не существует четкого определения данного понятия.

Депрессивными считаются территории, охваченные структурным кризисом, которые некогда развивались и укрепляли национальную экономику, а затем, уступили свое лидерство другим районам. Именно утрата ведущих позиций, структурный кризис экономики и связанные с этим трудности обозначают депрессивное состояние территории. Продолжительность и глубина региональной депрессии

определяется в значительной мере составом отраслей производства, кризис в которых стал основной причиной распространения депрессии на всю экономику региона.

Депрессивные регионы России в наибольшей степени пострадали от разрыва прежних экономических связей, сокращения государственных заказов на продукцию доминирующих отраслей, значительного увеличения импорта, вытесняющего собственного производителя в виду устаревающего производственного аппарата, требующего обновления. Данные регионы имеют значительную долю производственных отраслей в структуре хозяйства, относительно высокий уровень квалификации кадров.

Депрессивные территории образуют значительное число регионов, «проблемность» которых обусловлена, как правило, механизмами экономической реформы. Отсталые районы являются таковыми традиционно в силу причин структурного и/или географического характера. «Отсталость» является долговременной характеристикой, подразумевает структурное и, в большинстве случаев, традиционное отставание в развитии по сравнению с более развитыми регионами. Депрессия — более динамичное явление, указывающее на недостатки в экономической деятельности. Поэтому с точки зрения региональной политики, наиболее действенным способом преодоления чрезмерной территориальной дифференциации может явиться воздействие, прежде всего, на депрессивные регионы. Однако, при длительном пребывании в депрессивном качестве и в результате накопления структурных диспропорций, регион из числа депрессивных, может переместиться в группу «отсталых территорий» (возможно и обратное перемещение).

Существует два основных подхода к выделению депрессивных регионов. Первый предполагает использование для анализа ряда показателей и их сопоставление с «пороговыми» значениями. Второй подход опирается на создание расчетного интегрального показателя, предполагающего агрегирование информации, а затем, ранжирование и типизацию регионов по количественному значению данного показателя.

Для выделения депрессивных регионов России и их дальнейшей типизации использовался алгоритм оценочной классификации, разработанный Тикуновым В.С.¹, который позволяет использовать ГИС-технологии в экономико-географических исследованиях. Получение

¹ Тикунов В.С. Классификации в географии: ренесанс или увядание? (опыт формальных классификаций). — Москва–Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. — 367 с.

интегральных характеристик выполнено на основе вектора размерности, который показывает степень удаленности всех исследуемых территориальных единиц (регионов России) от «условного» региона (за который принята в данном случае Республика Ингушетия) с наименьшими оценочными условиями. Каждая территориальная единица (регион) характеризуется набором показателей: ВРП на душу населения, отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума, уровень бедности, уровень безработицы, объем промышленной продукции на душу населения. Показатели нормируются с использованием формулы 1:

$$\hat{x}_{ij} = \frac{|x_{ij} - \dot{x}_j|}{|\max/\min x_j - \dot{x}_j|}, \quad i = 1, 2, 3, \dots, n, \quad (1)$$

$$j = 1, 2, 3, \dots, m,$$

где n — количество территориальных единиц;

m — количество показателей (x_{ij});

$\dot{x}$ — наихудшие для каждого показателя оценочные значения;

$\max/\min x$ — экстремальные значения показателей, наиболее отличающиеся от величин $\dot{x}$:

$$\begin{aligned} \max/\min x &\equiv \min x & \text{если} & \quad |\min x - \dot{x}| > |\max x - \dot{x}|, \\ \max/\min x &\equiv \max x & \text{если} & \quad |\min x - \dot{x}| \leq |\max x - \dot{x}|. \end{aligned} \quad (2)$$

Данное нормирование дает возможность выразить отклонения всей системы показателей от наихудших оценочных значений и соизмерить их между собой. Суммарные значения показателей находятся по формуле 3

$$S_i = \sum_{j=1}^m \frac{|x_{ij} - \dot{x}_j|}{|\max/\min x_j - \dot{x}_j|}, \quad i = 1, 2, 3, \dots, n, \quad (3)$$

$$j = 1, 2, 3, \dots, m.$$

Такие величины приближенно характеризуют положение территориальных единиц: чем значительнее региональные показатели отличаются от наихудших значений ($\dot{x}$), тем величина S_i будет больше, тем лучше оценочное социально-экономическое положение региона. Средние для таксонов величины S_i позволяют дать им оценочные характеристики, например, как очень плохие («отсталые»), плохие, («депрессивные»), хорошие («благополучные») и т. д., а также по значению расчетного интегрального показателя сопоставить их между собой.

По значениям интегрального показателя, отражающего комплекс рассматриваемых социально-экономических характеристик, выделим пять основных типов регионов России — отсталые, депрессивные, «переходного типа», относительно благополучные, благополучные. Среднее значение интегрального индекса по региональным группам соответственно составило 0,238; 0,374; 0,430; 0,494; 0,649, для Республики Ингушетия — 0,106.

При проведении социально-экономической типологии опробовали три варианта систем оценивания по пяти показателям по всем субъектам РФ, включенным в сборники статистической информации на 2004 г. Первый вариант (описанный выше) отличался от второго тем, что расчет производился без учета федеральных округов. В третьем варианте учитывались и федеральные округа, но расчетные показатели не совпадали с предыдущими вариантами (таблица 1). В этом варианте показатель «объем промышленной продукции на душу населения» заменен, включен в расчет — «ввод в действие жилых домов на 1000 жителей». Это связано с тем, что в Российской Федерации достаточно много регионов аграрного и аграрно-индустриального типа и развитие промышленного производства не так показательно как для регионов индустриального типа. Разновариантность в данном случае использовалась для детализации депрессивных регионов. Таблица 1 отражает второй и третий варианты оценивания, где показано положение депрессивных регионов относительно «отсталых» и «переходного типа». Выделяется ряд субъектов Федерации, положение которых не совпадает в разных вариантах оценивания при дифференцировании депрессивных территорий (Камчатская и Иркутская области, Республика Хакасия). Особая ситуация характерна для автономных округов и Республики Чувашия. Таймырский и Корякский округа во втором варианте оценивания попали в группу «переходного типа», в третьем — «депрессивного типа». Республика Чувашия во втором варианте оказалась в «депрессивной» группе, а в третьем — в переходном типе. Положение остальных депрессивных регионов совпало во втором и третьем варианте исследования, что дало возможность «отсечь» их в отдельную группу. Сравнительно-географический подход к вопросам экономиче-

ского развития данных регионов показал, что все они являются «высокодотационными» территориями со спадом производства в ведущих отраслях, низким уровнем доходов населения. Рост ВРП отмечается лишь только в некоторых из них — Республике Мордовия, Кировской и Курганской областях, остальные депрессивные территории либо значительно ухудшили свои позиции по сравнению с 1990 г. (Амурская и Читинская области, Приморский край, Республика Бурятия) либо «топчутся на месте». По оценкам уровня социально-экономического развития российских регионов в 2003–2005 гг. (Министерства экономического развития и торговли РФ), выделенные в ходе исследования, депрессивные регионы имеют уровень развития — низкий, ниже среднего, «отсталые» — низкий и крайне низкий, «переходного типа» — средний и ниже среднего, «относительно благополучные» и «благополучные» — средний и выше среднего (за исключением Кемеровской области). Такого рода совпадение определенным образом подтверждает некоторую достоверность наших исследований.

Транспорт выступает фактором регионального развития и способствует повышению конкурентных возможностей территорий различного иерархического уровня являясь «кровеносной системой» регионального экономического пространства. Развитая дорожная сеть — необходимый элемент социально-экономического комплекса любой территории. Она обуславливает «прочность» и перспективы развития этого комплекса в системе межрегионального разделения труда. Каждый регион имеет определенный уровень развития транспортной сети, свою территориальную структуру путей сообщения, транспортных пунктов и узлов, характеризуется определенным набором общих и специфических проблем развития территориальных транспортных систем. Расположение транспортных коммуникаций определяет неравномерное распределение производства и населения, служит образованию и сохранению стабильных центров экономической активности. Транспорт региона принадлежит исключительная роль звена, соединяющего все отрасли хозяйственного комплекса в единое целое. Уровень его развития отражает степень зрелости социально-экономического потенциала региона. Его функционирование необходимо для поддержания региональной социально-экономической жизнеспособности.

При разработке программ экономического и социального развития депрессивных регионов необходимо опираться на теорию выделения «полюсов» или «точек роста». Для большинства депрессивных территорий развитие транспортных коммуникаций и реализация выгод транспортно-географического положения позволит обеспечить возможности преодоления депрессивного состояния.

Таблица 1.

Дифференциация депрессивных регионов России, 2004 г.

Регионы (второй вариант оценивания)	Значение интеграль- ного пока- зателя*	Регионы (третий вариант оценивания)	Значение интеграль- ного пока- зателя**
Отсталые			
Республика Ингушетия	0,034	Республика Ингушетия	0, 215
Республика Калмыкия	0,205	Усть-Ордынский Бурятский АО	0,878
Усть-Ордынский Бурятский АО	0,164	Республика Калмыкия	1, 248
Республика Тыва	0,241	Республика Тыва	1, 281
Депрессивные			
Республика Дагестан	0,269	Республика Адыгея	1,578
Кабардино-Балкарская Республика	0,292	Республика Дагестан	1,611
Республика Адыгея	0,295	Ивановская область	1,612
Республика Марий-Эл	0,297	Курганская область	1,718
Республика Бурятия	0,298	Республики Марий-Эл	1,735
Ивановская область	0,306	Республика Бурятия	1,736
Агинский Бурятский АО	0,320	Кабардино-Балкарская Республика	1,754
Карачаево-Черкесская Республика	0,320	Карачаево-Черкесская Республика	1,781
Курганская область	0,322		
Республика Алтай	0,324		
Амурская область	0,340	Амурская область	1,829
Читинская область	0,341	Ульяновская область	1,844
Ульяновская область	0,345	Еврейская автономная область	1,854
Республика Чувашия	0,347	Камчатская область	1,869
Еврейская автономная область	0,352	Читинская область	1,872
Приморский край	0,352	Республика Алтай	1,878
Владимирская область	0,356	Приморский край	1,895
Эвенкийский АО	0,358	Агинский Бурятский АО	1,931
Алтайский край	0,358	Алтайский край	1,942
Республика Мордовия	0,360	Иркутская область	1,969
Ставропольский край	0,360	Корякский АО	1,975
Саратовская область	0,361	Эвенкийский АО	1,993
Пензенская область	0,365	Кировская область	1,993
Кировская область	0,365	Костромская область	1,995
Камчатская область	0,367	Республика Мордовия	1,999
		Владимирская область	2,003
Республика Хакасия	0,368	Саратовская область	2,013
Иркутская область	0,374	Республика Хакасия	2,045
Костромская область	0,375	Пензенская область	2,049
Брянская область	0,376	Таймырский АО	2,053
		Брянская область	2,070
		Ставропольский край	2,080

* Интегральный показатель складывается из ВРП на душу населения, соотношения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, уровня бедности, уровня безработицы, объема промышленной продукции на душу населения.

** Интегральный показатель складывается из ВРП на душу населения, соотношения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума, уровня бедности, уровня безработицы, ввода в действие жилых домов на 1000 жителей.

Регионы (второй вариант оценивания)	Значение интеграль- ного пока- зателя*	Регионы (третий вариант оценивания)	Значение интеграль- ного пока- зателя**
Переходного типа			
Республика Удмуртия	0,377	Республика Удмуртия	2,127
Воронежская область	0,377	Рязанская область	2,142
Рязанская область	0,378	Новгородская область	2,145
Новосибирская область	0,379	Тверская область	2,157
Тверская область	0,382	Красноярский край	2,176
Оренбургская область	0,384	Хабаровский край	2,184
Новгородская область	0,386	Тульская область	2,187
Курская область	0,388	Оренбургская область	2,189
.....		Курская область	2,195
Таймырский АО	0,394		
Корякский АО	0,411	Республика Чувашия	2,277

При проведении статистического анализа развития транспорта депрессивных регионов России с 1990 по 2006 гг. целесообразно рассматривать, так называемое сальдо, т.е. разницу между данными за 1990 г. и 2006 г. Расчеты показали, что по ряду показателей у регионов сальдо может быть положительным и отрицательным. В некоторых случаях, показатель остается практически неизменным. Обозначим показатели, по которым отмечается, практически во всех регионах, положительное сальдо. Рисунок 1 отражает сальдо по такому показателю как *число собственных легковых автомобилей на 1000 чел.*, где отмечается положительная динамика для всех изучаемых регионов.

По протяженности автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием только Еврейская автономная область, Ставропольский край, Республика Ингушетия — из изучаемых регионов имеют отрицательное сальдо. По густоте автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием отмечается положительная динамика практически во всех депрессивных регионах (за исключением Ставропольского края, Еврейской автономной и Кировской областей, Республики Хакасия). В Эвенкийском АО и Приморском крае данный показатель остается неизменным. Рисунок 2 показывает сальдо по *протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего и не общего пользования*. В Ивановской области, Эвенкийском АО, Республике Тыва данный показатель сохранил уровень 1990 г., не улучшив своего значения.

По таким показателям как *отправление пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования* (рис. 3), *отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования, перевозки грузов автомобильным транспортом организаций всех видов дея-*

тельности, перевозки пассажиров автобусами общего пользования, пассажирооборот автобусов общего пользования, грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности, число автобусов общего пользования на 100 000 чел. отмечается отрицательное сальдо по данным 1990 и 2006 гг. для большинства депрессивных регионов.

Таким образом, динамика развития транспорта депрессивных регионов по результатам 1990 г. и 2006 г. показала:

- 1) определенную равномерность депрессивного состояния изучаемых регионов. Отмечается как положительная, так и отрицательная тенденция в изменении транспортных показателей. Так Алтайский край имеет как резко положительное сальдо по протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием, протяженности автомобильных дорог общего и не общего пользования, густоте железнодорожных путей, так и отрицательное по отправлению пассажиров и грузов железнодорожным транспортом, перевозке пассажиров и грузов автомобильным транспортом, пассажирообороту и грузообороту автобусов общего пользования.
- 2) позитивность развития транспорта (в Читинской области) и отсталость в улучшении транспортных показателей в ряде регионов (Приморском, Ставропольском и Алтайском краях).
- 3) лидерство по основным транспортным показателям на 2006 г. Иркутской, Владимирской, Брянской, Саратовской областей, Приморского края, «аутсайдерство» — автономных округов, Камчатской области, республик Бурятия и Калмыкия.

Проведенный анализ показал, что для депрессивных регионов характерно ухудшение показателей, характеризующих грузовую и пассажирскую работу, что в первую очередь, связано со спадом производства во всех депрессивных регионах, снижением уровня доходов населения. Все это повлияло на объемы транспортной работы и подвижность населения. Многие перевозки пассажирского транспорта стали убыточными. Однако следует подчеркнуть, что депрессивность — преодолемое явление при разумно и рационально построенной региональной политике, учитывающей специфику регионального развития. Эффективные транспортные стратегии могут служить целевым ориентиром преодоления региональной депрессивности и повышения уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

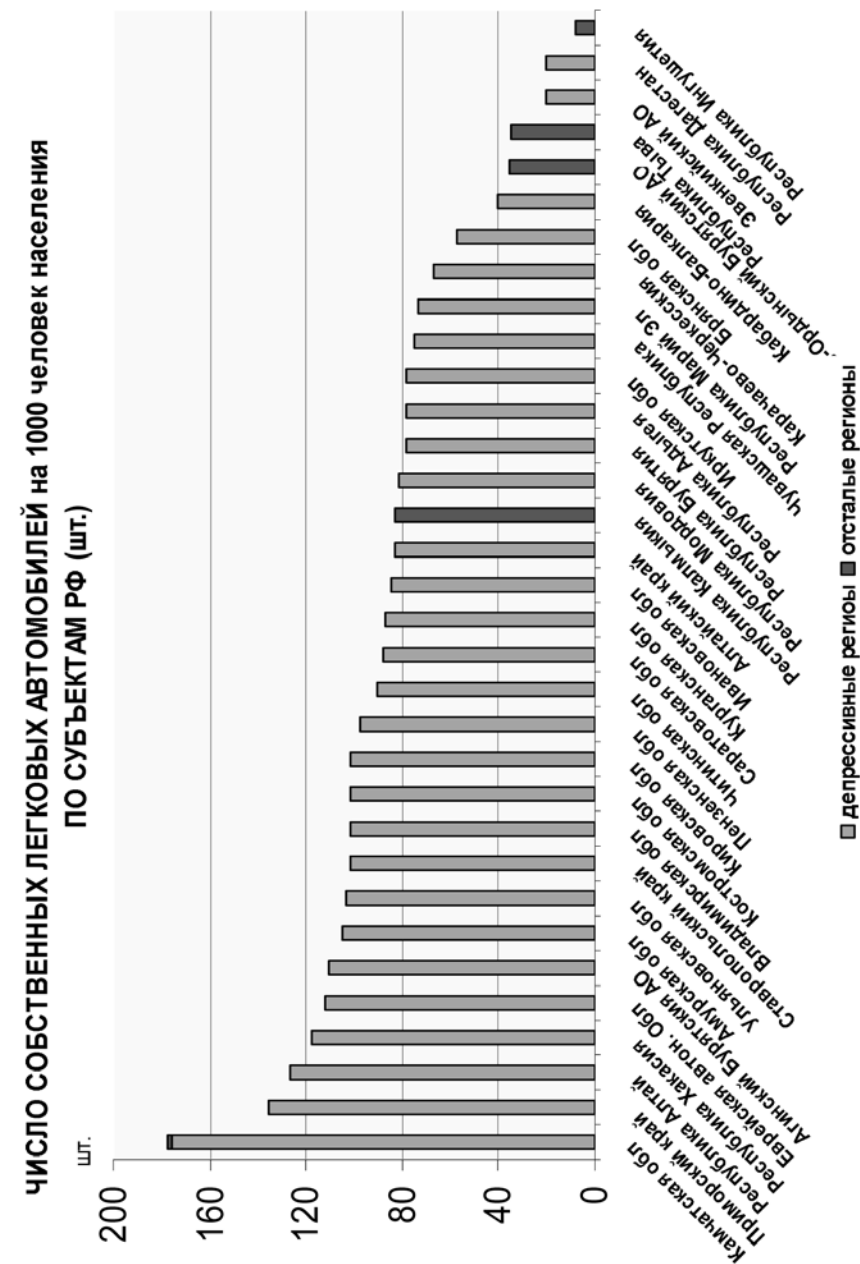

Рис. 1. Сальдо показателя по данным 1990 г. и 2006 г.

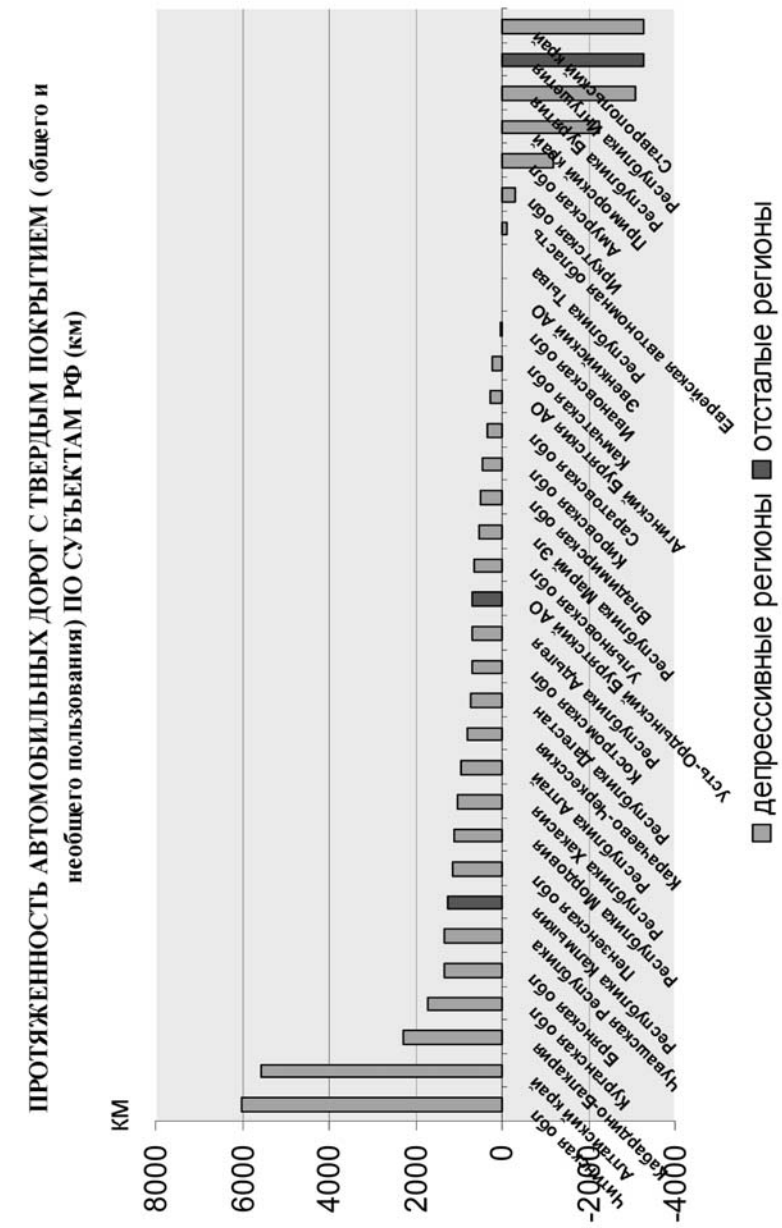

Рис. 2. Сальдо показателя по данным 1990 г. и 2006 г.

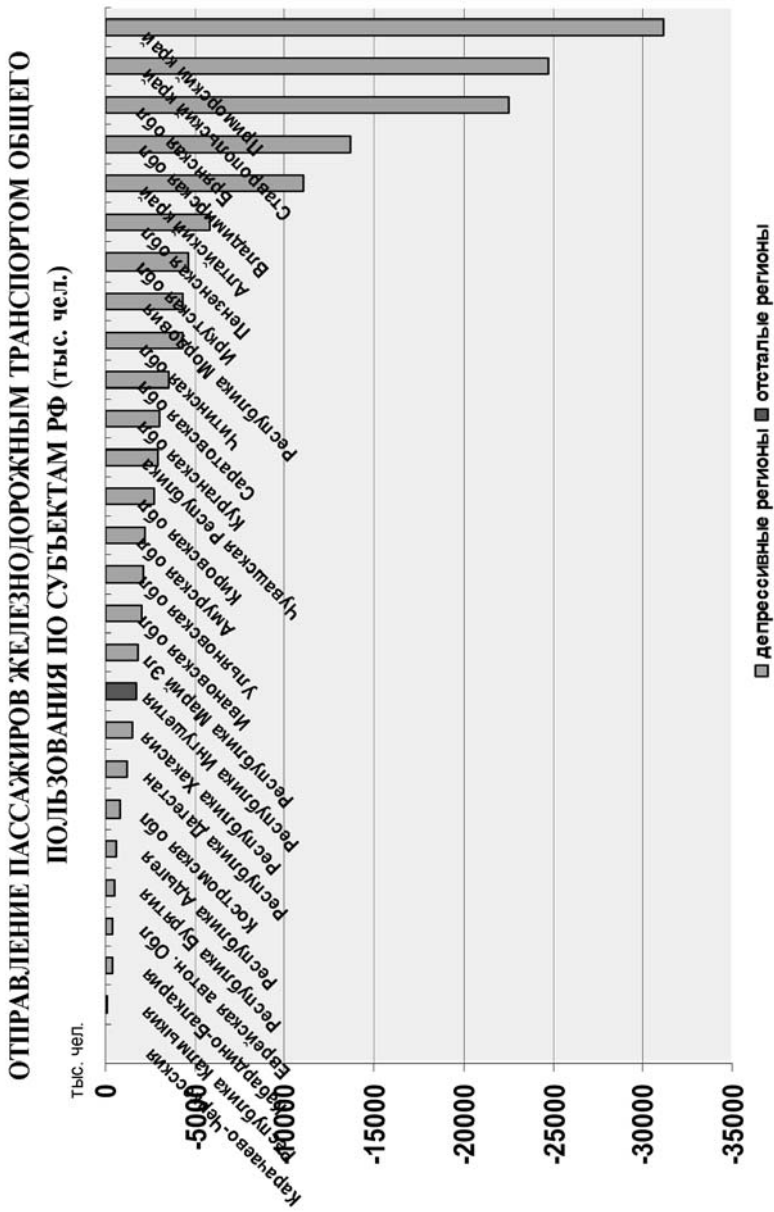

Рис. 3. Сальдо показателя по данным 1990 г. и 2006 г.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ВЕСА НЕПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ РЕГИОНОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ

Межрегиональное регулирование условий экономической деятельности. Одним из главных исходных пунктов прогнозирования развития народного хозяйства являются перспективные потребности населения, проживающего в разных районах страны (его жизненный уровень в широком смысле); затраты на мероприятия, определяемые в соответствии с общегосударственными целями; качество трудовых ресурсов и располагаемые природные ресурсы; расходы по обеспечению надежной обороноспособности и на другие элементы конечного потребления. Одним из принципов, рассматриваемых при разработке прогнозов размещения производительных сил, является также наилучшее расселение населения по территории страны в соответствии с ожидаемой численностью и целями роста уровня жизни, более или менее равномерное его распределение по городам, поселкам, населенным пунктам, по территории, пригодной для благоприятного по социально-экономическим условиям проживания, смягчение чрезмерной концентрации, скученности и т.д.

Исходя из наличия трудовых ресурсов, социального состава и уровня квалификации, демографической динамики, целей социально-экономической политики по повышению уровня жизни в данном регионе, внешних народнохозяйственных условий, с учетом ресурсного и имеющегося технологического потенциала подбирается наиболее рациональный для района состав производств. Но характерным признаком для современного развития является и движение населения за производством. Более того, размещение промышленности, особенно добывающей, может осуществляться в районах, неблагоприятных для условий жизни, но требует, тем не менее, привлечения сюда населения. Этот процесс обуславливает дополнительные затраты для общества и отраслей, связанные с компенсацией приезжающему населению влияния неблагоприятных условий и обеспечением им жизненного уровня, по крайней мере не ниже, чем в других районах. В нашей стране затраты, призванные компенсировать влияние природно-климатических условий на уровень жизни, достаточно

велики, так как значительная часть населения (около 20%) проживает в районах с более суровыми, по сравнению с зоной средней полосы европейской части России, климатом или менее благоприятными социальными условиями. Для этих районов в советский период устанавливались поправочные коэффициенты к заработной плате, которые сохранились для бюджетной сферы и в настоящее время.

Таким образом, в районах с суровыми климатическими условиями должны быть более высокими и доходы трудящихся. Однако такая заработная плата, являясь составной частью себестоимости продукции, увеличивает издержки предприятий и ставит их в менее выгодные условия при реализации продукции. При рыночной организации экономики цены реализации однородной продукции на региональных рынках устанавливаются независимо от географии размещения производителей примерно на одном уровне с точностью до торгово-транспортных издержек доставки. Предприятия, находящиеся в лучших климатических условиях, за счет, по крайней мере, относительно низкой заработной платы имеют меньшие издержки и, как следствие, дополнительную прибыль, не связанную с непосредственной трудовой деятельностью. Для выравнивания условий экономической деятельности большая часть такой дополнительной прибыли вроде бы должна быть изъята. Однако современная государственная политика отвернулась от проблемы учёта и хотя бы частичного изъятия региональной ренты, связанной с преимуществом южан и европейцев по природно-климатическим условиям. А то, что правительство может и в состоянии реализовывать такие мероприятия, достаточно познакомиться с практикой изъятия горной ренты в отраслях производственной сферы при предоставлении участков для разведки новых месторождений, не говоря уже о конкурсном предоставлении в аренду земли под различные нужды, практике договоров о разделе продукции в добывающих отраслях и т.д.

Указанные условия влияют на стимулы размещения производства, как, впрочем, и расселения, миграцию по районам в поисках работы и лучшей доли. В последнем среди многих мы наблюдаем две противоположные тенденции:

1. Увеличилась мобильность и возможность приехать туда, «куда хочу», либо, где интересно при сохранении района — места основной трудовой занятости.
2. С развитием телекоммуникаций необходимости ехать для производственных нужд за тридевять земель не возникает, по крайней мере, такая потребность стала относительно меньше.

Все это необходимо учитывать при построении межрегиональных прогнозов развития. Мы оценим степень влияния межрегионального изменения спроса населения на общие экономические показатели в соответствии с указанными тенденциями. В качестве инструментария используется модификация межрегиональной модели [1] на соответствующий год модели. Межрегиональный тип моделей позволяет исследовать интегральное влияние различных отдельных частей экономики на все народное хозяйство. Общей результирующей оценкой является рост в сфере конечного потребления всей экономики страны. Расчеты объединены в комплексный базовый (исходный) прогноз развития, в котором реализованы умеренные и оптимистические гипотезы вариантов содержательно относящихся соответственно к двум сценариям по двум периодам 1 (2015 г.) и 2 (2030 г.).

1. Продолжение тенденции восстановительного роста относительно периода радикальных экономических реформ (исходный вариант 1-го периода). Для отработки данного сценария есть мотивированные основания, т.к. пока промышленность еще в конце 2006 г. была на треть меньше, чем в 1990 г., отрасли машиностроения — почти на половину, сельского хозяйства — от 60 до 80% от уровня 1990 г. в зависимости от видов деятельности. Поэтому в рассмотренных вариантах отрасли, входящие в названную группу, развиваются высокими темпами. Рост экономики страны около 6% (табл. 1) обеспечит достижение дореформенного уровня 1990 г. по подавляющему числу экономических показателей к середине первого периода (2006–2015 гг.). В рассматриваемых вариантах оценивались в основном максимальные возможности производств, представленных в прогнозах региональных субъектов. В них учитываются и положительные технологические новации, модернизация производства и начало реализации механизмов энергосбережения. Другие варианты, учитывающие чисто «инерционные» тенденции прежнего технологического уклада, будут давать меньшие по значению экономической эффективности показатели, т.к. пассивные резервы роста (недоиспользование мощностей в период радикальных реформ, прошлые заделы геологоразведочных работ, непротивительные в потребностях и вместе с тем высокой дисциплины и квалификации старые кадры и т.д.) уже во многом исчерпаны.
2. Инновационный сценарий развития с реализацией технологий, обеспечивающих в целом рост производительности, снижение индивидуальных материальных затрат, рост конечного потребления и удвоение конечного продукта 2015 г. к концу 2-го периода (табл. 2, исходный вариант 2-го периода). За сильными по-

сылками 2-го сценария стоит влияние негативных демографических сдвигов последних 10–15 лет. Даже при реализации программ поддержки роста численности населения, рост экономики без инновационного влияния проблематичен. Поэтому реализация уже 1-го сценария предполагала повышенную потребность в инвестициях, в том числе и как базу роста следующего года. Данное требование отражалось с помощью повышенного норматива незавершенных вложений 2015 г. — задел в мощности, которые будут вводиться в действие в последующем периоде. Во втором периоде реализованы технологии, обеспечивающие общее снижение материалоемкости на 18%, при незначительной тенденции снижения капиталоемкости, при существенном росте производительности труда (в 2,5 раза). Требования достаточно сильные, но именно они обеспечивают главный рост по конечному эффекту и даже при некотором снижении нагрузки на экономику.

Достижение уровня конечных показателей во многом определяется положением в обеспечивающей развитие производственной сфере. Мы можем рассмотреть ожидаемые тенденции лишь по некоторым ее частям. Оценка зависимости от них экономики в целом будет рассматриваться в интервалах вокруг крайних базовых (исходных) сценариев 1 и 2.

Оценка политики изменения межрегиональной структуры непроизводственного потребления. Традиционно руководители многих субъектов Федерации считают, что во всех районах должна интенсивно развиваться промышленность. Можно понять стремление этих руководителей развивать отрасли, менее зависящие от капризов природы и резких колебаний экономической конъюнктуры. Однако при хорошей организации все отрасли могут быть близки по рентабельности и доходности, если их продукция востребована. На данный момент концентрация в старопромышленных районах более доходных и дающих работу населению предприятий порождает острейшие межрегиональные проблемы: миграцию населения из восточных и северных районов, и так испытывающих дефицит рабочей силы; усиление дифференциации, как в уровне производственного развития, так и доходов; специализацию восточных районов преимущественно на простых производствах и использовании действующих технологий, а европейские — на их совершенствовании; консервацию отмеченных положений в размещении производства и т.д.

Об этом говорят данные региональной статистики: большинство районов Европейской России являются лидерами по росту производ-

**Характеристика общих экономических показателей в 2006–2015 гг.
(цены 2005 г., вариант исходный)**

	Средне- годовой темп роста ВРП, %	Темп роста продук- ции, %	Темп роста транспор- та, %, (все виды)	Темп роста капиталь- ных вло- жений, %	Транзит, (млрд. руб.)	Доля (%) отправления в производ- стве	Доля (%) прибытия в потреб- лении
Центральный ФО	106.5	105.4	104.0	110.5	1 118	24.7	32.9
Северо-Западный ФО	106.2	104.8	106.1	110.3	1 766	44.8	58.9
Южный ФО	107.6	106.7	105.3	108.3	363	33.0	44.4
Приволжский ФО	108.1	106.9	105.5	109.7	3 475	33.1	27.2
Урал без Тюменской обл.	109.3	106.3	103.9	107.3	2 509	48.3	45.5
Тюменская обл.	105.0	103.9	102.8	115.1	485	49.7	45.2
Сибирский ФО	108.3	106.9	110.5	113.1	4 546	40.8	39.9
в т.ч: Республика Алтай	109.2	109.4	115.0	109.3	0.0	80.1	91.9
Республика Бурятия	112.6	110.7	103.8	120.9	396	46.1	58.6
Республика Тыва	110.4	109.9	102.4	111.8	0.2	67.9	78.7
Республика Хакасия	106.7	106.2	110.9	115.8	81	45.1	55.0
Алтайский край	108.4	107.3	113.5	109.2	104	25.3	41.7
Красноярский край	108.4	107.6	111.6	110.3	1 282	50.3	41.0
Иркутская обл.	110.5	107.5	110.8	116.8	271	36.1	34.6
Кемеровская обл.	106.3	104.7	104.0	107.7	490	35.4	32.9
Новосибирская обл.	107.9	106.7	111.2	115.1	583	27.6	24.1
Омская обл.	107.0	106.5	111.1	115.0	810	47.4	52.5
Томская обл.	107.9	106.9	110.2	113.9	175	48.8	34.6
Забайкальский край	107.3	107.3	111.2	116.5	353	44.9	68.8
Дальневосточный ФО	108.6	107.4	106.9	110.8	223	39.6	47.8
В целом по России	107.1	105.9	105.7	111.0	14 484	35.2	38.7

**Трансформация российского пространства:
Социально-экономические и природно-ресурсные факторы
(Полимасштабный анализ)**

**Характеристика общих экономических показателей в 2016–2030 гг.
(цены 2005 г., вариант исходный)**

	Средне- годовой темп роста ВРП, %	Темп роста продук- ции, %	Темп роста транспор- та, %, (все виды)	Темп роста капиталь- ных вло- жений, %	Транзит, (млрд. руб.)	Доля (%) отправления в производ- стве	Доля (%) прибытия в потреб- лении
Центральный ФО	105.4	104.6	112.3	103.9	2 032	30.8	22.6
Северо-Западный ФО	106.5	105.2	102.3	104.5	3 601	12.4	19.7
Южный ФО	105.6	104.9	108.3	104.0	1 584	21.9	57.5
Приволжский ФО	106.2	105.0	102.1	106.2	1 987	20.0	19.7
Урал без Тюменской обл.	105.4	104.7	100.3	104.9	3 562	49.8	58.0
Тюменская обл.	105.5	104.3	111.6	104.2	1 510	48.7	45.9
Сибирский ФО	106.5	105.5	108.2	105.0	9 881	38.2	40.6
в т.ч: Республика Алтай	106.9	106.5	127.6	109.5	15.7	57.1	59.4
Республика Бурятия	105.0	104.3	102.4	104.0	1 229	26.6	88.9
Республика Тыва	106.9	106.1	100.5	105.8	0.0	37.0	73.4
Республика Хакасия	105.4	104.2	100.2	102.9	162	46.2	77.6
Алтайский край	106.5	105.6	100.7	103.5	170	27.3	44.7
Красноярский край	106.8	105.7	113.6	104.7	2 045	45.0	31.6
Иркутская обл.	107.4	106.1	110.1	107.4	756	32.5	28.3
Кемеровская обл.	106.9	106.3	101.9	102.6	803	37.3	35.5
Новосибирская обл.	105.3	104.4	101.5	105.3	1 080	40.1	44.9
Омская обл.	106.3	105.3	109.8	105.6	839	47.0	51.7
Томская обл.	106.1	104.9	112.8	105.0	1 583	25.6	35.6
Забайкальский край	105.6	104.6	102.9	104.7	1 198	37.9	72.2
Дальневосточный ФО	105.7	105.4	106.5	105.3	730	24.6	40.2
В целом по России	105.8	104.9	106.4	104.7	24 886	28.2	30.9

ства, темпам инвестиций и заработной плате. Соответственно год от года увеличивается их вес в общероссийских показателях. Известно, что помимо географических характеристик, огромной пространственной дифференциации районы находятся на качественно разных стадиях экономического развития и экономической активности. Даже выигрыш от последних экономических реформ получило лишь ограниченное число районов. Все это определяет асимметрию и неравномерность развития региональных хозяйств и, как следствие, неравенство в уровне доходов. Объективные различия районов определяют необходимость с одной стороны регионально дифференцированной социально-экономической налоговой политики, поддержки предприятий, повышенной помощи семьям в трудodeфицитных районах. С другой стороны, выражение центральной целевой установки роста уровня жизни должно проявляться в примерно одинаковых по районам реальных доходах (за одинаковый труд) на одного занятого, но которые в реальной жизни будут разными в виде номинальных денежных доходов.

Мы касаемся отмеченных сложнейших проблем лишь в части оценки политики межрегионального выравнивания потребления населения. В базовых вариантах закладывался следующий ее исходный принцип — независимо от складывающихся экономических пропорций и отраслевой доходности на разных территориях соотношения конечного потребления фиксировались в основном пропорционально численности населения в районах. Кроме того, региональное распределение конечного потребления корректировалось на доли неработающего населения по соотношению прожиточных минимумов соответствующих групп. В принятых посылках в качестве главного критерия межрегионального выравнивания берется показатель использованного конечного потребления, а денежные доходы и произведенный ВРП являются лишь их паллиативами.

Таким образом, методически в задачах выделяются расчетные показатели используемого ВРП, характеризующие жизненный уровень населения по экономическим показателям. Они отражают результаты принятой по данному варианту социальной политики потребления. Встречающиеся повсеместно в статистике показатели ВРП отражают произведенные доходы. Их душевые показатели на численность занятых характеризуют не уровень потребления, а обобщенные условия производительности в районе.

Приведенные особенности формирования межрегионального потребления легли в основу двух вариантов расчетов (м — межрегиональный).

В варианте 1м основой формирования региональных долей использования конечного продукта являлись параметры веса регионов варианта исходного сценария (табл. 1, 2), в котором принято в основном сохранение действующих тенденций. Они задаются пропорционально ожидаемой численности населения, предполагая крайнюю ситуацию равного потребления по районам на душу населения. Непосредственно в задаче 2030 г. указанные доли были усилены по сравнению с исходным вариантом (табл. 2) на 30–40% по европейским районам, предполагая возможные будущие ожидания населения во втором периоде частично потреблять уже в «престижных» районах.

В варианте 2м принята посылка обратных процессов. Параметры веса регионов в конечном потреблении были усилены по таким же количественным соотношениям в пользу восточных районов с нарастанием к концу 2030 г. В исходные посылки построения легли душевые доходы потребления на единицу занятых. Для незанятого населения использовались показатели региональных прожиточных минимумов, скорректированных на индексы местных цен. Данные предположения в определенной мере реализуют задачи национальных проектов по демографии в восточных районах. Предполагается также, что население в этих районах в подавляющей части будет потреблять на территории районов проживания и трудовой деятельности, за исключением туристических услуг, предоставляемых зарубежными странами Восточной и Южной Азии. Предполагается также, что туристические услуги населению европейской части, желающему «посмотреть ландшафт, в меньшей степени затронутый индустриализацией», будут востребованы.

Реализация посылок варианта 1м с усилением тенденций миграционных процессов в районы европейской части России формально приводит в 2030 г. к абсолютному росту конечного потребления на 370 млрд. руб. (0,6%) в сравнении с исходным вариантом (табл. 2). При этом общий темп ежегодного роста экономики даже чуть возрастет (на 0,01 п.п.) с потерей темпов по Сибири и Дальнему Востоку (по 0,1 п.п.). Обеспечить потребление всего населения России на территории европейских районов экономически дешевле, чем в восточных. Высвободившиеся при этом материальные ресурсы могут быть использованы на дополнительное потребление. Однако по социальным условиям люди должны ориентироваться на проживание в густо населенных районах запада, в многоэтажных домах, в скученных по тесноте и транспорту загазованных агломерациях, т.е. в психологически худших условиях по здоровью и качеству жизни. Кроме того, пространства востока страны могут обезлюдеть с поте-

**Характеристика общих экономических показателей в 2016–2030 гг.
(вариант 2м роста доли потребления в восточных районах)**

	Средне- годовой темп роста ВРП, %	Темп роста продук- ции, %	Темп роста транспор- та, %, (все виды)	Темп роста капиталь- ных вло- жений, %	Транзит, (млрд. руб.)	Доля (%) отправления в произ- водстве	Доля (%) прибытия в потреб- лении
Центральный ФО	104.0	103.3	104.9	103.2	2 197	34.8	26.4
Северо-Западный ФО	105.8	104.6	112.0	104.8	9 045	15.5	22.2
Южный ФО	105.8	104.8	110.3	104.9	1 315	22.5	48.8
Приволжский ФО	106.1	105.0	111.4	106.9	1 704	31.0	22.4
Урал без Тюменской обл.	105.0	104.6	104.0	106.3	3 139	47.7	50.0
Тюменская обл.	103.8	102.8	101.9	102.7	3 990	46.5	43.2
Сибирский ФО	106.3	105.1	110.3	105.2	17 090	32.5	43.8
в т.ч: Республика Алтай	106.6	104.9	98.4	104.9	19.4	43.0	74.9
Республика Бурятия	105.7	104.2	107.8	104.7	2 004	32.8	89.1
Республика Тыва	107.2	106.4	120.0	106.0	50.3	35.9	79.8
Республика Хакасия	104.8	103.5	112.8	102.8	410	44.6	84.0
Алтайский край	106.3	105.3	107.7	103.1	118	20.3	45.8
Красноярский край	107.7	106.0	115.3	104.7	3 259	42.4	30.9
Иркутская обл.	106.1	105.0	106.6	107.2	1 753	32.1	40.2
Кемеровская обл.	105.6	104.7	112.3	104.2	1 415	30.5	43.1
Новосибирская обл.	105.0	103.9	107.4	105.4	1 322	10.8	28.9
Омская обл.	107.1	106.0	113.9	105.9	1 036	43.5	55.8
Томская обл.	105.8	104.3	114.1	105.2	3 947	27.3	50.2
Забайкальский край	105.6	104.6	102.0	105.0	1 757	26.4	73.7
Дальневосточный ФО	105.3	105.1	103.9	104.9	457	26.4	52.2
В целом по России	105.1	104.3	108.0	104.6	38 937	31.1	32.7

**Детализация прогноза (табл. 3): среднегодовые темпы выпуска
продукции отраслей по восточным районам 2016–2030 гг., %**

	Россия		в том числе							Дальне-восточный ФО	
	Сибирский ФО	Томская обл.	Иркутская обл.	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Алтайский край	Красноярский край	Бурятия	Омская обл.		
Электроэнергетика Нефтедобыча Газовая Уголь Черные металлы Цветные металлы Химия Машиностроение Лесозаготовки Деревобработка Целлюзно-бумажная Стройматериалы Легкая промышленность Швейные изделия Мясомолочная Рыбная Строительство Растениеводство Животноводство Связь Железнодорожный Автомобильный Трубопроводный ИТОГО	102.8	104.2	104.1	100.2	103.0	102.5	103.8	107.4	108.1	108.0	100.4
	101.6	106.0	105.1	103.2	0	100.5	0	132.3	0.0	118.8	106.2
	103.0	105.0	114.4	99.9	100.5	80.4	0	129.1	0	116.7	102.7
	101.9	102.1	0	101.9	102.5	89.4	0	102.4	100.0	106.0	102.6
	103.3	100.3	98.0	124.5	101.0	100.2	105.1	114.9	97.9	124.1	96.5
	102.7	101.5	89.4	100.5	101.9	103.7	100.0	97.5	96.4	91.0	103.5
	106.5	102.1	99.0	110.1	101.9	102.1	107.6	110.0	0	112.0	100.5
	107.7	104.8	101.9	109.0	101.9	104.6	102.7	112.5	101.9	110.0	109.0
	100.8	100.6	101.9	100.5	100.4	99.0	101.5	99.1	100.5	100.5	99.6
	104.0	100.4	104.8	98.1	102.4	99.0	99.0	96.3	95.2	99.0	95.5
	103.1	105.6	0	101.0	0	0	0	125.4	95.2	0	101.6
	102.4	104.0	107.7	100.5	104.0	100.1	104.7	108.1	94.6	110.1	99.6
	108.4	104.4	101.9	105.8	101.9	90.0	113.7	128.5	115.0	126.5	109.6
	101.7	101.9	86.2	101.9	94.6	94.1	91.9	115.6	101.9	98.8	97.5
	104.0	107.9	102.0	101.9	100.5	100.5	100.5	113.0	99.0	112.4	100.5
	106.0	110.3	115.4	102.4	108.0	109.0	108.0	100.6	100.0	108.0	104.4
	107.4	107.8	104.9	106.0	109.6	108.6	108.5	108.8	108.0	105.7	104.8
	101.7	100.9	102.3	96.6	101.3	100.4	101.4	103.4	97.2	101.9	105.4
	101.0	101.7	101.1	98.9	99.1	96.7	101.9	103.6	99.1	100.5	102.8
106.3	103.7	94.1	103.8	97.2	101.2	110.3	106.4	91.9	98.5	104.0	
104.5	106.9	110.6	106.1	111.0	103.7	100.5	110.0	100.1	104.8	103.7	
106.8	107.2	107.6	107.9	103.3	104.6	113.6	115.7	98.2	102.7	103.7	
103.0	103.8	99.5	103.4	102.8	103.6	113.0	103.0	101.9	107.7	103.1	
Промышленность	104.3	105.1	104.3	105.0	104.7	103.9	105.3	106.0	104.2	106.0	105.1
Транспорт в целом	104.6	103.7	102.5	102.9	101.1	103.2	101.2	105.3	102.7	108.4	102.2
	107.3	109.7	111.6	112.8	114.0	104.7	101.3	113.0	104.6	110.2	106.0

рей самого здорового генофонда страны, а также земель, освоенных огромным тяжелым трудом наших предков. Усилится региональный дефицит рабочей силы, т.к. и в перспективе для новой экономики будут необходимы люди для разработки и транспортировки продукции осваиваемых месторождений.

Полученные результаты лишь подтверждают известные положения о повышенных издержках проживания в указанных районах и ведения здесь производства. По этим причинам реализация посылок повышения значимости восточных районов в численности населения и потреблении, в сравнении с «европейским» вариантом, ухудшает общий уровень результирующих экономических показателей. Фонд конечного потребления страны уменьшился на 7% при снижении общего среднегодового темпа выпуска на 0,3 п.п. В Сибири и на Дальнем Востоке данный показатель снизился соответственно на 1,8 и 2,1 п.п. Восточная ориентация сферы потребления приводит к более интенсивным поставкам продукции: общий межрегиональный оборот грузов вырос на 22%. Структурные изменения и рост межрегионального оборота вызвали спрос на транзитные услуги (см. табл. 3 и 4) и общий рост материалоемкости и капиталоемкости. В новых условиях лишь Красноярский край укрепил место лидера развития. По остальным субъектам темпы роста производства уменьшились, кроме Бурятии, Тувы и Забайкальского края.

Для сравнения в периоде до 2015 г. территориальные сдвиги в потреблении оказывают меньшее влияние на общие экономические показатели при увеличении доли европейских районов. Однако увеличение веса восточных районов в данном (первом) периоде обходится относительно дороже, чем в следующем (10% снижения ВРП против 7% снижения в периоде до 2030 г.).

Как результирующее, можно сказать, что к политике с количественно более умеренными значениями последствиями межрегионального расселения экономика может быть адаптирована с менее значительными потерями для производства. Если текущие тенденции изменения межрегионального непроизводственного спроса, за которыми стоят территориальные сдвиги в расселении не будут переломлены, то структурные последствия в производстве могут быть значительными. Перелом в тенденциях миграционных процессов западного направления являлся бы позитивным социальным результатом в долговременном периоде до 2030 г., хотя и экономически затратным. Соответствующие управленческие мероприятия для этого должны быть проведены уже в предшествующем периоде до 2015 г. В противном случае социальные последствия в периоде до 2030 г. будут более ощутимыми. Конкурирующим для роста доли потребления в ев-

ропейских районах является предпочтение многих услуг нашего восточного населения более дешёвым аналогам в странах АТР (Восточной и Южной Азии).

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. — М.: Тацис, Государственный университет. Высшая школа экономики. 2000

Лейзерович Е.Е.

ХОД КОНЦЕНТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ЧАСТЯХ СУБЪЕКТОВ РФ ПОСЛЕ 1990 ГОДА

Яркая черта территориальной структуры расселения в России — концентрация значительной части населения в центральных субъектах Федерации, то есть на территориях, включающих в себя города — республиканские, краевые, областные центры, а также расположенные в зонах их хозяйственного тяготения сельские административные районы и города внерайонного подчинения. Такие территории мы предлагаем собирательно называть пристольными экономическими микрорайонами (ЭМ). Сами города — республиканские, краевые, областные центры, для краткости, будем называть городами-центрами. Из сельских административных районов, входящих в пристольные ЭМ, почти две трети, около 320, непосредственно соседствуют с городом-центром. Это, по терминологии. Т.Г. Нефедовой, центры — «соседи первого порядка» (3, с. 126). Около трети сельских административных районов, входящих в состав пристольных ЭМ, районы — «соседи второго порядка». Насчитывается также примерно два десятка районов — «соседей третьего порядка». Районы — соседи более высоких порядков есть только в Майкопском ЭМ и в Казанском ЭМ.

Семьдесят семь центральных пристольных ЭМ России занимают площадь 1889 тыс. км². Это всего 11% территории РФ, немного более ее десятой части. Между тем здесь проживало по данным переписи населения 2002 г. более половины всех россиян — 86,6 млн. человек, то есть 60%. Из них 51,5 млн. человек (36,6% всего населения страны) в самих городах-центрах и 35,1 млн. человек (24% всего на-

селения РФ) — в их зонах хозяйственного тяготения. Если исключить из рассмотрения уникальные Московский ЭМ и Петербургский ЭМ, то картина несколько меняется. В семидесяти пяти остальных при-столичных ЭМ проживало 65,4 млн. человек (45% — почти половина населения РФ), в том числе в городах-центрах 36,8 млн. человек, а на окружающей территории 28,6 млн. человек. Однако в обоих случаях, с учетом столиц или без такового, ясно, что около половины россиян проживает в городах — республиканских, краевых, област-ных центрах или вблизи них.

В пятидесяти четырех субъектах РФ в пристоличных ЭМ сосре-доточено более 50% всего населения субъекта РФ, в пятнадцати — от 40% до 50%, в шести — от 30% до 40% . Лишь в Краснодарском крае, Тюменской и Кемеровской областях в центральных пристолич-ных ЭМ проживает менее трети всего населения субъекта РФ (соот-ветственно 32%, 27% и 24%).

Первопричина концентрации населения в пристоличных ЭМ со-вершенно очевидна: наличие самих городов — республиканских, кра-евых или областных центров. Таблица 1 иллюстрирует удельный вес таких городов в общей численности городского населения РФ.

Уже в 1939 г. в городах-центрах проживала половина городского населения России. В последующие 70 лет ситуация практически не изменилась. Если исключить из рассмотрения Москву и Петербург, то средний уровень концентрации городского населения РФ в горо-дах-центрах около 40%. Это достаточно высокая цифра. И она растет даже на фоне снижения в последние годы абсолютной численности населения страны.

Самую высокую долю в населении своих областей имели на 1 ян-варя 2004 г. города-центры Петербург (74%), Москва (61%), а также Магадан (56%), Петропавловск-Камчатский (54%), Новосибирск (53%), Астрахань (50%). От 40 до 50% населения своих субъектов РФ сосредотачивали 10 городов-центров, от 30 до 40% — 31 город-центр, (самая малочисленная группа), от 20 до 30% — 22 города-цен-тра. Замыкали список Грозный (19%), Махачкала (18%), Кемерово (17%), Тюмень (16%), Краснодар (14%), Ставрополь (13%), Магас (менее 1%). Все города-центры, кроме Горно-Алтайска и Магаса — большие города, имеют свыше 100 тыс. жителей.

В прошлом уже привлекалось внимание к процессу и причинам опережающего роста населения городов — республиканских, крае-вых и областных центров (2). Назовем три из них в качестве основных. Первая — действие географического закона пространственной кон-центрации: «Отдельные участки земной поверхности в силу своего положения или каких-либо иных свойств обладают привлекательнос-

Таблица 1.

Доля населения городов-центров в населении России

Годы (начало) Показатели	1939	1959	1979	1990	1995	2002 сентябрь	2004
Все население РФ — млн. чел.	108,4	117,5	137,6	148,0	147,9	145,2	144,2
в т. ч. городское население — млн. чел.	36,3	61,6	95,4	109,2	107,9	106,4	105,8
городское население РФ без Москвы и Петербурга — млн. чел.	29,1	53,7	83,5	95,2	94,5	91,6	90,8
Число городов-центров	63	76	76	76	77	77	77
Все население городов-центров — млн. чел.	17,8	26,9	45,2	51,0	50,8	51,5	51,6
в процентах ко всему населению РФ	16,4	22,9	32,8	34,4	34,3	35,5	35,8
в процентах к городскому населению РФ	49,0	43,7	47,4	46,7	47,1	48,4	48,8
Население городов-центров РФ без учета Москвы и Петербурга — млн. чел.	10,6	19,0	33,3	38,0	37,4	36,8	36,6
в процентах к городскому населению РФ без Московской и Ленинградской областей	36,4	35,4	39,9	39,9	39,6	40,1	40,3

тью и поэтому становятся местами концентрации населения и его деятельности.» (5, с. 22).

Вторая причина — процесс урбанизации, неумолимо ведущий к концентрации населения в больших городах. Все республиканские, краевые и областные центры, кроме Кемерово, Вологды и Магаса — самые многолюдные поселения в своих республиках, краях и областях. Но здесь важно не забыть и об обратной связи. Население почти всех городов — нынешних республиканских, краевых и областных центров, заметно росло еще до того, как они стали таковыми. И лишь тогда, когда в результате этих процессов выделились количеством жителей среди окружающих их городов, они «выдвинулись» на роль административных центров высокого ранга. Вместе с тем, есть целые области, обязанные своим образованием крупному городу. Можно сказать, что там процесс шел в обратном направлении.

Третья причина — тяга населения к проживанию в административном центре субъекта РФ, как к месту концентрации общественных, государственных, хозяйственных учреждений — точке карьерного роста, как к месту сосредоточения высших учебных заведений, крупнейших в республике, крае или области лечебных и культурных учреждений. По некоторым оценкам, города-центры РФ концентрируют 43% муниципальных бюджетов своих республик, краев и областей (4).

Вернемся к процессу концентрации населения в центральных пристоличных ЭМ субъектов РФ. Этот процесс — главная составляющая противостояния «Центра» и «Периферии» на региональном уровне. После 1990 г. процесс достаточно активно продолжался, несмотря на почти повсеместное снижение численности населения. В этот период доля населения, проживающего в центральных пристоличных ЭМ, возросла в 67 из 77 республик, краев и областей РФ. Хотя в 1990–2002 гг. абсолютная численность населения пристоличных ЭМ (без Московского и Петербургского) снизилась почти на полмиллиона человек, его доля в общей численности населения соответствующих 75 субъектов РФ возросла на 1,2%. Исключение составили Чеченская Республика (где имело место максимальное снижение доли — на 2,3%), Нижегородская и Астраханская области, Республика Башкортостан и Татарстан, Тюменская, Архангельская, Воронежская области, Краснодарский край, Тульская область (в двух последних снижение было менее чем на 0,1%).

И вот здесь следует привлечь внимание к важным перестановкам в 1990–2002 гг. акцентов внутри самих центральных пристоличных ЭМ. В этот период общая численность населения 75 городов-центров (без Москвы и Петербурга) снизилась более чем на 1 млн. че-

ловек — с 38,0 млн. до 36,8 млн., а их доля в общей численности населения республик, краев и областей (без Московской и Ленинградской) — с 30,3% до 30,2%. В то же самое время общая численность населения в зонах хозяйственного тяготения пристоличных ЭМ возросла почти на 1 млн. чел., а доля этих частей пристоличных ЭМ в общей численности населения республик, краев и областей — с 22,2% до 23,5%. В результате, если соотношение населения городов-центров и населения их зон хозяйственного тяготения в 1990 г. выглядело как 58:42, то к 2002 г. оно стало 56:44. Особенно заметны подобные изменения в Мурманском, Челябинском, Владикавказском, Грозненском, Самарском, Томском и Петропавловск-Камчатском ЭМ.

Известно, что при сравнении разных стран динамика численности населения не может служить критерием социального благополучия, но когда речь идет о сравнении районов одной страны, то положение несколько меняется. Это подтверждают Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш исследованием «сильных» и «слабых» городов России: «Если говорить о текущем (1996) состоянии и о динамике за 1991–1997 гг., то налицо прямая линейная зависимость; чем благополучнее, тем заметнее продолжение роста, и наоборот» (4, с. 139). Конечно при сравнении динамики численности населения районов одной страны необходим учет конфессиональной специфики, если таковая существует, связанных с ней особенностей регулирования детской рождаемости, а иногда и ряда других факторов.

В Российской Федерации, если судить по приведенным выше данным за 1990–2002 гг., города-центры субъектов РФ в целом выглядели менее благополучными, чем их зоны хозяйственного тяготения. Но по основным экономическим районам картина заметно различалась (см. таблицу 2). Это видно, как в разрезе ЭМ, так и по данным об изменениях доли населения городов-центров.

В пользу городов-центров складывалась ситуация в Дальневосточном, Центральном, Центрально-Черноземном, Северном, Волго-Вятском районах, а в пользу зон хозяйственного тяготения — очень заметно в Северо-Кавказском, Поволжском, Уральском районах, менее заметно — в Восточно-Сибирском и Северо-Западном районах. Это связано в первой группе районов — с выдающейся ролью местных республиканских, краевых, областных центров, во второй группе районов — с активным ростом городских агломераций, а на Северном Кавказе и в Поволжье — также с заметным развитием сельскохозяйственной деятельности в окружении городов-центров. Трудно однозначно оценить ситуацию в Западно-Сибирском экономическом районе.

Таблица 2

Изменения в соотношении численности населения городов-центров
и зон их хозяйственного тяготения в период с 1990 по 2002 гг.

Экономические районы	Общее число пристоличных ЭМ	Соотношение населения городов- центров и их зон хозяйственного тяготения изменилось:		Суммарный рост(+) или снижение(-) доли населения городов-центров в %
		В пользу городов-центров	В пользу зон хозяйственного тяготения	
Центральный	12	7	5	+1,57
Северный	5	4	1	+0,21
Северо-Западный	4	1	3	-1,06
Волго-Вятский	5	4	1	+0,19
Уральский	7	1	6	-1,43
Центрально-Черноземный	5	3	2	-1,16
Северо-Кавказский	10	2	8	-4,18
Поволжский	8	3	5	-1,92
Западно-Сибирский	7	4	3	-0,82
Восточно-Сибирский	6	2	4	-1,11
Дальневосточный	8	6	2	+2,22
ВСЕГО	77	37	40	

Вообще дать развернутое суждение по обнаруженным фактам станет возможным лишь после того, как выявленное чисто статистическим путем явление будет изучено в ходе полевых «ключевых» исследований (1). Пока же обратим внимание на то, что в предшествующий период, с 1979 по 1990 г., картина была совершенно иной. При общем увеличении доли населения республик, краев и областей, проживавшего в пристоличных ЭМ с 56,7% до 58,2% (без Московской и Ленинградской областей — с 51,0% до 52,5%), доля проживавших в городах-центрах возросла с 32,9% до 35,2% (без Москвы и Ленинграда — с 28,4% до 30,5%), а доля проживавших в зонах хозяйственного тяготения городов-центров упала с 23,85 до 23,0% (без Московской и Ленинградской областей — с 22,6% до 22,2%). В этот период лишь примерно в десятке пристоличных ЭМ соотношение численности населения в городах-центрах и в зонах их хозяйственного тяготения изменилось в пользу зон хозяйственного тяготения.

В 1979–1990 гг. во всех экономических районах доля городов-центров в населении субъектов РФ росла быстрее, чем доля их зон хозяйственного тяготения. В 1990–2002 гг. такая картина сохранилась только в Центральном, Северном и Дальневосточном экономических районах. Во всех остальных экономических районах по этому показателю зоны хозяйственного тяготения стали обгонять города-центры.

В 1990–2002 гг. росла доля в общей численности населения субъектов РФ не только центральных пристоличных ЭМ, но и некоторого числа периферийных ЭМ. Территорию конкретных субъектов РФ часто рассматривают как сочетание трех концентрических зон: центра–полупериферии–периферии. Однако и полупериферия, и периферия многих субъектов РФ очень неоднородна. Поэтому отдельные периферийные ЭМ также активно притягивают к себе население (т.е. в современных условиях скорее также активно его удерживают), как и центральные ЭМ. Мы насчитали таких «продвинутых» экономических микрорайонов восемьдесят (из общего числа периферийных ЭМ в последней сетке ЭМ России — 386). В Центральном экономическом районе их 6, в Северном — 7, в том числе три в Республике Коми; в Северо-Западном и Волго-Вятском экономических районах по два, на Урале — 19 (больше всего), в том числе целых семь в Башкортостане и по четыре в Оренбургской и Пермской областях; в Центрально-Черноземном экономическом районе шесть, на Северном Кавказе — 13, в том числе целых шесть в Краснодарском крае и три в Дагестане; в Поволжье — 11, в том числе по три в Саратовской области и Татарстане; в Западной Сибири — 4, в Восточной Сибири — 8, а том числе четыре в Иркутской области; на Дальнем Востоке — 5, в том числе три в Якутии.

Основную часть — почти половину «продвинутых» периферийных ЭМ, расположенных в отдалении от центральной части субъектов РФ, составляют те из них, которые сформировались вокруг больших или средних городов. Другая половина «продвинутых» периферийных ЭМ обязана тому, что их доля в населении республики, края или области в 1990–2002 гг. возросла по разным причинам. На первом месте среди них — относительно заметный рост использования местных природных ресурсов, на втором — соседство с экономически активными территориями как смежных субъектов РФ, так и Украины и Казахстана. Среди «продвинутых» периферийных ЭМ также Аварский ЭМ, Лакский ЭМ и Самурский ЭМ в Дагестане, ряд территорий специального назначения на северных и южных границах. Вместе с тем, в распоряжении автора нет объяснений того, почему в числе «продвинутых», хоть и слабо, ЭМ оказались Осинский ЭМ в Пермской области, Калач-Воронежский ЭМ в Воронежской области, Кирсановский ЭМ в Тамбовской области.

Как главный результат рассмотрения сети «продвинутых» ЭМ напрашивается вывод о том, что многие из продвинутых ЭМ, будучи геометрической периферией своих республик, краев и областей, не представляют собой их периферию в плане социальном.

Выводы:

1. В каждом субъекте РФ имеет место противостояние центра и периферии в весьма конкретной форме, как конкуренция или соревнование центрального экономического микрорайона, включающего в свой состав город — республиканский, краевой или областной центр и окружающие его территории, и остальной территории субъекта РФ. Статистическим отражением этого процесса является достаточно устойчивый рост доли населения, проживающего в центральном пристоличном ЭМ, в общей численности населения субъекта РФ, даже в условиях повсеместного снижения абсолютной численности населения.
2. В период 1990–2002 гг. в пристоличных ЭМ возросла доля населения, проживающего на территориях, окружающих республиканские, краевые, областные центры, что не имело места в предшествующее десятилетие. Увеличилась абсолютная численность этого населения. В то же время доля населения, проживающего в самих городах-центрах, снизилась, как снизилась у 70% городов-центров и абсолютная численность населения. В результате, судя по демографическим данным, зоны хозяйственного тяготения городов-центров в этот период чаще выглядели более относительно благополучными в социальном отношении, чем сами города-центры.

3. Поскольку в границах субъектов РФ «геометрическая» периферия часто не совпадает с «социальной» периферией, предпочтительней рассматривать полупериферийные и периферийные территории республик, краев и областей не как сплошные концентрические кольца, а с учетом «вкраплений» в них «продвинутых» ЭМ, у которых продолжается, как и у центральных пристоличных ЭМ, рост доли их населения в общей численности республики, края или области. Представлять периферию и полупериферию в виде концентрических полос расселения целесообразнее, как правило, на уровне более крупных территорий, чем основная часть субъектов РФ.

Литература:

1. *Алексеев А.И.* Социальная географии России XX века: реальность, наука, преподавание // Шестые сократические чтения. Постиндустриальная трансформация социального пространства России (под редакцией В.А. Шупера. М., Эслан, с. 179— 194.
2. *Лейзерович Е.Е.* Особенности развития областных, краевых и республиканских /АССР/центров в СССР // Вестник Московского университета, серия географическая, 1971, № 2.
3. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье; Географические очерки. М., Новое Издательство, 2003, 405.
4. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* «Сильные» и «слабые» города России // Полюса и центры роста в региональном развитии /под редакцией Ю.Г. Липеца. М., ИГ РАН, 1998, с. 135–143.
5. *Ткаченко А.А.* О процессе социологизации и элементах общей теории социально-экономической географии // Региональные исследования. 2003, № 1, с. 20–23.

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ РОССИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В начале XXI в. возродился интерес к культурным аспектам развития Российского пространства. Трансляция культурных достижений и культурных стандартов, исходящих из-за рубежа или вырабатываемых в российских столицах Москве и Санкт-Петербурге, в конечном итоге воспроизводится в провинциальных центрах и городах. Особенно это касается досуговой, то есть наиболее массовой стороны культуры, которая обнаружила высокую зависимость от глобальных проявлений урбанизации. Однако сопротивления глобализации культуры со стороны индивидов и групп неизбежны в России так же, как в США, Германии, Франции. Эти попытки принимают множество форм — от религиозных течений до подчеркнутой демонстрации этно-культурных различий языка, костюма, традиций, манер, занятий на досуге. Само наличие таких попыток обогащает и усложняет карту культурной жизни, ни в малейшей степени не нарушая универсализации городской культуры.

Работа посвящена социокультурному исследованию провинциальных центров, но не областных и краевых, а национальных республик и округов. Уникальность национальных столиц обусловлена этническими и культурными составляющими. Несмотря на глобальный характер проявления свойств урбанизации, в национальных столицах развивается специфичная и самобытная социально-культурная среда. Здесь существуют локальные культурные образцы, синхронные и диахронные пласты традиционной этнической и общероссийской культуры, религиозной и светской культуры. Цель — выявить типологические характеристики культурного потенциала национальных столиц России.

В задачу исследования входило не сопоставление статистических данных о характере функционирования учреждений культурной сферы в национальных столицах, а исследование культурного потенциала, через ресурсные возможности действующих социокультурных институтов, а также через отношения горожан и их социокультурные представления: о «себе» и «других», о городской среде и городском социуме, о культурных институтах. Важная роль отводится также формированию столичной идентичности — столицы национальной рес-

публики, проявляющихся как на страницах средств массовой информации, так и в ответах респондентов. Культурные представления горожан рассматриваются в целях обеспечения социально-культурного планирования и управления социально-культурными процессами в городах.

Понятие «культурный потенциал» и методика исследования

Наиболее распространенное представление культурного потенциала связано с его рассмотрением в качестве составной части социального потенциала, являющегося интегральным понятием. Социальный потенциал характеризует возможности государства, фирм, общественных организаций, личности, групп населения, регионов и общества в решении перспективных задач социального развития. Так, например, В.Л. Глазьев предлагает рассматривать культурный потенциал города как меру способности городского сообщества создавать вновь и поддерживать условия своего развития [1. С. 27] Согласно концепции П. Бурдье, примененной к понятию «социальный капитал», понятие «культурный потенциал» можно представить как некое пространство, в котором действуют, во-первых — культурные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, а во-вторых, количество и качество ресурсов культурной сферы [5. С. 485]. Следует согласиться с Н.И. Лапиным, считающим понятие «культурный потенциал» статичным, в отличие от «культурного капитала», характеризующего все формы деятельности, связанные с культурой [4. С. 32–33]. Сохраняя системный принцип анализа, подобно Дж. Коумену, обратим внимание на наличие в культурном потенциале ресурсов отношений и сетей отношений, облегчающих действия индивидуумов за счет формирования взаимного доверия, определения взаимных обязанностей, создания ассоциаций и т.п. [5. С. 488] Таким образом, в нашем понимании культурный потенциал — это совокупность объективных и субъективных возможностей (факторов, активов) способствующих развитию культурного пространства города или региона.

К объективным активам относятся социокультурные институты: культура, средства массовой информации, а также образование. В последнее десятилетие усиливается влияние религиозных институтов, однако в нашем исследовании их действие условно вынесено за рамки исследования, ограничив исследовательское поле ресурсами и отношением горожан к светской культуре. Специфика населения столиц национальных образований России определяет необходимость учета дополнительного фактора, который, собственно говоря,

определяет специфику национальных столиц — полиэтничности городской среды.

Ранее были проведены расчеты объективных факторов социально-культурного потенциала центров национальных образований России, которые в свою очередь сравнивались с областными центрами [6]. Закономерно, что по мере увеличения людности городов растет и интегральная величина объективных факторов социально-культурного потенциала. Но результаты оценки количественных данных, к сожалению, не демонстрируют специфики потенциальных ресурсов для развития культурной сферы центров национальных республик.

Современная статистическая база данных по функционированию учреждений культуры не позволяет провести корректное исследование ресурсных возможностей развития культурной среды регионального центра. Инертность статистической системы учета традиционного перечня учреждений культуры, состоящего из библиотек, клубов, кинозалов, театров и музеев, с одной стороны, не демонстрирует всей палитры альтернативно действующих объектов культуры в современном городе, с другой стороны, статистически учитываемые учреждения культуры анализируются лишь с позиций количества объектов, обеспеченности населения посадочными местами и книгами. Имеется показатель посещаемости учреждений культуры, который мог бы отчасти демонстрировать возможности функционирования учреждений культуры, однако при ограниченности в городе количества подобных объектов и отсутствии среди них конкуренции, посещаемость не отражает качественных характеристик. Так, например, по посещаемости читателями городских библиотек «лидером» среди национальных центров оказался Анадырь, имеющий 7 читателей на 10 жителей города, а «аутсайдером» — Махачкала — 1,7 читателей на 10 горожан. Не лучше и ситуация с театральными посещениями, где «лидером» оказалась Йошкар-Ола — 0,75 посещений на одного жителя, «аутсайдером» — Майкоп — 0,28 посещений на одного жителя в год. Очевидно, что статистическая картина не отражает реальной ситуации в культурной сфере центров национальных образований. Вне учета оказались музыкальные и театральные традиции театров Казани и Уфы, грандиозные этно-культурные мероприятия, происходящие не только в зданиях, предназначенных для проведения культурных мероприятий, но и на открытых площадках и улицах городов, периодичность проведения которых довольно высокая, как правило 2–3 раза в месяц (с учетом конкурсов и концертов, проводимых среди различных половозрастных групп).

Несколько лучше обстоит статистический учет деятельности учреждений профессионального образования, однако и в этой области

могут быть несоответствия. За количественными данными теряются качественные характеристики, например наличие научных школ. Отметим, что учет средств массовой информации практически не ведется, и в имеющихся статистических паспортах городов эти данные отсутствуют. В то же время влияние средств массовой информации на культурную среду городов очевидно, и здесь также не обойтись лишь количественными показателями, важно отразить содержание информационных каналов и страниц.

В связи с этим актуальной стороной исследования являются качественные характеристики объективных возможностей и факторов культурного потенциала городов, которые определяются сравнительно-описательным методом и сопоставляются с результатами оценки субъективных активов. В их числе отношение горожан к действующим социокультурным институтам, а также характер этно-культурных связей и сетей в городе. Отметим еще раз, что каждая составляющая субъективных возможностей в нашем исследовании соотносится с объективными возможностями. Так отношение горожан к учреждениям культуры дополняет характеристику ресурсных возможностей института культуры, действующего в городе. Отношение горожан к образованию и инновациям качественно дополняет данные о потенциале функционирования профессионального образования, а характер гражданской активности городского населения соотносится с деятельностью средств массовой информации. Специфика культурного пространства центров национальных образований определяется наличием двух или нескольких языков общения, развитием культурных традиций и обычаев титульных и наиболее представленных в городе и регионе народов, а также особой региональной политикой межкультурного взаимодействия. В связи с этим важным моментом исследования является анализ этно-культурных связей и социальных сетей.

Несмотря на разнообразие и специфичность культурной среды каждой республиканской столицы, была проведена типология, которая при корректном выборе типизирующих признаков позволила проводить дальнейшее исследование на примере городов-ключей. В качестве определяющих признаков были выбраны период выполнения городами управленческих (центральных или столичных) функций и широта этно-культурных связей, их роль в консолидации титульных народов, проживающих на территории национальных образований. Выбранные типизирующие признаки имеют территориальное проявление. Геотерия влияния национальных центров не совпадает с современными границами, возглавляемого ими региона и распространяется не только на территории локального, но и дисперсного прожи-

вания титульного этноса. В данном случае проявляется свойство динамичности границ распространения центральных и этнокультурных функций, которое во многом зависит от совокупности исторических, расселенческих, политических и социально-экономических условий. Кроме того, при типологии учитывались комплексные данные, характеризующие демографический и культурный потенциал городов. Таким образом, исследовательский подход, опирающийся на специальную типологию центров национальных образований, а также на метод синтеза результатов исследования объективных и субъективных возможностей или факторов развития культурного пространства города, позволяет получить корректные типологические характеристики центров национальных образований.

Результаты исследования

Ниже представлена характеристика выделенных типов городов.

1. Города-миллионники, выполнявшие в прошлом функции губернских и областных центров — Казань и Уфа. Традиционные лидеры социально-культурных и этнических движений, происходящих как на территории, возглавляемых ими республик, так и в соседних регионах и национальных образованиях России. Казань последние 20 лет выступает своего рода «локомотивом» этно-политических преобразований в России. Это город, сочетающий в себе черты этно-конфессионального и регионального лидера. Имея трехсотлетний опыт управления губернией, Казань сформировала устойчивое восприятие ее в качестве центрального города среди населения не только возглавляемой ею территории, но и сопредельных регионов. В немалой степени этому способствовала исторически сложившаяся практика подготовки в Казани высококвалифицированных специалистов — выходцев из Чувашии, Марий-Эл, Ульяновской области и Башкирии. К примеру, именно в Казани получила высшее образование основная часть чувашской интеллигенции в конце XIX — начале XX века. Среди них китаевед Н.Я. Бичурин, а также гуманист и просветитель И.Н. Яковлев. Вплоть до второй половины XX в. Казань оставалась важнейшим центром подготовки высококвалифицированных инженеров, деятелей культуры и искусства.

Уфа, в отличие от Казани, не является абсолютным культурным лидером Башкирии. Специфика полиэтнической среды республики и западное положение ее столицы, соседствующей с Татарстаном определили возникновение второго этно-культурного лидера. По общему мнению, восточной культурной столицей республики является город Сибай — столица Зауральской части Башкирии. Тем не менее

Уфа, как и Казань, получила опыт выполнения управленческих функций еще в дореволюционное время. Статус губернского города она обрела в 1865 г. и возглавила довольно обширную территорию, а с 1781 г. город был центром Уфимского наместничества.

Дальнейший переход в статус столиц автономных республик для обоих городов означал административное понижение, кстати, среди прочих национальных столиц России существует еще один центр, выполнявший в прошлом функцию губернского центра. Речь идет о Петрозаводске, возглавлявшем Олонецкую губернию. Однако по демографическому, а также по культурному потенциалу и размерам этнокультурной геотерии Петрозаводск уступает Уфе и Казани, что не позволяет включить его в первый тип национальных столиц².

Уфа и Казань имеют не только длительный опыт выполнения центральных функций, они обладают довольно обширной геотерией влияния центральных этнокультурных функций, ее граница выходят далеко за пределы национальных республик и даже за пределы России. Размер этнокультурной геотерии определяется географией локального расселения этносов по территории страны, а также наличием национально-культурных центров (общественных объединений), расположенных за пределами республик и функционирующих при поддержке республиканских властей. Наличие этнокультурных связей общественных объединений этносов, проживающих за пределами национальных регионов, позволяет представить национальные столицы, в качестве специализированных центров. Величина подобного центра во многом зависит от количества и географии распространения национально-культурных объединений по территории России и за рубежом. Например, «Всемирный курултай (конгресс) башкир» имеет статус международного общественного союза, объединяющего около 60 национально-культурных центров башкир, проживающих в России и за рубежом (рис. 1). Отметим, что наиболее дифференцированную и довольно обширную функционально-территориальную структуру национально-культурных связей имеет Казань. Международный союз общественных объединений «Всемирного конгресса татар» включает не только национально-культурные центры и объединения татар России, стран СНГ и дальнего зарубежья, он объединяет общественные организации, сформированные по гендерному, возрастному и профессиональному принципу.

² В истории России имеются и другие примеры формирования этнических административных территорий, которые возглавляли довольно большие города, например Калининград. Однако в данном исследовании мы ограничиваемся современными рамками сохранившихся национальных образований.

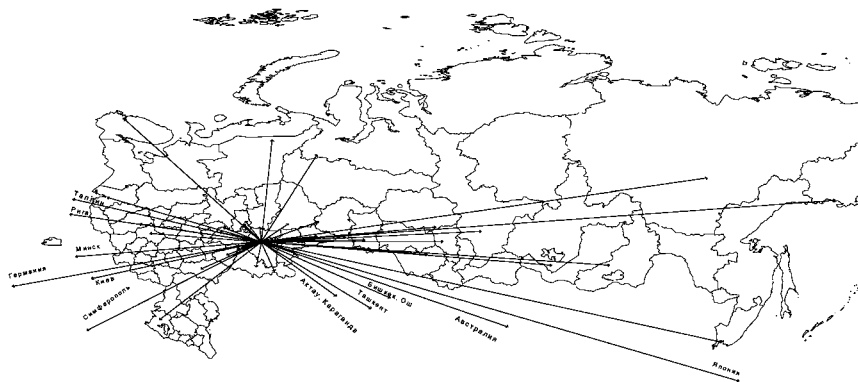

Рис. 1. География связей «Всемирного курултая башкир»

2 тип — крупные и большие города с населением более 100 тыс. человек, который делится на 3 подтипа.

Подтип 2а — республиканские столицы, выполнявшие в прошлом роль уездных центров и возглавлявшие единицы, сформированные на территориях традиционного проживания нерусских народов. К ним относятся Петрозаводск — единственный из представленных ниже губернский центр, Владикавказ — областной центр, Чебоксары, Йошкар-Ола, Саранск, Якутск, Сыктывкар. Заметим, что еще до революции большинство этих городов возглавляли территории проживания нерусских народов. Так, Чебоксары в энциклопедии «Брокгауза и Ефрона» именуются столицей чувашей [7]. Сюда же следует отнести Кызыл — столицу Тувинской республики, вошедшей в состав СССР в 1944 г. С одной стороны все выше перечисленные столицы имели определенный опыт руководства административными территориями, с другой — они оставались центрами этнической консолидации и концентрации титульных народов своих республик. За прошлый век значительно изменился этнический состав населения столиц, за счет увеличения доли титульных народов, одновременно расширялась география их этно-культурного влияния, которая ныне выходит за пределы республиканских границ. Процессы перераспределения титульного народа обусловлены совокупностью демографических, политических, исторических и экономических причин. Судьба народов России тесно связана с ее историей, которая своеобразно отразилась в характере расселения некоторых наций (депортации и миграции, обусловленные индустриализацией). Немаловажную роль имел сохранявшийся довольно долго высокий демографический потенциал этих народов.

**Рис. 2. География связей
«Чувашского национального конгресса»**

Таким образом, объективно география распространения этно-культурных связей городов подтипа 2а несколько меньше, чем у городов 1 первого типа. Как правило, она ограничивается соседними территориями, что отражается и в географии национально-культурных центров титульных народов. Имеются и довольно обширные сети национально-культурных центров, например, у Чебоксар 67 центров, в том числе 10 в ближнем зарубежье, объединенных в Чувашский национальный конгресс (рис. 2). В то же время наименьшее количество наблюдается у Сыктывкара — 3. Столицы подтипа 2б отличаются историческим статусом, а также исторически сложившейся геотерией влияния, ограниченной возглавляемыми ими уездами.

Подтип 2б представлен республиканскими столицами, обладающими непродолжительным опытом управленческих функций. В дореволюционный период они имели статус заводских поселков, сельских поселений или заштатных городов, к ним относятся Ижевск, Улан-Удэ, Абакан, Майкоп, Элиста. В советский период города получили статус столиц автономных республик или как в случае с Майкопом — столиц автономных областей. Их объединяет довольно небольшая этнокультурная геотерия. Столицы возглавляют национальные образования, титульное население, которых расселено довольно компактно в пределах самой республики и ее соседей. Примером может служить география связей «Удмурт Кенеш» — Всеудмуртской ассоциации, объединившей 8 национально-культурных центров, расположенных в соседних регионах и в Москве (рис. 3).

Рис. 3. География связей «Удмурт Кенеш»

Подтип 2в объединяет республиканские столицы, в прошлом не имевшие управленческого опыта и возглавившие в советский период многонациональные республики Северного Кавказа — Нальчик, Махачкала, Черкесск. Историческая судьба народов, проживающих в пределах национальных республик Северного Кавказа, довольно сложная и связана с периодами депортации в восточные районы страны. Границы северо-кавказских республик часто менялись, что отразилось не только на динамике этнической концентрации и локализации этносов в республиках, но и на статусе столиц и их роли в этнической консолидации народов. В силу сложившихся обстоятельств география этно-культурных связей республиканских столиц этой группы ограничена территорией Северного Кавказа, более того, в этих республиках довольно слабо представлена деятельность общественных национальных объединений и ассоциаций, что по-видимому является следствием многонациональности. Например, в Махачкале — столице многонациональной республики — деятельность

национальных ассоциаций вообще не зафиксирована. В силу невозможности введения 14 государственных языков, по числу наиболее представительных народов республики, государственным языком в республике является лишь русский. Первыми вопрос о национальном обществе подняли кумыки, однако их деятельность ограничена выпуском бюллетеня на кумыкском языке, в то же время отсутствуют внешние национальные связи кумыкского национально-культурного общества, выходящие за пределы республики. У других народов подобные движения не зафиксированы.

3-й тип представлен малыми городами с населением менее 100 тыс. человек, с непродолжительным опытом управленческих функций. Эти города имели в дореволюционный период статус сельских поселений или заштатных городов — Горно-Алтайск, Биробиджан, Анадырь, Нарьян-Мар, Дудинка. В советский период они были центрами автономных областей и округов. Возглавляемые ими территории слабо заселены и освоены. Столицы можно лишь условно называть этно-культурными центрами проживающих здесь народов. Низкая урбанизированность регионов и слабая городская сеть позволяют национальным центрам де-юре и де-факто оставаться лидерами своих регионов.

4-й тип включает малые города с населением менее 100 тыс. человек, получившие статус городов во второй половине XX в. и динамично развивающиеся в начале XXI в. благодаря нефте-газовым ресурсам — Салехард и Ханты-Мансийск. Сравнительно высокие финансовые возможности нефте-газовых регионов определили развитие социально-культурной сферы и интерес к возрождению традиций коренных северных народов. В свою очередь, это сказалось на развитии городской среды центров автономных округов. Специфика городов в том, что Салехард и Ханты-Мансийск отличаются распространением объектов массовой культуры, они раньше остальных республиканских центров получили доступ к глобальной культуре. Однако их роль в качестве консолидирующего центра северных этносов невысока.

Наибольший интерес для качественного исследования социокультурной среды городов представляют города первого и второго типа, именно они изучались с помощью социологических методов. В качестве ключевых городов были выбраны города первого типа — Казань и Уфа, города второго типа, подтипа 2а — Чебоксары и Сыктывкар, город подтипа 2б — Ижевск, город подтипа 2в — Махачкала³.

³ Опрос проводился в 2007 г., в каждом городе опрашивалось по 100 человек, выборка была целевой, квотной.

Согласно выбранному методологическому подходу, основанному на сочетании объективных и субъективных активов развития социально-культурного пространства города, был проведен сравнительный анализ результатов опроса экспертов и жителей ключевых городов.

Уникальность социально-культурного потенциала столиц национальных республик России отметили респонденты всех обследованных городов (рис. 4). Неслучайно респонденты, выбирая варианты отличия столиц национальных республик от областных центров, остановились на интенсивности и разнообразии культурной жизни в городе.

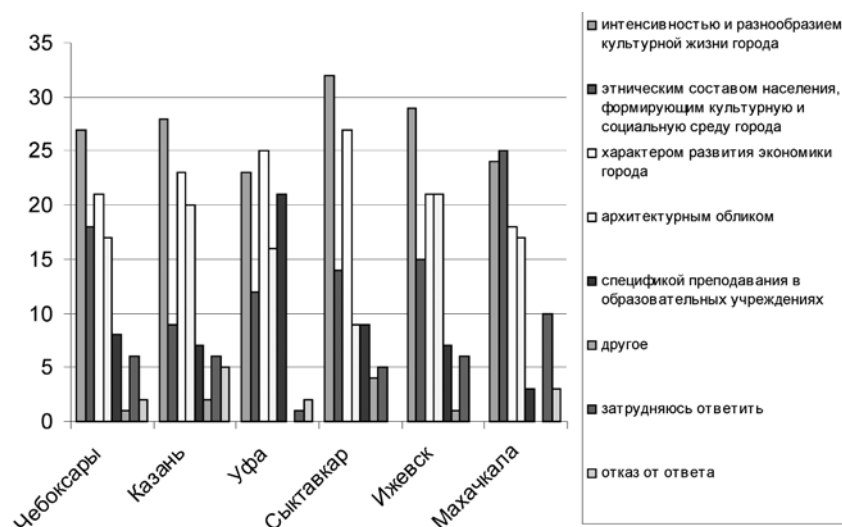

Рис. 4. Чем, по-вашему, отличается город — столица республики от города — областного центра?

Для подтверждения количественных данных функционирования учреждений культуры было проведено сравнение результатов ответов респондентов 6 городов, характеризующее характер посещений этих учреждений (рис. 5, 6, 7). Сравнение результатов ответов респондентов по библиотекам, театрам и музеям в целом не позволило выявить типологических различий между городами разных типов и подтипов. В посещении библиотек доминирует периодичность раз в неделю и раз в месяц, а театров и музеев — реже — раз в полгода и реже чем раз в год.

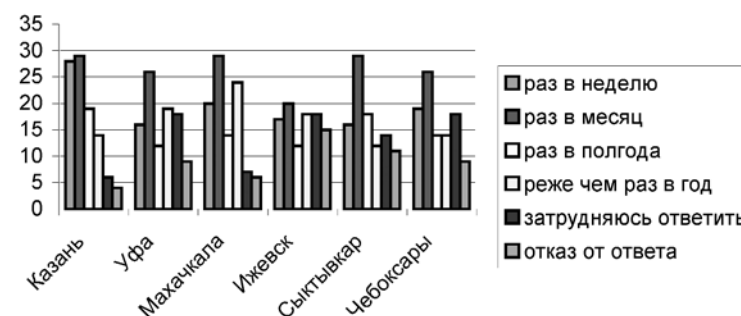

Рис. 5. Как часто Вы посещаете библиотеку?

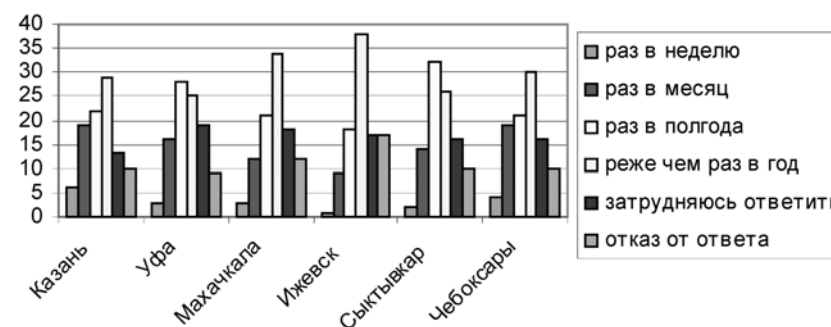

Рис. 6. Как часто Вы посещаете театр?

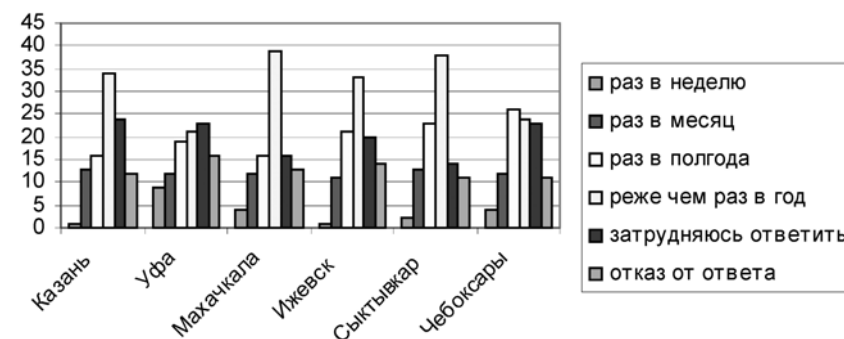

Рис. 7. Как часто Вы посещаете музей?

Результаты оценки количественных данных, характеризующих деятельность институтов образования, сопоставлялись с отношением горожан к инновациям (рис. 8). В результатах ответов на вопрос: «Участвовали ли Вы в последние 5 лет в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация и т.п.)?» выявились некоторые отличия между типами городов. Удельный вес участвовавших в качестве организаторов или наряду с другими в городах 1-го типа меньше, чем в городах 2-го типа, подтипа 2а и 2б.

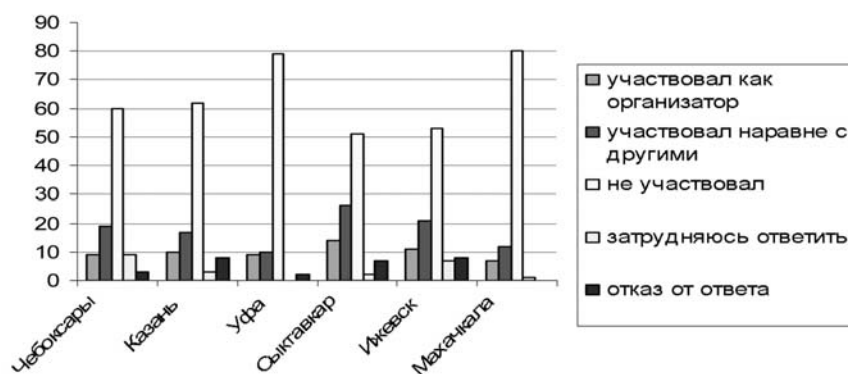

Рис. 8. Участвовали ли Вы в последние 5 лет в создании или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация и т.п.)?

Подобная же картина получилась при анализе результата ответов респондентов на вопрос, характеризующий гражданскую активность горожан (рис. 9).

Формирование синтетического и целостного представления о культурном потенциале национальных столиц требует исследования особенностей этнокультурных связей и сетей отношений. Одним из индикаторов роли этнических связей в социальных отношениях являются семейные и профессиональные отношения. Ответы респондентов на вопрос о важности этнических браков продемонстрировали высокую роль последних в Казани, Уфе — городах 1-го типа и Махачкале — городе подтипа 2в (рис. 10).

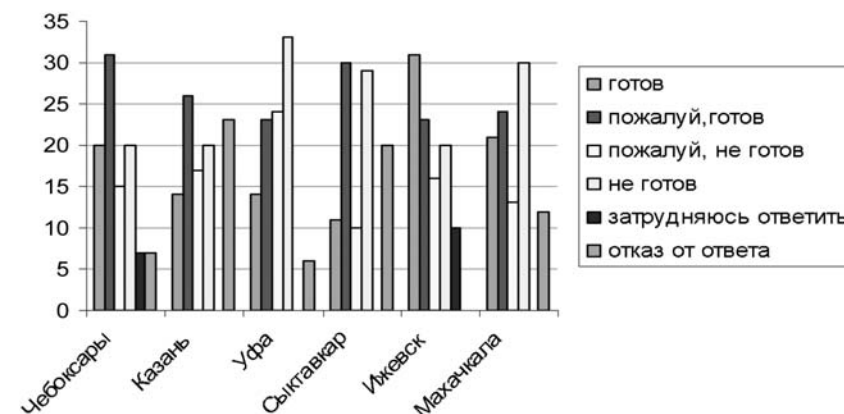

Рис. 9. Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?

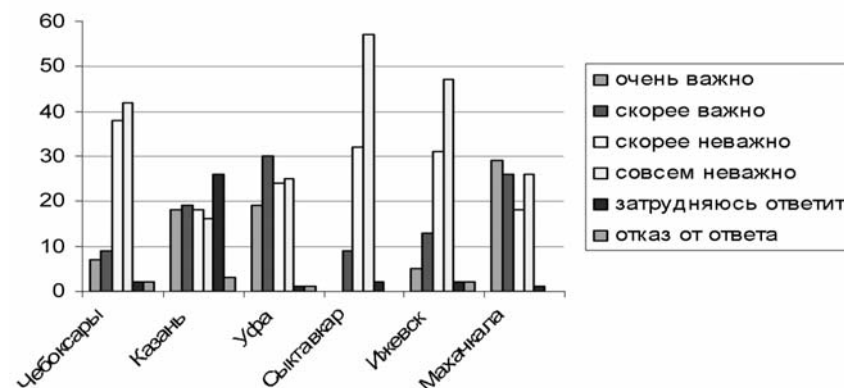

Рис. 10. Насколько важно для Вас, чтобы мужем или женой Вашего ребенка был человек именно Вашей национальности?

Подобное же соотношение ответов респондентов изучаемых городов продемонстрировали ответы о профессиональных связях. Важность этнического совпадения отметили жители Казани, Уфы и Махачкалы (рис. 11). В двух последних случаях, по-видимому, этничность коррелирует с исламом. В республиках, возглавляемых Уфой, Казанью и Махачкалой, проживают мусульмане, традиции и образ жизни довольно сильно отличаются от православных, что и опре-

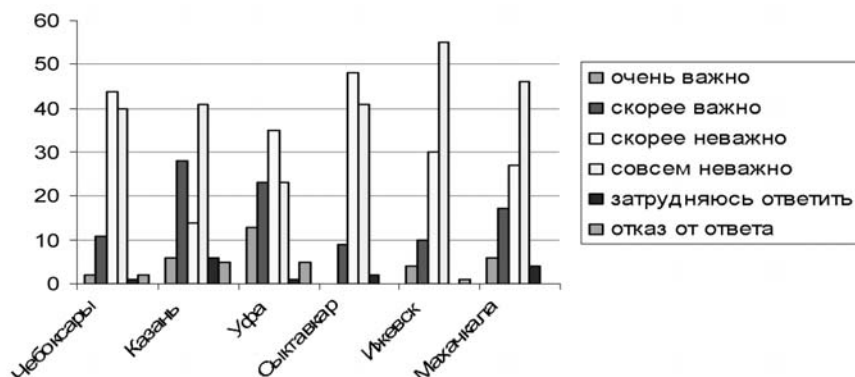

Рис. 11. Насколько важно для Вас, чтобы Вашим руководителем был человек именно Вашей национальности?

делило важность моноэтнических семей и важность этнической однородности на работе.

Таким образом, материалы комплексной оценки культурного потенциала 1-го и 2-го типов городов — столиц национальных республик позволяют сделать некоторые выводы.

Культурный потенциал городов 1-го типа объективно выше, шире и геотерия этнокультурного влияния столиц. В то же время заметим, что в Казани особенно, а также в Уфе проявляются эффекты глобализации, которые отчасти нивелируют субъективные оценки горожан к этнокультурной специфике городской среды. В городах-миллионниках сильнее проявляется столкновение глобальных и региональных аспектов социально-культурного развития городов.

Города подтипов 2а и 2б имеют оптимальное соотношение объективных факторов культурного потенциала, позволяющее не просто сохранять, но и развивать этническую культуру регионов, это подтверждается и результатами ответов респондентов.

В городах подтипа 2в, в силу полиэтничности регионов и столиц, условия развития этнокультурной среды затруднены. На данном этапе следует говорить о сохранении этнического разнообразия и самобытности столиц, возглавляющих многонациональные республики.

Литература

1. Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2003, 328 с.
2. Крылов М.П. Пространственная организация региональной идентичности в Европейской России// Города и городские агломерации в региональном развитии. Сб. матер. XX ежегодной сессии МАРС/ под ред. Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 2003, С. 103–112.
3. Лаппо Г.М. Формирование сети городов на территории России / Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 19–32.
4. Лапин Н.И. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике / Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов»/ Под ред. Н.И. Лапина, М.: ИФРАН, 2006. С. 107–170.
5. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т 2./ Национальный общественный фонд / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин: Гл. ред. В.Н. Иванов. — М.: Мысль, 2003, 863 с.
6. Трифонова З.А. Оценка социально-культурного потенциала центров национально-территориальных образований России // Известия РАН. Сер. Географическая. 2008. № 3.
7. Чебоксары // Энциклопедический словарь. Том 38. Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона, С.-Петербург, 1903, с. 448–449.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Административно-территориальное реформирование одна из ключевых проблем совершенствования территориальной организации российского общества. Стратегия развития Российской Федерации предполагает сохранение ее целостности с учетом максимального использования ресурсов каждого региона и муниципального образования. Возрождение России целесообразно осуществлять путем саморазвития, самоорганизации всех ее территорий, повышения уровня и качества жизни населения, интенсификации и модернизации макро-, мезо- и микроэкономики, формирования благоприятной для человека среды жизни.

В этой связи приоритетными становятся направления по совершенствованию территориальной организации жизнедеятельности людей на всех таксономических уровнях, прежде всего, на региональном.

Совершенствование административно-территориального устройства в современных условиях на региональном уровне обусловлено становлением в России местного самоуправления. Процесс административно-территориальных преобразований в регионах-субъектах РФ получил новый импульс с принятием 6 октября 2003 г. федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Регион — это органически целостная территория, для которой характерна общность генезиса и взаимосвязанность всех компонентов, большая степень устойчивости и интенсивности внутренних связей и отношений по сравнению с внешними. В границах региона формируется взаимодействие всех сфер жизнедеятельности людей и экологической среды, способность к саморазвитию и самоорганизации.

Наиболее актуальными направлениями совершенствования региональной организации жизнедеятельности населения являются:

- пространственный (территориальный) аспект организации жизнедеятельности населения;

- повышение эффективности функционирования реального сектора экономики и социальной сферы муниципальных образований;
- становление и развитие территориального управления на основе целесообразного сочетания регионального управления и местного самоуправления.

Региональная организация жизнедеятельности населения представляет собой интеграцию структуры, динамики и управления. Территориальная организация жизни населения на региональном уровне имеет объективный характер, как явление реализуется в форме административно-территориальных единиц (АТЕ), муниципальных образований, территорий общественного самоуправления (ТОСУ), а как процесс — проявляется в постоянном пространственно-временном воспроизводстве всех сфер жизнедеятельности населения.

Совершенствование пространственной организации и самоорганизации жизнедеятельности населения на региональном уровне представляется возможным осуществить на основе детально-регионального подхода с учетом циклов жизнедеятельности населения. Он основывается на методах социально-экономического микрорайонирования, результатом использования которого становятся иерархически организованные таксоны: нано-, топо-, микрорайоны. Их формирование происходит в процессе функционирования и жизнедеятельности людей, адаптации и синтеза всех видов деятельности, локализации, концентрации и децентрации населения, появления поселений разного ранга, что, в свою очередь, будет способствовать реализации административно-территориального реформирования на региональном уровне.

По принципу компактности проживания и реализации общих интересов формируются нанорайоны в пределах отдельных населенных пунктов в сельской местности, а в городской местности — в форме городских микрорайонов. Нанорайоны — это территории общественного самоуправления (ТОСУ).

В границах топорайонов осуществляется жизнедеятельность населения с учетом пространственно-временных параметров перемещения, реализуются трудовая, политическая, рекреационная, семейно-бытовая и др. функции. Топорайоны представляют собой муниципальные образования, как правило, поселенческого уровня.

Социально-экономические районы топоческого уровня, являясь ячейками разносторонней жизнедеятельности населения, сохраняют свое строение в территориальной структуре таксонов более высокого ранга. Особенно отчетливо это наблюдается на уровне социально-экономических микрорайонов (округов), в границах которых возможно

осуществление межмуниципального сотрудничества, практическая реализация инновационной и инвестиционной деятельности региона.

Социально-экономические округа (микрорайоны, внутриобластные районы) — это целостные территориальные совокупности всех сфер жизнедеятельности людей, которые функционируют как объективные ячейки жизни общества и как звенья в рыночной структуре и системе территориального разделения и интеграции труда, услуг, культуры, информации и т.д. Для них характерны такие черты как компактность и контактность территории, сформировавшаяся территориальная общность людей, локальное хозяйственное сочетание, единое инфраструктурное обустройство, включающее производственное, социальное, рыночное, экологическое, информационное, правовое и другие виды обслуживания. Пространственные параметры округов формируют входящие в их состав муниципальные образования (городские и сельские поселения, муниципальные районы).

Социально-экономические округа формируются на основе межмуниципальных связей и отношений, включают в свой состав несколько муниципальных образований, имеют лидирующий центр — ядро социально-экономического притяжения окружающей городской и сельской местности. Функцию ядра будет выполнять муниципальное образование с мощным влиянием на прилегающую территорию (городское поселение).

Административно-территориальное деление и социально-экономическое районирование — два основных взаимообусловленных вида территориальной дифференциации. Цель административно-территориального деления заключается в осуществлении текущей организации и управлении хозяйственной деятельностью, процессами жизнедеятельности населения. Социально-экономическое районирование — действенный механизм оптимизации территориальной структуры региона, базис для совершенствования административно-территориального устройства субъектов РФ и операционная единица территориального прогнозирования, программирования, планирования и управления.

Опыт реализации на территории Воронежской области федерального закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» выявил ряд проблем, которые необходимо учесть при проведении административно-территориального реформирования на региональном уровне.

По состоянию на 9 октября 2002 г. административно-территориальное деление Воронежской области было представлено следующими АТЕ:

- административные районы — 32;
- города — 15 из них:
- города областного подчинения — 7 (Воронеж, Борисоглебск, Россошь, Лиски, Нововоронеж, Острогожск, Поворино);
- внутригородские районы областного значения (г. Воронеж) — 6;
- города районного подчинения — 8 (Бобров, Богучар, Бутурлиновка, Калач, Новохоперск, Павловск, Семилуки, Эртиль);
- поселки городского типа — 21;
- сельсоветы — 493⁴.

На момент принятия Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ от 06 октября 2003 г. в Воронежской области муниципальными образованиями являлись и районы, и внутрирайонные территории (сельсоветы). Всего на территории было выделено 520 муниципальных образований, из них 32 района, 2 города (Воронеж, Нововоронеж), 10 городских поселений и 476 сельских муниципальных образований.

В результате проведенных административно-территориальных преобразований в области было сформировано 534 муниципальных образований двух уровней, в том числе:

- муниципальных районов — 31;
- городских округов — 3 (Воронеж, Нововоронеж, Борисоглебск);
- городских поселений — 29;
- сельских поселений — 471⁵.

Таким образом, административно-территориальное деление Воронежской области на 01 января 2005 г. в соответствии с федеральным законодательством о местном самоуправлении изменилось незначительно. Был образован Борисоглебский городской округ путем объединения территорий г. Борисоглебска и Борисоглебского административного района, четыре города (Россошь, Лиски, Поворино, Острогожск) из областного подчинения переведены в районное, из 21 поселка городского типа 19 были преобразованы в рабочие поселки, сократилось число сельсоветов на 5 единиц.

Совершенствование административно-территориального устройства региона должно осуществляться с учетом направлений развития

⁴ Административно-территориальное деление Воронежской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. — Воронеж, 2004. — 67 с.

⁵ Административно-территориальное устройство Воронежской области: реестр (справочник) по состоянию на 01 января 2005 г. — Воронеж, 2005. — 116 с.

системы расселения городского и сельского населения. Воронежская область — территория длительного заселения и хозяйственного освоения. В системе расселения преобладают сельские населенные пункты.

Городское расселение характеризуется с одной стороны достаточно стабильной сетью городских поселений, а с другой — ее несовершенством. Из 15 городов области 1 — крупный (Воронеж), 3 — средние (Борисоглебск, Россошь, Лиски), 11 — малые, большая часть которых имеет численность населения до 25 тыс. человек. Большие города в регионе отсутствуют.

Сельское расселение характеризуется:

- преобладанием сельских населенных пунктов людностью до 500 человек, сокращением численности сельского населения, деформацией половозрастной структуры, резким ежегодным сокращением числа сельских населенных пунктов, неудовлетворительной инфраструктурной обеспеченностью.

В 1970 г. в среднем на 1 сельсовет приходилось 6 населенных пунктов и около 3000 человек сельского населения, в 2005 г. на 1 сельское поселение — соответственно 3,6 СНП и 1890 человек.

На примере пяти муниципальных районов Воронежской области — Верхнехавского, Грибановского, Панинского, Рамонского и Россошанского — было проведено исследование, позволившее сделать вывод о необходимости совершенствования административно-территориального устройства, начиная с муниципально-территориального деления поселенческого уровня в соответствии с критериями федерального законодательства о местном самоуправлении (доступность административного центра и численность населения сельского поселения).

Предлагаемые варианты нового муниципально-территориального устройства основаны на учете особенностей сложившейся локальной системы сельского расселения, уровня развития транспортной сети, сложившейся социально-экономической ситуации. В результате проведенного исследования была обоснована необходимость укрупнения сельских поселений и сокращения их числа в муниципальном районе в среднем в 3 раза.

Основной операционной единицей территориального управления на региональном уровне должен стать социально-экономический (муниципальный) округ. В границах Воронежской области обоснованы границы восьми социально-экономических микрорайонов (муниципальных округов) — Воронежского, Борисоглебского, Россошан-

ского, Лискинского, Павловского, Калачеевского, Бутурлиновского, Аннинского. Однако они пока не имеют юридического оформления.

Негативные последствия муниципально-территориальных преобразований возможно минимизировать путем регулярного проведения работы по информированности населения, повышению уровня законодательной культуры населения, повышению качества кадрового потенциала муниципальных служащих, эффективности управления и развития общественного самоуправления.

Таким образом, совершенствование административно-территориального устройства и региональной организации жизнедеятельности населения необходимо проводить на основе системного и мелко-регионального подходов с использованием методов социально-экономического микрорайонирования, программно-целевого управления, социально-экономического мониторинга.

Литература

1. Административно-территориальное деление Воронежской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. — Воронеж, 2004. — 67 с.
2. Административно-территориальное устройство Воронежской области: реестр (справочник) по состоянию на 01 января 2005 г. — Воронеж, 2005. — 116 с.
3. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу. — СПб., 2006. — 83 с.
4. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование как механизм административно-территориального реформирования региона // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез. докл. Всероссийской научной конференции. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 149–151.
5. Пономарева З.В., Шарыгин М.Д. Социально-экономическое районирование: вопросы методологии // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез. докл. Всероссийской научной конференции. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 151–153.

«ЖИВАЯ ТКАНЬ» РАССЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Сложившуюся сеть населенных пунктов С.А. Ковалев, крупнейший специалист в области географии населения назвал «живой тканью» расселения. Такое название вошло в науку не случайно. Поселения, как живые организмы, рождаются, достигают определенного расцвета, стареют и исчезают. У разных типов поселений продолжительность жизнедеятельности разная. Истории известно немало городов, которые исчезли совсем. На их месте могли возникнуть поселения с другими названиями, а в некоторых случаях территория оставалась вовсе незаселенной. Поселения возникают для жизни и хозяйственной деятельности людей, при этом как население, так и его хозяйственная деятельность чрезвычайно динамичны. Население, его численность и структура трансформируются значительно быстрее, чем сеть поселений, которая является более инертной и архаичной. В этой связи между населением и поселениями зачастую возникает противоречие, так как более архаичные поселения не успевают за быстро возрастающими требованиями людей их населяющих. Тем не менее привнести новые формы материальной культуры в старые поселения значительно труднее, чем мигрировать. Если миграция достигает больших масштабов, то поселения сокращают свою людность или вовсе забрасываются. Это чаще всего касается сельских поселений. Во многих сельских населенных пунктах остались только старики, что свидетельствует о не менее важных противоречиях между поколениями.

Ж.А. Зайончковская в динамике расселения справедливо увидела процесс эволюции. Трансформация расселения имеет существенные региональные различия. На этот процесс влияет много факторов. Среди них на первый план выходят географические: разница в природных условиях, экономико-географическом положении и особенностях экономического развития территорий, этнокультурных особенностях населения. Эволюция характерна для всех типов поселений.

В период глобального роста урбанизации рост городов в России замедлился в связи с затянувшимся системным кризисом. Более того, некоторые малые города и поселки городского типа «разжалованы» в сельские поселения, да и большая часть крупных и средних городов также теряет население, то есть происходит процесс «сжатия» как отдельных поселений, так и их системы.

Нижегородская область, находясь в центральной части России, относится к исторически заселенным высокоурбанизированным территориям, где 11 из 28 городов возникли в период с XII по XVIII век, 8 — в довоенный и военный периоды, в 1950–1970-х гг. появилось 9 городов. Возникновение городов связано с процессом индустриализации области и близостью к столице. Из старинных городов, возникших еще в XVIII веке только Горбатов достиг максимума населения в 1970 г., затем постоянно его терял сейчас даже не достигает численности населения 1897 г. Это один из наиболее «неистинных» городов области, хотя принятой нижней границы численности населения не достигают еще 7 городов, из них 3 возникших в дореволюционное время.

В настоящее время в области один город-миллионер, 2 города с населением свыше 100 тыс. человек — Дзержинск и Арзамас, 6 городов с населением от 50 до 100 тыс. человек, меньше 10 тыс. человек зарегистрировано в четырех городах области. Степень «сельскости» таких городов видна в характере застройки, в отсутствии важнейших инфраструктурных коммуникаций.

Крупные города даже при уменьшении численности населения, в силу их инновативности, являясь очагами культуры, бизнеса, сервиса, безусловно играют главную роль в регионе. В то же время малые, а иногда и средние города изменяются незначительно, стареет их инфраструктура, и жители таких городов живут «ни в селе, ни в городе», сохраняя сельский образ жизни. Такие города называют «одноэтажной Россией». Для российской урбанизации в целом, а для Нижегородской области в частности, характерны сельские черты: городское огородничество, отсутствие средств благоустройства и коммуникации. Так, в Волго-Вятском районе водопроводом обеспечено 83% жилого фонда городов (в РФ 84%), канализацией — 79% (в РФ 81%)⁶.

Поэтому с 1989 г. наиболее устойчивый прирост населения обеспечивается в г. Сарове, где коммуникативная и социальная инфраструктура развита достаточно хорошо. Другие города имеют либо неустойчивый и незначительный прирост до 2002 г. (Кстово, Перевоз), либо систематическое сокращение населения. Даже Нижний Новгород, долгое время занимавший третье место по численности населения в стране, в 2002 г. опустился на пятое место в России, восемь малых городов области по численности населения не достигают установленного критерия, и некоторые из них сохраняют статус из-за получения его в период екатерининских реформ (Горбатов в 2005 г. — 2,4 тыс. человек, Лукоянов — 12,5 тыс., Княгинино — 6,6 тыс., Пере-

⁶ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М., 2001. С. 406.

Таблица 1. Динамика численности населения городов Нижегородской области (тыс. чел.).

№ п/п	Города	Год обра- зования	Численность населения										
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2005	2007		
1	Арзамас	1578	10,6		41,5	67,5	93,2	108,9	109,4	107,6	106,3		
2	Балахна*	1474	5,0	7,8	29,8	36,5	35,5	32,1	57,3	55,7	54,5		
3	Богородск	1923	1,9	14,9	29,9	36,5	37,3	38,4	37,1	36,8	36,4		
4	Бур	1938	x	x	42,0	55,4	62,4	64,5	61,5	78,5	76,9		
5	Ветуга	1778			10,0	9,8	10,0	10,1	9,6	9,4	9,4		
6	Ворсма	1955	x	x	10,8	13,0	13,9	13,6	12,6	12,2	11,9		
7	Володарск	1956	x	x	13,2	13,0	12,3	11,0	11,0	10,6	10,4		
8	Выкса	1934	x	x	43	46,3	53,7	61,1	61,7	59,6	57,9		
9	Горбатов	1779	3,9	3,3	3,6	4,6	4,2	3,6	2,7	2,5	2,4		
10	Городец	1152	7,0	11,2	27,0	34,2	35,7	34,2	32,4	31,9	31,5		
11	Дзержинск	1930	x	x	164,0	221,0	257,1	285,0	261,3	255,7	249,9		
12	Заволжье	1964	x	x	20,0	34,9	41,5	44,5	44,0	42,9	42,2		
13	Кстово	1957	x	x	24,4	48,3	58,8	64,2	67,0	66,1	65,4		
14	Кулебаки	1932	x	x	44,1	46,3	48,1	45,7	39,1	38,0	37,2		
15	Княгинино	1779			1,5	3,4	5,4	6,4	6,8	6,7	6,6		
16	Лукоянов	1779	2,1		7,0	10,2	11,4	12,3	12,9	12,7	12,5		
17	Лысково	1922	x	x	16,2	21,2	24,3	25,0	23,9	23,4	22,9		
18	Навашино	1957	x	x	12,5	16,7	17,5	18,9	17,8	17,4	16,9		
19	Нижний Новгород	1221	95,1	222,0	941,0	1170,0	1344,0	1438,1	1319,6	127,6	1278,3		
20	Павлово	1919	x	x	47,9	63,2	68,3	71,5	64,8	63,2	61,7		
21	Первомайск	1951	x	x	13,3	15,1	16,4	16,4	17,0	14,9	14,8		
22	Перевоз	1779	x	x	2,5	4,4	6,2	8,3	9,4	9,2	9,0		
23	Семнов	1779	3,7	6,0	19,8	23,6	25,2	26,2	25,3	25,0	24,6		
24	Сергач	1779	1,7	2,3	8,2	22,5	24,4	25,2	22,9	22,4	22,0		
25	Чкаловск	1955	x	x	11,6	13,8	14,6	15,0	13,9	13,4	13,0		
26	Шахунья	1943	x	10,2	21,3	16,7	20,9	22,3	21,7	21,6	21,4		
27	Саров	1954	x	x	x	x	x	80,0	87,7	88,0	87,8		
28	Урень	1973	x	x	10,6	13,4	13,1	13,5	12,6	12,2	11,8		

* В 1993 г. Правдинск вошел в состав Балахны, поэтому такой рост численности населения между переписями.

воз — 9,0 тыс. человек). Все они, кроме Горбатова, выполняют функции районных центров.

Очень большая трансформация произошла с поселками городского типа (ПГТ), которые определенное время занимали промежуточное положение между городскими и сельскими поселениями. Их возникновение в основном было связано со строительством промышленных предприятий, выполнением административных функций и функций «жилых филиалов» (Нижний Новгород, Дзержинск, Заволжье). Поэтому 19 ПГТ возникло в период с 1927 по 1940 г., 28 — с 1940 по 1960 г., и 16 — в 1960–1970-х гг. После 1977 г. было создано только 3 ПГТ: Выездное — 1981 г., Лукино и Первое Мая — 1991 г. В большинстве существующих ПГТ либо сокращалось население, либо оно стагнировало. В Нижегородской области в 2002 г. 20 ПГТ имели людность менее 3000 человек, что не соответствует установленным критериям. Они являются либо «жилыми филиалами» соседних городов, либо промышленными поселениями, частично или полностью утратившими градообразующие производства, либо курортными поселениями. Как правило, население оставалось стабильным в тех ПГТ, которые в дополнение к промышленным осуществляли административные функции, являясь организующими районными центрами окружающей территории.

К 2000 г. Правдинск вошел в состав Балахны, а некоторые населенные пункты повысили свой статус. Например, Княгинино и Перевоз стали городами еще в дореволюционное время (1779 г.), потом были преобразованы в сельские поселения (1925 г.), а затем в 1968 г. преобразованы в ПГТ с учетом численности их населения. В 2000 г. им был возвращен городской статус, хотя по критериям людности к категории городов они не могут быть отнесены. Эти нарушения установленных норм вносят разноречивость в научную классификацию и типологию поселений. Естественно отсутствие городских поселений в нижегородской глубинке негативно сказывается на экономическом, социальном и культурном развитии. Подтверждение этому — рост численности населения, последовавший за повышением статуса Княгинина и Перевоза. Для полноценного возрождения малых и средних городов, ПГТ необходимо проводить адресную региональную политику, инвестировать эти поселения, усложнять их функциональную структуру. Это предполагается сделать в пос. Сатис, который благодаря близости к г. Сарову может стать одним из российских технопарков.

Необходимость таких мер подтверждается тем, что к 2005 г. 6 ПГТ потеряли этот статус: в состав г. Бора вошли ПГТ Большое Пикино (2684 человека), Неклюдово (900) и Октябрьский (7222). В этом же районе в сельские поселения преобразованы ПГТ Керженец

(647 человек), Память Парижской Коммуны (3974) и Ситники (1349), утратившие промышленную градообразующую базу. ПГТ Бабино, насчитывавший 2427 человек, подчиненный Дзержинскому горсовету, потерял большую часть. Находившиеся в пределах его поселкового Совета населенные пункты Игумново, Петряевка, Юрьеvec и Колодкино переведены в категорию сельский поселений, хотя трудоспособное население, как и раньше, занято на предприятиях Нижнего Новгорода и Дзержинска. Жители сами пожелали перевода в разряд сельских поселений, так как у них есть льготы по размерам личных земельных участков и оплате ряда услуг.

Естественно, такая динамичность влияет на численность и долю городского и сельского населения Нижегородской области.

Наибольшая трансформация произошла в сети сельских населенных пунктов. По данным Д. Лухманова, количество сельских поселений Горьковской (Нижегородской) области за 1979–1988 гг. сократилось на 631, то есть более чем на 10%, 270 из 4850 населенных пунктов в 1989 г. не имели «зимнего» населения. В этот период вновь возникли только два сельских поселения.

Процесс исчезновения сел и деревень охватил всю Россию. «Ткань расселения» испытывает сжатие, оставляя значительные территории совсем не заселенными.

В то же время сельское население «стягивается» к городам, причем, чем крупнее город, тем заметнее это «стягивание». Происходит процесс укрупнения сельских поселений в пригородах, что, с одной стороны, является позитивным, так как улучшается решение социальных проблем селян, сельскохозяйственная продукция приближается к городским рынкам, удовлетворяя и селян, и горожан. Вместе с тем этот процесс имеет и негативные стороны: забрасываются пахотно-пригодные земли, увеличивается антропогенная нагрузка в пригородах, и они уже не привлекают горожан для рекреационных целей, так как экологическая обстановка здесь мало отличается от городской. К тому же крупные сельские поселения все больше концентрируются у городов и имеют тенденцию сливаться с ними. Субурбанизация ведет к встречному движению за счет расширения городской территории в сторону пригородов, строительства частных особняков. Из-за недостатка городов в нижегородской глубинке функции районных центров выполняют 8 крупных сельских поселений, численность населения в которых иногда больше, чем в ПГТ, кроме Уразовки (1,9 тыс. жителей), которая, как и весь Краснооктябрьский район, теряет население за счет миграций в сторону Москвы, где сформировалась значительная татарская диаспора.

Динамику сельских населенных пунктов можно проследить по таблице 2.

Таблица 2.

**Динамика сельского населения
и сельских поселений Нижегородской области
(По материалам Облстата)**

Годы	1970	1979	1989	2002	2005	2007
Численность населения Нижегородской области, тыс. чел.	3683	3712	3719	3524	3445	3381,3
в том числе сельского, тыс. чел.	1305	1023	853	769	749	722,5
Доля сельского населения, %	35,4	27,6	23,1	21,8	21,7	21,3
Число сельских населенных пунктов	6047	5482	4851	4852	4812	

С 1989 по 2002 г. исчезло 254 сельских поселения, вновь образовано 18. В 1994 г. вошли с Сокольским районом 242 поселка. Увеличивается количество поселений, которые полностью покинуло постоянное население. Характерно, что процесс «забрасывания» сельских поселений более ярко выражен либо на периферии области, либо в близости от городов. Так, населенных пунктов без населения в 2005 г., по данным территориального органа Госстата, по Нижегородской области насчитывается 414. В географической науке этот процесс получил название «обезлюдение». К примеру, в Городецком районе без населения оказались 60 сельских населенных пунктов, то есть 15% безлюдных поселений области, в Борском районе — 24 (5,8%), в Чкаловском — 32 (7,7%) таких поселении.

Вторую группу безлюдных поселений образуют села на северо-восточной окраине Нижегородской области, вдали от крупных городов, в стороне от дорог. Это связано с проблемами трудоустройства селян, сложностями на рынке сельскохозяйственной продукции, с ухудшением социальных и культурных условий жизни на фоне общей депопуляции населения. Так, в Сокольском районе населенных пунктов без населения 39, то есть 9,4% безлюдных поселений области, в Уренском — 23 (5,6%), в Ковернинском — 19 (4,6%) таких населенных пунктов.

В то же время, если рассматривать сеть сельских поселений по каждому из районов, то в периферийном Уренском районе населенные пункты без населения составляют 17,7%, в Шатковском — 16,5%, в Сокольском — 16,1%, в Тонкинском — 14,5%, в Княгинин-

ском — 14,8% всех сельских населенных пунктов данного района. С уверенностью можно утверждать, что сеть сельских поселений сжимается, сокращается плотность населения по периферийным районам, снижается заселенность и освоенность территорий для хозяйственной деятельности людей.

Численность сельского населения продолжает сокращаться как за счет депопуляции, так и за счет миграционной убыли. Несмотря на перевод в разряд сельских поселений ряда ПГТ, увеличивших сельское население на 8197 человек, в то же время естественная убыль составила 12267 человек, а миграционная — 531 человек⁷.

В 2004 г. были образованы 8 новых сельских поселений (Сосновский, Борский районы и горсовет г. Дзержинска), упразднены 31 сельский населенный пункт: в основном в Тоншаевском (13 поселений), Чкаловском, Борском, Ветлужском районах.

Средняя плотность населения в области, несмотря на ее снижение (в 1999 г. 49,8 чел./км²), почти в 6 раз превышает среднероссийские показатели. Наибольшая плотность населения складывается вокруг областного центра и вдоль железной дороги Нижний Новгород — Москва. Затем пятна более высокой плотности населения образуются вокруг промышленных центров. В то же время на периферии области расположены районы, в которых средняя плотность населения даже ниже среднероссийских показателей и именно здесь зафиксированы населенные пункты без людей.

Как правильно отмечает Д. Лухманов, «скорость распада соответственно, перетекания населения из умирающей части системы расселения в живую опережает те естественные темпы приспособления к меняющейся ситуации, которые доступны среднему человеку. Касается это как переселяющегося населения, так и остающегося... Происходит поляризация поселений по потенциальным возможностям выживания и развития. Она хорошо заметна при сопоставлении центральных и периферийных ареалов расселения на всех территориальных уровнях»⁸.

Сеть расселения, трансформируясь, меняет пропорции обжитых и пустующих земель. Вся заселенность Нижегородской области приобретает «пятнистый» характер. На фоне социальных противоречий возникают региональные различия в уровне и качестве жизни населения в поселениях разного ранга.

⁷ Население Нижегородской области на 1 января 1995 г. — Н. Новгород, 2006.

⁸ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М., 2001 г., С. 270.

Таблица 3.

**Динамика числа сельских населенных пунктов
по районам Нижегородской области (2002–2008 гг.)***

№ п/п.	Районы	Число сельских населенных пунктов			Доля от числа сельских населенных пунктов	2008 г.
		2002 г.	2005 г.	в т.ч. без населения		
	Нижегородская область	4853	4812	414	8,6	
1	Ардатовский	76	76	5	6,6	73
2	Арсамасский	103	103	2	1,9	93
3	Балахнинский	41	41	3	7,3	41
4	Богородский	143	143	6	4,2	143
5	Большеболдинский	56	56	4	7,1	56
6	Большемурашкинский	48	48	3	6,3	48
7	Борский	303	304	24	7,9	304
8	Бутурлинский	53	53	2	3,8	53
9	Вадский	46	46	5	10,9	46
10	Варнавинский	90	90	9	10,0	90
11	Вачский	117	117	5	4,3	117
12	Ветлужский	151	136	7	5,1	136
13	Вознесенский	60	60	3	5,0	59
14	Володарский	19	19	—	—	24
15	Воротынский	56	56	1	1,8	55
16	Воскресенский	163	163	3	1,8	162
17	Выксунский	43	43	5	11,6	43
18	Гагинский	67	67	1	1,5	67
19	Городецкий	435	435	60	13,8	434
20	Дальнеконстантиновский	98	98	2	2,0	98
21	Дивеевский	46	46	4	8,7	46
22	Княгининский	61	61	9	14,8	61
23	Ковернинский	191	191	19	9,9	
24	Краснобаковский	93	93	13	14,0	92
25	Краснооктябрьский	45	45	4	8,9	45
26	Кстовский	123	123	4	3,3	123
27	Кулебаковский	26	26	3	11,5	26
28	Лукояновский	71	71	6	8,5	70
29	Лысковский	100	100	5	5,0	100
30	Навашинский	49	49	1	2,0	49
31	Павловский	91	91	3	3,3	91
32	Первомайский	48	48	5	10,4	47
33	Перевозский	53	53	5	9,4	53

* Составлено автором по материалам Облстата «Население Нижегородской области» на 1 января 2005 г. — Н. Новгород, 2006 г.

34	Пильненский	72	72	1	1,4	72
35	Починковский	78	78	7	9,0	77
36	Семеновский	195	190	17	8,9	189
37	Сергачский	64	64	9	14,1	64
38	Сеченовский	61	61	6	9,8	61
39	Сокольский	242	242	39	16,1	241
40	Соновский	67	68	2	2,9	68
41	Спасский	44	44	—	—	44
42	Тонкинский	83	83	12	14,5	83
43	Тоншаевский	93	80	2	2,5	80
44	Уренский	130	130	23	17,7	129
45	Чкаловский	227	226	32	14,2	225
46	Шарангский	103	103	17	16,5	103
47	Шатковский	65	65	3	4,6	65
48	Шахунский	149	136	13	9,6	134

Сеть поселений меняется под влиянием большого числа факторов. Первостепенное значение имеют социально-экономические и политические, поскольку сеть поселений действительно живая, на ней отражаются все кризисные явления, причем «умирание» сельских населенных пунктов происходит значительно быстрее, чем их возрождение. И, хотя еще в начале 1990-х гг. была принята президентская программа «Возрождение малых и средних городов России», процесс их деградации продолжается, а уж сельские то населенные пункты вообще не привлекают внимания властных структур. Изложенные выше тенденции трансформации расселенческих структур в самом центре России со временем окажут необратимое влияние на развитие агропромышленного комплекса, а через него и на решение продовольственной проблемы в стране.

Литература

1. Города России под ред. Г.М. Лаппо // Энциклопедия. — М., 2003.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М., 2001.
3. Население Нижегородской области на 1 янв. 2005 г. — Н. Новгород, 2005.
4. Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. Город и деревня: конвергенция и дивергенция — В сб. Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. — М., 2005.
5. Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. — М., 2005.

Логинова Н.Н.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ И СЕМЕЙНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Современный демографический кризис в России во многом предопределен тяжелыми последствиями социальных потрясений XX в., а также социально-экономическими потерями переходного периода 1990-х гг. Уменьшение потенциала демографического роста на фоне сверхсмертности населения привела к сокращению рождаемости, убыли численности населения и ухудшению его половозрастной структуры. Динамика численности населения на территории современной России по данным переписей показана на рис. 1. Как видно из рисунка, на долю России в XX столетии выпали тяжкие испытания и одним из следствий, стало резкое снижение численности населения страны. Последствия демографических кризисов ощущаются страной в течение многих десятилетий. И одно из них — демографические волны, которые регулярно «накатывают» на нашу страну.

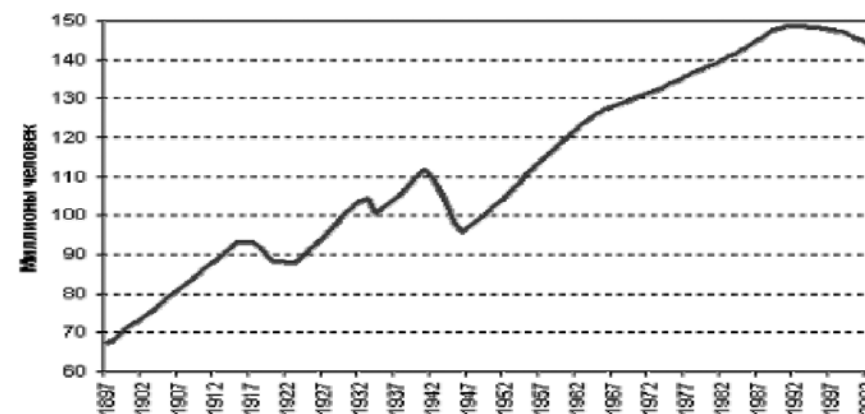

Рис. 1. Численность населения России, 1897–2002 гг., млн. чел.

Опасность сокращения численности населения России давала о себе знать с 1960-х гг. В это время начала снижаться численность сельского населения, а затем и городского. Из деревень шел массовый отток молодежи в города, что поддерживало рост городского населения, несмотря на низкую рождаемость у горожан. Однако в 1970-х гг. этот источник себя исчерпал, число новорожденных сокращалось, а смертность стала увеличиваться. Это и определило к началу 1990-х гг. падение численности населения почти на всей территории России.

С конца 1960-х гг. в России модель семьи, имеющей 2 детей, стала преобладающей. Рождаемость снизилась в 1990 г. до 13,4‰, в 2000 г. — до 8,7 и в 2007 г. увеличилась до 10,0‰, тогда как среднемировой показатель составил 21‰. Коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей на одну женщину) в мире был равен 2,7, в России — 1,3. Наименьшие значения коэффициентов рождаемости (7–9 на 1000 населения) в 2006 г. наблюдались в областях центральной части России (Ленинградской, Тульской, Воронежской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Курской областях, в Республике Мордовия и г. Санкт-Петербурге). Наибольшие значения коэффициентов рождаемости (25–14 на 1 000 населения) отмечались в национальных образованиях (республиках и автономных округах), например, в Чеченской Республике, республиках Тыва, Алтай, Дагестан, Саха (Якутия).

В масштабах страны с 2002 г. рождаемость имеет не четко выраженную тенденцию к росту, что в конкретных исторических условиях с учетом стратегических задач, стоящих перед Россией, не может расцениваться иначе как негативное явление (табл. 1).

Таблица 1.

**Коэффициенты рождаемости
в регионах России, ‰ [1, с. 76–77]**

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Российская Федерация	13,4	9,3	8,7	10,2	10,4
Центральный ФО	11,2	7,8	7,4	8,7	9,0
Северо-Западный ФО	12,0	7,9	7,7	9,4	9,4
Южный ФО	15,7	11,4	9,9	11,6	11,7
Приволжский ФО	14,0	9,4	8,8	10,0	10,1
Уральский ФО	13,5	9,2	9,2	11,0	11,4
Сибирский ФО	14,6	10,0	9,7	11,5	11,6
Дальневосточный ФО	15,4	10,4	9,7	11,6	11,5

В обозримом будущем трудно рассчитывать на изменение репродуктивного поведения россиян. За короткий период репродуктив-

ные планы семей заметно изменились в сторону уменьшения количества детей, хотя, конечно, есть и исключения.

Одно из отрицательных явлений складывающейся демографической ситуации — постоянно возрастающее число рождений детей вне зарегистрированного брака. В 1970 г. не состоящими в браке женщинами было рождено 201 тыс. детей, в 1998 г. — 346 тыс. (27% от общего числа родившихся) и 2005 г. — 437 тыс. (30%). Тенденция увеличения числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака, отмечается с середины 1980-х гг., но тогда число внебрачных детей не превышало 12–13% от общего числа родившихся. В последние несколько лет за счет рождения вне зарегистрированного брака ежегодно появляется около 300 тыс. неполных семей, дети в которых с первого дня рождения ущемлены не только в материальном отношении. При сложившейся тенденции можно предполагать существенное увеличение числа семей, которые изначально являются неполными со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями.

Смертность — важнейший демографический процесс, под которым понимают вымирание поколения. Смертность населения — вторая главная компонента демографического воспроизводства. С конца 1960-х гг. общий коэффициент смертности устойчиво возрастал, достигнув в 1990 г. 11,2‰, в 2000 г. — 15,3 и в 2005 г. — 16,1. В 2007 г. впервые за последние 9 лет показатель смертности снизился и составил 15‰. Обратим внимание на значительный рост смертности за последние 15 лет и на определенное постоянство территорий, имеющих наиболее низкие и наиболее высокие значения показателей смертности. Так в группу территорий с наиболее низкими значениями общих коэффициентов смертности (3–9 на 1000 населения) в 1990 г. и в 2006 г. входили регионы, расположенные на юге Европейской части России (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия) и в Азиатской части России (Якутия, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО). На более высокие значения показателей общей смертности населения (25–20 на 1000 населения) в 2006 г. регистрировались на территориях Нечерноземной зоны РФ — в Псковской, Тверской, Новгородской, Ивановской, Смоленской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Ленинградской областях (табл. 2). Основные причины, приводящие к более высокой смертности населения, по-видимому, достаточно сложны. Они зависят от значения показателей смертности в разных возрастах, от возрастной структуры населения, уровня и качества жизни и многих других факторов.

Таблица 2.

Коэффициенты смертности в регионах России, ‰ [1, с.78–79]

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Российская Федерация	11,2	15,0	15,3	16,4	15,2
Центральный ФО	13,2	17,0	17,0	17,9	16,7
Северо-Западный ФО	11,1	15,9	16,4	18,4	16,6
Южный ФО	11,2	13,5	13,3	13,6	12,8
Приволжский ФО	10,9	14,5	15,3	16,5	15,6
Уральский ФО	9,7	13,9	14,4	15,2	13,8
Сибирский ФО	10,1	14,3	14,6	16,2	15,1
Дальневосточный ФО	8,2	12,8	13,2	14,9	14,0

В регионах России все еще высокой остается детская смертность. Сопоставление российских показателей с зарубежными данными указывает на существование значительного разрыва, причем не в пользу России. Этот разрыв сформировался не вдруг и не сразу. С середины 1960-х гг. в России началось ухудшение показателей смертности всего населения. На этом фоне было заметно замедление снижения смертности детей. Однако снижение младенческой смертности продолжалось до начала 1970-х гг., когда показатель составил 21,2‰ (что было в 2 раза выше, чем на Западе). С 1971 по 1976 г. показатель рос и достиг 25‰. Потом началось новое быстрое его снижение (табл. 3). В странах ЕС, США и Японии показатели младенческой смертности все еще в 2–3 раза ниже, чем в России.

Показатели смертности детей на региональном уровне также очень различаются. В частности, смертность детей на востоке страны заметно выше, чем на западе. Повышенной смертностью отличаются Дальневосточный, Сибирский и Южный ФО. Вполне благополучная ситуация сложилась в Санкт-Петербурге и Москве, Ярославской, Самарской, Тюменской областях, Краснодарском крае, Республиках Татарстан, Мордовия и Чувашия.

Таблица 3.

**Коэффициенты младенческой смертности
в регионах России, ‰ [1, с.80–81]**

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Российская Федерация	17,4	18,1	15,3	12,4	10,2
Центральный ФО	16,0	16,5	13,6	11,6	8,8
Северо-Западный ФО	16,4	16,5	12,8	10,4	7,7
Южный ФО	18,5	19,0	16,9	12,4	12,6
Приволжский ФО	16,7	18,1	14,4	12,2	9,9
Уральский ФО	17,1	18,8	15,4	11,7	9,1
Сибирский ФО	19,4	19,2	17,6	13,9	11,4
Дальневосточный ФО	18,8	20,5	18,6	15,9	12,5

Главные причины смерти на 1 году жизни в России: состояния, возникающие в перинатальном периоде, врожденные аномалии и болезни органов дыхания. Из нашего анализа следует, что существует огромный резерв снижения младенческой смертности. Смертность детей в возрасте до 1 года может быть предотвращена усилиями современной медицины.

Наиболее информативным показателем, характеризующим состояние и перспективы воспроизводства населения, является коэффициент естественного прироста. Рассмотрение эволюции этого показателя приводит к неутешительным выводам — если в 1990 г. только для 22 из 89 административных территорий России коэффициент естественного прироста был отрицательным, то в 1996 г. он был отрицательным уже для 72 территорий, а в 2006 г. — для 68 территорий.

Естественный прирост населения России уменьшается с середины XX в. В 1992 г. начался период затяжной депопуляции. Долговременная, затяжная депопуляция ставит под вопрос «бессмертие» популяции — главную цель демографической безопасности (табл. 4).

Таблица 4.

**Коэффициент естественного воспроизводства
в регионах России, ‰ [1, с.82–83]**

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2006 г.
Российская Федерация	2,2	–5,7	–6,6	–6,2	–4,8
Центральный ФО	–2,0	–9,5	–9,6	–9,3	–7,7
Северо-Западный ФО	0,9	–8,0	–8,7	–9,0	–7,2
Южный ФО	4,5	–2,1	–3,4	–2,0	–1,1
Приволжский ФО	3,1	–5,1	–6,5	–6,5	–5,5
Уральский ФО	3,8	–4,7	–5,2	–4,2	–2,4
Сибирский ФО	4,5	–4,3	–4,9	–4,7	–3,5
Дальневосточный ФО	7,2	–2,4	–3,5	–3,3	–2,5

В режиме депопуляции живут многие развитые страны Запада. И перспектива сокращения численности населения представляется наиболее вероятным сценарием развития всего Европейского региона. Однако, процессы естественного воспроизводства в России и развитых странах имеют принципиально различную природу. Депопуляция в России происходит под двойным давлением: 1) низкой общей рождаемостью (10‰) и суммарной рождаемостью (1,3) и 2) катастрофически высоким уровнем смертности (15‰). В 2006 г. естественный прирост был зафиксирован только в 20 субъектах Российской Федерации. Если в 1990 г. отрицательное значение коэффициента естественного прироста было зафиксировано только для территорий Центральной России (Смоленской, Псковской, Новгородской, Ленин-

градской, Костромской, Владимирской, Ярославской, Ивановской, Тверской, Московской, Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской, Орловской, Тамбовской, Липецкой, Курской областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга и Краснодарского края), то для остальных территорий он оставался положительным. В 2007 г. высокий естественный прирост населения наблюдался в только Чеченской Республике (19,8‰), Ингушской Республике (10,2‰), Республике Дагестан (9,6‰), Ямало-Ненецком АО (7,7‰), Ханты-Мансийском АО (6,4‰), Республике Тыва (5,4‰), Республике Саха (Якутия), Чукотском АО. В Тульской, Тверской, Ивановской, Смоленской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Курской, Нижегородской областях и др., где наиболее сильно выражено «старение» населения, коэффициент естественной убыли был наибольший — (14–11 на 1000 населения). Таким образом, за счет естественного воспроизводства население увеличивается только в группе районов с крайне низким уровнем социально-экономического развития. Для этих субъектов РФ характерны пониженная смертность и доля пожилых людей, высокая рождаемость и доля молодежи (рождаемость в 2 раза выше, чем в среднем по РФ), а для субъектов Центральной России характерен высокий естественный отток населения.

Следует отметить, что описанные выше тенденции снижения коэффициента естественного прироста являются весьма устойчивыми, поскольку они складывались на протяжении последних 20–40 лет, а современные социально-экономические процессы только усугубили их проявление. Депопуляция — сокращение численности населения страны и ее отдельных территорий, является исключительно нежелательной реальностью России с точки зрения перспектив ее исторического развития и возможностей перестройки хозяйства и преодоления экономического кризиса.

Подсчеты показывают, что при сохранении нынешних тенденций население большинства регионов России будет уменьшаться. Население Земли увеличится и к 2025 г. составит 7965 млн. чел., к 2050 г. — 9 294 млн. чел., а России уменьшится и составит соответственно: 129 и 104 млн. чел. По оценке профессора А.А. Антонова к 2060 г. число русских может уменьшиться до 40 млн. чел. К 2050 г. доля детей до 15 лет уменьшится вдвое, а доля пожилых возрастет в полтора раза. Воспроизводственный потенциал населения будет практически исчерпан. Экономическая нагрузка на трудоспособное население значительно возрастет. Этот статистический вывод выглядит значительно тревожнее, чем иные мрачные прогнозы. Следует отметить, что происшедшие в регионах России (и отнюдь не позитивные) демографические перемены становятся необратимыми.

Не стала исключением и Республика Мордовия. На фоне России и Приволжского ФО Мордовия выделяется высокими темпами сокращения численности населения, очень низкой рождаемостью, высокой смертностью и значительной естественной убылью. Катастрофическая демографическая ситуация сложилась в сельской местности, где проживает 40% населения республики: K_p — 7,8‰; $K_{см}$ — 21,0‰; E — 13,2‰. Причины, вызвавшие данные процессы, сформулировать не просто. Но следует отметить, что в последние годы в Республике Мордовия произошла трансформация института семьи, проявлением которой стали такие последствия, как сокращение рождаемости, нестабильность семьи, рост количества разводов, появление большого количества неполных семей, бездетных семей, сознательный отказ от рождения единственного ребенка, развитие альтернативных форм семьи, обострение проблем семей, нуждающихся в социальной защите.

В период с 2000 по 2006 г. в РМ количество браков незначительно увеличилось с 5334 до 5819, а разводов — уменьшилось: с 3145 до 3101. Коэффициент брачности в 2006 г. составил 6,8‰, а разводимости — 3,6‰ [2, с. 78].

Одна из основных проблем современной семьи в Мордовии — низкий уровень денежных доходов и материальной обеспеченности. Большинство других проблем можно считать производными, вытекающими из сложного материального положения семей.

С 2000 по 2006 г. денежные доходы населения республики увеличились более чем в 4 раза и составили 4878,5 руб. в среднем на душу населения в месяц. Однако среднедушевой денежный доход населения РМ в 2 раза ниже, чем в среднем по России, например, в июне 2007 г. денежные доходы в расчете на душу населения сложились в сумме 12 202 руб., а в республике — 6043,5 руб. Однако, несмотря на низкий уровень среднедушевых доходов, покупательная способность населения растет. Соотношение среднедушевого денежного дохода и величины прожиточного минимума в 2006 г. составило 170,8%, а в I полугодии 2007 г. — 167,5%. В результате заметно стала снижаться численность бедного населения. В 2000 г. уровень бедности в Мордовии составлял 52,9%, а в 2006 г. — 29,0%. В I полугодии 2007 г. доля бедных снизилась до 24,2% [2, с. 135–137].

Для подавляющей части занятого населения заработная плата является основным, а часто и единственным источником доходов, следовательно, уровень жизни населения во многом зависит от ее величины. За период с 2000 по 2006 г. среднемесячная начисленная заработная плата по Мордовии выросла в 5,8, а по России — в 4,8 раза

и в I полугодии 2007 г. она достигла 7245,4 руб. Однако уровень средней заработной платы в 1,7 раза отстает от среднероссийского. По сравнению с регионами Приволжского ФО уровень среднемесячной заработной платы в Мордовии невысок. По данному показателю за 2000–2006 гг. республика занимала предпоследние места, опережая лишь Республику Марий Эл, в ряде случаев Чувашскую Республику и Пензенскую область.

На фоне низкой заработной платы в республике снижается уровень безработицы: если в 2000 г. ее зарегистрированный уровень составлял 2,0% к экономически активному населению, то в 2005 и 2006 гг. — 1,5%. На 1 июля 2007 г. уровень зарегистрированной безработицы составил 1,1% (4,9 тыс. чел.), коэффициент напряженности — 0,8. В то же время уровень общей безработицы значительно превышает уровень зарегистрированной безработицы: на 1 июля 2007 г. он составил 4,5% от общей численности экономически активного населения (20 тыс. чел.) [2, с. 131].

Республика имеет неплохие показатели обеспеченности населения жильем. Если в 2000 г. площадь жилья, приходящаяся в среднем на одного жителя, составляла в среднем 19,6 м², то в 2006 г. — 22,5 м² (табл. 5).

Обеспеченность жильем в городской местности почти на 5 м² (в расчете на одного жителя) ниже, чем в сельской местности. Снижается и число семей, стоящих на учете по улучшению жилищных условий: в 2000 г. доля таких семей составляла 17,8%, в 2006 г. — 6,7%. Однако доля семей, ежегодно улучшающих жилищные условия, в общей численности семей, стоящих на учете, остается очень низкой: в 2006 г. она составила 5,6%.

Актуальной задачей в сфере улучшения демографической ситуации в РМ является социальная поддержка семей с детьми, находящихся в сложной жизненной ситуации. Число семей, состоящих на учете в органах социальной защиты, как и численность воспитываемых в этих семьях детей, сокращается медленно (табл. 6).

В 2006 г. органы социальной защиты населения республики осуществляли социальный патронат над 54 137 семьями, в которых воспитывалось 69 728 детей. Ежегодно до 70% семей, состоящих на учете, получают различные виды адресной социальной поддержки. В 2006 г. адресную помощь получили более 40 тыс. семей с детьми.

Меры социальной поддержки семей, имеющих детей, не ограничиваются денежными выплатами. Например, в период 2000–2006 гг. число семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия, увеличилось в 2,5 раза (2001 г. — 472 семьи, 2006 г. — 1194 семьи),

в то же время в 2 раза уменьшилось число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий (2001 г. — 45,2 тыс. семей, 2006 г. — 21,3 тыс. семей).

В настоящее время в Республике Мордовия насчитывается 37 519 молодых семей (включая одиноких родителей с детьми). Абсолютное большинство молодых семей составляют полные семьи (88%). На долю неполных семей приходится 12% от общей численности молодых семей. Из них 53% проживают в городе и 47% — в сельской местности. За последние годы наблюдается значительное снижение рождаемости в молодых семьях, с возрастом женщины от 15 до 24 лет. В семьях более старшего возраста матери (25–29 лет) наоборот наблюдается небольшое увеличение рождений детей. Наибольший пик активности рождений приходится на возрастную группу 20–24 года, хотя рождение второго, третьего и последующих детей характерно для более сознательной возрастной группы (25–29 лет).

В республике увеличивается число детей, рожденных вне брака. Если раньше пиковое значение внебрачных рождений приходилось на две крайние возрастные группы (15–19 и 25–29 лет), то в настоящее время — на возрастную группу 20–24 года, хотя лидерство по рождению третьего и последующих детей вне брака сохраняется в возрастной группе 25–29 лет.

В условиях внутрисемейного регулирования рождаемости происходит процесс откладывания рождений, что проявляется в повышении среднего возраста матери при рождении первого ребенка. В 2006 г. этот возраст составил 25,3 года, тогда как в начале 1990-х гг. — 22–23 года. Данная тенденция наряду с положительными моментами (ребенок рождается у социально зрелых родителей) имеет и отрицательную сторону, поскольку с возрастом нарастают патологии, осложняющие роды. Кроме того, в связи с широкой распространенностью абортов с возрастом повышается вероятность бесплодия.

Оптимизация воспроизводственных процессов в республике в большей степени зависит от репродуктивного поведения молодых семей, на них приходится около 70% всех рождений.

Одна из важных проблем молодых семей — неудовлетворительные жилищные условия. Так, с 2000 по 2006 г. число молодых семей, состоящих на учете на получение жилья, увеличилось на 45%, а число молодых семей, получивших жилье в 2006 г., составило всего 11% от общей численности семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий.

По данным Министерства труда и социальной защиты населения, на 1 января 2007 г., в республике насчитывалось 3651 многодет-

Таблица 5. Обеспеченность населения РМ жильем [2, с. 161–164]

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Площадь жилья, приходящая в среднем на одного жителя (на конец года), — всего, кв. м	19,7	20,3	20,7	21,1	21,5	22,0	22,5
В том числе: в городской местности	18,4	18,8	19,1	19,7	20,1	20,3	20,9
в сельской местности	21,7	22,5	23,0	23,2	23,5	24,3	24,7
Число семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия за год, единиц	495	472	529	574	553	900	1194
Процент от числа семей, состоящих на учете на получение жилья	1,0	1,0	1,2	1,3	1,6	4,2	5,6
Число семей, состоящих на учете на получение жилья на конец года, тыс.	45,8	45,2	44,8	34,1	21,4	21,5	21,3
Процент от общего числа семей	17,8	13,3	13,5	10,2	6,4	6,7	6,7

Таблица 6. Динамика численности семей, состоящих на учете в органах социальной защиты [2]

Показатели	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Число семей, состоящих на учете в органах социальной защиты	54 637	55 208	54 421	54 321	54 137
Число детей, воспитываемых в семьях, состоящих на учете в органах социальной защиты	76 211	76 737	72 634	69 294	69 728

Таблица 7.
Родившиеся живыми по очередности рождения в РМ в I полугодии 2007 г., чел. [3, с. 105]

Показатель	Всего родившихся живыми	в том числе:			
		первыми	вторыми	третьими	четвертыми
1. Республика Мордовия	4 405	2 692	1 364	262	48
В том числе:					
городские поселения	2 698	1 690	850	125	18
сельская местность	1 707	1 002	514	137	30

ных семей, в которых воспитывались 11 792 ребенка. С 1996 г. в РМ число многодетных семей постоянно снижается: 10 125 в 1996 г.; 3651 в 2007 г. а число детей в них, соответственно — 33 098 и 11 792.

Одна из важных проблем, стоящих перед многодетными семьями, неудовлетворительные жилищные условия. Данное обстоятельство негативно сказывается на здоровье, развитии и воспитании детей, является базой развития социального неблагополучия. В 2000 г. 30 многодетных семей улучшили жилищные условия, в 2006 г. — 26 семей, или 2,9% от общего числа многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий.

В настоящее время в республике 2800 детей, лишившихся семьи, 500 детей ждут своих потенциальных родителей. В 2006 г. в Мордовии усыновлено 29 детей, 84 ребенка переданы в приемные семьи, 22 ребенка воспитываются в патронатных семьях. Всего в республике передано на воспитание в семьи около 70% детей. Распространенной формой устройства в Республике Мордовия стала приемная семья. Только за I полугодие 2007 г. 125 семей взяли на воспитание в приемные семьи 162 ребенка (в Дубенском районе — 10 детей, в Ельниковском — 9, в Инсарском — 15, в Ичалковском — 21, в Торбеевском — 8, в Октябрьском районе городского округа Саранск — 7).

В настоящее время в РМ наблюдается сильный разрыв в качестве и уровне жизни между сельским и городским населением, узость рынка труда на селе отрицательно сказалась на демографической ситуации. Причинами снижения уровня и качества жизни сельского населения стали недостаточная государственная поддержка агропромышленного комплекса, слабая поддержка отечественного сельхозпроизводителя, неоднократная реорганизация и ликвидация сельхозпредприятий, низкая оплата труда работников АПК и др. Однако в последние годы возросло внимание к агропромышленному комплексу. Намечалась тенденция увеличения соотношения среднемесячной заработной платы работников, занятых в сельском хозяйстве, со среднереспубликанским уровнем. Если в 2002 г. это соотношение составляло 56,5%, то в 2006 г. — 64,5%. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в 2006 г. по отношению к 2005 г. возросла на 38,1% и составила 4101,5 руб.

Социальные и экономические перемены, которые принес XX век, объективно способствовали тому, что крестьянская традиция многодетности стала утрачиваться. В сельских семьях стали ограничивать число детей. В настоящее время половина сельских семей имеют по одному ребенку. Экономические причины малодетности в сельской местности обусловлены, прежде всего, имеющимся уровнем доходов

семей. Из-за низких доходов значительная часть сельских семей находится за чертой бедности, а это сдерживает желание иметь детей. Важно отметить, что в многодетной семье с низкими доходами имеют место серьезные социальные проблемы, которые оказывают непосредственное влияние на развитие ребенка. Обусловлено это тем, что ограниченные доходы семьи не позволяют обеспечить детям достойный уровень воспитания и образования, а также физического и часто нравственного здоровья. Положительной предпосылкой для сохранения традиционных репродуктивных установок сельской семьи является то, что в сельской местности число родившихся по очередности рождения (третьими, четвертыми, пятыми и более) превышает аналогичный показатель у городского населения республики (табл. 7).

Суммарный коэффициент рождаемости сельского населения превышает данный показатель у городского населения. В 2006 г. по городскому населению на одну женщину репродуктивного возраста приходилось 1,058 рожденных детей, по сельскому — 1,334.

Ухудшение экономического и социального положения сельского населения и на этой основе ухудшение здоровья населения, особенно детей и подростков, явилось одной из основных причин отрицательного демографического баланса и состояния репродуктивного потенциала сельской семьи. От бесперспективности и неуверенности в завтрашнем дне на селе распространились пьянство, алкоголизм, наркомания. От окончательной деградации сельчан спасает личное подсобное хозяйство, все больше превращающееся из формы вторичной занятости в основную или единственную сферу приложения труда.

Одна из основных проблем сельской семьи — здоровье и медицинское обслуживание. Большинство сельских жителей никогда не проходили медицинского обследования и не могли позволить себе полноценного лечения. Причинами этого являются удаленность медицинских центров от села, дороговизна транспортных и медицинских услуг. Поэтому в сельской местности, несмотря на прилагаемые усилия, смертность и заболеваемость остаются высокими. Для их снижения следует больше внимания уделить медицинской и социальной профилактике болезней.

В Республике Мордовия 458,9 тыс. женщин, или 51,1% всего населения, за 2000–2003 гг. произошло снижение экономической активности женщин с 58,6 до 57,7%, однако уже с 2003 по 2006 г. на фоне стабилизации социально-экономической ситуации в обществе экономическая активность женщин увеличилась до 59,4%. Параллельно с этим происходило и увеличение уровня занятости женщин в боль-

шей степени, чем у мужчин. Если в 2001 г. он составлял 53,5%, то в 2006 г. — 56,5%, у мужчин — соответственно 60,1 и 62,7%. В 2006 г. экономической деятельностью было занято около 213 тыс. женщин, или 51% общей численности занятых.

Среди безработных граждан, учитываемых по методологии МОТ и имеющих длительный, более года, перерыв в работе, доля женщин составляет 26,7%. Среди официально зарегистрированных безработных на 1 января 2007 г. этот показатель составляет 13,8%. За период 2000–2006 гг. доля женщин среди официально зарегистрированных безработных уменьшилась: в 2006 г. из 6,2 тыс. официально зарегистрированных безработных доля женщин составляла 69,4% (4,3 тыс. чел.), а на 1 января 2001 г. — 76,3%. 23,5% всех зарегистрированных безработных женщин в 2006 г. — матери, воспитывающие несовершеннолетних детей, из них одинокие — 13,5%; многодетные — 6,9%. Уровень безработицы по методологии МОТ в республике по отдельным категориям граждан составлял среди мужчин — 5,9%; женщин — 4,6%. Важно отметить и более длительный характер женской безработицы, «задерживающий» женщин на рынке труда. По данным обследования в 2006 г., среднее время поиска работы женщинами в возрасте 20–49 лет составляло 7,4 месяца, а мужчинами — 7,1 месяца. С 2000 по 2006 г. число женщин, ищущих работу более 12 месяцев, постоянно превышало общий показатель продолжительности безработицы среди зарегистрированных безработных. Предприятия, выходящие на рынок труда с вакансиями, часто отдают предпочтение мужчинам. Как правило, это связано с нежеланием брать на себя бремя установленных законодательством выплат и льгот женщинам по беременности и родам, отпусков по уходу за ребенком и пр., особенно в организациях частного сектора. В результате женщины медленнее, чем мужчины переходят из государственного сектора в частный. Согласно статистическим данным доля женщин в государственном секторе составляет 58,6%, а в негосударственном — 41,4%.

Для повышения конкурентоспособности женщин, состоящих на учете в службе занятости, организуется их обучение специально-надомным трудом: предприниматель малого бизнеса, коммерческий агент, менеджер по продажам, визажист-стилист, портной, закройщик-модельер, дизайнер, менеджер по рекламе, менеджер по региональным продажам, оператор ЭВМ.

В особо трудном положении с позиции профессионально-квалификационной адаптации к требованиям рынка находятся женщины, имеющие малолетних детей. Сразу после выхода из отпуска по уходу

за ребенком они могут быть сокращены, тем более что за период отсутствия на работе их профессиональные навыки значительно ослабевают. Тем не менее, приступить к трудовой деятельности до достижения ребенком возраста 3 лет хотели бы 60% женщин. Желание приступить к трудовой деятельности мотивировано финансовыми трудностями и ориентацией на карьеру. При этом в анкетах женщины указывали на трудности, которые они могут испытывать при выходе на работу. Основная из них — несоответствие уровня профессиональной квалификации требованиям работодателя, низкая заработная плата, неподходящий режим работы, отсутствие социальных гарантий.

Важнейшим условием обеспечения занятости женщин, имеющих малолетних детей, является доступность дошкольного образования. Показателями доступности являются развитость сети дошкольных учреждений и размер родительской платы за содержание детей в них.

Для обеспечения населения услугами дошкольного образования в республике функционируют 216 дошкольных образовательных учреждений, 13 начальных школ-детских садов. За последние 6 лет наметилась устойчивая тенденция к уменьшению количества дошкольных образовательных учреждений с 272 в 2000 г. до 228 в 2006 г. Численность детей, посещающих эти учреждения, увеличилась и в 2006 г. составила 22 604 чел. против 22 232 чел. в 2000 г. Увеличение численности детей в дошкольных образовательных учреждениях обеспечивается за счет открытия в них по возможности дополнительных групп. За последние три года открыто более 40 таких групп. При дальнейшей положительной тенденции рождаемости (за 5 месяцев 2007 г. родилось 3090 детей) возникнет необходимость в новых дошкольных образовательных учреждениях с учетом территориальной специфики рождаемости.

Значительный резерв для решения демографической проблемы в РМ представляют собой бездетные семьи. В настоящее время положение этих семей на республиканском уровне законодательно не закреплено, поэтому оптимизация демографической ситуации должна включить в себя исследование способов помощи, в том числе и законодательной, этим семьям. И если правовая поддержка рождения второго ребенка и последующих детей в настоящее время относительно урегулирована, то данная проблема не решена. Развитие демографической политики посредством поддержки бездетных семей возможно только при комплексном подходе, включающем в себя исследование их положения, законодательное закрепление их статуса и льгот в случае рождения ребенка и правовую ориентацию соци-

альных органов на работу с бездетными семьями, имеющую целью создание условий для принятия решений о рождении ребенка.

В целях решения демографической проблемы органы государственной власти Республики Мордовия должны содействовать активизации социального нормотворчества органов местного самоуправления, способствовать реализации самоуправленческих инициатив населения, прежде всего на самом нижнем — поселенческом и внутрипоселенческом уровнях. Это связано с тем, что именно структуры местного самоуправления способны оказывать максимально адресную и оперативную социальную помощь именно тем людям, которые в ней нуждаются.

Для решения сложных проблем демографического развития республики принята программа «Семья», рассчитанная на 2008–2012 гг. Основная цель: создание условий для укрепления социального статуса и престижа семьи в Республике Мордовия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) создание условий для повышения материального благосостояния, качества и уровня жизни семей;
- 2) создание благоприятных условий для возрождения, сохранения и развития духовно-нравственных ценностей семьи, для социализации детей и молодежи на основе духовно-нравственных ценностей; развитие системы духовно-нравственного воспитания;
- 3) разработка мероприятий по организации семейного отдыха;
- 4) развитие инфраструктуры детства и юношества;
- 5) обеспечение социальной поддержки семей, нуждающихся в социальной защите: молодых семей, многодетных семей, приемных и патронатных семей, взявших под опеку детей, сельских семей;
- 6) обеспечение доступности и качества услуг дошкольных образовательных учреждений;
- 7) предоставление государственных услуг женщинам, обратившимся в службу занятости населения, по содействию в поиске подходящей работы;
- 8) предоставление государственных услуг по социальной адаптации на рынке труда, по профессиональной подготовке, переподготовке, повышению квалификации безработных женщин, имеющих малолетних детей, с целью последующего их трудоустройства.

Демографическая ситуация, сложившаяся в регионах России, требует целенаправленного вмешательства законодательной и ис-

полнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне в процессы воспроизводства населения, обеспечения его здоровья, снижения смертности. Ряд федеральных законов, принятых в последнее время и направленных на улучшение материального положения женщин в период беременности и после рождения ребенка, а также на защиту интересов семьи и детей, нацелены на увеличение воспроизводства населения.

Достижение целей демографической политики зависит от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития, включая обеспечение стабильного роста благосостояния населения, снижение уровня бедности и уменьшение дифференциации по доходам, интенсивное развитие человеческого капитала и создание эффективной социальной инфраструктуры. Преодоление демографической катастрофы еще возможно, но потребует гигантских усилий всего общества. Однако, если это не будет сделано, то малодетность и бездетность станут нормой, и сокращение населения России и, более того, его вырождение станут постоянной константой.

Рассчитывать на то, что семья в одиночку справится с обрушившимися на нее трудностями, не приходится. Потому очень важно определить, наконец, роль семьи как имеющего ценность института воспитания молодого поколения, а не только как ячейки общества. В условиях обострения экономической ситуации не обойтись без социальной защиты семьи, предусматривающей оказание ей упреждающей помощи, разработку ориентированной на семью политики доходов–налогов–кредитов. Необходимо также признать родительство как профессию, соответствующим образом оплачиваемую и в государственных, и в коммерческих структурах.

Ряд федеральных законов, принятых в последнее время и направленных на улучшение материального положения женщин в период беременности и после рождения ребенка, а также на защиту интересов семьи и детей, нацелены на увеличение воспроизводства населения (хотя сегодня первые результаты повышения рождаемости уже налицо в связи с введением родовых сертификатов и материнского капитала). Хотя общество и является саморегулирующейся системой, очевидно, что механизм саморегуляции почему-то практически не работает по отношению к численности населения, не предохраняя ни от перенаселения, ни от вымирания. Поэтому спасти Россию от депопуляции могут только искусственные меры. Но если меры борьбы с перенаселением достаточно просты и давно применяются в разных странах, то с мерами по борьбе с вымиранием населения ситуация прямо противоположная. Обычно смертность и рождаемость взаимосвязаны — в странах с высокой смертностью высока и рождаемость,

и наоборот. Но в случае с Россией всё складывается крайне неудачно — в то время как рождаемость падала, смертность росла и оставалась на очень высоком уровне

В результате многих научных исследований получены данные, что процесс депопуляции практически не связан с реформами в нашей стране, а это значит, что когда в России всё более или менее наладится, демографический кризис не прекратится сам собой. Поэтому необходимо разработать эффективные меры борьбы с ним уже в настоящее время. Но прежде чем разрабатывать меры борьбы с демографическим кризисом, необходимо разобраться в его причинах. Для этого следует проанализировать все существующие основные концепции в этой области, а также имеющиеся статистические данные и данные различных социологических исследований. Хотя неблагоприятные сдвиги в структуре смертности по причинам как будто нейтрализованы положительными изменениями, благоприятная динамика очень слаба, и общее впечатление от всех изменений смертности в самое последнее время — это впечатление отсутствия сколько-нибудь серьезного прогресса, возвращения к топтанию на месте, к которому страна привыкла в период застоя между серединой 1960-х и серединой 1980-х гг.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. Стат. сб. / Росстат. — М., 2007. С.76–83.
2. Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. — Саранск, 2007. — 424 с.
3. Демографический ежегодник Республики Мордовия. Стат. сборник № 900 — Саранск, 2007. — 238.

РОЛЬ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ ФРГ

Главной задачей развития региональной инфраструктуры является выравнивание условий жизни во всех регионах страны. Этой сфере деятельности в Германии отводится одно из главных мест. Развитием региональной инфраструктуры занимаются федеральное Министерство транспорта, строительства и городского развития и земельные организации. На федеральном уровне Ведомство по строительству и пространственной организации (нем. аббревиатура BBR) курирует работу земель и планировочных регионов по пространственной организации. Ведомство регулярно делает подробный доклад министру по делам транспорта, строительства и городского развития, который в свою очередь предлагает Бундестагу отчет с мнением и оценкой федерального правительства. Институт регионального развития и структурного планирования (г. Эркер, Бранденбург) занимается территориальным планированием земли Бранденбург и Берлина⁹.

Перестройка городов после перехода к рыночной экономике

В ГДР сложились четыре крупные агломерации: Галле–Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт–Цвиккау, Берлин и Дрезден. На их долю в 1978 г. приходилось примерно 15% территории и около 40% населения, к 1990 г. эти доли стали ещё весомее. В силу общественно-политической системы и экономической составляющей у госорганов ГДР был куда меньший арсенал средств децентрации населения и хозяйства, чем у их коллег из ФРГ. Все меры сводились к интенсификации производств и увеличению объемов (т.е., наоборот, к концентрации) или антистимулам в борьбе за разгрузку. Например, в Берлине одним из антистимулов служила плата за земли, отчуждаемые под строительство (в 1974 г. плата за м² составляла 650 марок). Важным инструментом также стала плата за воду. В 1971 г. она взималась по трем на-

⁹ Лютер Х., Шюрт А. «Отчёт по региональному развитию и землеустройству за 2005 г.: главные высказывания и важные отображения», том 21 // Бонн: Издательство Ведомства по строительству и пространственной организации, май 2005 г.

правлениям: за использование воды, за сброс сточных вод, за оформление участия в строительстве водохозяйственных сооружений¹⁰.

В 1964 г. началось строительство Нойштадта (нового спутника г. Галле), который в 1967 г. получил статус города. Нойштадт стал «городом-спальней» для рабочих, служащих, инженерно-технических и научных работников химической промышленности округа Галле. В 1960–1980-е гг. ядра агломерации Галле–Лейпциг интенсивно теряли свое население главным образом в его пользу. Но основной целью его строительства была не разгрузка центральных и окраинных частей агломерации, а сокращение и упорядочение дальних маятниковых поездок, улучшение условий жизни и обеспечение трудящихся жильем¹¹.

Важной основой для развития региона является грамотная государственная политика жилищного строительства, которая чутко реагирует на смену экономических циклов и учитывает новые условия. С начала 1970-х гг. в Республике интенсивно проводилась общегосударственная социальная политика. Ядром ее стала жилищная программа. Цель программы состояла в обеспечении к 1990 г. каждой семьи отдельной благоустроенной квартирой (при поддержании низкой квартирной платы). За 1971–1980 гг. было построено свыше 950 тыс. и модернизировано более 460 тыс. квартир. Жилищные условия с 1971 г. по 1980 г. улучшил каждый четвертый, а с 1981 г. по 1985 г. почти каждый пятый житель республики. В 1984 г. состоялась торжественная передача двухмиллионной квартиры из числа построенных (или модернизированных) после 1971 г.¹² Массированное строительство невостребованных жилых пригородов, продолжающееся уже после объединения в восточных землях (теперь на государственные субсидии), и тотальный отток населения привели к тому, что образовалось более миллиона пустующих квартир.

До середины 1990-х гг. строительный сектор рос, а с середины 1990-х гг. пришел в упадок. Впервые в истории германской жилищной политики стал поддерживаться некомпенсируемый снос жилья. К настоящему времени в ряде городов (Шведт, Хойерсверда, Вольфен, Вайсвассер) снос жилья проходит в больших объемах. Он предусмот-

¹⁰ Головин Ю.В. «Территориальная структура хозяйства ГДР» // М.: Наука, 1982 г., с. 92, 93.

¹¹ «ГДР (экономическо-географическая характеристика)» // М.: Мысль, 1984.

¹² «Центрально-Восточная Европа во 2-ой половине XX в.», т. 2 «От стабилизации к кризису (1966–1989 гг.)», отв. редактор Шмелёв Б.А. // М.: Наука, 2002 г., 516 с.

рен в планах других двухсот восточногерманских городов. С 2001 г. Федерально-Земельная программа «Перестройка городов на Востоке» получила средства в объеме 2,5 млрд. евро¹³.

В 1979 г. в связи с прибытием новых рабочих химического завода Лойна (нем. Leuna) началось строительство одного из районов Галле — Зильберхоэ. После 1990 г. на территории заводов Лойна и Буна расположились крупные транснациональные компании. В настоящее время в химическом производстве занято относительно малое число рабочих, но и население Зильберхоэ сократилось почти на одну треть. Число пустующих квартир увеличивается. В 2001 г. жилищно-строительная компания «Frohe Zukunft» (нем., дословно «Счастливое будущее») первой в районе Зильберхоэ приступила к плановому сносу бетонно-блочных домов. Было подготовлено и снесено много одиннадцатиэтажных зданий.

Требование восточногерманского жилищного хозяйства стабилизировать рынок жилья путем сноса отдельных фондов оказалось невыполненным. Совокупные нагрузки из комбинации «старых долгов», погашения кредитов и недогрузки жилья достигли размеров, при которых большая часть жилищных компаний едва в состоянии поддерживать свое существование. В дискуссии специалистов выясняется, что неприятная тема просто откладывается в долгий ящик и урегулирование рынка начнется там, где оно осуществимо. Все нынешние усилия планировочных институтов по претворению в жизнь проектов сталкиваются с общеэкономическими процессами. Сильная позиция государственной промышленности внутри системы «социального рынка», позволила ей иметь мощные рычаги для оказания заметного влияния на процессы, происходящие в экономике^{14 15}.

С началом реконструкции городов возникает много новых проблем — необходимы новые решения. Неполная нагрузка и перестройка городов — самые обсуждаемые темы в германской сфере развития городов. Чтобы планомерно управлять перестройкой городов, надо выработать интегрированную концепцию городского развития. Го-

¹³ «Ежегодник Федерального правительства по положению объединенной Германии-2006» // Сентябрь 2006 г., с. 170; печатная версия по адресу: www.bmvbw.de.

¹⁴ Клюттер Х., Клюттер Н. «Объединение Германии и его воздействие на экономику восточных земель» // «Белорусский экономический журнал», № 2, 2001 г.

¹⁵ Bernt M. «Risiken und Nebewirkungen des Stadtumbaus» (Риски и побочный эффект перестройки городов) «Arbeitsmaterialien» [Электронный ресурс] // Berlin: Buero Philipp Oswalt, Februar 2004.

рода обязаны объединить отдельные мероприятия в совокупную документацию по конкурсным заказам Министерства транспорта, строительства и городского развития. Положение интегрированной концепции городского развития находится перед тяжело решаемой дилеммой. С одной стороны, города обязаны представить долгосрочную всеохватывающую цель планирования, которая руководствуется «устойчивым развитием» и совокупностью городской перестройки. С другой стороны, представленная концепция должна быть осуществимой в короткие сроки и делать возможными практикуемые меры. Осуществление мер должно исходить от третьего актора (жилищные предприятия или общины, примыкающие к городу), узко заинтересованного в сотрудничестве, чьи интересы должны подходить для государственного планирования. Общее планирование должно совмещать часто противостоящие друг другу интересы различных локальных владельцев, предлагающих жильё, и быть согласованным с соседними общинами и общественностью, двигаться к консенсусу.

Планирование жилищного строительства опирается на прогнозы институтов. Согласно прогнозу Ведомства по строительству и пространственной организации, до 2020 г. будет стремительно увеличиваться население вокруг города-порта Росток (в радиусе до 25 км от границы города). Из «наукограда» Йены начнется переезд жителей в близлежащие городки Тюрингии. Ожидается увеличение населения вокруг Лейпцига, Галле и вдоль трассы, соединяющей эти города. Регион в радиусе 10 км вокруг Берлина и Потсдама и сами эти города будут развиваться неизменно, а в кольце, радиусом от 10 до 50 км от столицы ФРГ, население станет расти очень быстро^{16 17}. Это говорит о продолжении переезда жителей из центров городов на их окраины.

С помощью программ санаций в восточных землях решают проблемы перекосов городской структуры, поддерживают старые ремесла и имидж средневековых центров. К таким городам, например, относится Коттбус (Бранденбург)¹⁸. Переход к рыночной экономике

¹⁶ Лютер Х., Шюрт А. «Отчёт по региональному развитию и землеустройству за 2005 г.: главные высказывания и важные отображения», том 21, // Бонн: Издательство Ведомства по строительству и пространственной организации, май 2005 г., с. 14.

¹⁷ Хоффмаер-Злотник Ю.Х.-П. «Региональные стандарты» (Общие рекомендации Германского института социальных и рыночных исследований, Комитета института социальных наук и Федеральной Статистической службы) // ARS: Mannheim, октябрь 2005 г., с. 75, 76.

¹⁸ Официальный интернет-сайт Федерального Ведомства по строительству и пространственной организации: www.bbr.bund.de.

для округа Коттбус оказался болезненным. Для борьбы с высокой убылью населения (из-за падения рождаемости и эмиграции) были необходимы диверсификация промышленности и мудрая политика занятости. В 1992 г. был заключен коллективный договор по санации «Модельный город Коттбус — центральная часть». Область санации охватывает площадь около 125 га с населением в 8000 жителей. Инструментом региональной политики в области санации является рамочное планирование. Мероприятия заключаются в использовании имеющейся структуры, зеленых и свободных площадей, транспорта, памятников. Нужно осуществлять мероприятия по повышению престижа, в особенности жилых районов и усиливать центральную часть Коттбуса. В центре города благодаря успешной санирующей работе обозначился рост населения¹⁹.

Отчетливый сдвиг индустриальной моноструктуры города привел к дифференцированному размещению промышленности, сферы услуг, ремесел и научного сектора. Тем не менее, открытая горная добыча и энергетическое хозяйство остались определяющими отраслями хозяйства. Важнейшие импульсы новому развитию дали заселение города многочисленными средними фирмами, «колонизация» концернами, восстановление Технического Университета Бранденбурга и Института Лаузитца, основание новых Ярмарочного Центра и Центра конгрессов. Туризм оказался развивающейся сферой деятельности, подстегнутой Национальной Садоводческой Выставкой в 1995 г.

Западногерманский опыт деконцентрации населения и хозяйства и формирования региональных рынков труда

Германия является одной из стран, где в региональной экономической политике используются концепция полюсов роста и концепция центров и осей разгрузки. В ФРГ на структуры населения наложили сильный отпечаток большие города. Регулирование развития густозаселенных районов и разгрузка агломераций стали необходимыми мерами. Концепция центров и осей разгрузки была разработана в начале 1970-х гг.

В федеральной Программе Организации Пространства (опубликована в середине 1970-х гг.) основой организации пространства стала система центров развития разного ранга, связанных между собой осями развития. В качестве главных центров разгрузки были рассмотрены малые и средние агломерации, расположенные в так называемых

¹⁹ Официальный Интернет-сайт модельного города Коттбус: www.modellstadt-cottbus.de.

рых поясах высокой плотности населения, соединяющих между собой крупные городские районы. Малые агломерации расположились на расстоянии не более 50 км от крупных: Неймюнстер и Люнебург от Большого Гамбурга, Мюнстер и Люденшейд от Рейнско-Рурской агломерации, Ветцлар Гиссен, Ашаффенбург от Франкфурта. Как и в других западноевропейских странах, в предполагаемых центрах разгрузки делался упор на развитие сферы услуг.

Наряду с главными центрами, способными стать своего рода противовесами ведущим городским районам, выделили целый ряд центров развития низшего ранга (ядра поляризации населения и хозяйства на региональном уровне). Центры низшего ранга, расположенные вне зон притяжения городов с населением более 60 тыс. человек, потенциально способны создать самостоятельный и относительно стабильный рынок рабочей силы для окружающей территории. Основная часть таких центров пришлась на северные и восточные районы ФРГ. В них стало необходимо сооружение социальной инфраструктуры, расширение сферы услуг и сферы управления, увеличение числа рабочих мест и их диверсификацию, подключение к сетям федеральных железных дорог и автодорог, усиление связи с региональными центрами.

В результате каждая из агломераций (и каждый городской район) могли иметь свою систему элементов разгрузки. Так, для преодоления концентрического расползания Мюнхенской агломерации намечалась её разгрузка преимущественно в направлении на Аугсбург и Ингольштадт с развитием соответствующих «подцентров». Кроме того, возможными осями разгрузки считали оси Мюнхен–Ландсхут–Регенсбург–Нюрнберг и Мюнхен–Зальцбург–Инсбрук–Больцано (т.е. с выходом в Австрию и Италию). Регулирование роста центров и осей разгрузки предлагается осуществлять путем субсидирования создаваемых здесь промышленных предприятий и сферы услуг, введения налоговых льгот, совершенствования транспортной, производственной и социальной инфраструктуры, усиления государственного контроля за использованием иностранной рабочей силы.

Наряду с перечисленными центрами разгрузки выделили и ряд центров разгрузки с соединительными функциями. Они находились на осях разгрузки и способствовали линейной деконцентрации населения и хозяйства. Под главной осью разгрузки подразумевалась ось Аугсбург–Ингольштадт–Нюрнберг–Бамберг–Швейнфурт–Фульда–Кассель–Гёттинген, проходящая на востоке ФРГ. Она явилась своего рода противовесом поясам высокой плотности населения в западной части ФРГ²⁰.

²⁰ Грицай О.В. «Западная Европа: региональные контрасты на новом этапе НТР» // М.: Наука, 1988.

После объединения была разработана система центров и осей роста для новых земель в целом. Особая роль среди точек роста была отведена крупнейшей Берлинской агломерации. В качестве других центров развития были предложены обладающие значительным потенциалом развития города в южной части (Лейпциг и Хемниц), а также города в северной части, имеющие меньший экономический потенциал, но необходимые ради предотвращения еще большего увеличения территориальных диспропорций Север–Юг. Было предложено все центры развития связать осями транспорта и коммуникационной инфраструктуры друг с другом и с западными землями²¹.

Роль транспортной инфраструктуры в развитии восточных земель

Развитие инфраструктуры в ГДР было недостаточным. Всюду наблюдалась замедленная индивидуальная «моторизация» при высокой нагрузке на транспорт общего пользования. Чрезмерная нагрузка грузовых и пассажирских перевозок на железную дорогу (при растущем дефиците содержания, модернизации и расширения) дополнялась ограниченным расширением сети автобанов. Слабое транспортное освоение особенно заметным было на севере²².

Поскольку в течение сорока лет были закрыты важнейшие пути между ФРГ и ГДР (автодороги Западный Берлин–Ганновер, Берлин–Гамбург, Берлин–Мюнхен, водные пути по Эльбе, Среднегерманский канал), после объединения было решено связать восточные с западными землями. С 1991 г. Министерство транспорта, строительства и городского развития осуществляет 17 крупных федеральных проектов, соединяющих западные и восточные земли. Инвестиционная программа «Транспорт» на 1999–2002 гг. подчеркивала, что развитие транспортных путей в будущем имеет высокий приоритет. Первоочередное значение транспортных проектов «Германское единство» осталось неизменным²³.

В рамках специальной программы правительства с 1992 по 2005 гг. были построены новые автобаны на востоке Саксонии. Новый автобан

²¹ «Raumordnerisches Konzept fuer den Aufbau in der neuen Laendern» // Informationen zur Raumentwicklung. — 1991, Heft 11/12.

²² Eckart K., Kehler G., Scherf K. «Raumplanung und Raumforschung in der DDR» // Duncker & Humboldt, Berlin, 1998.

²³ Гульченко В.В. «Объединенная Германия в экономике Объединенной Европы» // диссертация на соискание уч. степени к.э.н., М., 2003.

№ 20 (с северо-востока Бранденбурга протянут через весь Мекленбург–Переднюю Померанию) переходит в крупную европейскую трассу E22. Другие автобаны связали г. Висмар с г. Шверин, Западный Мекленбург с Саксонией-Анхальт и Саксонией. Большое значение имеют новые федеральные трассы, соединившие обе Саксонии с югом Нижней Саксонии и севером Гессена, а также путь из Росток в Любек²⁴.

Для хозяйственного развития Тюрингии важное значение имеет благоприятное транспортно-географическое положение земли, на территории которой пересекаются крупные магистрали A4 (запад–восток) и A9 (север–юг). Усилия мероприятий в 1990-е гг. были направлены на развитие транспортной инфраструктуры. Вся территория земли была разбита на районы: а) территорию вдоль магистралей A4 и A9; б) территории, особо затронутые процессами перестройки; в) хозяйственно слабые (как район Альтенбургер Ланд). Правительство земли отдало приоритет именно развитию инфраструктуры²⁵.

Стремительное развитие путей сообщения и заселенной площади сейчас заметны в окружении Берлина (радиусом от 50 до 100 км). Менее стремительное развитие — южнее Дрездена, севернее и западнее Лейпцига (радиус — до 40 км от города), а также в районе Северо-Западный Мекленбург планировочного региона Западный Мекленбург между Висмаром и Шверин. Кольца благополучия, «охватившие» Галле и Лейпциг, сливаются воедино.

После перехода к рыночной экономике для выполнения всех столичных функций Берлинской агломерации потребовалось развитие всех видов транспорта. В 1990-е гг. был исчерпан потенциал грузо- и пассажирооборота воздушного транспорта. В силу исторических причин в Берлине имеются только два сравнительно небольших по международным меркам аэропорта в черте города (Тегель и Темпельхоф), а также аэропорт Шёнефельд на юго-востоке столицы. Три аэропорта имели в 1990-е гг. суммарную пропускную способность 12,5 млн. пассажиров в год. Ожидалось, что к 2000 г. нагрузка на воздушный транспорт достигнет 20 млн., а к 2020–2030 гг. — 30 млн. пассажиров (пассажирооборот достиг 19 млн. человек немного позже, в 2007 г.)²⁶.

²⁴ Лютер Х., Шюрт А. «Отчёт по региональному развитию и землеустройству за 2005 г.: главные высказывания и важные отображения», том 21, // Бонн: Издательство Ведомства по строительству и пространственной организации, май 2005 г., с. 58.

²⁵ Бусыгина И.М. «Регионы Германии» // М.: Росспэн, 2000 г., 350 с.

²⁶ Штумпф Р. «Перспективное место» «Deutschland» // Франкфурт-на-Майне: Социетес Ферлаг, № 6, 2007 г., с. 28.

В связи с увеличением шумовых нагрузок на близлежащие территории (которые и так испытывали сильные шумовые загрязнения) было решено построить новый Берлинский международный аэропорт, который возьмет на себя большую часть перевозок²⁷. В результате аэропорт Шёнефельд был расширен, модернизирован и стал крупным аэропортом Berlin Brandenburg International (BBI). Работы начались в сентябре 2006 г. В 2011 г. новый аэропорт должен вступить в строй и заменить Темпельхоф и Тегель, которые должны быть закрыты в 2008 г. и 2011 г. соответственно²⁸. Тем самым Берлин станет в один ряд с крупнейшими германскими аэропортами Франкфурта-на-Майне и Мюнхена. При необходимости пассажиропоток можно увеличить до 40 млн. чел. Предприятия воздушного транспорта «Кондор», «Britania Airways» «DHL World Wide Aviation» уже разместили свои филиалы в расширенном Шёнефельде. Таким образом, в Берлинском регионе зарождается кластер в области авиатранспортной техники²⁹.

Между Лейпцигом и Галле также находится другой важный международный аэропорт «Лейпциг/Галле». Он построен у перекрестка двух крупных немецких автобанов: А9 (трасса Мюнхен–Нюрнберг–Берлин) и А14 (трасса Магдебург–Галле–Дрезден). «Шкойдицкий перекресток» был открыт в 1938 г. и стал первым германским автомобильным перекрестком, построенным по «принципу трилистника».

Аэропорт «Лейпциг/Галле» постепенно превращается в турникет грузовых перевозок. Пассажиры и товары доставляют сюда, чтобы с пассажирами и товарами других многочисленных направлений (но с аналогичными целями) доставить отсюда в непосредственное место назначения. Крупные авиационные компании ФРГ обслуживают до трех таких «турникетов». Так компания «Люфтганза» назначила «турникетами воздушных сообщений» аэропорты Франкфурта-на-Майне, Мюнхена и, через долю участия в капитале в Швейцарии, аэропорт г. Цюрих. С 2008 г. концерн DHL использует международный

²⁷ Гладкевич Е.В. «Актуальные проблемы развития Берлина в связи с изменением его политико — и социально-экономического статуса» «Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран» // М.: Изд. МГУ, № 14, 1999, стр. 82–96.

²⁸ «Ежегодник Федерального правительства по положению объединенной Германии-2006» // Сентябрь 2006 г., стр. 170; печатная версия по адресу: www.bmfvw.de.

²⁹ Романова Е.В. «Особенности развития региональных кластеров в Восточной Германии. Региональные исследования» // Смоленск: Универсум, 2008, № 1, с. 38–46.

аэропорт «Лейпциг/Галле» как свой главный «турникет» в Европе. Другой пример турникета грузовых перевозок в Германии — аэропорт «Кёльн/Бонн», который является главным европейским перевалочным пунктом международной логистической компании UPS (США)³⁰.

Экономическое будущее Саксонии зависит от центрального расположения в Европе: земля лежит на перекрёстке Германии, Польши и Чешской республики. Важно не разрушить отношения с восточными и юго-восточными соседями. Именно этот рынок в недалеком будущем сыграет важную роль в развитии хозяйства земли. В ЕС Саксония взяла на себя задачу по наведению мостов между предприятиями, которые ищут близость к рынкам Центральной и Восточной Европы. Земля, начиная с 1991 г. по 1997 г., инвестировала более 10 млрд. марок в строительство автодорог, а также в сеть железных дорог. Дополнительным транспортным путём является река Эльба — мощности по переработке грузов речных портов на Эльбе с 1992 г. до 1996 г. удвоились. На местах пересечения железнодорожных, автомобильных и авиационных путей в Лейпциге, Глаухау и Дрездене созданы современные центры грузоперевозок. Интенсивное развитие инфраструктуры — одна из причин создания новых предприятий в Саксонии³¹.

В результате денежного «ливня» с 1990 по 2000 гг. в восточных землях была практически заново создана вся инфраструктура: построено или полностью отремонтировано 11 700 км автомобильных и 5400 км железных дорог, создано 5,7 млн. новых телефонных номеров, построено или модернизировано 4,3 млн. квартир³². Но этого оказалось недостаточно для достижения нормального экономического уровня и полной интеграции хозяйства. Единственный очевидный итог процесса — никакой единой Восточной Германии нет. Острова экономического роста четко выделяются на фоне пестрого разнообразия проблем неблагополучного «морья»³³.

³⁰ Официальный Интернет-сайт виртуальной энциклопедии: <http://de.wikipedia.org>.

³¹ «Местонахождение–Саксония», мини-атлас // Дрезден: Общество содействия экономике Саксонии, 1997 г., с. 3.

³² Чиняева Е. «Десять лет под одной крышей» // «Коммерсантъ», 03.10.2000, № 184, с. 9.

³³ Сумленный С. «К востоку от Эдема» // «Эксперт», 2007, № 24, с. 38–44.

**Последствия авральной региональной политики 1990-х гг.
для инфраструктуры Саксонии и Саксонии-Анхальт**

Восточные земли демонстрируют сегодня как положительный опыт государственной политики регионального развития, так и отрицательный. Наиболее четко последствия всех действий властей выражены в соседствующих землях Саксонии и Саксонии-Анхальт.

Период начала 1990-х гг. в восточных землях часто называют «эрой золотокопателей». Крупные государственные программы привлекли в восточные земли мощных экономических акторов. Западно-германские компании, воспользовавшись новыми площадками и государственной поддержкой, быстро захватили бывшие социалистические предприятия. С одной стороны, федеральное правительство потратило миллиарды евро на программы, призванные оживить экономику и снабдить местный бизнес необходимой инфраструктурой. С другой стороны, многие концерны и частные предприниматели реализовывали грандиозные проекты, часто не задумываясь, к чему это приведет, будут ли проекты востребованы. На фоне государственных проектов (подразумевающих контроль только «сверху») проявления личной инициативы в ФРГ были почти незаметны, их можно обнаружить лишь с помощью целенаправленных исследований³⁴. Возможно, что управленцы не учли тертиаризацию, которая была одним из основных независимых процессов региональной перестройки экономики и общества в 1990-е гг.

Логистические и строительные компании испытывали острую нужду в промышленных участках. Чем быстрее девелопер (специалист по операциям с недвижимостью) выставлял промышленный участок на рынок, тем больше было шансов найти нового владельца. Завышенные ожидания, касавшиеся значимости аэропорта и нового выставочного центра к северу от Лейпцига, привели к тому, что частные инвесторы начали вести спекулятивные застройки вдоль федеральных трасс А9 и А14. Специальные амортизационные льготы «подстегивали» инвесторов к развитию промышленных зон. Бум подстегивался политикой финансовой помощи на уровне Евросоюза, всей Германии и данного региона.

Муниципальные промышленные зоны получали поддержку в рамках программы «Общие задачи развития Восточной Германии». Стимулировались промышленное строительство и создание новых

³⁴ «Убывающие города» // Материалы архитектурной выставки, СПб.: Институт ПроАрте, 14 марта — 27 апреля 2008 г.

рабочих мест. К середине 1990-х гг. ожидаемый рост так и не произошел, а прогнозы спроса не оправдались, земли продолжали пустовать, в регионе оставался избыток развитых промышленных парков. Строительство прекратилось; многие частные девелоперы заявили о банкротстве, а пришедшие слишком поздно — получили лишь «иллюминированные луга». «Иллюминированный луг» — это голая инфраструктура без зданий. Она включает в себя систему уличных стоков, некоторые удобства и установку для очистки сточных вод. В регионе Галле–Лейпциг «иллюминированные луга» свидетельствуют, с одной стороны, о несостоятельности политики финансовой помощи, а с другой стороны, о ложных прогнозах роста и о спекуляциях недвижимостью в первой половине 1990-х гг. Сегодня промышленными зонами и дополнительными крупными участками земли вдоль шоссе-ных дорог владеют банки.

После начальной подготовки под застройку многие участки были оставлены до будущих времен. Большая их часть сейчас используется для сельскохозяйственных целей, часто прежними их владельцами. Участок начинает окупаться только с уровня заселенности в 75%. Сейчас уровень заселенности муниципальных промышленных зон в Лейпциге составляет 70%.

Промышленный участок с недостаточной или очень низкой заселенностью представляет собой постоянное финансовое бремя для муниципалитетов. Городские власти должны содержать в порядке улицы и прочие объекты промышленных участков, находящихся в частном владении, при этом не получая ожидавшейся от них прибыли через налоги на продажи и производство. Помимо затрат на обслуживание таких участков, существуют и другие³⁵.

Надо сказать, что в бюджетно-налоговой системе страны расходы на развитие инфраструктуры в регионах покрываются за счет налогоплательщиков. Поскольку работающее население постоянно убывает, все уровни регионального управления вынуждены брать денежные кредиты у банков, чтобы покрыть эти расходы. Так как проценты растут, долги земель увеличиваются с каждым годом — зависимость земель от банков усугубляется. В результате сегодня банки владеют промышленными зонами и дополнительными крупными участками земли вдоль шоссе-ных дорог в Саксонии.

³⁵ Kil W. «Luxus der Leere» // Wuppertal: Verlag Muller+Busmann KG, 2004, 160 с.

БОЛЬШОЙ АЛТАЙ: ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Мигрирующий характер проведения ежегодных заседаний Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС) способствует расширению практических знаний у ее участников о региональных особенностях российских регионов — субъектов РФ и современных проблемах их развития. Однако критерий 12-часовой доступности региона — места проведения очередной сессии от Москвы существенно сужает географию наших познаний.

Алтай и один из его «регионополисов», как обозначил города — центры региональных систем в своем выступлении на нашей сессии Б.А. Родоман, город Барнаул находятся в 4-часовой доступности от центра страны, но воздушным путем. Поэтому узнать о проблемах Алтайских и других сибирских и дальневосточных регионов, что называется из первых рук, экономгеографическая общественность может из наших докладов.

Алтай — это «транснациональная» природная система, объединяющая преимущественно горные территории четырех государств — Казахстана, Китая, Монголии и России, шести их субъектов развития — Восточно-Казахстанская область РК, Алтайский округ Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки Монголии, Республика Алтай и Алтайский край РФ.

Общность природных условий и единство природных систем накладывает определенный и, порой весьма существенный, отпечаток на функционирование общественных систем в данном регионе. Процессы интеграции и дезинтеграции в Алтайских регионах имеют разнонаправленный (геополитический, природно-экологический, социально-экономический, историко-культурный и др.) объективный и субъективный характер, а их проявления — межнациональный, национальный, региональный и локальный уровень.

К процессам интеграции природно-экологического характера следует отнести, естественно, природную составляющую, которая, как известно, не признает административных границ. Отсюда, единство или близость размещения месторождений полезных ископаемых. Можно пройти по всей государственной границе, пересекающей Алтай, и назвать цепочку таких месторождений, начиная от Пригра-

ничного месторождения каменного угля, полиметаллических и железорудных месторождений Рудного Алтая и заканчивая Калгутинским вольфрам-молибденовым и Асгатским серебрянорудным месторождениями на границе между Россией (Кош-Агачский район Республики Алтай) и Монголией (Баян-Ульгийский аймак). Не зря же неоднократно обсуждался вопрос о совместной добыче транс(при)граничных месторождений странами Большого Алтая и переработке их на свободных мощностях Восточно-Казахстанского металлургического комплекса. Еще в советские времена был опыт такого совместного освоения Золотушинского месторождения полиметаллов, для чего были построены горно-обогатительный комбинаты в г. Горняк Алтайского края, а позднее — в г. Жезкент, ВКО РК, связанные не только единой сырьевой базой, но и единством инфраструктуры. К сожалению, развал советской системы привел к разрушению данного промышленного узла. Запасы месторождения практически исчерпаны, а средств на ликвидацию последствий у территорий нет, так как отсутствует перспективный пользователь или правопреемник данных экономических объектов, во всяком случае, на российской стороне. Осталось множество социально-экологических проблем — потеря рабочих мест, наличие пылящих хвостохранилищ и воронок депрессии, а также подтопление шахтными водами объектов жилищно-коммунального хозяйства, погребов и подвалов жителей г. Горняка. Кроме того, совместная инфраструктура — ЖКХ, транспортная — ведет к удорожанию оказываемых ими услуг и дальнейшему снижению конкурентоспособности выпускаемой продукции. В настоящее время жители города Горняка предпочитают добираться до г. Рубцовска автомобильным транспортом и лишь затем продолжать свой путь по железной дороге, так как тарифы на этом участке пути, принадлежащем Казахским железным дорогам, чрезмерно высоки. С другой стороны, инженерные коммуникации г. Жезкента подключены к российским системам жизнеобеспечения и зависят от стабильности их работы.

Общность ареалов распространения биоразнообразия — Алтай — является весьма значимой частью Алтае-Саянского экорегиона, одного из почти 240 регионов мира, на территории которых сохранилось более 80% всего биоразнообразия планеты. В настоящее время на территории алтайских регионов осуществляется множество природоохранных проектов, в том числе реализуются проекты «Сохранение биоразнообразия и устойчивое развитие» ПРООН/ГЭФ. Проекты финансируются Глобальным Экологическим Фондом, имеют национальный характер, но выполняются на единой методологической основе и координируются между собой как на уровне международных экспертов, так и международными координационными советами, заседания

которых проводятся регулярно в разных странах региона. В качестве флагового вида сохранения биоразнообразия принят снежный барс — ирбис, но проект имеет значительно более широкую проблематику и направлен на сохранение иных видов биоразнообразия как животного, так и растительного происхождения. Сохранение биоразнообразия Алтая невозможно лишь в рамках национальных проектов. Миграционные пути животных не учитывают государственных границ и проходят, как правило, через труднопроходимые горные отроги, вдоль них, да и особо охраняемые природные территории прилегают к государственным границам с двух сторон в силу наилучшей сохранности природных систем в приграничных территориях и слияния ареалов распространения редких и эндемичных растений и животных. Решается в проекте и ряд задач, направленных на социально-экономическое развитие территорий, например, разработка альтернативных систем жизнедеятельности местного населения, в том числе с учетом традиционного опыта коренных народов. Совместные вопросы борьбы с браконьерством и охраной ООПТ по разные стороны границ — также входят в состав названного проекта и решаются совместными усилиями субъектов трансграничного сотрудничества.

Алтай является одним из крупнейших в Азии водоразделов, представляя собой центр накопления и распределения водных масс — своеобразную водонапорную башню, в которой концентрируются воды и льды и направляются в разные стороны в виде многочисленных рек, формирующих бассейны Оби, Иртыша, Кобдо и ряда более мелких рек. От его состояния в существенной мере зависит жизнедеятельность населения не только алтайских регионов, но и регионов, расположенных ниже по течению р. Оби и ее притоков [1].

Алтайский регион в целом отличает довольно невысокий уровень индустриального развития, на его территории можно назвать лишь отдельные очаги индустриализации и урбанизации. Некоторым исключением в этом отношении может служить часть территории Рудного Алтая Восточно-Казахстанской области, где расположены такие города как Усть-Каменогорск, Ридер и другие, и формируется достаточно большой объем загрязнений от предприятий горнодобывающего и металлургического комплекса. Вся остальная территория Алтая с экологических позиций является потребителем загрязнений не только соседних регионов, но и достаточно отдаленных от него. Так, например, керн с ледников Белухи служит индикатором накопленных загрязнений не только регионального, но и материкового уровня. В нем хранятся следы не только ядерных испытаний в Семипалатинске и Лобноре, но и Чернобыльской катастрофы, но, по мнению специалистов институтов ИВЭП СО РАН и им. Поля Шерера (Швейцария, наибо-

лее яркий след в керне оставили не антропогенные, а природные явления, например, извержение вулкана Каратал (Индонезия) [2].

С позиций же социально-экономических, Алтай является объективно-субъективным фактором деструктивного действия, что проявляется в особенностях расселения разных этнических групп, когда практически в центре алтайской горной области в настоящее время проживают казахи, заселившие эти места в конце XVIII — начале XIX века, сразу после установления государственной границы между Россией и Китаем. В настоящее время 54,8% населения приграничного Кош-Агачского района [3] (Россия) или около 6% всего населения республики, более 90% Баян-Ульгийского аймака Монголии, более 50% жителей Алтайского округа Синьцзян-Уйгурского района — также казахи (табл. 1).

Таблица 1.

**Этнический состав населения в Центральном Алтае,
тыс. чел. [4]**

	казахи	ханы	алтайцы	русские
Россия, Республика Алтай, АТЕ — Кош-Агачский район	8,2	—	6,5	0,7
Китай, СУАР				
Алтайский округ	292,2	258	—	0,5
АТЕ — Хабахе	44,8	23,5	—	—
Буерцзянь	37,1	22,5	—	0,2
Казахстан, Восточно-Казахстанский акимат	34,7	—	—	8,6
АТЕ — Катон-Карагайский Кетчумский	39,4	—	—	4,05
Монголия				
Баян-Ульгийский и Хогонурский аймаки	73	—	—	—
Всего	448	258	10,5	14,05

В результате можно отметить пересечение:

во-первых, религий: пантеизма (шаманизма), исторически присущего коренному населению Алтая; ислама, привнесенного казахским населением; христианства, пришедшего вслед за присоединением Алтая к Российской империи; и буддизма, имеющего распространения среди отдельных этнических групп, проживающих на Алтае;

во-вторых, культур, что проявляется в некоторой трансформации материальных и духовных традиций жизнедеятельности народов, населяющих Алтай — ремесел и промыслов, обычаев, культовых обрядов, эпоса и др.;

в-третьих, семейных уз, когда на приграничных территориях разных государств проживают близкие родственники.

Следует отметить прозрачность границ между Казахстаном и Россией: отсутствие виз, формирующиеся в настоящее время пограничные посты выполняют в основном контрольную функцию, преграждая поступление контрабандных товаров, в том числе из третьих стран. На границе между Монголией и Россией имеют место упрощенные формы пересечения границ для жителей приграничных районов, наличие постоянной прописки в Кош-Агачском районе Республики Алтай или в Баян-Ульгийском аймаке Монголии является основанием для безвизового пересечения границы. Между приграничными районами идет тесный обмен научными экспедициями, культурный обмен — совместное проведение или участие в международных праздниках, фестивалях, конкурсах. Существенно упрощен в последнее десятилетие обмен туристами, бизнесменами, представителями общественных и политических организаций между Китаем и остальными государствами, наиболее регламентирован он в отношениях России и Китая, но и здесь имеются возможности экстренного оформления виз, главным образом, туристических.

Экономические связи между государствами Большого Алтая также в достаточной мере традиционны. Металлургическая база Рудного Алтая создавалась еще в советские времена без соблюдения границ между РСФСР и Казахстаном: была единая геолого-разведочная служба, размещенная в Усть-Каменогорске; предприятия перерабатывающего комплекса также были связаны в едином производственном комплексе. В едином производственном цикле формировались и иные отрасли промышленности, например, мощности Рубцовского производственного узла тракторного и сельскохозяйственного машиностроения создавались для производственных нужд не только Алтайского края, но и Казахстана, стран Средней (Центральной) Азии. Распад Советского Союза привел к разбалансированности этих традиционных связей и, в конечном итоге, к падению валового производства во всех странах бывшего Союза. Ныне эти связи восстанавливаются, что проявляется в положительной динамике товарооборота между странами бывшего СССР (табл. 2).

В едином комплексе были увязаны и объекты производственной инфраструктуры — ЛЭП, железные и автомобильные дороги были за-кольцованы в единую энерго- и транспортную системы. Многие ко-тельные западных районов Алтайского края и даже самая крупная ТЭЦ г. Барнаула были ориентированы на экибастузский уголь, отказ от которого вызвал необходимость технического и технологического переоборудования части энергетических объектов.

Таблица 2.

Внешняя торговля (в фактически действовавших ценах; миллионов долларов США) [5]

	2000				2005				2006			
	Со странами дальнего зарубежья		Со странами СНГ		Со странами дальнего зарубежья		Со странами СНГ		Со странами дальнего зарубежья		Со странами СНГ	
			экспорт	импорт			экспорт	импорт			экспорт	импорт
Российская Федерация	89269	22276	13824	11604	208846	79712	32605	18996	259145	115336	42305	22367
в т. ч. Сибирский ФО	10355,1	1422,2	1066,3	875,0	22906,9	2549,4	2636,5	1431,3	25308,1	3760,0	2742,1	1948,4
Республика Алтай	40,0	62,1	11,8	6,4	22,9	101,2	9,2	1,4	19,7	169,9	2,4	0,7
Алтайский край	51,4	47,6	155,2	66,4	270,5	37,4	473,6	167,9	175,2	74,6	418,0	233,6

Тесные экономические связи были и остаются между сибирскими регионами и западными аймаками Монголии. Россия традиционно поставляла в Монголию энергоносители, технику, зерно, оказывала образовательные и иные производственные услуги, получая взамен скот; имело место и совместное освоение месторождений монгольского Алтая. Экономические связи между Россией и Монголией продолжают, но интенсивность их снизилась, что особенно заметно по структуре экспортно-импортных поставок в Монголии, и если раньше стратегическим торговым партнером Монголии была Россия, то в настоящее время ведущее место занимают Китай и Казахстан. Активно работают ныне в Монголии западно-европейские и североамериканские фирмы и фонды, в том числе в области оказания консалтинговых и образовательных услуг.

Китай в настоящее время играет активную роль на международном рынке в целом, не является исключением и Синьцзян-Уйгурский автономный район, часть которого относится к Алтаю. Более того, темпы развития западных регионов опережают средние по стране. Активизируются связи СУАР и с соседними регионами Алтая: растет поток туристов, товаров и услуг из СУАР, в том числе производственного характера. Если в 2007 г. внешнеторговый оборот Китая со странами Центральной Азии (Казахстан, Монголия, Россия) составил 19,69 млрд. дол. США, в т.ч. на СУАР приходилось 10,97 млрд. дол., то в январе-июле 2008 г. только по СУАР этот показатель составил 11,58 млрд. дол., прирост составил 95,9%³⁶ [6]. Начиная с 1998 г. активно обсуждается возможность строительства прямого сообщения между сибирскими регионами и СУАР путем продления автомагистрали М–52 «Чуйский тракт» от п. Кош-Агач через перевал Канас в Алтайский округ и далее — до г. Урумчи, административного центра СУАР. Имеется ряд ограничений для строительства такой дороги, как технического, так и социально-экологического характера, но это предмет для специального обсуждения [7]. В настоящее время столь же активно рассматривается вопрос строительства газопровода «Алтай», имеются ряд вариантов прокладки трассы газопровода, в том числе и через перевал Канас, при этом строительство и эксплуатация газопровода такого масштаба всегда сопровождается строительством дороги как минимум IV категории, и те же проблемы остаются и при реализации данного проекта, правда меняются акценты [8].

Среди наиболее приемлемых вариантов с позиций политической и экологической общественности называется строительство на-

званных объектов — газопровода, дороги [9] — через западные аймаки Монголии, при этом апологетов данных сценариев инфраструктурного обустройства Алтайских регионов не смущают ни экологические, ни национально-этнические аспекты. Ведь данные линейные объекты при любом варианте пересекут одни и те же Алтайские горы — часть Алтае-Саянского экорегиона — одного из центров сохранения биоразнообразия. Данные территории заселены народами со своей самобытной культурой, более того, как уже говорилось выше, большая часть населения Кош-Агачского района (Россия) и Баян-Ульгийского аймака (Монголия), относится к одному казахскому племени с одним языком и культурой, поэтому и «китайская экспансия», которую выдвигают в качестве контраргумента противники развития транспортной инфраструктуры в равной мере может угрожать и российским, и монгольским казахам, а также другим народам, населяющим данную трансграничную территорию Большого Алтая. Следует отметить, что в настоящий момент уже началось строительство так называемого «зеленого моста», соединяющего территорию Западного Китая и Центральной Монголии [6].

Современные реалии стран Большого Алтая характеризуются активизацией процессов интеграции политических и экономических связей между его регионами, которая проявляется как в заключении договоров об осуществлении той или иной совместной деятельности между властными и бизнес-структурами, так, в еще большей степени, в намерениях, причем не только в торговле, но и в науке, технике, технологиях и, главным образом, туризме и охране окружающей среды. В последнем случае весьма позитивную роль играют международные общественные организации WWF (Фонд дикой природы), UNDP (Фонд развития), GEF (Глобальный экологический фонд), по чьей инициативе и финансовой поддержке практически параллельно во всех странах Алтая осуществляются проекты сохранения биоразнообразия и устойчивого развития. Эти проекты имеют как экологические цели — сохранение природных объектов, так и социально-экономические — поиск путей устойчивого развития или сотворчества человека и природы в уникальных горных регионах Алтая, сохранения культурно-исторических ценностей местных сообществ, традиционных систем жизнеобеспечения.

Важную роль в усилении интеграционных процессов между странами играет Международный координационный совет «Алтай — наш общий дом», начало которому было положено в п. Ая в 2000 г. на международной конференции «Наш общий дом» по социально-ориентированным экологическим проблемам сопредельных территорий Алтае-Саянского региона, Совет был сформирован преимущественно

³⁶ По данным Синьхуа.

на общественных началах представителями науки и общественности, а затем в 2003 г. получил свое официальное подтверждение³⁷ и перерос в мощный фактор решения общих проблем регионов стран Большого Алтая. В настоящее время в рамках действия МКС «Алтай — наш общий дом» реализуется множество программ экономического, культурного, научного и образовательного профиля.

Однако следует отметить, что на фоне усиления интеграционных процессов между странами Большого Алтая, отмечаются дезинтеграционные процессы во взаимоотношениях между Алтайскими регионами России. Несмотря на традиционно тесные экономические связи между регионами — единая транспортная и энергетическая система, взаимопоставки сырья и оборудования — дезинтеграционные процессы продолжают иметь место. Причин этому можно назвать множество: и застарелые обиды, накопленные еще в советские годы, когда эти два субъекта входили в состав единого Алтайского края; и разность политического статуса, когда небольшая Республика Алтай имеет больше прав³⁸ и, к сожалению, амбиций, чем более крупный и по территории, и по населению, и по объему производимой продукции Алтайский край³⁹; и разность природного и социально-экономического потенциалов, и уровень его освоения. В числе причин современных дезинтеграционных процессов можно назвать и ментальность коренных народов Алтая, осознание собственной национально-этнической самобытности и значимости в глобальных исторических и культурологических процессах. И если историко-культурный опыт коренных народов, в том числе кумандинцев, теленгитов, тубаларов и др., отнесенных к числу малых народностей заслуживает огромного уважения и изучения со стороны не только алтайского народа, но и всего мирового сообщества, то изолированность отдельных социально-экономических процессов влечет снижение эффективности экономик этих регионов в целом и отдельных проектов в частности.

³⁷ 16–17.04.2003 г. в г. Барнауле состоялось первое заседание МКС, на котором было принято Соглашение о его создании на уровне руководителей законодательных органов регионов Большого Алтая.

³⁸ В данном случае проявляется асимметричность федеративного устройства России, когда в соответствии со статьей 66 Конституции РФ определена разность правовых статусов, определяемых Конституцией республик и Уставом субъектов иных форм административно-правового устройства.

³⁹ По данным Госкомстата Алтайский край превышает Республику Алтай в 1,8 раз по территории, в 12,3 раз — по численности населения, в 13,7 раз — по объему производимого валового регионального продукта.

Живой иллюстрацией данного тезиса может послужить создание особой экономической зоны рекреационно-туристского типа «Алтай», которая получила поддержку в Минрегионразвития РФ и в Федеральном агентстве по управлению свободными экономическими зонами как единый туристско-рекреационный комплекс (ТРК), но в процессе реализации очень быстро распалась на два административно изолированных, но тесно взаимосвязанных объекта. Это ТРК «Бирюзовая Катунь» Алтайского края и ТРК «Алтайская долина» в Республике Алтай, расположенные почти напротив друг друга, соответственно, на левом и правом берегах Катуни. Эти два объекта объединяет и общность выполняемых функций, и единство объектов инфраструктуры, но их проектирование и строительство ведется в изолированном режиме, слабо коррелируя между собой.

В результате уже сегодня можно предположить рассогласованность интересов этих двух субъектов развития и возможность появления новых негативных дезинтеграционных процессов социально-экономического и экологического характера в будущем. Выход в данном случае видится в проведении согласовательных процедур уже на начальных этапах реализации любого крупного проекта, в той или иной мере затрагивающем интересы двух Алтайских регионов. Настоящее время дает реальный шанс для обеспечения согласованности интересов Алтайского края и Республики Алтай, так как согласно Градостроительному Кодексу РФ в настоящее время в Алтайском крае заканчивается, а в Республике Алтай идет разработка Схем территориального планирования регионального уровня. Эти документы имеют долгосрочный характер, их реализация рассчитана на 2008–2025 гг. и, что очень важно, разрабатываются одним головным проектировщиком — Центральным научно-исследовательским и проектным институтом по градостроительству РААСН. В данном случае есть надежда, что общие региональные территориальные проблемы будут рассмотрены в едином ключе и с учетом интересов обоих субъектов Федерации. Однако очень важно, чтобы, во-первых, и на муниципальном уровне территориальное планирование было осуществлено на единой градостроительной платформе, и, во-вторых, что не менее важно, в дальнейшем, на этапе реализации, положения этих схем не терпели разительных изменений, как это, к сожалению, часто бывает на этапах строительства.

Литература:

1. Селиверстов Ю.П., Винокуров Ю.И., Краснаярова Б.А., Заносова В.И. Водные ресурсы как средоформирующий фактор сохранения биоразнообразия в Алтае-Саянском горном экорегионе // Сохранение этно-культурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития. — Горно-Алтайск, 2002. — С. 94–97.
2. Eyrikh S., Schwikowski M., Papina T. Reconstruction of mercury air contamination by analysis of an ice core from Belukha glacier, Siberian Altai. Annual report 2004, Labor fur radio- und umweltchemie der universitat Bern und des Paul Scherrer Instituts, p. 25 (January, 2005).
3. Кош-Агачский район — вчера, сегодня, завтра. [Дайджест]. — Барнаул, 2003. — 22 с.
4. Баденков Ю.П. Два народа в окружении Священных Алтайских гор и степей // Изучение гор и развитие, т. 22, вып. 4, 2002. — С. 320–323.
5. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2007. Статистический сборник / Росстат. — М., 2007. — 991 с.
6. www.altaiinter.info
7. Винокуров Ю.И., Краснаярова Б.А., Сечина Н.А., Стоящева Н.В. Строительство автомобильных дорог в экстремальных природных условиях // Социальная безопасность населения юга Западной Сибири. Вып. 1. — Барнаул, 2003. — С. 193–195.
8. Краснаярова Б.А. Роль науки и позиция ученого при решении крупных хозяйственных вопросов // Актуальные проблемы безопасности Алтая и Сибири: геополитика, энергетика, экология, социальные отношения. — Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай — 21 век», 2007. — С. 53–58.
9. Актуальные проблемы безопасности Алтая и Сибири: геополитика, энергетика, экология, социальные отношения. — Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай — 21 век», 2007. — 112 с.

Комарова Т.М.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Под социально-демографической безопасностью принято понимать такое состояние социума, при котором на территории региона обеспечивается стабильность и устойчивость процесса воспроизводства населения, сопровождающаяся повышением уровня жизни и развития. Если же один из компонентов деградирует, то начинает страдать и целостность всей системы. Социально-демографическая безопасность охватывает сферы уровня жизни населения, рынка труда, демографической безопасности и правопорядка. Среди показателей, характеризующих демографическую безопасность, важное место занимает блок показателей половозрастной и брачно-семейной структуры населения. Возрастная структура влияет на социальные процессы в регионах, оказывает закономерное влияние на естественное движение населения, которое выражается показателями рождаемости, смертности, брачности. «С демографической точки зрения, возрастная структура населения, с одной стороны отражает эволюцию режима воспроизводства населения в прошлом, с другой стороны, она выступает как самостоятельный компонент будущего демографического развития» [2, с. 4].

Для расчета уровней социально-демографической безопасности была взята методика А.А. Татаркина, А.А. Кукулина, в основе которой лежит методика расчета экономической безопасности, и выделяются следующие уровни: нормальный, предкризис, кризис [4]. В свою очередь предкризисный уровень подразделяется на три стадии: начальную, развивающуюся, критическую. Кризисный уровень делится также на три стадии: нестабильную, угрожающую и чрезвычайную.

Рассматривая возрастную структуру населения в качестве фактора социально-демографической безопасности региона, нами были рассчитаны основные фоновые показатели для территории ЕАО:

- показатель возрастной структуры населения (доля лиц моложе трудоспособного возраста и трудоспособного в общей численности населения);

- показатель возрастной структуры женского населения (доля женщин фертильного возраста и в возрасте 20–34 года в общей численности женского населения);
- показатель демографической нагрузки на трудоспособное население;
- коэффициент старения населения и другие.

Рассмотрим каждые из фоновых показателей подробнее.

Демографические процессы в регионе, прежде всего, касающиеся процессов воспроизводства, в целом сходны со среднероссийскими. Но для территории ЕАО, как и в целом для всего Дальневосточного региона, характерна более молодая возрастная структура населения. Так в 1989 г. доля детей в РФ составляла 24,5%, в ЕАО — несколько выше — 30,9%; доля лиц старше трудоспособного возраста соответственно 18,5% и 15,9% [1, 3]. При снижении рождаемости произошло увеличение доли населения старших возрастов. Доля детей к 2007 г. составила всего 18,2%, сократившись только за рассматриваемый период (2000–2007 гг.) на 4,8%, при незначительном росте населения трудоспособного возраста с 61,5 до 65,1% и старше трудоспособного до 16,6% (рис. 1).

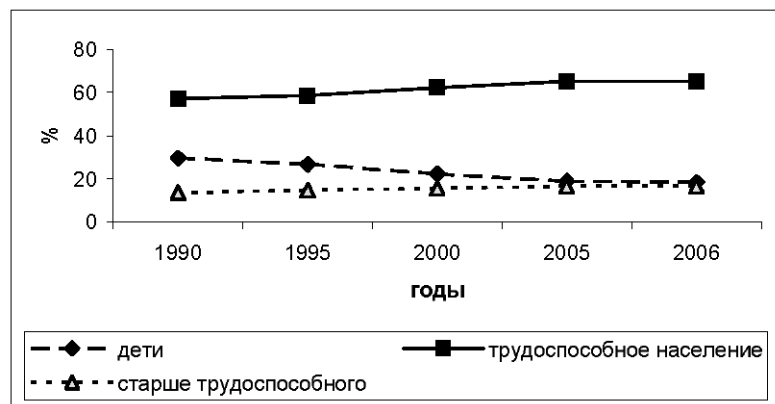

Рис. 1. Доля отдельных групп населения ЕАО в возрастном составе

При этом необходимо отметить, что в области до сих пор соотношение детей и людей старших возрастов составляет 1,09, в то время как в России уже с 2000 г. отмечается обратное превышение (0,79). Коэффициент демографической нагрузки, рассчитываемый как соотношение населения в нетрудоспособном возрасте к трудоспособно-

му, в рассматриваемый период снизился с 1,02 до 0,82. Последние годы отмечается сокращение демографической нагрузки на трудоспособное население с 38,5 до 34,9 чел. на 100 чел. (среднероссийская — 40), прежде всего, за счет сокращения доли детей (рис. 2).

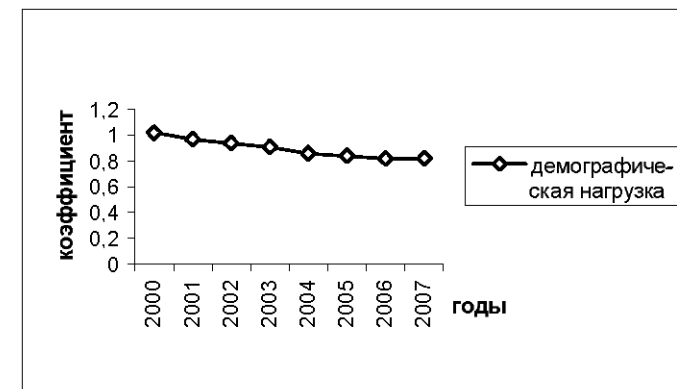

Рис. 2. Динамика коэффициента демографической нагрузки населения ЕАО

Для прогнозирования численности населения разных возрастных групп, мы рассчитали коэффициент линейной эволюции населения. При сохранении существующих демографических тенденций, данный коэффициент для трудоспособного возраста составил 0,004, таким образом можно констатировать, что начиная с 2006 г. в области наблюдается сокращение трудоспособного населения. При этом коэффициент для населения старше трудоспособного возраста составляет 0,011, следовательно, численность данной группы будет медленно расти. Для детского возраста коэффициент отрицательный и составляет 0,028, несмотря на увеличение рождаемости в последние три года (рис. 3).

Оценивая современные показатели демографической нагрузки нельзя не сказать, что в ближайшие годы ситуация начнет ухудшаться. Ожидается значительный рост общей демографической нагрузки, поскольку пенсионного возраста будут достигать многолюдные поколения людей родившихся в 1950-е гг. Старение всего населения неизбежно сопровождается значительным сокращением работоспособной части. По классификации ООН население региона считается демографически старым, если доля населения старше 65 лет составляет более 7%. За последние годы коэффициент старения в ЕАО вы-

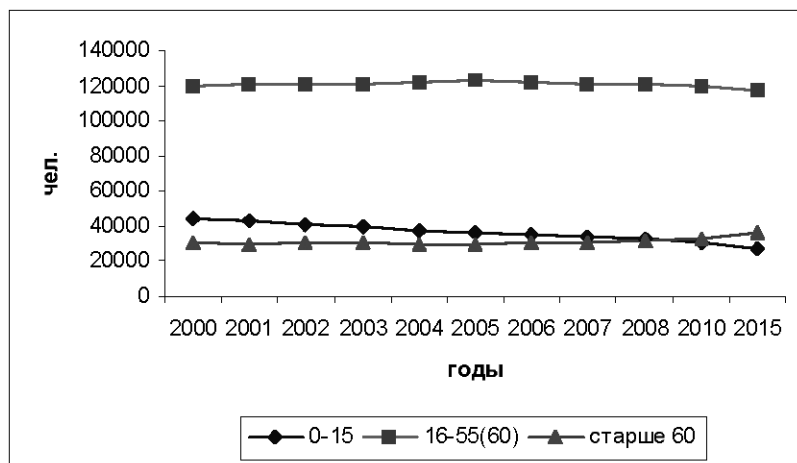

Рис. 3. Прогноз численности населения по разным возрастным группам

рос с 8,5 до 9,8%. Тенденции, складывающиеся в демографической сфере, в целом негативно воздействуют на трудовой потенциал населения, снижая общую численность населения и формируя неблагоприятные тенденции в изменении возрастной структуры. Современные тенденции, складывающиеся в возрастной структуре, пока указывают на сокращение общей численности населения и увеличении в структуре населения лиц старших возрастов.

При этом динамика доли населения моложе трудоспособного возраста имеет отрицательную тенденцию: за последние годы она составила — 8,34. Численность новорожденных в последние три года практически стабильна; по сравнению с 2000 г. она возросла на 20%, но еще не достигла уровня 1995 г.

Прогноз численности населения, определяющего количество новорожденных, позволяет утверждать, что до 2011–2015 гг. численность населения этой группы будет возрастать, что вполне объяснимо всплеском рождаемости 1982–1987 гг. В случае сохранения особенностей репродуктивного поведения, сложившихся на сегодняшний день для населения ЕАО, после 2015 г. последует спад численности новорожденных, так как снизится численность населения репродуктивного возраста и прежде всего женского. Доля женщин фертильного возраста в общей численности женщин за последние 8 лет медленно снижается, при незначительном увеличении женщин возраста 20–34 года

с 212 до 246,3 на 1000 [1]. В 2007 г. данная когорта женщин была самой многочисленной за последние годы. Сокращение численности женщин фертильного возраста в перспективе можно оценить, используя также брутто-коэффициент воспроизводства, который в последние годы в среднем составляет 0,66. Следовательно, ежегодно в среднем у 1000 женщин рождается 660 девочек, и поколение дочерей становится на 340 человек меньше, чем поколение матерей. С 2008 г. в фертильный возраст начнут вступать малочисленные когорты рожденных в начале 1990-х гг. и доля женщин данного возраста начнет сокращаться. При этом приток женского населения в когорту репродуктивных возрастов с каждым годом на ближайшую перспективу будет снижаться и к 2015 г. сократится на 19,3% по сравнению с 2005 г. Немаловажное значение в сокращении численности женщин фертильного возраста в последние годы играет миграция. В целом при рассмотрении половой и возрастной структуры мигрантов необходимо отметить следующее, основная доля прибывших (как внутри-, так и межрегиональных) это мужчины трудоспособного возраста (53%), а вот среди выезжающих преобладает женское население репродуктивного возраста — 59,2%. Указанные выше процессы, привели к тому, что соотношение численности мужского и женского населения репродуктивного возраста на территории области составляет 1,04 с положительной динамикой в сторону увеличения мужского населения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) сокращение в структуре населения женщин фертильных возрастов при современных тенденциях рождаемости приведет к дальнейшему сокращению численности населения региона;
- 2) дисбаланс в возрастной структуре населения, прежде всего, детских возрастов, приведет в среднесрочной перспективе к увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население;
- 3) на территории региона не обеспечивается стабильность и устойчивость процесса воспроизводства населения, что в дальнейшем может привести к нарушению целостности всей системы и кризису;
- 4) современное состояние возрастной структуры населения можно отнести как развивающийся предкризис, грозящий перерасти в ближайшем будущем в критический предкризис;
- 5) сокращение населения в приграничном регионе может привести к возникновению не только социальной, но и геополитической неустойчивости. Особенно, если территория сопредельного государства достаточно плотно заселена и динамично развивается.

Литература

1. Население Еврейской автономной области. — Биробиджан: Евр-стат, 2007.
2. Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Статистика, 1976.
3. Регионы России. — М.: Росстат, 2007.
4. Татаркин А.А., Куклин А.А. Комплексная методика диагностики социально-демографической безопасности региона. — Екатеринбург, 2007.

Мищук С.Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью современных социально-экономических (демографических) процессов. Миграция населения, с одной стороны, оказывает непосредственное влияние на воспроизводство и занятость населения, его расселение. С другой стороны, экономическая и социальная ситуация в регионе может стимулировать или замедлять динамику перемещения населения.

Еврейская автономная область (ЕАО), являясь проблемным регионом, характеризуется относительно низким уровнем жизни в сравнении с сопредельными субъектами России. Удаленность от экономического и демографического центра России, приграничное положение ЕАО обусловили специфику формирования ее рынка труда и миграционной политики.

В рамках данного исследования проведен анализ отдельных видов миграционных потоков населения области. В качестве исходных материалов использовались официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Еврейской автономной области, Федеральной миграционной службы по ЕАО. Работа носит эмпирический характер и является частью исследования, направленного на разработку рекомендаций по формированию и проведению миграционной политики приграничного региона.

С точки зрения пространственной направленности миграционных потоков, доминирующим направлением является межрегиональная миграция. За период с 2002 по 2006 гг. в области сохраняется отрицательный миграционный прирост. Наибольший отток населения зафиксирован в 2005 г. (–1021 человек), причем основным районом выбытия являлся г. Биробиджан (–1007 человек). Главным регионом выбытия мигрантов из г. Биробиджана в рассматриваемом году являлся Уральский федеральный округ, миграционная убыль составила –998 человек. Динамика миграционных процессов в целом соответствует процессам межрегиональной миграции, что отражено на рисунке 1.

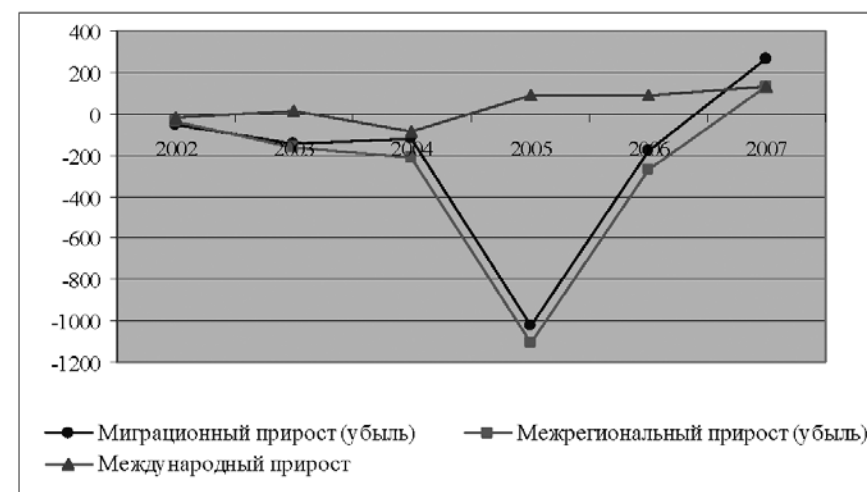

Рис. 1. Показатели миграционного прироста (убыли) населения в ЕАО, человек

Анализ распределения мигрантов ЕАО по местам проживания (городские поселения и сельская местность) с 2004 по 2006 гг. отражает сохранение общего отрицательного миграционного сальдо, сформированного в один год за счет выезда населения из городских поселений, в другой временной период — из сельской местности. В 2007 г. миграционный прирост обусловлен положительным балансом в городских поселениях (395 человек). Для сельских поселений в рассматриваемом году характерна убыль населения (–129 человек), что в большей степени обусловлено выбытием населения в городские поселения области (–139 человек) (таблица 1).

Таблица 1.

**Миграционный прирост в городских
и сельских поселениях ЕАО, человек**

	2004	2005	2006	2007
Всего	-120	-1021	-178	266
Городские поселения	-14	-1011	-325	395
Сельские поселения	-106	-10	147	-129

Источник: рассчитано по данным текущей статистики Еврстат.

Анализ миграционных процессов в районах области по направлениям отражает приоритет внутрироссийской миграции (в большей мере — межрегиональной), доля международной миграции во всех районах области остается незначительной.

В целом с 2004 по 2007 гг. по области миграционная убыль населения составляет -1053 человека. В разрезе районов области миграционные процессы различаются (рисунок 2). Стабильный положительный общий миграционный прирост населения отмечается в Биробиджанском и Сидовичском районах, что обусловлено их центральным положением, сосредоточением здесь основных социальных, экономических, культурных объектов. За рассматриваемый период общий миграционный прирост в Сидовичском районе составил 1085 человек, в Биробиджанском районе 628 человек.

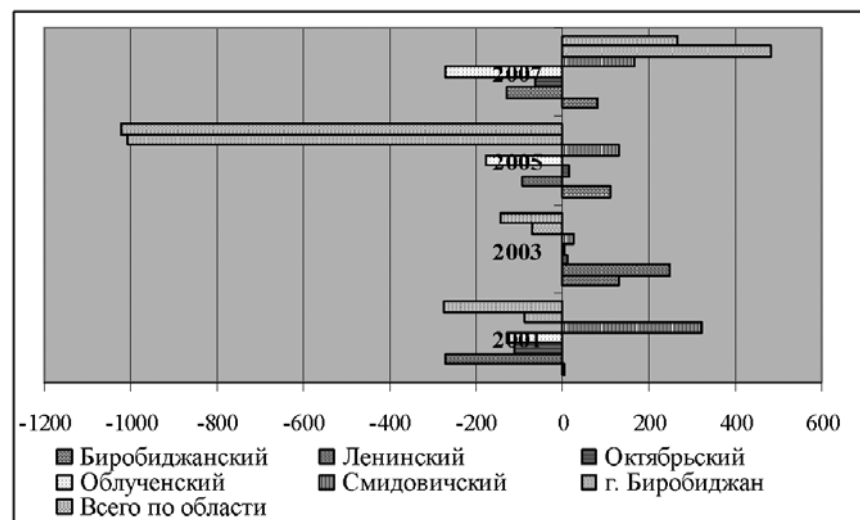

**Рис. 2. Общий миграционный прирост (убыль)
населения ЕАО, человек**

Для Биробиджанского района характерно относительно стабильное число прибывших (428 человек в 2001 г. и 433 в 2006 г.), при снижении числа выбывших (426 человек в 2001 г., 299 человек в 2006 г.). Миграционный прирост в районе с 2001 по 2006 гг. увеличился с 2 до 134 человек, в 2007 г. сохраняется положительный миграционный прирост населения (83 человека). Снижение данного показателя связано с увеличением числа выбывших на 60 человек (20%) в сравнении с прошлым годом, более 85% мигрировали в пределах Дальневосточного федерального округа.

Для Сидовичского района характерен миграционный прирост населения, обеспеченный в большей мере за счет городских поселений, доля которых в 2007 г. составила 73,0% от общего миграционного прироста населения района. В районе прослеживается дифференциация городских поселений по уровню миграционного прироста в зависимости от расположения относительно г. Хабаровска. Основные городские поселения, характеризующиеся положительным приростом, расположены в непосредственной близости от г. Хабаровска — пгт Николаевка и пгт Приамурский. Миграционный прирост в рассматриваемых поселениях в 2005 г. составил 138 и 56 человек, соответственно. В двух других городских поселениях (пгт Сидович, пгт Волочаевка-2), более удаленных от данного города, отмечается убыль населения (-63 и -22, соответственно). В 2007 г. в районе количество прибывших превышало количество выбывших на 166 человек, основной приток мигрантов сформирован за счет межрегиональной миграции, доля которой по прибытию составила 84,3%, по выбытию — 76,5%. Ситуация в рассматриваемых поселениях соответствует предыдущему периоду: миграционный прирост населения характерен для пгт Николаевка и пгт Приамурский (171 и 42 человека, соответственно), убыль — пгт Сидович и пгт Волочаевка-2 (-76 и -16 человек).

Негативные тенденции в целом сохраняются в Ленинском, Октябрьском и Облученском районах, г. Биробиджане (таблица 2). Положительный миграционный баланс в 2007 г. в г. Биробиджане обусловлен ростом числа прибывших из Дальневосточного федерального округа (512 человек, что в 2,3 раза выше по сравнению с предыдущим годом). Основные районы прибытия в Ленинский район в 2006 г. (прирост 59 человек) — Приволжский, Южный и Сибирский. Одна из основных причин прибытия мигрантов в район — в связи с работой. Главные причины выбытия населения из Облученского и Октябрьского районов — причины личного семейного характера, в связи с учебой и работой, причина прибытия населения — возвращение на прежнее место жительства.

Таблица 2.

**Общий миграционный прирост (убыль) населения
по муниципальным образованиям ЕАО, человек**

Муниципальное образование	2004	2005	2006	2007	2004–2007
ЕАО	–120	–1021	–178	266	–1053
г. Биробиджан	–152	–1007	–263	481	–941
Биробиджанский район	76	112	134	83	405
Ленинский район	–123	–93	59	–131	–288
Облученский район	–133	–176	–235	–271	–815
Октябрьский район	50	15	–11	–62	–8
Смидовичский район	162	128	138	166	594

При рассмотрении половой структуры мигрантов можно отметить превышение числа женщин среди выезжающих за пределы региона (2004 г. — 52%, 2007 г. — 52,7%), превышение числа мужчин — среди прибывающих (51% от общего числа прибывших как в 2004 г., так и в 2007 г.). В возрастной структуре наиболее мобильной является трудоспособная часть населения, на долю которой в 2007 г. приходится 72,3% от числа выехавших, 72,2% — от числа прибывших. В таблице 3 представлены данные миграционного баланса мужчин и женщин по разным возрастным категориям.

Таблица 3.

**Внутрироссийский миграционный прирост (убыль)
населения ЕАО по возрастным группам, человек**

	2004	2005	2006	2007
Моложе трудоспособного возраста	–82	–85	24	38
Трудоспособное	–81	–866	–201	191
Старше трудоспособного возраста	43	–70	–1	37
Всего	–120	–1021	–178	266

Международная миграция занимает незначительное место в миграционных процессах области. С 2002 по 2007 гг. общее число прибывших составило 1481 человек, выехавших — 1087 человек. Миграционный прирост составил 394 человека (рисунок 3). В половой структуре данного вида миграции в 2002 г. доля женщин составила 52,3% от общего числа прибывших из-за пределов России, 43,6% — от числа выехавших, в 2007 г. — 41,2% и 59,1, соответственно. За рассматриваемый период миграционная убыль женщин составила 82 человека, мужчин прибыло на 267 человек больше, чем выехало.

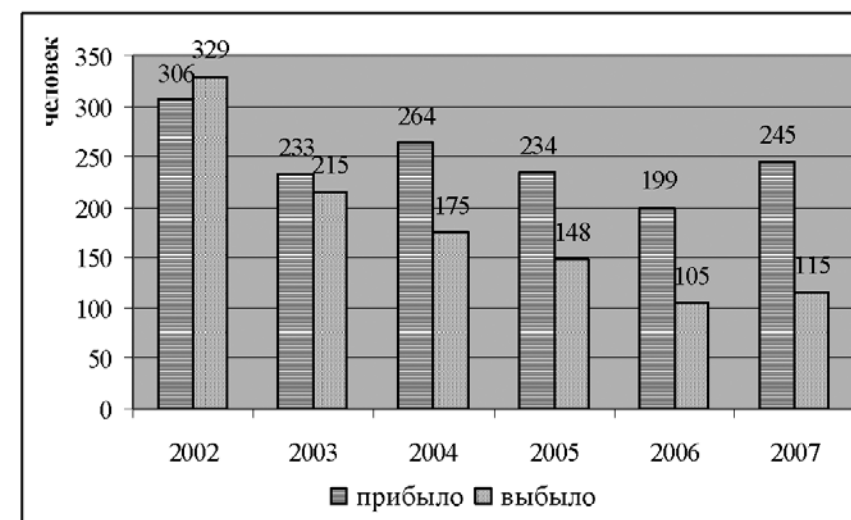

Рис. 3. Динамика международной миграции ЕАО, человек

Среди муниципальных образований максимальная прибыль населения в результате международной миграции зафиксирована в г. Биробиджане, где общий прирост прибывших за 2004–2007 гг. составил 196 человек (49,1% от общего числа прибывших в область за рассматриваемый период). Приоритет города очевиден и обусловлен более благоприятной экономической и социальной ситуацией в сравнении с районами области. Незначительная убыль населения характерна для Ленинского района (миграционная убыль за 2004–2007 гг. — 1 человек), что объясняется негативными тенденциями в 2004–2005 гг. (–16 человек), в настоящее время в районе преобладает число прибывших. В 2007 г. во всех районах области зарегистрирован международный миграционный прирост.

Таким образом, анализ миграционных процессов в ЕАО позволяет сделать следующие выводы:

1. За период с 1992 по 2006 гг. в области сохраняется миграционная убыль населения. Максимальная убыль отмечалась в 1990-е гг., что обусловлено нестабильной экономической, политической ситуацией как в стране, так и в области, политикой по возвращению этнических евреев, проводимой рядом зарубежных стран. В 2000-е гг. отрицательный миграционный баланс сформирован в большей степени за счет межрегиональной убыли населения.

2. Основной регион выбытия населения области — Уральский федеральный округ, регионы прибытия — Дальневосточный и Приволжский.
3. Среди районов области стабильный положительный общий миграционный прирост населения отмечается в Биробиджанском и Сидовичском районах, что обусловлено их близостью к городам (Биробиджан, Хабаровск), сосредоточением здесь основных социальных, экономических, культурных объектов. Негативные тенденции в целом сохраняются в Ленинском, Октябрьском и Облученском районах, г. Биробиджане. Главные причины выбытия населения из районов: причины личного семейного характера, переезд к местам учебы и работы, причина прибытия населения — возвращение на прежнее место жительства.
4. В половозрастной структуре выбывших преобладают женщины трудоспособного возраста, доля мужчин выше в числе прибывшего населения.
5. Изменение вектора миграций ЕАО в 2007 г. в сторону миграционного прироста обусловлено формированием положительного баланса в городских поселениях в рамках межрегиональной и международной миграции, сокращением числа выбывших в Уральский федеральный округ.

Литература

1. Миндогулов В.В. Миграционная компонента в формировании населения Дальнего Востока // Мат-лы Межд. конференции «Миграция и развитие» (Пятые Валентеевские чтения), 13–15 сентября 2007 г. / Под ред. Проф. В.А. Ионцева. В 2-х томах. Том 1. М.: Изд-во МГУ, СП Мысль, 2007. — С. 188–192.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2006 году. Стат. бюллетень. — М.: Росстат, 2007. — 259 с.
3. Статистический бюллетень № 52 Миграция населения Еврейской автономной области в январе — декабре 2006 года: Евр-стат. — Биробиджан, 2007 — 17 с.

**Бородина Т.Л., Волкова И.Н.,
Гриценко А.А., Баринев С.Л.**

ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И УКРАИНЫ: ОБЩАЯ ИСТОРИЯ И РАЗДЕЛЕННОЕ НАСТОЯЩЕЕ (ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)⁴⁰

Приграничные территории занимают особое место в региональных исследованиях. Потенциал социально-экономического и человеческого развития здесь в значительной степени связан с фактором их географического положения на стыке двух или большего количества государств, что вызывает необходимость разработки целого ряда особых подходов к анализу их развития, а также специфических мероприятий государственного и межгосударственного управления.

Чрезвычайные сложности экономического, социального, экологического развития, с которыми сталкиваются Россия, Украина и Белоруссия в переходной период, периферийность (отдаленность от фокусов социально-экономической активности) пограничных территорий трех государств, проблемы миграций, социального и экономического взаимодействия, различие в политических целях и стратегических задачах делают актуальным данное исследование. Поиск путей ускоренного развития и сотрудничества приграничных территорий этих стран нашли отражение в целом ряде официальных Указов и Постановлений, а также в виде уже существующих и проектируемых т.н. «Еврорегионов», нацеленных именно на решение перечисленных выше проблем. Так, в частности, вопросы особого развития трансграничных и межрегиональных экономических связей с Россией официально признаны одним из наиболее важных стратегических направлений региональной политики Украины, что нашло отражение в Указе Президента Украины «Про Концепцію державної регіональної політики» (от 25.05.2001 г. № 341/2001).

⁴⁰ Исследование проводится при поддержке Гранта РГНФ 08-02-91202 а/У «Украинско-российско-белорусское сотрудничество как инструмент развития трансграничного региона».

Предлагаемая статья написана по результатам первого (2008 г.) полевого сезона в рамках совместного исследования с Институтом географии НАН Украины. Непосредственно нами был обследован ряд районов Брянской области России, а также несколько районов Сумской и Черниговской областей Украины. Приграничные районы Белоруссии и России в составе Витебской, Могилевской и Гомельской областей были обследованы нами ранее (2004–2006 гг.) в рамках российско-белорусского проекта, поддержанного РГНФ (1, 18). В данном проекте мы решили обратить особое внимание на ситуацию в приграничных районах Сумской и Брянской областей, а также частично — Сумской и Курской областей (условно до широтной линии Курск–Сумы). Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, мощный международный транспортный коридор из России с территории Брянской области проходит на Украину через территорию Сумской, а не Черниговской области (вблизи границы между этими двумя областями Украины). Во-вторых, существенную роль играют историко-географические факторы.

Исследуемая приграничная российско-украинско-белорусская зона с исторической точки зрения представляет собой ареал расселения древнего племени северян (включая территорию современной Гомельской области). Позже эта территория называлась Северской, Чернигово-Северской землей, «северскими городами» (в XVI–XVII вв.). С юго-востока и востока Северская земля граничила со Слободской Украиной, — ещё одной российско-украинской переходной зоной, которая окончательно сформировалась позже (XVII–XVIII вв.). Северская земля достаточно долго сохраняла обособленность и самостоятельность. «Только в XIV в. Чернигово-Северская Русь, не сочувствуя объединительной политике суздальских и московских князей, подпала под влияние и отчасти под власть Литвы» (3, с. 123). В начале XVI в. Северская земля перешла под власть Московского государства. В 1618–1648 гг. Стародуб и Мглин подчинялись Польше, в 1648–1654 гг. — гетману Богдану Хмельницкому, в 1654 г. вошли в состав России. В условиях размежевания России и вновь организованной Украинской ССР в 1925 г. была передана Украине часть Курской губернии (Путивль); территория Черниговской губернии, а Новозыбков, Мглин, Стародуб, Сураж, Погар отошли к России, войдя в состав вновь образованной Брянской губернии. Таким образом, приблизительно в этом месте (к северу от р. Сейм) проходила древнейшая граница на данной территории — между Новгород-Северским и Переяславским княжествами Древнерусского государства, а позднее, в XVIII в. — между

собственно Малороссией и Слободской Украиной (4, с. 78), Гет(ъ)-манщиной и Слободской Украиной (2, с. 213, 5, с. 55)⁴¹. Согласно (2, 3), в начале XX в. рассматриваемая территория имела довольно пёстрый этнический состав, в особенности, в городах, при этом «население Черниговской губернии в значительной мере представляло собой как бы переходную ступень от великорусов к малорусам». При происшедшем позднее заселении Харьковской губернии «малорусская колонизация встретила с великорусской» (4, с. 99).

В какой степени историческое прошлое отражается на современной самоидентификации населения, что сохранилось в его исторической памяти? Как сочетается взаимное «тяготение» и «отталкивание» в рамках современных регионов и государств и в рамках регионов, унаследованных от исторического прошлого?

Ответить на эти вопросы мы попытались в рамках экспедиционного обследования территории южной и центральной части Брянской области, в ходе которого была изучена самоидентификация жителей городов и ряда посёлков. На основе проведенного в этих населённых пунктах анкетирования жителей по авторской методике была составлена серия картосхем для отдельных населённых пунктов и итоговая, комплексная Картосхема 1 для всех населённых пунктов, в которых проводился опрос. На картосхемах методом изолиний отражено количество респондентов, выбравших предложенные им на выбор населённые пункты в качестве относящихся к «малой Родине» анкетированного.

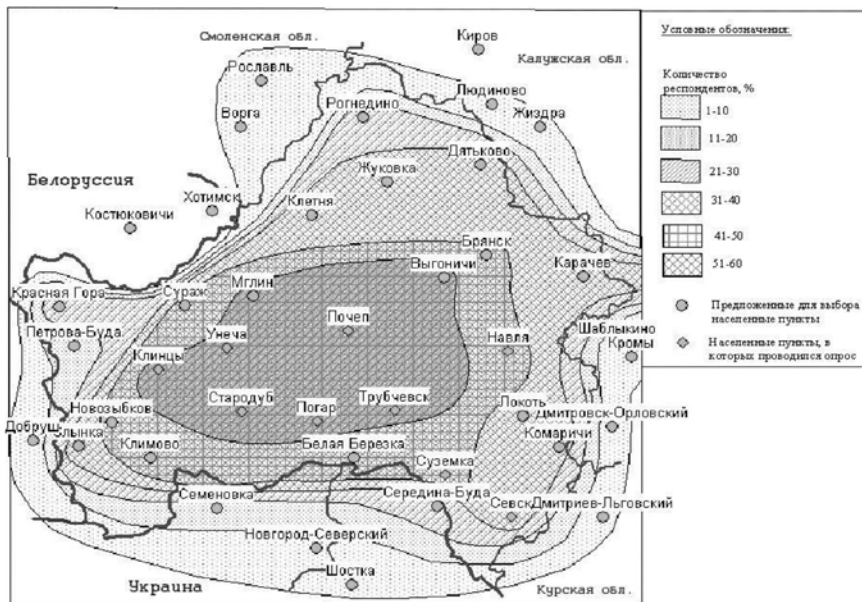
Из Картосхемы 1 хорошо виден характер центра — ядра Брянского края. Интересно, что общее направление изолиний соответствует направлению с юго-запада на северо-восток вдоль железных дорог и автомагистралей по территориям с наиболее выгодным ЭГП.

Согласно частным картосхемам, от Навли изолинии вытянуты к Почепу и Унечи и Курской области, от Севска направлены на Брянск и Курскую область. В Клинцах отмечается близость к Белоруссии (города Гомель и Добруш).

⁴¹ Современные украинские авторы Слободскую Украину именуют «Слобожанщиной» (см. статью А.А. Корнуса в настоящем сборнике), в то время как в русских дореволюционных источниках Слободская Украина именовалась Слободской Украиной, то есть «окраиной» Московского государства (сравни — «Рязанская Украина», «Польская Украина» — как территория Дикого Поля от Белгорода до Воронежа (3, с. 132) и др.). В то же время суффикс «-щина» в слове «Слобожанщина» призван указывать на однозначное отношение всей этой территории к Украине в современном её понимании. В этом-то и сказывается специфическая коллизия «приграничности».

Картосхема 1.

Количество респондентов, выбравших предложенные населенные пункты в качестве «малой Родины» (%)*

* карта составлена А.А. Гриценко

Картосхема 1 показывает «выдвижение» границ «малой Родины» именно в сторону Украины, а не Белоруссии, несмотря на большую открытость российско-белорусской границы (при этом ориентация на Украину «равномощна» ориентации на соседние территории России, в частности, на Курскую область, и даже несколько превосходит её). Это подтверждается и полевыми наблюдениями — на обследуемой территории Брянской области отмечается южный украинский колорит в архитектуре (наличники окон, закрывающиеся ставни как у украинских сельских хат), в обычаях (празднуют свадьбы часто ночью), в говоре и сохранении в памяти людей исторического прошлого о вхождении части Брянской области в Малороссию, в Черниговскую губернию. Отчасти сохранилась и историческая память населения о вхождении части современной Брянской области в бывшую Орловскую губернию.

Другие материалы Картосхемы 1 также хорошо сочетаются с разнообразной местной спецификой, укладывающейся в русско-украинские и русско-белорусские градиенты. Например, колорит Трубчевска более русский, чем украинский; его история в торговом, культурном и политическом плане больше связана с Брянском и здесь имеется достаточно четко читаемая культурно-ландшафтная граница — р. Десна. Так, жители Трубчевска в большинстве случаев не включают в состав своей «малой Родины» расположенные приблизительно в 40 км г.п. Суземку и Белую Березку (последнюю — в меньшей степени, предположительно из-за расположения ее на другом, восточном, берегу реки Десны). На рассматриваемой территории существует еще одна культурно-ландшафтная граница — по реке Судость. Так, опрошенные нами жители Погара всех проживающих за этой рекой называют «москалями», в том числе и жителей города Трубчевска. В свою очередь жители Трубчевска называют жителей Погара «цыбуля» или «бульбаши», что в данном контексте означает украинец, «хохол». Про жителей Белой Березки в Трубчевске говорят — «китайцы», имея в виду, по-видимому, то, что они живут далеко, за лесом и Десной.

В «России», под редакцией В.П. Семёнова-Тян-Шанского, на картосхеме (4, с. 112–113) приводится ареал этнического распространения малороссов (главным образом на территории бывшей Черниговской губернии), включающий в себя почти 1/3 территории современной Брянской области. Интересно, что и сейчас в говоре жителей многих населенных пунктов Брянской области прослеживается украинский говор. В ходе полевых работ нами было зафиксировано плавное затухание украинского говора, которое происходит постепенно — с продвижением к северу и северо-востоку, по направлению к Смоленской и Калужской областям. Согласно исследованиям филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2008; студенческая экспедиция кафедры фольклора, руководитель — доц. Т.Б. Дианова) местного фольклора в районе г. Бетлица Куйбышевского района Калужской области (на границе с Брянской и Смоленской областями), в говоре местных жителей уже отсутствуют характерные для «малорусского наречия» (ср.: 4, с. 103) черты (смягченное звучание буквы «г» в сторону «х»), которое, по нашим наблюдениям, ещё фиксируется на соседних территориях Брянской области.

Хотя жители современной Брянской области безусловно считают родным для себя русский язык, а себя — жителями Брянского края, в то же самое время они в основной своей массе сожалеют о появлении государственной границы с Украиной, так как у многих остались родственники, друзья и знакомые на Украине, а их предки жили

на ее территории. Актуализируется фактор исторической памяти, связанной с принадлежностью западной и юго-западной части современной Брянской области к бывшей Черниговской губернии. Почти четверть опрошенных считает свой край относящимся к Черниговскому краю, в т.ч. в Клинцах около 50%, в Погаре — свыше 42%, в Севске — порядка 25%. В то же время «свой край» по имени самого населённого пункта был выбран лишь в Трубчевске.

Основная часть жителей городов изученной (южной и центральной) части Брянской области весьма положительно относится к жителям Украины, в свою очередь полагая, что те тоже относятся к ним столь же хорошо. Хотя достаточно часто в разговоре на эту тему жители Брянской области про Восточную Украину говорят как о «своей», но отмечают, что с Западной Украиной дела обстоят по-иному. Приблизительно 45% опрошенных положительно отнеслась бы к воссоединению западной части Брянской области с Черниговской областью, хотя нередкой и с оговоркой «только в составе России»; около 20% остались равнодушными к этому вопросу.

В целом, на территории приграничных районов, в том случае, если государственная граница режет этнический ареал, значение этнической самоидентификации снижается, а национальной и региональной увеличивается, при весьма существенном значении последней (в первую очередь ощущается необходимость благополучия и психологического комфорта на уровне региона, при этом часто допускается элемент нежесткости в отношении государственно-национальной идентичности).

Однако относительная этническая однородность или близкородственность этносов, фиксируемая в пределах значительной части приграничной зоны, её смешанный русско-украинский характер, расселение этнических русских на территории Украины и особенно этнических украинцев на территории России выступает как фактор, потенциально (и актуально) сглаживающий возможные межгосударственные трения, способствуя межнациональной интеграции.

Сегодняшнее украинско-российско-белорусское пограничье представляет собой сложное общественно-территориальное образование, характеризующееся полимасштабной пространственной структурой. Оно может рассматриваться на двух территориальных уровнях — пограничные области и административные районы. При этом районный территориальный уровень определяется «глубиной» трансграничного взаимодействия, наибольшая интенсивность которой наблюдается вдоль транспортных коридоров, пересекающих границу. Таким образом, его формируют административные районы пер-

вого (приграничного) порядка смежности по обе стороны границы, а в местах прохождения транспортных коридоров — второго и третьего порядков.

Именно они в открытых демократических странах, при отсутствии визового режима, часто характеризуются более высокой активностью в международном разделении труда, чем внутренние регионы. В то же время для территорий, прилегающих к «закрытым» границам, с жестким визовым контролем, характерно возникновение устойчиво депрессивных приграничных регионов.

За последние годы в России пограничный режим усиливается и упорядочивается по отношению к Украине: официально пересекающих границу с Россией стали заносить в компьютерную базу данных. Таможенный режим стал, наоборот, «мягче».

В этой связи можно утверждать, что транспортный фактор приобретает все большую значимость для недавно сформировавшихся приграничных территорий между Россией и Украиной, Белоруссией и Украиной и, в меньшей степени — между Россией и Белоруссией⁴². Это связано с активизацией в последнее десятилетие геополитических осей «Восток–Запад» и «Север–Юг», проходящих по территории Белоруссии, Украины и России. Их территориальное проявление есть система транспортных коммуникаций континентального значения, в частности сеть международных транспортных (Критских) коридоров. Именно в приграничной полосе находятся важнейшие транспортные узлы Украины (Львовский, Одесский, Ковельский, Харьковский, Конотопский и др.) и России (Санкт-Петербургский/Ленинградский, Новороссийский, Владивостокский, Белгородский, Брянский, Смоленский, и т. д.), где пересекаются важнейшие транспортные оси. В то же время приграничные ареалы, «обойденные» значимыми транспортными коммуникациями, «выпадают» из единого социально-экономического пространства своих стран, ограничены в возможностях сотрудничества с соседями (18).

Непосредственно трансграничным регионом для всех трех стран является только небольшой участок, где сходятся три области — Брянская в России, Гомельская со стороны Белоруссии и Черниговская со стороны Украины. В этом месте, в районе самого близкого схождения трех государств, работает пункт пропуска автотранспорта «Дружба» на участке Новые Юрковичи (Россия) — Сеньковка (Украина) — Веселовка (Белоруссия).

⁴² Раздел, посвященный транспортному фактору, написан при участии к.г.н. П.М. Крылова.

Поскольку этот пункт перехода находится в столь уникальном месте, через него осуществляется фактически до 60% всех транзитных грузоперевозок Брянской области. На следующий год этот пункт пропуска начнет строиться по новой программе. Предполагаемые инвестиции — 1 млрд. руб., в том числе 300 млн. руб. — установка для просвечивания автомобилей (как в аэропортах для досмотра багажа).

В 2006 г. 48% автомобильного грузооборота всей брянской таможни (в стоимостном выражении) пришлось на г. Климово — ближайший к границе райцентр в России. Однако, как выяснилось, для Климовского приграничного района роль этого пункта перехода в настоящее время более чем скромна. Экономических преференций Климовскому приграничному району от таможни фактически нет. К тому же все декларации на экспорт грузов (для всей Брянской области) оформляются в п. Суземке (в пункте пропуска на автотрассе Москва–Киев).

По мнению главы Климовской администрации, итоговый эффект нахождения на их территории такого пункта пропуска скорее отрицательный, чем положительный. Наибольший минус заключается в том, что сильно возросли затраты на ремонт дорог, т.к. в сутки через центральную улицу райцентра Климово (она же трасса, ведущая к пункту пропуска через границу) проходит только на въезд 300–400 фур. Очередь от украинского пункта пропуска до Новых Юрковичей — почти постоянно — 3 км в два ряда.

К положительным эффектам, по мнению главы администрации Климово, можно отнести следующие: 1 — развитие придорожного сервиса: появились новые АЗС, кафе, мотели, в которых занято местное население; 2 — создание дополнительных рабочих мест: таможня, пограничники и т.п.; там работают в том числе (но не только) и местные жители; 3 — часть налогов удалось оставить на местах во соглашению с Брянской областной администрацией.

Переход через границу в направлении Климово (Россия) — Семеновка (Украина) на железной дороге, связывавший также Новозыбков (Россия) и Новгород-Северский, уже несколько лет закрыт, так как железнодорожный мост на территории Украины вблизи Семеновки пришел в негодность, и украинская сторона отказалась выделять средства на его ремонт. Украинская сторона после этого отстроила мост до Конотопа, в результате чего снабжение г. Новгород-Северского стало возможным через территорию самой Украины. Как мы уже писали по поводу этой ситуации (1), «отмирание» трансграничной части этой железнодорожной линии привело к тому, что и на оставшемся на российской части участке поток пассажиров стал столь небольшим, что у РЖД возник проект «обрезать» участок Новозыб-

ков–Климов в виду его нерентабельности. Только забота местных властей и активное сопротивление местных жителей этой инициативе пока оставляют данный участок действующим. Таким образом, можно предположить, что государственная граница на этом участке может стать неким локальным полюсом экономического роста при следующих условиях: 1) таможенное оформление грузов будет производиться частично и здесь, а не только в Суземке и 2) железная дорога до Новгород-Северского будет восстановлена и возродится железнодорожный пункт пропуска. Это зависит не от местных властей, а от решения на федеральном уровне, а также от позиции РЖД и Украинской железной дороги. На территории Брянской области существует важный тройной железнодорожный транспортный узел: северо-западно — юго-восточное диагональное железнодорожное соединение трех государств, находящееся в г. Унеча. Здесь пересекаются железные дороги из Белоруссии (ближайший к границе белорусский город Кричев), из Украины (ближайший населенный пункт — п. Дружба (станция «Хутор-Михайловский») и линия г. Унеча — г. Сураж (Россия). Однако г. Унеча как важный железнодорожный узел находится все же во втором поясе районов относительно государственных границ как с Украиной, так и с Белоруссией. Пригородное железнодорожное сообщение от Унечи в сторону государственной границы есть до станции Селецкая вблизи российско-украинской границы. Далее через границу на участке от станции Витемля (Россия) до станции Чигинок (Украина) пригородное трансграничное сообщение отменено. С советских времен сохранилось трансграничное пригородное сообщение в направлении на север от Унечи до г. Кричева (Белоруссия) — один раз в сутки туда и обратно.

В пределах изучаемых приграничных регионов открыт пункт перехода границы между Украиной и Белоруссией на железной дороге от Гомеля на Чернигов (линия Санкт-Петербург–Киев). Связь там осталась и транзитная, и местная (пригородно-трансграничная). Работает также важнейший железнодорожный переход на основной железнодорожной трассе Москва–Киев (поселок и одноименная станция Суземка (Россия) — Зерново (н.п. Середина-Буда) или следующая станция на Украине — Хутор-Михайловский (н.п. Дружба). Как нам удалось выяснить, пригородной трансграничной связи по железной дороге на этой трассе уже нет. Местные поезда ходят с украинской стороны только до станции Зерново. С российской стороны также есть несколько (3–5) местных поездов в сутки от Брянска до станции Суземка. Южнее по границе Сумской и Курской областей находится открытый пункт перехода по железной дороге у п. Теткино (Россия) — Ворожба (Украина) на линии Курск–Киев. На станции Ворожба,

кроме транзитных поездов дальнего следования, проходит и пригородный поезд от г. Льгова (Курская область) через Теткино и Ворожбу до станции Локоть (опять Курская область). Далее, так как железная дорога на этом участке несколько раз заходит то на украинскую, то опять на российскую территорию, а пассажиропоток, по мнению РЖД, сильно уменьшился в последние годы, пригородное сообщение между станциями Локоть и Эсмань в 1997 г. отменили. Основными автотранспортными коридорами между парами государств в настоящий момент являются меридиональная трасса между Гомелем и Черниговом (Е–95) — пограничный переход осуществляется в Новых Яриловичах — и автотрасса Москва–Киев (Е–391) — пограничный переход Троебортное (Россия) — Бачевск (Украина)⁴³.

Многие регулярные рейсы общественного автотранспорта (автобусы или маршрутные такси), связывавшие некогда российскую и украинскую приграничную полосу, сегодня отменены или сведены до минимума. Однако и частные поездки между Россией и Беларуссией, и особенно — Украиной, становятся для населения приграничных районов все более затруднительными. Связано это с тем, что для осуществления трансграничных поездок на автомобиле с обеих сторон требуется покупка страхового полиса той страны, куда вы въезжаете. Для украинских водителей минимальная стоимость такого страхового полиса на срок в две недели составляет сегодня 100 гривен (немного больше 500 рублей). Дополнительная проблема — страховка выписывается минимум на 15 дней. А надо иногда всего часа на три-четыре — повидаться или родственника похоронить. Таким образом граница разделяет семьи. Три года назад два МИДа (российский и украинский) подписали соглашение об упрощенном пункте пропуска для местных жителей приграничных районов. Вопрос окончательно не решен до сих пор. Мешает принятию соглашения множество несогласованных деталей по классификации транспортных средств.

⁴³ В связи с тем, что в настоящее время идет строительство путепровода через железную дорогу у г. Глухова (Украина), автотранспорт пущен в объезд через пункт пропуска «Катериновка» в 15 километрах к востоку от Глухова. До распада СССР на этом участке осуществлялось регулярное автобусное сообщение на участке Глухов–Рыльск (Курская область). Сейчас же по этой трассе никакого регулярного местного сообщения нет. Из Глухова до Катериновки (то есть до пункта пропуска через российско-украинскую границу) автобус ходит лишь два раза в неделю. Здесь есть также несколько автобусных трансграничных, транзитных для приграничных районов рейсов, например, Киев–Орел, Сумы–Москва, Сумы–Курск, а также Сумы–Самара, Сумы–Белгород. В основном они осуществляются в пятницу, субботу и воскресенье по одному разу в сутки.

Как было выявлено нами ранее, на трассе Кричев–Рославль между российской и белорусской границей имеется устойчивый поток пассажиров, в основном — студентов, обучающихся в ВУЗах и техникумах близлежащих к границе российских городов — Рославле и Смоленске. Вследствие этого ряд белорусских таксистов покупает дорогие страховые полисы и окупает их за счет регулярных поездок через границу (1, 18). Однако на границе Сумской и Курской областей, по утверждению, в частности, глуховских таксистов-частников, практически нет спроса со стороны местного населения на поездки через российско-украинскую границу. В результате и предложение со стороны таксистов практически отсутствует. Экономического стимула для покупки страхового полиса у них здесь нет, так как из-за отсутствия пассажиров он не окупается. Едут через границу с Россией только на собственных автомобилях. Если же кому-то нужно переехать границу на наемной автомашине, ему приходится самому оплачивать шоферу минимальную стоимость страхового полиса (напомним — 100 гривен), помимо непосредственной оплаты услуг таксиста. Таким образом, в настоящий момент слишком невыгодные для рядовых граждан условия пересечения российско-украинской границы на автотранспорте практически свели на нет частные трансграничные связи между населенными пунктами с обеих сторон границы. Тем не менее, на дорогах Сумской и Черниговской области попадает достаточно много машин с российскими номерами. Помимо автомашин с номерами соседних Курской, Брянской и Белгородской областей, больше всего попадает машин с номерами Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Поскольку встречаются эти автомашины, в том числе дорогие иномарки, в стороне от трассы, проходящей из России на популярные Черноморские курорты или в направлении к западным границам Украины (в сторону Европы), можно сделать следующее предположение. Скорее всего их владельцы — уроженцы этих мест, в свое время уехавшие по контрактам в российские нефте- и газодобывающие автономные округа, и теперь приехавшие погостить на лето к своим украинским родственникам.

Таким образом, в первом приближении можно сделать следующий вывод — местные регулярных автотранспортные пассажирские связи между населенными пунктами приграничных регионов России и Украины в настоящее время значительно сократились по сравнению с советским периодом. Как обстоят дела на автодорогах между Украиной и Беларуссией, нами пока не исследовалось. Между Россией и Беларуссией пограничного режима пропуска нет, но автостраховку все равно требуется приобретать с обеих сторон. Поэтому при кажущейся простоте пересечения российско-белорусской границы

теснота связи по автодорогам зависит от реальных социально-экономических связей, вернее — от реальной востребованности со стороны населения их наличия. И в случае сокращения количества рейсов со стороны общественного автотранспорта при наличии пассажиропотока возникшую нишу занимают таксисты-частники.

По железной дороге в собственных приграничных районах всех трех стран, особенно в Украине и Белоруссии, как показано выше, за последние 3 года отмечен рост регулярного пригородного сообщения осуществляемый дизельными поездами в 2–3 вагона. Но через границы стран пригородный трансграничный дизель ходит только между Россией и Белоруссией и Украиной и Белоруссией.

Стратегической целью Брянской области, в частности, является достижение среднероссийского уровня экономического развития, в том числе за счет увеличения использования имеющегося уникального транзитного потенциала области, обеспечивающего ей значительные конкурентные преимущества на рынке международных перевозок грузов и транспортно-логистического сервиса (20). Особо трудная задача — добиться вклада транзитных потоков в развитие приграничных территорий. Чаще эти потоки бесплатно используют ресурсы территории, что и понятно, учитывая их трансграничный, а не приграничный характер.

В пограничных регионах обеих стран находятся значительные производственные центры, которые потенциально способны генерировать интенсивные хозяйственные связи с соседними странами. Это является важным фактором роста инвестиционных возможностей при формировании международных, и в частности, трансграничных проектов. Наибольшими возможностями с украинской стороны в этом отношении обладают такие хозяйственные центры как Харьков, Сумы, Чернигов, Луганск; с российской — Белгород, Брянск, Воронеж, Ростов-на-Дону. Но само по себе наличие таких центров еще не гарантирует их интенсивного взаимодействия. Большая их часть ориентирована на внутренний рынок своих стран, а также на рынки стран Европейского Союза и другие. Таким образом, взаимодополняемость хозяйств указанных центров на нынешнем этапе развития остается ограниченной. Этим в значительной мере объясняется и тот факт, что большинство приграничных районов всех трех стран относятся к относительно более отставшим в социально-экономическом развитии или испытывающим хроническую депрессию в последние 15 лет, после распада СССР (6, 7, 8, 9). Усугубляет положение и то, что в месте схождения границ находятся районы, наиболее сильно пострадавшие от Чернобыльской аварии и долгое время пребывавшие в состоянии «экономической пустыни» (см. ниже).

В работе украинских исследователей, посвященной методам выделения депрессивных территорий Украины (8), в частности, приводится перечень административных районов страны с наивысшим уровнем депрессивности (определенным по авторской методике), а также с показателями уровня безработицы и их динамикой за период наблюдения с 2001 по 2005 гг., являвшимися одним из основных параметров при вычислении уровня депрессивности. Кроме того, в статье приведено несколько картосхем, также составленных по указанным показателям в разрезе административных районов Украины. На интересующей нас части приграничной с Россией и Белоруссией территории выделяются несколько районов, попавших в число «наиболее депрессивных территорий Украины», а именно: устойчиво максимально депрессивный за указанный период времени Городнянский район Черниговской области, расположенный на границе с Брянской и Гомельской областями (тот самый район, через территорию которого осуществляется автомобильная связь с Россией и Белоруссией через пункт пропуска «Дружба». В этом районе в 2005 г. безработица составляла официально 11.3%, при средней по Украине — 7.2% (рассчитываемой по методике МОТ). Почти такие же показатели депрессивности и уровня безработицы показал и Глуховский район Сумской области, пограничный с Курской областью России.

О развитии приграничных депрессивных административных районов Черниговской области на Украине озаботились уже сравнительно давно. Так, ещё в ноябре 2003 г. вышел Закон Украины «Про специальный режим инвестиционной деятельности на территориях приоритетного развития в Черниговской области» (9, с. 39), согласно которому в семи приграничных административных районах области инвесторам давались некоторые преференции в виде а) освобождения от обложения ввозными пошлинами, а также б) от налога на дополнительную стоимость в случае ввоза на налогооблагаемую территорию Украины оборудования, механизмов и комплектующих материалов для них (кроме подакцизных товаров), предназначенных для реализации инвестиционных проектов (но не более, чем на пять лет); в) освобождения на три года от налога на прибыль, полученной предпринимателями от реализации инвестиционных проектов; г) освобождения инвесторов от платы за землю (не более, чем на пять лет).

Как показано в приводимой ниже Таблице 1, результат введения перечисленных преференций не замедлил сказаться. Однако на следующий же год в Украине Законом «Про державный бюджет України на 2004 р.» был введен временный мораторий на применение вышеуказанного Закона и всех преференций, им предусмотренных. Затем этот мораторий в силу политической нестабильности в стране был

продлен законами Украины «Про Державний бюджет України» на 2005 и 2006 рр.». Однако и одного года хватило, чтобы получить весьма убедительные результаты действия перечисленных выше преференций для всей территории (приграничного) приоритетного развития и для каждого из административных районов в отдельности. Так, например, если в среднем по Черниговской области объемы капитальных инвестиций в 2004 г. увеличились по сравнению с предыдущим годом на 48.2%, то на территории приоритетного развития — в 4.2 раза! (10, с. 41). Особенно высокими проявлениями инвестиционной активности характеризовались Новгород-Северский (в 14.3 раза) и Городнянский (в 6.3 раза) районы. Последний, напомним, согласно расчетам (8), относится авторами к числу наиболее депрессивных и обладающим наибольшими показателями безработицы административных районов Черниговщины.

Таким образом, эффективность введения особого льготного инвестиционного режима для депрессивных районов, в том числе — в приграничной полосе, была экспериментально доказана. Жаль, что в дальнейшем этот опыт в Украине не был востребован и продолжен.

Однако следует отметить, что в настоящей статье анализ экономических показателей развития приграничных территорий, особенно, с украинской стороны, не предполагался. Это задача следующего этапа исследований. Поэтому мы пока можем только отметить, на каком еще сохранившемся потенциале в принципе может быть построено и успешно развито в дальнейшем приграничное сотрудничество.

Прежде всего — это рекреационно-туристический потенциал территорий с обеих сторон границы. Вдоль украинско-российской границы сосредоточены значительные рекреационно-туристические ресурсы территории (15, 16, 17). Это создает предпосылки для развития здесь историко-культурных, спортивно-туристических и рекреационно-оздоровительных туристических комплексов международного значения.

С одной стороны, это места, связанные с интереснейшей общей историей и отдельными событиями, происходившими на данной территории. Так, события, описанные в одном из основных литературных памятников Древней Руси — «Слове о полку Игореве», начинались на территории современных Черниговской и Сумской областей Украины (в г. Новгород-Северском, Путивле, в Чернигове и др.), а также на территории нынешней Брянской, Курской, Воронежской и Ростовской (в месте пленения Игоревы войска в битве на реке Каяле — современная река Чир) областей. Таким образом, история со знаменитым похо-

Таблица 1.

Регион	Абсолютный размер инвестиций			Темпы прироста инвестиций в % к предыдущему году		
	2003	2004	2005	2003	2004	2005
Капитальные инвестиции в фактических ценах, тыс. гривен						
Черниговская обл. (в целом)	9680797	1435731	1613020	138,0	148,0	112,3
Территории приоритетного развития (в целом)	83669	350048	218569	111,0	418,4	62,4
Городнянский район	5473	34360	29288	67,2	627,8	85,2
Корюковский район	10215	47317	32047	37,1	463,2	67,7
Новгород-Северский район	9486	135640	13649	118,3	1430	10,1
Репкинский район	13587	47925	42377	246,6	352,7	88,4
Семеновский район	10911	15877	6166	220,7	145,5	38,8
Черниговский район	30266	62253	86183	167,3	205,7	138,4
Щорский район	3731	6676	8859	118,4	178,9	132,7
Прирост прямых иностранных инвестиций, тыс. долларов США						
Черниговская область (в целом)	14733	19843	— 1298	200,4	134,7	...
Территории приоритетного развития (в целом)	573	2504	— 1941	...	437,0	...

Таблица цитирована и переведена с украинского по (10, с. 40)

дом князя Игоря объединяет большую территорию нынешней России и Украины. В Брянске в этой связи проводится организационная работа по созданию экспериментального тура «Славянское кольцо» (20).

Еще одним ярким историческим событием, оставившим след на данной сопредельной территории, явилась русско-шведская война, основным событием которой была Полтавская битва 1709 г. Таким образом, в следующем году будет отмечаться 300-летие этого события. Именно в этот период произошла известная история с гетманом Мазепой, столицу которого — Батурин в результате разрушили по повелению Петра I за предательство Мазепы. А столицей Петр I другим своим Указом назначил заштатный городок Глухов, понравившийся ему при его посещении по дороге в Сумы. В Глухове широко отмечается 300-летие города как гетманской столицы (посвященные этому плакаты размещены на многих зданиях города), и одновременно идет восстановление исторических зданий в г. Батурине.

И, наконец, интереснейшим и перспективным с познавательно-туристической и историко-культурной точек зрения могла бы стать недавняя история партизанского движения, разворачивавшаяся практически одновременно и близко друг от друга на территории Брянской области (Брянский лес) и территории Украинского Полесья в годы Великой Отечественной войны — от Путивля и Глухова в Сумской области. Располагаясь на стыке трёх республик — РСФСР, УССР и БССР, партизанские края на Брянщине и в Сумской и Черниговской областях действительно способствовали дальнейшему укреплению дружбы русского, украинского и белорусского народов в их борьбе против общего врага.

Существование на Брянщине партизанских краёв позволило прославленным украинским партизанским соединениям С. Ковпака, А. Фёдорова, А. Сабурова совершить их знаменитые рейды от Брянских лесов до Карпат. Приходя на территорию Брянщины, эти соединения всегда получали помощь и поддержку местного населения. Только за счёт Севского, Суземского, Клетнянского, Климовского, Новозыбковского и Злынковского районов украинские партизаныполнили свои ряды более чем на 2 тыс. человек.

Сумское партизанское соединение под командованием Ковпака С.А. (который был Председателем Путивльского райкома в 1941 г. и, основав партизанский отряд, впервые внедрил рейдовую систему) совершило несколько рейдов, в т.ч. в по Сумской, Курской, Орловской и Брянской областям, в 1942–1943 гг. — рейд из брянских лесов на Правобережную Украину по Гомельской, Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской и Киевской областям, в 1943 г. — Карпатский

рейд по Ровенской и Закарпатскую областям, прошло с боями по тылам немецко-фашистских войск более 10 тыс. км, разгромило гарнизоны противника в 39 населённых пунктах. Рейды Ковпака С.А. сыграли большую роль в развёртывании партизанского движения против немецко-фашистских оккупантов.

В настоящее время во всех трех государствах действуют музеи Партизанского движения⁴⁴ и музеи отдельных его выдающихся героев — например, С.А. Ковпака в г. Глухове, памятники героям-партизанам во множестве населенных мест по обе стороны границы говорят о том, что объединить эти священные для народов обеих стран воспоминания в единый маршрут весьма важно и актуально.

Следует отметить, что в Украине в последнее время очень большое внимание уделяется развитию так называемого «экологического туризма», в том числе — фермерского (16, 17). Для приграничных районов севера Украины, её Полесья это также актуально, как, например, для Закарпатья. Именно здесь в Украине сосредоточены наибольшие по площади и наилучшие по сохранности лесные массивы и водно-болотные угодья, привлекательные для организации экологического туризма. Несомненно, здесь есть перспективы для такого прогрессивного вида туризма. Опыт его организации был бы весьма полезен для российских территорий. Однако пока использование рекреационных ресурсов в рассматриваемом ограничивается высоким уровнем конкуренции на национальных и глобальных рынках «индустрии отдыха». Совместные усилия трех стран могли бы придать новый импульс этой отрасли деятельности.

Большое значение имеет в рассматриваемом регионе совместная охрана окружающей среды и рациональное природопользование. На приграничных территориях всех трех стран находятся хозяйственные объекты, влияние которых на окружающую среду не ограничивается территориями стран своего размещения. При этом водные артерии Днепра, Десны, Сожи, Ипути, Сейма, Псёла, Клетня, других рек выступают в качестве магистралей трансграничного переноса техногенных загрязнителей. Поэтому проблема взаимного и согласованного снижения техногенного загрязнения окружающей среды с целью

⁴⁴ Например, известный «Музей истории партизанского движения в Брянске» — Брянская область, г. Брянск, Фокинский район, п/о Белобережская турбаза, мемориальный комплекс «Партизанская Поляна». Экспозиция музея выполнена на высоком художественном уровне в 1994 г. В ней отражены основные этапы партизанского движения на Брянщине в 1941–1943 гг., показаны личные вещи, награды, оружие партизан. Озвученная диорама «Взрыв Голубого моста» изображает эпизод самой известной партизанской операции.

предотвращения трансграничного переноса вредных выбросов в приграничных районах очень актуальна (14). До настоящего времени реально такие проблемы решались на основе двусторонних соглашений между Россией и Украиной. Лишь в бассейне р. Северский Донец в 2002 г. министрами охраны окружающей среды Белоруссии, России и Украины был подписан договор, касающийся сотрудничества в направлении экологического оздоровления бассейна реки Днепр. Этими государствами при поддержке Программы ПРООН — ГЭФ создан Международный бассейновый совет, днепропетровские тематические центры и Международный форум неправительственных организаций. Этот совет выполнил огромную работу и подготовил общий Стратегический план действий в бассейне реки Днепр. В его рамках, например, разрабатывается Проект трансграничного сотрудничества «Комплексное обследование бассейна реки Псел в пределах Украинско-Российского пограничья» (13, с. 77–80). И Украина, и Россия заинтересованы в создании на этом участке трансграничного природно-заповедного объекта и в организации эффективного контроля качества воды в приграничных водных объектах (19, с. 20)

Несомненно, не только задачи успешного развития, но и совместного преодоления тяжелых проблем объединяют приграничные регионы. Такой тяжелейшей проблемой в месте схождения границ трех славянских государств с 1986 г. является проблема мониторинга и снижения всеми доступными средствами последствий загрязнения окружающей среды в результате Чернобыльской аварии. Этому вопросу посвящено и немалое количество научных работ, в том числе и совместных, в рамках двусторонних и многосторонних программ и проектов (см. например, 11, 12, 18). Практически вся полоса приграничья и на север (вдоль Российско-Белорусской границы), и на восток от Чернобыля — вдоль границы Черниговской и Сумской областей с Брянской областью относится к наиболее пострадавшим в результате Чернобыльской аварии регионам соответствующих стран. И решение проблемы восстановления окружающей среды здесь потребует и впредь совместных и хорошо скоординированных усилий и обмена опытом между ними.

Ещё одно важное перспективное направление сотрудничества в области охраны среды в приграничных регионах — создание различных особо охраняемых природных территорий по обе стороны границ с согласованным и скоординированным природоохранным регламентом. Примером первого шага в этом направлении можно считать Деснянско-Старогутский национальный природный парк. Парк расположен в Середино-Будском районе Сумской области, на самой границе с Россией. Он был образован в 1999 г. на площади

16 215 га и по характеру угодий подразделен на две части: Придеснянскую и Старогутскую. Образование этого парка является первым шагом на пути образования международного украинско-российского биосферного резервата «Старогутский и Брянский лес» (6).

Одним из перспективных направлений комплексного решения проблем приграничных регионов и обеспечения их всестороннего развития является создание различных типов трансграничных образований и институциональных структур. Одним из первых среди таких структур стал Совет руководителей приграничных областей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, созданный в 1997 г. Его целью является развитие взаимовыгодного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества приграничных областей и других заинтересованных регионов наших стран. Следующим этапом в развитии российско-украинско-белорусского пограничного сотрудничества стало создание в 2003 г. еврорегиона «Днепр», в состав которого вошли Брянская, Черниговская и Гомельская области (подробнее см. в 1). В этом же году был создан еврорегион «Слобожанщина», в который вошли Харьковская и Белгородская области. В 2006 г. в составе Курской и Сумской областей был сформирован еврорегион «Ярославна» (см. подробнее 19).

Как показал опыт европейских стран, участие в еврорегионах позволяет оперативно решать приграничные проблемы на местном уровне, создавать гибкие хозяйственные структуры с привлечением внешних инвестиций для строительства и расширения инфраструктуры, налаживать приграничную торговлю, туризм, расширять сотрудничество в культурной, социальной, природоохранной и других областях. Важным элементом сотрудничества в рамках еврорегионов становится совместное обоснование и разработка программ развития для получения финансовых средств, необходимых для реализации проектов. Еврорегионы выполняют функцию привлечения средств структурных фондов ЕС для решения региональных проблем, расширяют возможности местных властей. Перенимая опыт ЕС в создании и развитии еврорегионов, необходимо учитывать следующие особенности:

1. Еврорегионы создавались в условиях реальной свободы передвижения людей, товаров и капиталов;
2. Еврорегионы являются одновременно направлением и инструментом единой региональной политики ЕС;
3. За успехами еврорегионов стоят значимые капиталы Структурных фондов ЕС;
4. Созданию и функционированию еврорегионов благоприятствует децентрализация управления.

Еврорегионы становятся довольно распространенной формой сотрудничества на восточной границе ЕС и между странами бывшего Советского Союза, являясь основной формой реализации транс-и приграничного взаимодействия областных и районных властей, неправительственных организаций. Они не имеют административного характера, а их деятельность основывается на координации работы субъектов данного еврорегиона, которые действуют согласно законодательству конкретного государства. Формирование еврорегионов за пределами Европейского Союза по сути является свидетельством расширения его интеграционной концепции.

Представляется, что дальнейшее развитие еврорегионов и всей пограничной полосы районов следует связывать с разработкой и реализацией программ их развития в рамках национальных региональных политик, включающих меры по стимулированию депрессивных ареалов соответствующих областей России Белоруссии и Украины.

Литература

1. Бородин Т.Л., Волкова И.Н., Крылов П.М., Фост И.Д. Проблемы региональной интеграции и приграничного сотрудничества России, Белоруссии и Украины (на примере Брянской, Гомельской и Черниговской областей). — Территориальная организация производства: ТПК или кластеры? — М. ИГРАН-МАРСС, 2006. С. 11–120
2. Субтельный Орест. Украина. История. Пер. с англ. по изданию: *Orest Subtelny. Ukraine: A History.* University of Toronto Press, 1988. — Київ: «Либеде», 1994. — 736 с.
3. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под редакцией В.П. Семенова. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена. Том 2. Среднерусская черноземная область. 1902 г. — 717 с.
4. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под редакцией В.П. Семенова. СПб.: Издание А.Ф. Девриена. Том 7. Малороссия. 1903 г. — 515 с.
5. Западные окраины Российской империи. Под ред. А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение, 2007 г. — 605 с.
6. Леонтьева Г.Г., Корнус А.О. География Сумской области: населения и хозяйство. — Суми: СумДПУ, 2006. — 72 с.
7. Попкова Л.И. География населения российско- украинского приграничья: монография. — Смоленск: Универсум, 2005. — 304 с.
8. Смаль В., Нізалова О., Нізалов Д. Депресивні території України: методи та приклади визначення. // В сб. Географія. Економіка. Екологія. Туризм: регіональні студії. Збірник наукових праць.

- За ред. І.В. Смаля. Ніжин, Ніжинський Державний університет ім. Миколи Гоголя — Київська школа економіки. — 2007 г. — С. 159–170.
9. Зеленська О.О. Фінансування капітальних інвестицій у Чернігівському регіоні. // В сб.: Проблеми розвитку депресивних регіонів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 25–26 квітня 2007 р. / За ред. М.О. Барановського, І.В. Смаля. — Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007, с. 36–39.
 10. Зеленский С.М. Інвестиційні преференції як фактор підвищення інвестиційної привабливості депресивних територій чернігівської області. // В сб.: Проблеми розвитку депресивних регіонів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 25–26 квітня 2007 р. / За ред. М.О. Барановського, І.В. Смаля. — Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007, с. 39–42.
 11. Барановська О. Екологічна ситуація на Чернігівщині. // В сб.: Географія. Економіка. Екологія. Туризм: регіональні студії. Збірник наукових праць. За ред. І.В. Смаля. Ніжин, Ніжинський Державний університет ім. Миколи Гоголя — Київська школа економіки. — 2007 г., с. 184–193.
 12. Мельник А.І., Приходько А.М., Шишкіна Л.М. Оцінка змін радіаційної ситуації в Чернігівській області за даними радіоекологічного моніторингу. // В сб.: Проблеми розвитку депресивних регіонів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 25–26 квітня 2007 р. / За ред. М.О. Барановського, І.В. Смаля. — Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007, с. 132–135.
 13. Корнус А.О. Проект транскордонного співробітства «Комплексне обстеження басейну р. Псел в межах українсько-російського приграниччя». // В сб.: Екологія і раціональне природокористування. — Суми: Сум ДПУ ім. А.С. Макаренка. 2007 г., с. 77–81.
 14. МIRON І.В. Антропогенне навантаження на ландшафти Чернігівщини. // В сб.: Проблеми розвитку депресивних регіонів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 25–26 квітня 2007 р. / За ред. М.О. Барановського, І.В. Смаля. — Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007, с. 135–137.
 15. Філоненко І. Золоте кільце України: «Батурин — Гетьманська столиця» // В сб.: Географія. Економіка. Екологія. Туризм: регіональні студії. Збірник наукових праць. За ред. І.В. Смаля. Ніжин, Ніжинський Державний університет ім. Миколи Гоголя — Київська школа економіки. — 2007 г., с. 286–289.
 16. Пінчук Т.А., Смаль І.В. Сільський туризм у системі розвитку фермерських господарств регіону. // В сб.: Проблеми розвитку депре-

сивних регіонів: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 25–26 квітня 2007 р. / За ред. М.О. Барановського, І.В. Смаля. — Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007, с.180–182.

17. *Богущ Л.Г.* Екологічний туризм як стимул збереження екосистем та розвитку туристично-рекреаційної індустрії України. // В сб.: Екологія і раціональне природокористування: Збірник наукових праць-Суми: Сумський державний педагогічний університет ім. А.С.Макаренка, — 2008, с. 193–203.
18. *Волкова И.Н., Крылов П.М., Ханташкеева Т.В.* Проблемы социально-экономического развития в приграничной зоне и приграничной ситуации (Российско-Белорусское приграничье) // Запад России и ближнее зарубежье: устойчивость социально-культурных и эколого-хозяйственных систем. Материалы межрегиональной общественно-научной конференции с международным участием. Псков: Изд. ПГПУ, 2005, с. 9–11 (0.2 п.л.).
19. *Корнус А.А., Корнус О.Г.* Еврорегион «Ярославна» в контексте Украинско-Российского трансграничного сотрудничества. // В сб.: Северо-запад России: эколого-хозяйственные проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества. Материалы региональной общественно-научной конференции — Псков: Издательство ПГПУ, АНО «Логос». — С. 19–21.
20. <http://www.bryanskobl.ru/> Прогноз социально-экономического развития Брянской области на 2009 год и на период до 2011 года. Комитет по экономической политике Брянской области при Администрации Брянской области.— 2008 г.

Руденко Л.Г., Лисовский С.А., Маруняк Е.А.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ УКРАИНЫ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ

С начала 1990-х гг. в Украине происходят весьма непростые трансформационные процессы, охватывающие практически все сферы жизни страны. Резко обострились известные проблемы, связанные с усилением контрастов в пространственном развитии центра и периферии (качество экономической деятельности, уровень развития новых технологий, культуры, образования и качества жизни в целом). Ведущими факторами в этих процессах являются переход от т.н. плановой к т.н. рыночной экономике, интеграция в современную глобализированную мировую экономику.

В первой половине 1990-х гг., с начала реформ в Украине, национальная экономика оставалась одной из наиболее природоёмких в мире, а территория страны находилась под мощным антропогенным влиянием. Все компоненты окружающей среды были подвержены деградации и разрушению вследствие одновременного влияния ресурсопоглощающей промышленности, экстенсивного сельского хозяйства, транспорта, строительства, коммунального хозяйства, населения. Колоссальные масштабы эксплуатации природно-ресурсного потенциала не стали фундаментом экономического процветания государства. Наоборот, в национальном хозяйственном комплексе все более ощущались тенденции к стагнации. Уровень производства ВВП в расчете на 1 жителя в два раза уступал мировому, и более чем в 5 раз — уровню стран с развитой рыночной экономикой. Производство ВВП в расчете на единицу территории также уступало мировому, было в 11 раз меньше, чем в странах ЕС.

В стране сложилась своеобразная патовая ситуация, при которой крайне неэффективная ресурсоемкая экономика обуславливала ухудшение экологической ситуации, что в свою очередь становилось препятствием на пути экономического и социального развития.

Начало реформ в Украине практически совпало во времени с конференцией в Рио, провозгласившей концепцию устойчивого развития, переход к которому был определен для всего человечества в качестве Повестки дня на XXI век.

Процесс реформирования экономики страны, который начался в условиях глубокого системного кризиса, усилил остроту старых

и обусловил появление ряда новых проблем экономико-экологического и социального порядка.

В экономике Украины в 1990-е гг. происходило стремительное сокращение производства. В 1996 г. величина ВВП составляла всего 41,8% от уровня 1989 г. На протяжении 1990-х гг. Украина имеет одни из наихудших экономических показателей среди всех стран с переходной экономикой. Следует отметить, что по целому ряду показателей производства Украина скатилась на 30–40 лет назад, а объем ВВП 1989 г. не был достигнут и в 2006 г.

Особенно серьезной проблемой периода начала реформ стало общее ухудшение эколого-экономических параметров экономики Украины.

На протяжении длительного периода времени производство каждой единицы ВВП в условиях общего снижения антропогенной нагрузки, обусловленного экономическим кризисом, сопровождалось возрастающими удельными уровнями загрязнения атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, увеличением объемов удельного потребления энергии. При этом Украина имеет вторую в мире и первую в Европе долю пашни в структуре земельных угодий.

Украина имеет чрезвычайно высокий показатель природоёмкости ВВП, который в 8,7 раз превышал среднемировой уровень. В частности, по показателю ежегодного потребления воды (18,6% от местных запасов) Украина занимала 44-е место в мире (из 207 государств и территорий), превосходя мировой уровень (8%) примерно в 2,3 раза; по индексу удельных выбросов CO₂ на единицу ВВП — 5-е место в мире (из 152), превышая мировой уровень в 14,1 раза; по показателю водоёмкости ВВП, соответственно, 38-е место (из 152), превышение мирового уровня в 2,6 раза; по показателю энергоёмкости — 2-е место (из 152), превышение мирового уровня в 9,52 раза; по показателю электроэнергоёмкости — 4-е место (из 152), превышение мирового уровня в 8,1 раза.

Сложившаяся ситуация обусловила потребность разработать новые методические подходы к оценке ситуации в природопользовании — в Институте географии разработан интегральный индекс сбалансированности развития⁴⁵. Отметим, что этот индекс отражает не все аспекты сбалансированности и не является самодостаточным. Он рассчитывается на основе учета восьми отдельных индексов, каждый из которых учитывает значения нескольких переменных.

⁴⁵ Лисовський С.А. Основи сталого (збалансованого) економічного, соціального, екологічного розвитку. — Житомир, 2007. — 108 с. (Лисовский С.А. Основы устойчивого (сбалансированного) экономического, социального развития. — Житомир, 2007. — 108 с.).

Общая формула расчетов индекса имеет вид:

$$I_{\text{сбр}} = \frac{(I_{\text{жн}} \cdot I_{\text{п}} \cdot I_{\text{онт}} \cdot I_{\text{ор}}) + 0,5 \cdot (I_{\text{кв}} + I_{\text{ин}})}{(I_{\text{дн}} + I_{\text{прп}})}$$

где:

$I_{\text{сбр}}$ — интегральный индекс сбалансированности развития;

$I_{\text{жн}}$ — индекс жизнестойкости населения;

$I_{\text{п}}$ — индекс производства ВВП на одного жителя;

$I_{\text{онт}}$ — индекс обеспеченности населения ресурсами территории;

$I_{\text{ор}}$ — индекс обеспечения ресурсами окружающей среды;

$I_{\text{кв}}$ — индекс капиталовложений (инвестиций в основной капитал);

$I_{\text{ин}}$ — индекс инвестиций;

$I_{\text{дн}}$ — индекс демографической нагрузки;

$I_{\text{прп}}$ — индекс природоемкости производства.

При расчетах $I_{\text{сбр}}$ можно было бы использовать и значительно большее количество показателей. В частности, не учтены показатели по таким важным параметрам, как сумма внешнего долга, показатели импорта энергоресурсов, уровня обеспеченности энергоресурсами, полезными ископаемыми в целом и их отдельными видами. Также не были приняты к рассмотрению показатели, характеризующие важные физико-географические аспекты сбалансированности. Разработанный нами индекс в большей степени пригоден для исследований на глобальном и региональном уровнях.

Предложенный показатель не следует рассматривать в качестве характеризующего количественные параметры развития по какой-то одной из его трех основных составляющих — экономической, экологической, социальной. Он, на наш взгляд, дает возможность только определить основные характеристики сбалансированности развития: обеспеченности природными ресурсами ($I_{\text{онт}}$, $I_{\text{ор}}$), экономического и социального развития ($I_{\text{п}}$, $I_{\text{кв}}$, $I_{\text{ин}}$), отдельных показателей состояния населения ($I_{\text{жн}}$), антропогенного давления на окружающую среду ($I_{\text{дн}}$), уровня природоемкости производства ($I_{\text{прп}}$).

Расчеты $I_{\text{сбр}}$ позволили определить и сравнить уровни сбалансированности развития 143 стран и территорий мира, мира в целом. (Отдельные результаты представлены в таблице 1.)

Как показали расчеты, Украина заняла в 2000 г. 131-е место среди 143 стран и территорий, по которым было достаточное количество статистической информации.

К числу главных внешних факторов негативного влияния на сбалансированность развития Украины относятся:

- усиление региональных диспропорций в контексте тенденций поляризации мирового развития, «включения» и «исключения» в глобальные сети местностей, городов, регионов; на группу из 5–6 регионов приходится до 50% ВВП, внешнеторгового оборота, прямых иностранных инвестиций⁴⁶; в этих же регионах наилучшие показатели научно-технического развития, образовательного потенциала;
- векторизация внешнеэкономических связей регионов Украины по линии «Восток–Запад»;
- диспропорции товарной структуры экспорта и прямых иностранных инвестиций со смещением в направлении экологически опасных и низко технологических производств.

Основными внутренними факторами негативного влияния на сбалансированность развития Украины являются:

- высокий уровень антропогенной нагрузки на территорию и загрязнения окружающей среды;
- деформированная структура экономики, в которой чрезмерная доля приходится на природоёмкие отрасли;
- неравномерность территориальной концентрации производства;
- общее (в т.ч. инновационное, технологическое и структурное) отставание и недостаточная конкурентоспособность национальной экономики, негативные тенденции в специализации Украины в мировой экономике;
- дефицит, неравномерное распределение в пределах территории и нерациональное использование отдельных видов природных ресурсов⁴⁷.

⁴⁶ Маруняк Є.О. Глобалізація та її вплив на розвиток регіонів України / Наук. ред. Руденко Л.Г. — К.: Реферат, 2007. — 224 с. (Маруняк Е.А. Глобализация и ее влияние на развитие регионов Украины / Научн. ред. Руденко Л.Г. — К.: Реферат, 2007. — 224 с.).

⁴⁷ Україна: основні тенденції взаємодії суспільства і природи у ХХ ст. (географічний аспект) / Під. ред. Л.Г. Руденка. — К.: Академперіодика, 2005. — 320 с. (Украина: основные тенденции взаимодействия общества и природы в XX в. (географический аспект) / Под. ред. Л.Г. Руденка. — К.: Академперіодика, 2005. — 320 с.).

Таблица 1.
Уровень сбалансированности некоторых стран мира, 2000 г.

Ранг	Мир, страны	И _{жн}	И _п	И _{онт}	И _{ор}	И _{кв}	И _{ин}	И _{дн}	И _{прп}	И _{сбр}
	Мир	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
1	Австралия	1,53	3,91	18,25	7,14	0,26	0,29	0,29	0,80	715,412
2	Канада	1,34	4,30	14,66	8,30	0,10	1,17	0,18	0,90	649,763
12	США	1,16	6,72	1,55	1,52	0,93	1,37	0,59	1,03	12,047
25	Франция	1,18	4,23	0,42	0,94	3,66	10,40	1,22	0,93	4,186
47	Латвия	0,68	0,56	1,23	1,55	0,75	0,46	0,61	1,02	0,817
50	Эстония	0,73	0,69	1,46	1,68	0,76	0,71	0,45	2,08	0,779
53	Россия	0,60	0,33	5,31	3,18	0,30	0,14	0,20	4,80	0,713
58	Словакия	0,99	0,68	0,41	1,29	1,60	1,54	1,22	1,8	0,638
59	Венгрия	0,69	0,88	0,42	0,48	1,94	0,80	1,26	1,14	0,622
61	Беларусь	0,67	0,58	0,94	0,99	2,07	0,03	0,60	1,72	0,608
62	Литва	0,89	0,57	0,80	0,99	1,54	0,32	0,65	1,90	0,522
71	Польша	0,99	0,79	0,38	0,68	0,78	0,96	1,33	1,82	0,340
86	Румыния	0,87	0,32	0,48	0,58	0,85	0,24	1,08	2,20	0,190
112	Молдова	0,83	0,04	0,36	0,18	0,36	0,82	1,41	6,85	0,072
131	Украина	0,62	0,12	0,55	0,32	0,34	0,12	1,06	8,70	0,025

Нами были исследованы региональные отличия уровней сбалансированности в пределах территории Украины. Расчеты были произведены на уровне АР Крым и административных областей. В соответствии с результатами полученных значений интегрального индекса было выделено 5 групп регионов с относительно высоким, умеренно высоким, средним, умеренно низким, низким уровнями сбалансированности (рис. 1).

Следующим этапом исследований стал расчет индекса сбалансированности развития регионов Украины в 2005 г. Его проведение дало возможность, в частности, определить тенденции регионального развития в стране.

Прежде всего следует отметить, что за 5 лет произошло определенное выравнивание уровней сбалансированности развития регионов Украины, что, в целом, является положительным моментом.

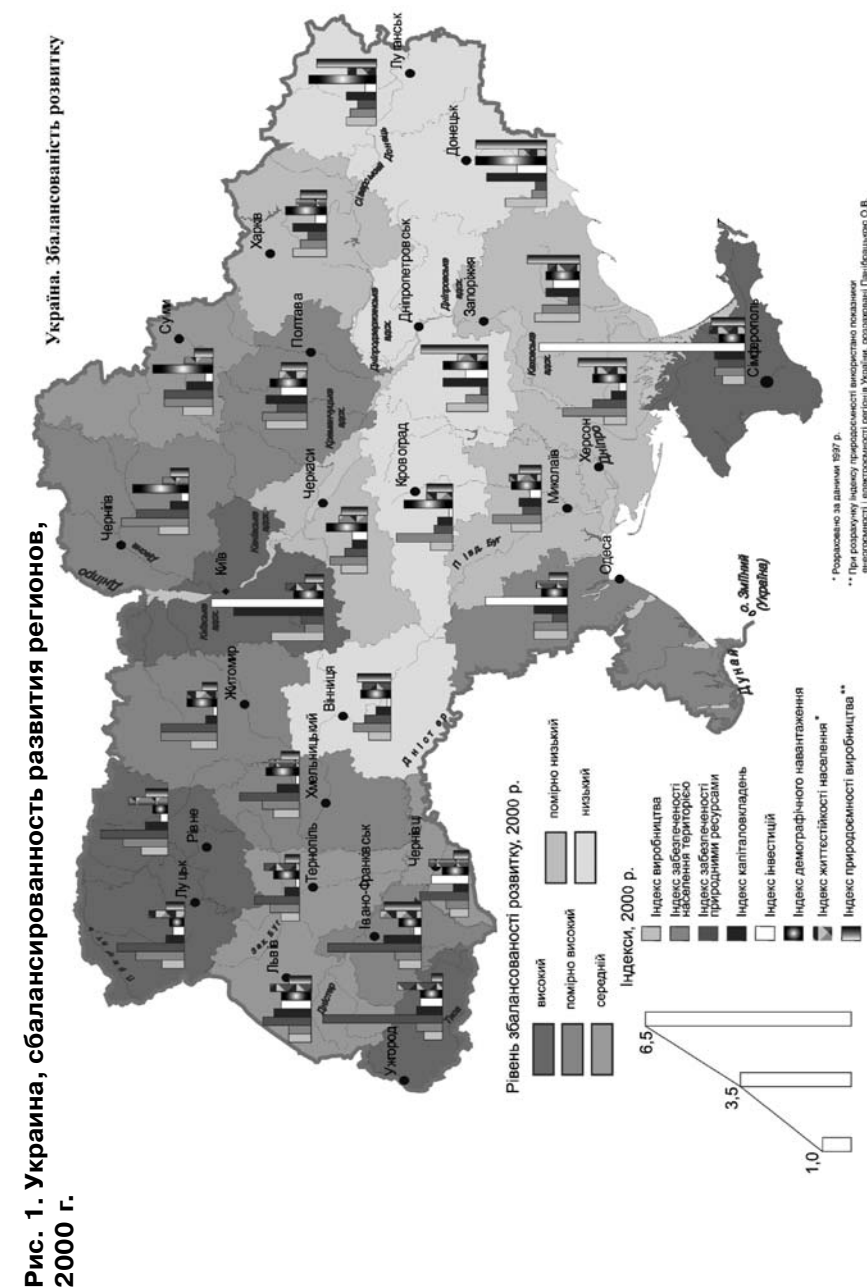
Среди регионов Украины в наибольшей степени улучшили показатели сбалансированности развития Харьковская, Винницкая, Кировоградская и Днепропетровская области. В Донецкой, Днепропетровской и Луганской областях уменьшились показатели природоемкости производства. В целом показатели природоемкости производства в регионах Украины имеют тенденцию к выравниванию. Продолжают оставаться очень дифференцированными значения индекса инвестиций. При этом Киев остается главным центром, в который поступают иностранные инвестиции.

В целом, по состоянию на 2005 г. в группу регионов с высоким уровнем сбалансированности развития можно отнести Закарпатскую, Волынскую, Ровенскую, Одесскую области, Киевскую область с г. Киевом.

Главным фактором влияния на уровень и динамику сбалансированности развития Украины и ее регионов в период 2000–2005 гг. были трансформационные изменения в экономике страны. Начиная с 2000 г., в ней происходят положительные изменения, в т.ч. — положительные изменения в структуре производства (таблица 2), что создает определенные предпосылки для обеспечения перехода страны к модели сбалансированного развития.

В национальной экономике Украины увеличивается доля обрабатывающей промышленности, уменьшается доля добывающей. Начиная с 2000 г. происходит улучшение эколого-экономических параметров экономики, в частности, — уменьшение уровней удельных энерго- и водоемкости национального ВВП (таблицы 3 и 4).

Однако не следует игнорировать и тот факт, что в уменьшении уровней удельной природоемкости ВВП страны сыграло роль

Виды экономической деятельности	Выпуск продук- ции (млн. грн.)	% от ВВП	Выпуск продук- ции (млн. грн.)	% от ВВП
	2001 г.		2006 г.	
Сельское хозяйство, охотничье, лесное хозяйство	66306	13,69	97112	7,64
Добывающая промышленность	23411	4,83	48452	3,81
Перерабатывающая промышленность	172759	35,68	463275	36,44
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	27905	5,76	47602	3,74
Строительство	18339	3,79	62413	4,91
Торговля, ремонт автомобилей, бытовых приборов и предметов личного потребления	38989	8,05	125515	9,87
Деятельность транспорта и связи	41295	8,53	115788	9,11
Образование	12437	2,57	37581	2,96
Охрана здоровья и предоставление социальной помощи	10005	2,07	28454	2,24
Другие виды экономической деятельности	49074	10,13	175495	13,80
Всего (в основных ценах)	460520	95,11	1201687	94,53
Налоги за исключением субсидий на продукты	23700	4,89	69599	5,47
ВВП (в рыночных ценах)	484220	100,00	1271286	100,00

Рассчитано по данным Госкомстата Украины

Таблица 3.

Динамика энергоемкости ВВП Украины (2000–2006 гг.)

Год	ВВП, % к 2000 г.	Потребление топлива, млн. т.у.т.	Индекс энергоемкости ВВП
2000	100,00	155,1	1,00
2001	109,20	164,9	0,97
2002	114,88	171,0	0,91
2003	123,03	184,5	0,89
2004	131,77	184,5	0,79
2005	141,13	177,3	0,74
2006	151,15	176,2	0,69

Таблица 4.

Динамика водоемкости ВВП Украины (2000–2005 гг.)

Год	ВВП, % к 2000 г.	Потребление воды, млн. куб. м	Индекс водоемкости ВВП
2000	100,00	12991	1,00
2001	109,20	12168	0,86
2002	114,88	11589	0,74
2003	123,03	11034	0,63
2004	131,77	9973	0,51
2005	141,13	10188	0,51

и уменьшение уровня «тенизации» национальной экономики, что дало возможность более точно учитывать реальные объемы ВВП.

Результаты исследований свидетельствуют о неблагоприятных предпосылках перехода Украины к сбалансированному развитию. Однако, несмотря на всю сложность ситуации, в которой находится страна, она имеет потенциал ресурсов, мобилизация которого может изменить ситуацию к лучшему.

В числе внутренних ресурсов обеспечения сбалансированного развития Украины мы считаем возможным выделить следующие основные компоненты: население, территория, природно-ресурсный потенциал⁴⁸, географическое положение, социально-экономический потенциал, научно-технический потенциал, культурно-исторический потенциал.

⁴⁸ Руденко Л.Г., Лисовський С.А. Природно-ресурсний потенціал як чинник економічного зростання в Україні // Український географічний журнал. — 2001. — № 3. — С. 17–27 (Руденко Л.Г., Лисовский С.А. Природно-ресурсный потенциал как фактор экономического роста в Украине // Украинский географический журнал. — 2001. — № 3. — С. 17–27.).

Степень вероятности осуществления перехода Украины к сбалансированному развитию зависит от полноты реализации современного потенциала развития страны и его основных составляющих. Специфика Украины состоит в том, что она, вследствие действия различных факторов, не смогла обеспечить в прошлом и не обеспечила в настоящем процесс эффективного использования ресурсов развития. Поэтому к числу главных условий перехода страны к устойчивому развитию относятся оптимизация использования и мобилизация ресурсов, которые страна имеет в своем распоряжении, организация эквивалентного обмена ресурсами на международном уровне, привлечение для обеспечения потребностей развития ресурсов, которые в данный момент находятся за пределами Украины.

Следует особо подчеркнуть необходимость законодательного утверждения на государственном уровне Стратегии сбалансированного развития Украины.

Особенного внимания требует вопрос разработки механизма реализации стратегии сбалансированного развития Украины в условиях глобализации, существенно влияющей на соотношение внешних и внутренних факторов развития каждого государства и возможности и степень управления процессами развития государств национальными институтами власти.

Глобальный переход к устойчивому развитию предусматривает переосмысление дальнейших целей общества, разработку целостного, научно обоснованного плана действий относительно долгосрочных целей, средств и ресурсов развития общества, обеспечения эффективных механизмов реализации концепции устойчивого развития. Это, в свою очередь, требует значительного расширения существующей теоретической базы его исследования.

Серьезным препятствием на пути к устойчивому развитию является политическая нестабильность в мире, отвлекающая огромные объемы финансовых, технических, интеллектуальных и природных ресурсов, обуславливающая постоянный рост военных расходов. Эта проблема особенно обострилась в последнее десятилетие, вследствие разрушения «биполярной» модели мирового устройства, существовавшей более полувека.

Переход человечества к устойчивому развитию во многом усложняется действием ряда негативных последствий глобализации. В частности, глобализация усилила диспропорции в темпах развития отдельных стран, обусловила появление и усиление влияния на мировой арене транснациональных компаний и корпораций, которые оказывают все более сильное влияние на развитие отдельных государств

и целых регионов мира. Соответственно уменьшаются и возможности правительств влиять на развитие собственных стран, в том числе — возможности реализации планов перехода к устойчивому развитию. Данная проблема ставит на повестку дня вопрос о необходимости расширения количества сторон, участвующих в разработке и реализации на международном уровне стратегии и практических действий по переходу к модели устойчивого развития.

Содержание проблем устойчивого развития на надгосударственном уровне определяет необходимость углубленного изучения современных процессов развития мировой экономики, ее отдельных элементов и связей между ними; интеграции отдельных стран в систему мирового хозяйства. В контексте этого существует необходимость изучения новых субъектов влияния на геополитической и геоэкономической аренах; исследования изменений в национальных экономиках отдельных стран, происходящих под влиянием процесса глобализации; изучения действия перечисленных факторов на формирование структурных особенностей экономик отдельных стран, уровня их технологичности и природоёмкости, типа технологического уклада и характера природопользования в пределах их территорий, которые, в итоге, определяют предпосылки перехода человечества и отдельных стран к устойчивому развитию.

К числу вопросов, требующих изучения на данном уровне относятся проблемы согласованного, сбалансированного развития отдельных регионов планеты, проблемы отношений между отдельными региональными союзами государств.

Достижение на практике согласования интересов развития отдельных стран, регионов и человечества в целом, учет при этом баланса интересов и потребностей коэволюционного развития общества и природы можно считать основой перехода модели устойчивого развития из теоретической в практическую категорию.

Пока же отношения в данной сфере строятся с позиции силы — как в отношениях общества и природы в целом, так и в отношениях отдельных членов мирового сообщества в вопросах, связанных с использованием природных ресурсов и регулированием антропогенного влияния на окружающую среду.

В контексте вышеизложенного Стратегия сбалансированного развития и мероприятия по ее реализации в Украине должны рассматриваться как органическая составляющая общей стратегии перехода человечества к устойчивому развитию. В частности, следует обеспечить обязательное согласование основных принципов стратегии сбалансированного развития Украины с принципами, закрепленными

в документах Рио, Йоханнесбурга, принципами обеспечения пространственного сбалансированного развития Европейского Континента, разработанными и одобренными Советом Европы.

Одним из главных принципов реализации стратегии перехода Украины к сбалансированному развитию является многоуровневость — разработка ее как единой системы взаимосвязанных и одновременных действий на общегосударственном, региональном и локальном уровнях.

Начать практический переход к сбалансированному развитию Украина сможет при условии обеспечения стабилизации общей макроэкономической ситуации и достижения достаточного уровня конкурентоспособности национальной экономики в мировом экономическом пространстве. Данный вывод не следует рассматривать как дань экономикоцентристским подходам к развитию. Это, скорее, признание современных реалий, при которых более развитая экономика страны является фактором, который предоставляет преимущества в обеспечении относительно более благоприятной экономической ситуации в пределах ее территории, что, правда, мешает переходу к сбалансированному развитию общества на глобальном уровне.

Одним из условий перехода Украины к сбалансированному развитию является коренная структурная перестройка национальной экономики. Современная глобальная конкуренция на мировых рынках товаров и услуг усложняет задачи развития конкурентоспособного на внутреннем и внешних рынках производства, особенно в его наиболее современных и высокотехнологических отраслях. Исходя из этого, в Украине должны быть реально оценены шансы развития новых высокотехнологических производств. В стране должен быть определен перечень приоритетных узких или, даже, сверхузких направлений специализации производства. Эти направления целесообразно развивать опережающими темпами, способствовать их развитию всеми имеющимися средствами, использование которых не противоречит нормам действующих международных соглашений, участницей которых является Украина⁴⁹. Речь идет о необходимости достижения ведущих конкурентных позиций Украины на основе перехода от отраслевой к внутриотраслевой специализации ее экономики на международном уровне.

⁴⁹ Оцінка стану виконання підсумкових документів Всесвітнього саміту зі сталого розвитку (Йоганнесбург, 2002) в Україні / Руденко Л.Г. та інші. — К.: Академперіодика, 2004. — 208 с. (Оценка состояния выполнения итоговых документов Всемирного саммита по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) в Украине / Руденко Л.Г. и другие. — К.: Академперіодика, 2004. — 208 с.).

Подгрушный Г.П.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАДИЙНО-ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ

Общественно-географическая картина мира в начале нового тысячелетия характеризуется резкой дифференциацией социально-экономического развития отдельных стран и регионов. Это, в значительной мере, обусловлено асинхронностью их стадийно-эволюционного развития. Ведь сегодня государства мира находятся на различных стадиях эволюционного развития — от доиндустриальной до постиндустриальной. Отсюда и огромные различия в показателях, характеризующих экономику и социальную сферы стран, которые находятся на разных «полюсах» шкалы стадийно-эволюционного развития.

Так, в современном мире параллельно сосуществуют и взаимодействуют маргинальные регионы с архаическими доиндустриальными формами ведения хозяйства и метрополитарные регионы, которые развиваются на основе сверхсовременных информационных технологий. Существует большое количество стран и регионов, которые находятся на различных стадиях индустриального развития и имеют широкий спектр специфических черт.

Типизация регионов из-за особенностей стадийно-эволюционного развития имеет важное практическое значение. Она позволяет четко определить и классифицировать круг специфических проблем, присущих разным регионам и очертить направления их перспективного развития в соответствии с общемировыми тенденциями.

Однако, несмотря на актуальность данной проблематики, вопросы методики определения особенностей стадийно-эволюционного развития регионов в научной литературе освещены недостаточно.

Переход к каждой следующей стадии — это следствие глубоких и всесторонних трансформационных сдвигов в региональных структурах, которые затрагивают практически все компоненты и подсистемы общественно-территориальных комплексов регионов и имеют прогрессивный характер. В основе этих сдвигов лежат инновационно-технологические факторы, связанные с периодической активизацией нововведений в центральных регионах и их территориальной диффузией в полупериферийные и периферийные. Действие иннова-

ционно-технологических факторов направлено на техническую и энергетическую базу экономики. Эту базу формируют основные средства производства и источники энергии. Основную роль в ее создании играет промышленное производство.

Таким образом, переход регионов от одной стадии эволюционного развития к другой определяется, прежде всего, состоянием их промышленного производства, уровнем его эффективности, особенностями структуры и специализации, технической и технологической вооруженностью и т.п.

В связи с этим при определении особенностей стадийно-эволюционного развития регионов, их отнесении к определенным стадиям, целесообразно использовать в качестве индикативных показателей не только те, которые характеризуют социально-экономическое развитие регионов в целом, но и те, что отображают особенности развития их промышленного производства.

Решение методической проблемы определения стадий эволюционного развития для определенных регионов базируется на региональном моделировании. В зависимости от конкретных исследований, такие модели содержат усредненные и экстремальные характеристики регионов, находящихся на определенных стадиях эволюционного развития. Сопоставление конкретных регионов с базовой моделью дает возможность установить их принадлежность к той или иной стадии эволюционного развития.

Шкала эволюционного развития регионов характеризуется наличием двух крайних позиций — стадий доиндустриального и постиндустриального развития. Вектор прогрессивного развития регионов направлен в сторону постиндустриальной стадии. Она является своеобразным ориентиром для регионов, которые находятся на низших ступенях развития. Итак, эту стадию можно считать ориентиром развития для всех без исключения регионов Украины.

Отличия между разными стадиями регионального развития могут быть установлены на основе анализа многих показателей. Однако, для построения базовой модели целесообразно ограничить их количество, оставив лишь те из них, которые являются индикативными. Большое количество исходных показателей могло бы исказить базовую модель, придав ей черты присущие не только лишь постиндустриальной стадии. В связи с определенными различиями в системах международной, государственной и региональной статистики, при использовании значительного массива показателей возникла бы проблема их сопоставления и, таким образом, возможности построения конкретной модели.

При построении модели постиндустриальной стадии регионального развития мы исходили со следующих предпосылок:

1. Постиндустриальное общество, прежде всего, характеризуется очень высоким уровнем эффективности функционирования экономики, доминирующую роль в которой играет третичный и четвертичный сектора.
2. Органически присущими для постиндустриализма являются высокие масштабы развития научной деятельности, которая превратилась в непосредственную продуктивную силу общества.
3. Исключительно важную роль в развитии постиндустриального общества играет промышленное производство, которое выполняет функцию продуцента его материально-энергетической базы. При этом характерной особенностью промышленности является очень высокий уровень ее развития, особенно наукоемких высокотехнологических отраслей машиностроения, приоритетных для 4 и 5 циклов Кондратьева.

Исходя из этих предпосылок, для разработки модели постиндустриальной стадии регионального развития в качестве индикативных были использованы следующие показатели.

1. В качестве показателя, который характеризует общий уровень развития экономики и ее эффективность, используется объем валового внутреннего продукта в расчете на одного жителя региона, выраженный в тыс. дол. США.
2. Особенности структуры экономики региона характеризуются удельным весом обслуживающей сферы (третичный и четвертичный сектора экономики), приведенным в процентах.
3. Масштабы научной деятельности в регионе, в соответствии с международной статистикой отображаются с помощью показателя количества занятых в научно-исследовательских и конструкторских работах (НИОКР) в расчете на 100 тыс. жителей.
4. Уровень и особенности развития промышленного производства характеризуется тремя взаимодополняющими и уточняющими показателями. Это валовые добавочные стоимости (ВДС) промышленности и машиностроения в целом и высокотехнологических наукоемких производств (производство электронно-вычислительных машин, оборудование для радио, телевидения и связи, медицинских приборов и т.п.) в расчете на одного жителя региона.

Модель базового постиндустриального региона строится на основе исследования особенностей развития наиболее развитых постиндустриальных стран мира, которые входят в состав «большой се-

мерки» (G 7) — США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Канада. Основные характеристики базовой модели стадии постиндустриального развития представлены в табл. 1.

При разработке модели постиндустриальной стадии регионального развития мы сознательно ограничились индикативными показателями, которые характеризуют преимущественно экономическое развитие, имея в виду тот факт, что достижение его высокого уровня непременно влечет за собой высокие социальные стандарты. Вместе с тем без достаточно высокого уровня социального развития невозможно достичь и экономических показателей, присущих постиндустриальному обществу.

Минимальные показатели в модели является тем «порогом», который должны достичь регионы Украины для перехода к стадии постиндустриального развития. Именно их мы и взяли в качестве базовых показателей, к которым стандартизируются соответствующие показатели развития каждой из стран или ее регионов. На этой основе определяется комплексный показатель стадийно-эволюционного развития (K). Формула его расчета имеет следующий вид:

$$K = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{\Pi_r}{\Pi_{\min}}$$

Таблица 1.

Основные характеристики модели
постиндустриального региона

Показатели и единицы их измерения	Значение показателей		
	Мини- мальные	Средние	Макси- мальные
ВВП, тыс. дол. США на человека	26,150	28,474	35,750
ВДС промышленности, тыс. дол. США на человека	4,329	6,300	10,127
ВДС машиностроения, тыс. дол. США на человека	1,065	2,850	4,466
ВДС высокотехнологических производств, тыс. дол. США на человека	0,449	1,162	1,934
Численность занятых в НИОКР, человек на 100 тыс. жителей	112,8	315,2	532,1
Удельный вес обслуживающей сферы (третичный и четвертичный секторы) в экономике, %	68,0	72,5	79,4

Составлено по данным [3; 4; 5; 9].

где Π_r — индикативные показатели, характеризующие развитие конкретного региона; $\Pi_{\min}$ — минимальные индикативные показатели в модели постиндустриального региона; n — количество показателей. Показатель K может приобретать значение в интервале от 0 до 1, а в отдельных случаях превышать ее. Проведенное на примере отдельных стран и регионов исследование позволило осуществить приблизительную разбивку ряда значений показателя K в соответствии со стадиями эволюционного развития (табл. 2).

Таблица 2.

Значение комплексного показателя
стадийно-эволюционного развития

Величина показателя K	Стадии эволюционного развития регионов
Больше 1	Постиндустриальная
0,8-1	Высокоиндустриальная
0,3-0,8	Индустриальная
0,1-0,3	Низькоиндустриальная
Меньше 0,1	Доиндустриальная

Находясь даже на одинаковых стадиях развития, отдельные регионы имеют свою специфику. Это обусловлено различными значениями и соотношениями показателей, которые определяют развитие регионов. Их анализ дает возможность определить для каждой стадии развития региона меру его готовности для перехода к следующей стадии. Важное значение при этом имеет не только величина комплексного показателя стадийно-эволюционного развития (K), но и сочетание отдельных индикативных показателей. В первую очередь это касается показателей, которые характеризуют масштабы научной деятельности и уровень технологичности производства. Решение этой задачи осуществляется на основе кластерного анализа, входящего в пакет прикладных программ Statistica v. 6.

Очевидно, что сегодня мы можем вести речь о глобальной архитектонике стран и регионе, которые находятся на разных стадиях эволюционного развития. Основу этой архитектоники составляет глобальная креативно-инновационная ось, сформированная тремя макрорегионами — Северной Америкой, Западной Европой и Восточной Азией (Япония, Южная Корея). В большинстве своем страны, которые сформировали эти макрорегионы, перешли к постиндустриальному развитию или приближаются к нему.

Доминирующую роль среди них играют развитые в социально-экономическом отношении страны G7. Еще в начале 80-х гг. прошлого века они перешли постиндустриальный «порог» и обеспечили себе мировое лидерство практически во всех сферах общественного развития. Однако, как показал анализ, даже среди них наблюдаются резкие различия в индикативных показателях, которые характеризуют их социально-экономическое развитие (табл. 3).

Таблица 3.

**Показатели, характеризующие особенности
стадийно-эволюционного развития стран G7**

Страны	ВВП, тыс. дол. на человека	ВДС промышленности, тыс. дол. на человека	ВДС машиностроения, тыс. дол. на человека	ВДС высокотехнологических производств, тыс. дол. на человека	Количество занятых в НИОКР на 100 тыс. жителей	Удельный вес непроизводственной сферы в структуре ВВП, %	Комплексный показатель стадийно-эволюционного развития
США	35,75	5,79	3,05	1,93	409,9	79,4	3,48
Япония	26,94	10,13	4,47	1,13	532,1	74,1	3,28
Германия	27,1	6,54	3,13	0,53	315,3	68,0	2,04
Великобритания	26,15	3,98	1,30	0,45	266,6	72,7	1,51
Франция	26,92	5,41	2,20	0,53	271,8	73,0	1,80
Италия	26,98	4,33	1,07	0,19	112,8	68,9	1,22
Канада	29,48	4,46	1,20	0,28	297,8	71,3	1,42
Модельный регион	26,15	3,98	1,07	0,19	112,8	68,0	1,00

Рассчитано по данным [3; 4; 5; 9]

Особенно значительны эти различия для показателей, которые характеризуют технологичность производства и масштабы научной деятельности. Так, по сравнению с минимальным для модели постиндустриального региона значением, численность занятых в НИОКР в расчете на 100 тысяч жителей в Японии выше в 4,7 раза, США — 3,6 раза, Германии — 2,8 раза.

Производство ВДС высокотехнологических отраслей в расчете на душу населения превышают минимальный для постиндустриальных стран показатель в США в 10,4 раза, Японии — 6,1 раза, Германии — 2,9 раза. Менее дифференцированными являются показатели, отражающие уровень развития машиностроения и промышленности в целом. Так, производство ВДС машиностроения в расчете на одного жителя превышает минимальный показатель для постиндустриальных стран в Японии в 4,2 раза, Германии и США в 2,9 раза. Производство ВДС промышленности на душу населения в Японии превышает минимальный уровень для постиндустриальных стран в 2,6 раза, в Германии — 1,7 и в США — 1,6 раза.

Показатели производства ВВП в расчете на душу населения и удельный вес непроизводственной сферы в структуре ВВП являются наименее дифференцированными. Максимальные показатели здесь превышают минимальные соответственно в 1,4 и 1,2 раза. В обоих случаях наибольшее значение данные показатели имеют в США.

Вполне естественно, что резкая дифференцированность отдельных индикативных показателей обуславливает значительные различия в комплексных показателях стадийно-эволюционного развития (К) этих стран. Так, наивысшим этот показатель является в США и Японии, где он соответственно составляет 3,48 и 3,28. Самым низким среди этих стран данный показатель является в Канаде (1,42) и Италии (1,02).

Таким образом, в США и Японии наблюдается значительное превышение не только минимальных, а и средних для постиндустриальных стран значений как комплексного показателя стадийно-эволюционного развития, так и отдельных индикативных показателей, на основе которых он рассчитывается. Это свидетельствует о том, что в этих странах на сегодняшний день сформировалось высокоразвитое постиндустриальное общество. Подтверждением этого может служить и тот факт, что пятый цикл Кондратьева длится здесь свыше 30 лет и уже перешел свой пик.

Ряд исследователей констатируют в прохождении инновационных циклов (длинных волн в экономике) наличие феномена ускорения

(сжатие) [1]. В работах Э. Дюпре, У. Росту [6], Д. Ван Дейна [7], М. Ришонье [8] и других авторов подается их хронология в экономике стран, которые формируют мировые инновационно-креативные макрорегионы. Обобщенные расчеты, проведенные на основе этих хронологий, дают возможность определить приблизительную продолжительность каждого из циклов Кондратьева.

Так, первый цикл в среднем длился около 60 лет; второй — 50 лет; третий и четвертый — приблизительно по 40 лет. Таким образом, учитывая тенденцию сокращения продолжительности циклов можно, можно констатировать, что время прохождения пятого цикла Кондратьева будет составлять приблизительно 30–35 лет.

Итак, в США и Японии этот цикл подходит к своему завершению, которое совпадает со временем инициации шестого цикла Кондратьева. Уже сегодня становится очевидным, что базовыми инновациями этого цикла будет геномная инженерия и нанотехнологии. Принципиально новый характер этих инноваций приведет к становлению качественно новой стадии общественного развития, которая, по нашему мнению может быть определена, как биоиндустриальная стадия. Оправданность применения именно такого термина обусловлена спецификой приоритетных инноваций шестого цикла, которые связаны с оперированием разнообразными материалами, и в первую очередь с живыми организмами и тканями на молекулярном и субмолекулярном уровнях.

К числу постиндустриальных можно отнести и ряд других западноевропейских стран, в частности Австрию, Бельгию, Швецию и т.д.

В противоположность развитым постиндустриальным странам в мире существуют десятки стран, которые находятся на доиндустриальной стадии развития. Комплексный показатель их стадийно-эволюционного развития не превышает 0,1. Это, преимущественно, беднейшие страны африканского континента — Эфиопия, Мали, Бурунди, Сьерра-Леоне, Нигер, Гвинея-Бисау и ряд других, где производство ВВП не превышает 1000, а производство ВДС промышленности 20 долларов США на душу населения в год. Удельный вес сельского хозяйства в структуре экономики этих стран составляет порядка 40 — 45%. При этом оно имеет типично экстенсивный характер. О занятых в НИОКР можно говорить лишь условно. Их количество в расчете на 100 тыс. население составляет не более 2–3 человек.

Ни уровень социально-экономического развития этих стран, ни имеющийся потенциал, особенно производственный и интеллектуальный, не создают предпосылок и возможностей для быст-

рого и эффективного их продвижения в направлении индустриализации.

Украина и государства, которые непосредственно граничат с ней, занимают приблизительно средний диапазон между «полюсами», один из которых составляют постиндустриальные, а другой — доиндустриальные страны мира.

Наша страна и большинство соседних государств находятся на стадии индустриального развития. Значение комплексного показателя стадийно-эволюционного развития для этой стадии колеблется в пределах 0,3–0,8. Именно в этом сегменте находятся Украина (0,60), Россия (0,69), Беларусь (0,46), Польша (0,62), Словакия (0,63), Румыния (0,35).

Следует отметить, что ряды индикативных показателей, которые определяют комплексный показатель К для Украины и соседних индустриальных государств, являются довольно дифференцированными (табл. 4).

В целом нужно отметить, что для Украины и соседних с ней государств бывшего социалистического лагеря и, особенно, бывших республик Советского Союза характерна резкая несбалансированность между отдельными индикативными показателями. Прежде всего, это касается резкого превышения стандартизированных к минимальным значениям в модели постиндустриального региона показателей количества занятых в НИОКР на 100 тыс. жителей над производством высокотехнологической наукоемкой продукции в расчете на душу населения. Такая ситуация отражает общую для постсоветских стран низкую эффективность научного потенциала, особенно в сфере внедрения инноваций в производство.

Следует также отметить и определенное преобладание стандартизированных показателей удельного веса непроизводственной сферы над производством ВВП и ВДС промышленности на душу населения. В значительной мере это свидетельствует о недостаточной сформированности третичного сектора экономики, неэффективном выполнении им обеспечивающей и обслуживающей функций.

Исходя из особенностей развития, Венгрия и Молдова не могут быть отнесены к индустриальной стадии. В первой из них комплексный показатель стадийно-эволюционного развития составляет 1,16. С полным правом она может быть отнесена к высокоиндустриальным странам, находящимся на начальном этапе перехода к постиндустриальной стадии. Обусловлено это, прежде всего, высоким индустриальным и интеллектуальным потенциалом Венгрии. В частности это касается высокотехнологических производств, уровень развития

Таблица 4.

**Показатели, характеризующие особенности
стадийно-эволюционного развития
Украины и соседних государств**

Страны	ВВП, тыс. дол. на человека	ВДС промышленности, тыс. дол. на человека	ВДС машиностроения, тыс. дол. на человека	ВДС высокотехнологических производств, тыс. дол. на человека	Количество занятых в НИОКР на 100 тыс. жителей	Удельный вес непродовольственной сферы в структуре ВВП, %	Комплексный показатель стадийно-эволюционного развития
Украина	5,07	0,368	0,049	0,006	276,5	55,0	0,60
Россия	8,23	0,634	0,150	0,013	298,0	56,0	0,69
Белоруссия	5,52	0,474	0,105	0,012	189,3	42,0	0,46
Молдова	1,47	0,168	0,013	0,004	32,9	52,0	0,20
Румыния	6,56	0,537	0,124	0,012	87,9	51,0	0,35
Венгрия	13,4	1,597	0,945	0,543	144,0	67,0	1,16
Словакия	12,84	1,188	0,247	0,037	177,4	66,0	0,63
Модельный регион	26,15	3,98	1,07	0,19	112,8	68,0	1,00

Рассчитано по данным [3; 4; 5; 9]

которых приблизительно в 2 раза превышает аналогичный минимальный показатель модели постиндустриального региона. Количество занятых в НИОКР Венгрии в расчете на 100 тыс. жителей в 1,3 раза превышает минимальный показатель в модели постиндустриального региона. К минимальному показателю в модели постиндустриального региона близок уровень развития машиностроения Венгрии. Однако другие индикативные показатели являются более низкими от минимального уровня модели постиндустриального региона. Так производство ВВП на душу населения Венгрии составляет

51,2%, а ВВД промышленности в расчете на одного жителя — 40,2% от этого уровня.

В то же время Молдова является типичной низкоиндустриальной страной, показатель К в которой составляет лишь 0,2. Очень низкими в ней остаются практически все индикативные показатели, которые определяют уровень стадийно-эволюционного развития.

Исследование проблематики регионального развития предусматривает выяснение вопроса о «нижнем» иерархическом уровне регионов, на котором отслеживаются стадийно-эволюционные закономерности. В научной литературе в этом контексте исследуются, преимущественно, страны и макрорегионы глобального уровня (Западная Европа, Юго-Восточная Азия и т.п.). Вместе с тем есть отдельные публикации, посвященные стадийным трансформациям постиндустриального характера в больших городах [2].

Существует ряд критериев, динамика которых дает основания считать, что стадийно-эволюционные закономерности прослеживаются в развитии регионов субнационального уровня и больших городов. Другими словами, их развитие приобретает черты той или другой стадии. Среди таких критериев, прежде всего следует назвать динамику секторов экономики в модели Фишера–Кларка, показателей, характеризующих интеллектуальный, креативно-инновационный и производственный, в частности индустриальный потенциал и т.п. В большинстве своем показатели, которые отображают данные критерии, фиксируются официальной статистикой в регионах субнационального уровня и больших городах. Отдельные из них, собственно, и взяты нами в качестве индикативных показателей, которые характеризуют особенности стадийно-эволюционного развития регионов. Таким образом, вполне корректным и оправданным является постановка вопроса о выявлении особенностей стадийно-эволюционного развития регионов Украины областного уровня.

Проведенное нами на основе индикативных показателей исследования выявило наличие значительных различий в особенностях стадийно-эволюционного развития областей Украины и АР Крым. В процессе исследования возникла проблема сопоставления индикативных показателей базовой модели постиндустриального региона с областями страны. Прежде всего, это касалось производства ВВП и ВДС промышленности, машиностроение и высокотехнологических производств в расчете на одного жителя (в долларах США). Международная статистика приводит эти показатели в целом для Украины. На этой основе, учитывая меж-

региональные соотношения, были рассчитаны конкретные показатели для каждой из областей страны. Поскольку отечественная статистика не ведет расчета ВВП на уровне областей, он был заменен близким по содержанию показателем валового регионального продукта (ВРП).

Наибольший показатель производства ВРП в расчете на одного жителя имеет Киевская область (вместе с г. Киевом) — 11,218 тыс. дол. Это составляет 42,9% от минимального значения модельного постиндустриального региона (26150 дол.). Дальше со значительным отрывом от этих показателей идут Донецкая (6341 дол. и 24,2%), Днепропетровская (6064 дол. и 23,2%), Полтавская (5767 дол. и 22,1%), Запорожская (5357 дол. и 20,5%) и Одесская (5265 дол. и 20,1%) области.

Наименьшие показатели производства ВРП в расчете на душу населения имеют Черновицкая (2639 дол.), Тернопольская (2786 дол.), Житомирская (3018 дол.) и Закарпатская (3087 дол.) области. Эти показатели почти на порядок ниже минимального уровня в модельном постиндустриальном регионе.

В целом максимальный показатель производства ВРП на душу населения среди областей Украины превышает минимальный в 4,3 раза. Это свидетельствует о высокой дифференцированности уровня экономического развития областей страны.

Максимальные значения производства ВДС промышленности — 788 дол. (Донецкая обл.) и 726 дол. (Днепропетровская обл.) на душу населения составляют лишь 19,8% и 18,3% от минимального уровня (3976 дол.) модельного постиндустриального региона.

Самые низкие показатели производства ВДС промышленности на одного жителя имеют Черновицкая (92 дол.), Закарпатская (101 дол.), Тернопольская (106 дол.) и Волынская (110 дол.) области, которые составляет соответственно 2,3%, 2,5%, 2,7% и 2,8% от минимального уровня модельного региона.

Максимальное значение в ряде показателей производства ВДС промышленности превышает минимальное в 8,6 раза, что является свидетельством очень высокого уровня дифференцированности промышленного развития регионов страны.

Самый высокий уровень развития машиностроения в стране имеет Запорожская область. Производство ВДС этой отрасли составляет здесь 173 дол. на душу населения, что соответствует 16,2% от минимального уровня модельного постиндустриального региона. Дальше идут Донецкая (соответственно 95 дол. и 8,9%), Сумская (81 дол. и 7,6%), Харьковская (77 дол. и 7,2%) и Киевская (73 дол. и 6,9%) области.

Наиболее низким уровнем развития машиностроения характеризуются Черновицкая (6 дол. и 0,6%), Черниговская, Винницкая и Житомирская области — по 14 дол. и 1,3%.

Расчеты показывают, что максимальное значение в ряде показателей производства ВДС машиностроения областей страны превышает минимальное в 28,8 раза. Таким образом, уровень дифференциации развития машиностроения регионов страны чрезвычайно высока.

Уровень развития высокотехнологических наукоемких производств в областях страны еще более дифференцирован. Превышение максимального показателя производства высокотехнологической продукции в расчете на душу населения над минимальным составляет 47,6 раза. При этом максимальный среди регионов страны показатель — 28,3 дол. на душу населения (Киевская область) составляет лишь 12,8% от минимального уровня модели постиндустриального региона. Дальше идут Харьковская (12,9 дол. и 6,9%) и Одесская (7,7 дол. и 4,1%) области. Все другие регионы значительно отстают от первых трех. Наиболее низкий уровень развития высокотехнологических производств наблюдается в Херсонской (0,5 дол. и 0,3%), Черновицкой и Ивано-Франковской областях — по 0,8 дол. и 0,4%.

Ряд областей Украины характеризуются гипертрофированной занятостью в НИОКР и очень низким уровнем ее эффективности. В первую очередь это касается Киевской области (вместе с г. Киевом), где на 100 тыс. жителей приходится 1042,8 занятых в НИОКР, что в 9,2 раза выше минимального уровня в модели постиндустриального региона. Очень высоки эти показатели в Харьковской (соответственно 581,4 занятых и 5,2 раза), Днепропетровской (444,8 и 3,9) и Запорожской (438,3 и 3,8) областях. При этом, как уже отмечалось, производство высокотехнологической наукоемкой продукции составляет в Киевской области — 12,8%, Харьковской — 6,9%, Днепропетровской — 2,4%, Запорожской — 1,4% от минимального уровня модели постиндустриального региона. Такую ситуацию можно расценивать как критическую несбалансированность научного и производственного (индустриального) потенциалов в регионах страны.

С одной стороны, страна в целом и ее ведущие регионы в частности располагают очень высоким интеллектуальным потенциалом, представленным высококвалифицированными научными работниками и специалистами, занятыми в НИОКР. С другой — их активность в продуцировании инноваций и продвижении технических

и технологических нововведений в производство остается несопоставимо низкой по сравнению с высокоразвитыми странами. Обусловленная этим низкая эффективность НИОКР является одним из главных лимитирующих факторов, которые делают невозможным сегодня переход страны к стадии постиндустриального развития. Ведь широкая экспансия инноваций в производство обеспечивает стремительный рост качества и конкурентоспособности продукции, снижение затрат на производство и, таким образом, рост экономической эффективности хозяйства в целом и его отдельных производств.

Статистический ряд показателей, отображающих удельный вес непроизводственной сферы в структуре ВРП областей Украины, наименее дифференцирован. Максимальный показатель этого ряда превышает минимальный лишь в 2,2 раза. Эти показатели наиболее приближены к соответствующему минимальному значению в модели постиндустриального региона.

Максимальные значения удельного веса непроизводственной сферы в структуре ВРП имеют Киевская (80,5%), АР Крым (70,9%), и Одесская (70,7%) области, что составляет соответственно 118,4%, 104,3% и 104,0% от минимального уровня в модели постиндустриального региона. Высокий удельный вес непроизводственной сферы в структуре экономики этих регионов обусловлен, прежде всего, специфическими функциями, которые они реализуют в стране. Киев вместе с областью реализует столичные и межрегиональные функции, которые связаны с развитием здесь органов государственного управления, образования и науки, финансовой деятельности, гостиничного и ресторанного бизнеса, торговли, предоставлением разнообразных услуг и т.п. Высокий удельный вес непроизводственной сферы АР Крым и Одесской области связан, главным образом, с международной специализацией их хозяйственных комплексов на рекреационно-туристической деятельности.

Наименьший удельный вес непроизводственной сферы в структуре ВРП наблюдается в Полтавской (36,8%), Днепропетровской и Запорожской (по 40,8%), Донецкой (41,6%) и Луганской (41,8%) областях. Это составляет соответственно 54,1%, 60,0%, 61,2% и 61,5% от минимального уровня в модели постиндустриального региона. Все эти области принадлежат к старопромышленным регионам, которые характеризуются высоким уровнем развития традиционных отраслей тяжелой индустрии. Сформированная таким образом в течении продолжительного периода структура хозяйства этих областей имеет инерционный характер, который сдерживает рост в них непроизводственной сферы.

Характерной особенностью структуры самой непроизводственной сферы регионов Украины является более низкий, чем в постиндустриальных регионах, удельный вес деловых услуг, которые включают у себя финансово-банковскую деятельность, консалтинговый и рекламный бизнес, операции с недвижимостью и т.п. Именно в этом одна из главных причин низкого уровня эффективности непроизводственной сферы в обеспечении функционирования экономики регионов страны. Свидетельством этого является резкий диспаритет стандартизированных к минимальным значениям в модели постиндустриального региона показателей развития непроизводственной сферы и производства ВРП и ВДС промышленности.

Резкая дифференцированность отдельных индикативных показателей развития регионов Украины детерминирует значительные различия в комплексных показателях их стадийно-эволюционного развития (рис. 1). Наивысший показатель К имеют Киевская (1,56) и Харьковская (1,06) области. Динамичное социально-экономическое развитие в целом, сравнительно высокий уровень развития высокотехнологических наукоемких производств, наличие мощного интеллектуального потенциала и развитого третичного сектора экономики дает основание квалифицировать эти области не просто как высокоиндустриальные, а как находящиеся на начальном этапе становления постиндустриальной стадии развития.

Дальше, со значительным отрывом в показателе К, идут Днепропетровская (0,84), Запорожская (0,84) и Донецкая (0,80) области, которые также находятся на высокоиндустриальной стадии развития. Они имеют самые высокие в стране показатели производства ВРП и ВДС промышленности на душу населения. Однако, довольно низкий уровень развития высокотехнологических наукоемких производств, сформированная структура промышленности с доминированием отраслей тяжелой индустрии и недостаточно развитый третичный сектор экономики в значительной мере лимитируют дальнейшее прогрессивное развитие этих областей. В связи с этим они квалифицируются нами как имеющие недостаточные возможности для перехода к постиндустриальной стадии развития.

Дальнейшее развитие этих областей связано с широкомасштабной реструктуризацией их хозяйства и, прежде всего, промышленности. На фоне модернизации и интенсификации традиционных отраслей тяжелой индустрии, количественного и качественного роста третичного сектора экономики, новый мощный импульс развития должны получить наукоемкие высокотехнологические производства. Генерацию такого импульса, очевидно следует связывать с созданием здесь сети технопарков, функционирование которых должно направ-

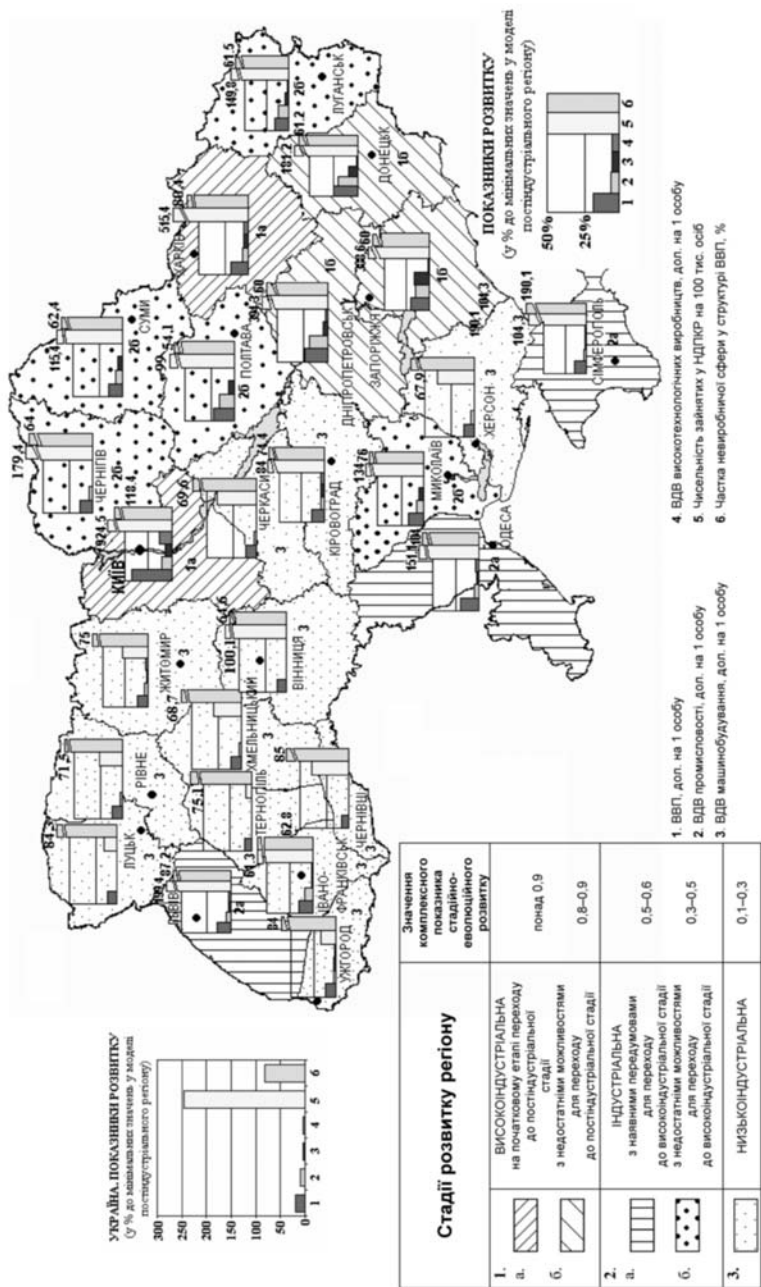

Рис. 2. Украина. Стадии эволюционного развития регионов

ляться на активизацию креативно-инновационной деятельности многочисленных научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций этих областей.

Среди регионов Украины, которые находятся на индустриальной стадии развития самый высокий показатель К имеют АР Крым (0,53), Львовская (0,52) и Одесская (0,48) области. Развитый третичный сектор экономики и имеющийся интеллектуальный потенциал в сочетании со средним для страны уровнем развития высокотехнологических производств создают условия для перехода к высокоиндустриальной стадии развития. Активизация этих предпосылок при общем наращивании уровня социально-экономического развития данных регионов способна вывести их на начальный этап становления постиндустриальной стадии.

К числу областей, которые находятся на индустриальной стадии развития, однако не имеют, пока что, достаточных возможностей для перехода к высокоиндустриальной стадии относятся Луганская (показатель К составляет 0,45), Николаевская (0,40), Полтавская (0,39), Сумская (0,35) и Черниговская (0,34) области. Они характеризуются довольно разнообразными сочетаниями индикативных показателей развития, однако общей их чертой является значительно низший от среднего по стране уровень развития высокотехнологических производств и недостаточно сформированный третичный сектор экономики. Необходимым условием дальнейшего развития большинства из этих областей является активизация экономического развития в целом и промышленного производства в первую очередь.

Наиболее многочисленны в стране области, находящиеся на стадии низкоиндустриального развития. Это двенадцать областей, расположенных преимущественно в центре и на западе Украины, — Кировоградская (показатель К составляет 0,29), Винницкая (0,29), Ивано-Франковская (0,25), Черкасская (0,22), Херсонская (0,21), Черновицкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ровенская, Хмельницкая (по 0,20) и Тернопольская (0,16) области. Все индикативные показатели, которые формируют комплексный показатель стадийно-эволюционного развития каждой из этих областей, ниже среднесоюзных. Естественно, что дальнейшее развитие областей страны, находящихся на низкоиндустриальной стадии развития, следует связывать с интенсификацией всех сфер хозяйственной деятельности на основе рационального использования имеющегося здесь потенциала развития.

Не обязательно все регионы страны в ближайшей перспективе должны перейти к постиндустриальной стадии развития. Скорость их «движения» в постиндустриальном направлении объективно является очень разной, что обусловлено значительными различиями в потенциале развития регионов, состоянием и активностью их элит и т.п. Достигши определенного равновесия в своем развитии, регионы могут задерживаться на определенных стадиях довольно продолжительное время. Такое стадийное «опаздывание» предопределяет нарастание в регионах депрессивных, а со временем и кризисных процессов в экономической и социальной сферах. В свою очередь, это влечет за собой усиление региональных диспропорций в социально-экономическом развитии страны.

В этой ситуации переход регионов на качественно высшую стадию развития детерминирован рядом предпосылок. По крайней мере две из них в современных условиях можно считать определяющими.

Во-первых — это наличие в регионах эндогенного потенциала развития. Особенно важными в современных условиях являются такие его составляющие, как интеллектуальный потенциал, развитая инженерная, транспортная и коммуникационная инфраструктура, а также сформированная деловая среда и благоприятный социально-психологический климат, который характеризуется низким уровнем конфликтности и доминированием общественных ценностей, основанных на уважении к личности и ее труду.

Во-вторых — это активная позиция местных и региональных элит, которые способны разработать и реализовать рациональную региональную политику, адекватную вызовам времени и идущую в русле общемировых тенденций.

Литература

1. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
2. Грицай О.В. Постиндустриальные сдвиги в Москве: концепция «Глобального города» и структурная перестройка экономики // Известия РАН. Серия географическая. — 1996. — № 5. — С. 90–97.
3. Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов и рост качества жизни: Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003, — 280 с.

4. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многогранном мире. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 312 с.
5. Ежегодный доклад 2004 года. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию. — Вена, 2005. — 173 с.
6. Кузнецов В. «Великая мутация» и Западная Европа // Мировая экономика и международные отношения. — 1987. — № 1. — С. 97–101.
7. Duij van J.J. The long wave in economic life. — London: Allen and Unwin, 1983. — 258 p.
8. Richonier M. Les metamorphoses de l'Europe: De 1769 a 2001. Paris: Flammarion, 1985. — 267 p.
9. www.unido.org

Глава 3. ОТРАСЛЕВЫЕ И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ

Синцеров Л.М.

ГУМАНИТАРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЕРВЫЙ ЭТАП¹

Процессы глобализации, охватившие мир во второй половине XIX века [6], имели далеко идущие последствия для общественной и культурной жизни. Как никогда прежде в истории, страны и народы оказались вовлечены в водоворот глобальных трансформаций, на ход которых они сами были не в состоянии оказать заметного влияния. Размах и интенсивность возникавших в процессе этого взаимосвязей выходили далеко за чисто экономические рамки, обусловленные развитием производительных сил, географического разделения труда, международной мобильности капитала и рабочей силы.

Ничуть не менее значимыми для нарождавшейся мировой системы были повсеместно возникавшие тут и там внеэкономические взаимозависимости — несчётные множества научных, профессиональных, культурных, юридических, спортивных, информационных связей, опоясывавших мир с всевозрастающей силой. Все они появлялись, развивались и множились в ходе интернационализации хозяйственной жизни, в русле этого беспримерного всемирно-исторического процесса, и придавали человеческой цивилизации свойство нематериальной целостности, дотоле пребывавшее в латентном состоянии. Наряду с мировыми рынками, океанскими лайнерами, телеграфными кабелями и прочими достижениями материальной культуры, сплотившими человечество с необузданной силой, гуманитарная глобализация явилась важнейшей приметой времени, неотъемлемой частью нового мироустройства. Обе указанные тенденции были синхронизи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 07-06-00398).

рованы во времени и представляли собой различные стороны одного общего процесса.

Международные выставки, конгрессы, организации — явились приметами времени, «знаковыми» событиями в развитии общества. История Всемирных выставок, известных в наши дни под аббревиатурой ЭКСПО и играющих заметную роль в развитии международной конкуренции, берёт своё начало в середине XIX века. Первая всемирная промышленная выставка прошла с большим успехом в Лондоне в Хрустальном дворце и вошла в историю как Великая выставка 1851 г. Одними из первых стали проводить свои международные конгрессы пацифисты: в Брюсселе в 1848 г., в Париже в 1849 г., во Франкфурте-на-Майне в 1850 г. и т.д. Под непосредственным влиянием движения пацифистов в 1863 г. создаётся Международный комитет Красного Креста — первая массовая международная общественная организация, целью которой было оказание помощи жертвам войны и стихийных бедствий. Ещё в 1847 г. в Лондоне был основан Союз коммунистов, программу которого написали К. Маркс и Ф. Энгельс, призвав пролетариат всех стран к объединению. Позднее, в 1864 г., они стали главными организаторами одной из первых международных общественных организаций — Международного товарищества рабочих, т.е. Первого интернационала (в его уставе говорилось, что борьба за освобождение рабочего класса носит международный характер). Открытие всемирных выставок, создание Первого интернационала и Международного Красного Креста — всё это не было случайностью, а свидетельствовало о том, что «капитализм в своём развитии вступил в фазис космополитизма» [1].

Международные организации имеют давнюю историю, однако их широкое распространение в различных областях науки, политической и общественной жизни начинается не ранее середины XIX столетия. Достаточно сказать, что из числа 135 международных организаций, учреждённых в период до 1910 г. и просуществовавших до середины XX века, только шесть были созданы до 1851 г., 71 — в период 1851–1900 гг. и 58 — в 1901–1910 гг. С середины XIX в. и до начала Первой мировой войны возникло значительное число международных организаций, их официальную регистрацию ведёт Союз международных ассоциаций, созданный в 1909 г. в Брюсселе. По данным этого Союза в 1912 г. в мире насчитывалось 503 международных организации [8; 12].

Интернационализация общественной жизни развивалась в тесном взаимодействии с мирохозяйственными процессами. Символично, что первый международный турнир по шахматам прошёл в Лондоне в 1851 г. во время проведения Первой всемирной промышленной

выставки. Он открыл новую эпоху в развитии шахматного искусства — до того времени «шахматная мысль была ограничена узкими рамками национального существования». Первым официально признанным чемпионом мира по шахматам был в 1886 г. провозглашён В. Стейниц, который фактически носил этот титул с 1866 г., после выигрыша матча у А. Андерсена (победителя того самого первого, Лондонского, международного турнира).

Сегодня, на заре XXI века, известные шахматисты проводят сеансы одновременной игры по Интернету. Однако никакого новаторства в этом нет — история подобных состязаний насчитывает 150 лет. Первые «телеграфные соревнования» по шахматам на национальном уровне проводились ещё в 50-х и 60-х гг. XIX в. А в 1880-е и 1890-е гг. по телеграфу часто играли между собой европейские столицы: Лондон–Вена, Петербург–Лондон, Париж–Петербург и т.д. Большой интерес вызвали в то время телеграфные матчи между городами мира: Ливерпуль–Калькутта, Нью-Йорк–Лондон. В период с 1896 по 1911 гг. регулярно проводились шахматные матчи по кабелю сборных команд Англии и США [5].

Международные соревнования в большинстве видов спорта стали проводиться в последней четверти XIX в. С того самого времени ведут свою историю наиболее авторитетные международные состязания по теннису — Уимблдонский турнир (с 1877 г.) и Кубок Дэвиса (с 1900 г.). Первый чемпионат мира по скоростному бегу на коньках был проведён в 1889 г. в Амстердаме, по тяжёлой атлетике — в 1898 г. в Вене, по классической борьбе — в 1904 г. также в Вене. Первый чемпионат мира по фигурному катанию прошёл в 1896 г. в Петербурге, а по спортивной стрельбе — в Лионе в 1897 г. В Антверпене в 1903 г. было проведено первое официальное первенство мира по гимнастике.

На рубеже веков возникают ныне старейшие международные спортивные объединения: Международная федерация спортивной гимнастики (1881 г.), Международный союз конькобежцев и Международная федерация гребных обществ (1892 г.), Международная федерация боулинга (1895 г.), Международный союз велосипедистов (1900 г.), Международная федерация автомобильного спорта (1904 г.), Международная федерация футбола — ФИФА (1904 г.), Международная авиационная федерация (1905 г.), Международный союз стрелкового спорта (1907 г.), Международный союз парусного спорта (1907 г.), Международная лига хоккея на льду (1908 г.), Международная любительская федерация лёгкой атлетики (1912 г.), Международная федерация мотоспорта (1912 г.), Международная федерация фехтования (1913 г.), Международная федерация тенниса (1913 г.) [2].

Апофеозом «глобализации» спорта на рубеже XIX–XX вв., мощным фактором сближения народов Земли стало Олимпийское движение. В 1894 г. был учреждён Международный олимпийский комитет (МОК), и в 1896 г. в Афинах проводятся первые Олимпийские игры современности. Вторая летняя Олимпиада прошла в Париже в 1900 г. Идеология олимпийского движения была изначально проникнута духом интернационализма. «...Интернационализм, — отмечал Пьер де Кубертен (основатель современного олимпийского движения), — это сплав взаимного уважения наций и чувства благородной радости, охватывающего атлета, когда он видит, что в результате приложенных им усилий флаг его родины поднимается на флагшток».

Ярким примером международной внеэкономической интеграции того времени является наука, которая по своей сути не приемлет границ и наилучшим образом развивается в условиях свободного обмена информацией и максимально широкого обсуждения научных проблем. В 1864 г. создаётся Международная геодезическая ассоциация, в 1873 г. — Международная метеорологическая организация, в 1885 г. — Международный статистический институт, в 1886 г. — Международная фонетическая ассоциация, в 1888 г. на средства, собранные по международной подписке, в Париже был основан Пастеровский институт, ставший международным центром микробиологических исследований. В 1890 г. учреждается Международный союз лесных исследовательских организаций, в 1891 г. — Центральное бюро международной карты мира миллионного масштаба, в 1895 г. — Международная федерация по документации с целью содействия решению проблем научной и технической информации, в 1899 г. — Международная ассоциация академий, в 1901 г. — Международный совет по изучению океана, в 1903 г. — Международная ассоциация сейсмологов, в 1908 г. — Международная комиссия по преподаванию математики, в 1909 г. — Центральное бюро международной картографии, в 1910 г. — Международный институт административных наук, в 1912 г. — Бюро времени.

Интернационализация общественной жизни охватила духовную и интеллектуальную сферу — здесь и создание разного рода обществ, исследовательских центров, совместная реализация научных проектов и т.д. Так, в 1875 г. в Нью-Йорке Г. Олкотт и Е. Блаватская основали Теософское общество, целью которого было создание всемирного братства, призванного повсеместно распространять теософское мировоззрение, включающее в себя философию, религию, науку и искусство. В Антверпене в 1871 г. состоялся Первый международный географический конгресс, а Первый Международный полярный год был проведён с августа 1882 г. по август 1883 г. Начиная

с 1893 г. под эгидой Международного института социологии, возникшего в том же году, стали проводиться Всемирные социологические конгрессы. Международному сотрудничеству в области гидрографии положила начало международная конференция 1899 г., прошедшая в Вашингтоне (затем последовали ещё две конференции — в 1908 г. и 1912 г.). В 1900 г. в Париже состоялся первый Всемирный философский конгресс, в дальнейшем практика проведения таких конгрессов стала регулярной. Наконец, в 1901 г. учреждается Нобелевская премия, ставшая со временем наиболее престижной наградой за достижения в области науки, а также в деле укрепления мира.

«Всемирная» эпоха требовала нового, «универсального», языка. Это было вызвано потребностями более активных международных контактов в условиях расширяющихся внешнеэкономических связей, развития средств массовой коммуникации, интернационализации науки и т.п. Варшавский врач Л. Заменгоф в 1887 г. создаёт эсперанто — язык международного общения. В свет выходит его работа «Международный язык», опубликованная под псевдонимом «Доктор Эсперанто», т.е. «Доктор Надеющийся». Вот, что пишет Л. Заменгоф о своём детище: «...Какое громадное значение имело бы для человечества введение одного, всеми признанного, международного языка, который составлял бы равнозаконное достояние всего мира... Какую громадную услугу оказал бы человечеству интернациональный язык... Не довольствуясь интернациональностью, он должен сделаться ещё всемирным, т.е. добиться того, чтобы большинство грамотного мира умело свободно говорить на нём» [10].

Надо сказать, что попытки создания международных искусственных языков предпринимались давно (в частности, ещё Р. Декарт заложил основы теории лингвопроектирования), однако только во второй половине XIX в. они завершились созданием языков, получивших «коммуникативную реализацию» как в устном общении, так и в литературе, приходит время их социального использования. Первым таким языком стал волапюк, созданный в 1879 г. В 1884–1889 гг. состоялись три международных конгресса сторонников волапюка, в разных странах мира на нём издавалось несколько десятков газет и журналов.

Возникшее общественное движение за международный язык, первоначально группировалось вокруг волапюка, а затем — вокруг эсперанто. Именно эсперанто было суждено получить широкое распространение в мире с большим числом говорящих. В 1905 г. создаётся крупнейшее международное объединение эсперантистов — Всеобщая ассоциация эсперанто, в рамках которой, начиная с 1905 г., ежегодно проводятся международные конгрессы (к концу

XX в. в 56 странах мира имелись национальные объединения эсперантистов). Органом, определяющим основные направления развития эсперанто, является Академия Эсперанто, включающая представителей различных стран, она основана в 1908 г. [4].

С развитием всемирных коммуникаций приходит время международных организаций соответствующего профиля, призванных обеспечивать координацию и бесперебойное функционирование различных видов связи, а также осуществление транспортных перевозок. В середине XIX века был создан «Регистр судоходства Ллойда» — классификационное общество, существующее в качестве самостоятельной организации при английской страховой компании «Ллойд» (основана в конце XVII в.), которое наблюдает за постройкой морских торговых судов, присваивает им класс и ежегодно издаёт списки судов морского торгового флота всех стран мира с указанием порта приписки. В 1865 г. создаётся Международный телеграфный союз, переименованный позднее в Международный союз электросвязи, а в 1874 г. для организации и совершенствования международной почтовой службы — Всеобщий почтовый союз (с 1878 г. — Всемирный почтовый союз). Всеобщее соглашение о почтовой связи было тогда подписано в Бонне 21 государством, и в декларации указывалось, что весь мир рассматривается теперь как «общая почтовая территория».

С каждым десятилетием число подобного рода международных объединений неуклонно увеличивалось: в 1884 г. создаётся Международная ассоциация железнодорожных путей сообщения, в 1889 г. — Постоянно действующая международная ассоциация навигационного конгресса, в 1890 г. — Центральный офис международного железнодорожного транспорта, в 1894 г. — Постоянная международная ассоциация мореходных союзов, в 1905 г. проводится Дипломатическая конференция по международному морскому праву, в 1906 г. создаётся Всемирный радиотелеграфный союз, в 1909 г. — Постоянная международная ассоциация дорожных союзов.

Бурное развитие промышленного капитализма, вышедшее за рамки национальных государств, потребовало создания обширной организационной, юридической и информационной инфраструктуры, необходимой для эффективной поддержки и регулирования международных экономических связей. На первом международном статистическом конгрессе в Брюсселе в 1853 г. были предприняты первые попытки унификации статистики внешней торговли различных стран. В 1875 г. в Париже 17 государств подписали Метрическую конвенцию — для обеспечения международного единства измерений, тогда же была учреждена и Международная палата мер и весов. В 1883 г.

создаётся Международный союз по защите индустриальной собственности, в 1890 г. — Международный союз по публикации таможенных тарифов, в 1893 г. проводится Гагская конференция по международному праву частной собственности, в 1913 г. создан Международный комитет по коммерческой статистике.

Возникает большое множество разнообразных «интернациональных» учреждений и объединений самого разного толка и предназначения: Международная Лига мира (1867 г.), Второй Интернационал (1889 г.), Международный комитет по борьбе с работорговлей (1890 г.), Международное бюро мира (1891 г.), Всемирная сионистская организация (1897 г.), Ревизионная комиссия по установлению причин смерти (1900 г.), Международное ведомство труда (1901 г.), Информационно-исследовательское бюро по оказанию помощи иностранцам (1907 г.), Международная служба общественной гигиены (1907 г.), Международная ассоциация общественных бань и чистоты (1912 г.), Международный комитет аналитической химии питания людей и животных (1912 г.). В 1907 г. проходит I Международная женская конференция, а с 1911 г. отмечается Международный женский день 8 марта — день международной солидарности женщин в борьбе за социальное и политическое равноправие.

На международную арену выходят многочисленные профессиональные организации, созданные на «отраслевой» основе и объединяющие самые разные слои общества — от кооператоров и судовладельцев до аграрников, горнорабочих и т.д. Достаточно назвать некоторые из них: основанный в 1895 г. Международный кооперативный альянс, объединивший национальные союзы кооперативов; в 1902 г. начинает свою работу Международный сахарный союз; в 1903 г. проводится Первая международная конференция по кофе; в 1905 г. создан Международный институт сельского хозяйства; в 1906 г. — Международный радиосоюз; в 1909 г. — Международная федерация судовладельцев.

К концу XIX в. относится и зарождение международного профсоюзного рабочего движения. Первым прошёл Международный конгресс горнорабочих в Жолимоне в 1890 г., вторым — Международный конгресс ткачей в Манчестере в 1894 г. В конце 90-х гг. учреждается Международный секретариат профсоюзов, и к 1914 г. количество отраслевых международных профсоюзных секретариатов превысило 30. Всё это были, как правило, протестные движения, порождённые в значительной степени интернационализацией общественной жизни и имущественным расслоением как на национальном, так и на международном уровне. В целях объединения усилий в такой борьбе рабо-

чих разных стран по инициативе II Интернационала 1 мая в 1890 г. был объявлен днём пролетарской солидарности, и с тех пор является первым международным праздником, порождённым эпохой реальной глобализации [9].

Создаётся международная правовая и правоохранительная инфраструктура. В 1873 г. в Бельгии был основан Институт международного права, действующий и ныне, а в 1912 г. институт с таким же названием был открыт и в Вашингтоне. В 1886 г. заключена Международная Бернская конвенция по охране авторских прав. Ещё в 1878 г. был создан Межпарламентский союз по содействию международному арбитражу, в 1899 и 1907 гг. принимаются так называемые Гагские конвенции — о мирном разрешении международных споров, о законах и обычаях войны. Для целей урегулирования межгосударственных конфликтов в 1899 г. был создан постоянно действующий арбитражный суд, а в 1907 г. — Международный дворец правосудия. В 1902–1905 гг. подписаны первые конвенции по международному частному праву. В 1875 г. создаётся Международная пенитенциарная комиссия, в 1905 г. — Международный комитет криминальной полиции, а в 1912 г. — Международная организация по контролю за наркотиками.

* * *

Возникновение и быстрый рост числа всевозможных международных организаций, форумов, конференций было отнюдь не случайным, а исторически закономерным явлением, обусловленным диалектической взаимосвязью «базиса» и «надстройки» в общественном развитии. Новые коммуникационные возможности, открытые телеграфной, а затем и телефонной связью, скорой почтой и паровым транспортом, радикально изменили представления о «проницаемости» границ, о времени и пространстве. Этому в немалой степени способствовал и интеллектуальный климат эпохи, с его идеалистической абсолютизацией либеральных принципов «свободной торговли», и отсутствие паспортно-визового режима пересечения границ, наконец, само ощущение уникальности и новизны происходящего — первого в истории погружения народов в пучину глобального всеединства. Но всё же главной причиной, обусловившей возникновение и преумножение новых взаимосвязей на пространстве ойкумены, стали развившиеся экономические и социально-политические отношения, перешагнувшие далеко за рамки национальных государств. По имеющимся оценкам, из общего числа международных организаций, действовавших в начале XX в., при-

мерно 90% составляли организации неправительственные и 10% — межправительственные.

Представляется, что именно в глобальных трансформациях этой эпохи лежат и истоки происходящего в последние десятилетия «раздвоения мира», описанного известным американским политологом Дж. Розенау, и «двуслойности» мировой политики конца XX — начала XXI в., т.е. сосуществования в рамках мировой системы поля межгосударственных взаимоотношений и поля «негосударственных» взаимодействий, двух самостоятельных, относительно независимых и параллельных друг другу миров «постмеждународной» политики [7]. Элементы многосторонней дипломатии, основными формами которой являются международные конференции и организации, можно отыскать и в более отдалённом прошлом, однако в постоянные институты международного общения они переросли лишь на рубеже XIX–XX вв., когда сформировалась целостная система «мировое хозяйство».

Десятилетия до 1914 г., отмеченные растущим хозяйственным взаимодействием между странами мира, стали также и периодом расцвета интернационализма в культурной и общественной жизни. Многие социальные движения, зародившиеся в эти годы, начинали свою историю как движения безусловно интернациональные — будь то движение за всеобщее избирательное право, за равноправие женщин, против алкоголизма, профсоюзное движение или движение за потребительскую кооперацию, за мир и международный арбитраж [11].

Преодолевая прежнюю обособленность и историческую инерцию, формировалась неведомая прежде культура устойчивого взаимодействия между нациями, соединявшая их невидимыми узами внеэкономического общения и опутавшая мир паутиной гуманитарной взаимозависимости. Перемены такого рода, наметившиеся с середины XIX в., шли рука об руку с процессами международной экономической интеграции, тесно взаимодействуя с ними, оттеняя и дополняя друг друга. Кратко и ёмко даёт В.И. Ленин в 1913 г. характеристику целой эпохи, размеренный ритм которой будет вскоре прерван выстрелом Гаврилы Принципа: «...Развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.» [3].

Литература

1. Зомбарт В. Международный фактор в социальном движении. Пер. с нем. Киев, 1906. — 42 с.
2. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. Пер. с венг. М., 1982. — 399 с.
3. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу / В.И. Ленин. Полное собр. соч. Издание пятое. М., 1961. Том 24. С. 113–150.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
5. Майзелис И. Сто лет телеграфных соревнований / СССР-США. Международный шахматный матч по радио. Сб. под ред. М.М. Ботвинника. М.: Физкультура и спорт, 1946. С. 157–164.
6. Синцеров Л.М. Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства / Вестник исторической географии. Выпуск 3. М.: ИГ РАН, 2005. С. 58–79.
7. Теория международных отношений. Хрестоматия / Науч. ред. проф. П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 2003. — 398 с.
8. Улахович В.Е. Международные организации. Справочное пособие. М.: АСТ, 2005. — 400 с.
9. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2005. — 432 с.
10. Эсперанто (Л. Заменгоф) Международный язык. М.: ДО Глаголь, 1992. — 41 с.
11. Myrdal G. An International Economy. New York, 1956. — 373 pp.
12. Woytinsky W.S., Woytinsky E.S. World Commerce and Governments. Trends and Outlook. New York, 1955. — 907 pp.

Крылов М.П.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СО СМЕЖНЫМИ НАУЧНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЙ И СТИЛИ МЫШЛЕНИЯ

Настоящий текст представляет собой методологические заметки, основанные на авторском опыте научных контактов с представителями общественных наук (прежде всего — социологами). Автор пытался выявить сильные и слабые стороны как экономико-географов, так и их смежников, одновременно рассматривая возможные формы научной интеграции, в том числе традиционный вопрос о месте экономической географии (ЭГ) в системе географических и/или общественных наук.

ЭГ относится к географическим наукам благодаря идеям комплексности, всесторонности, территориальности. В то же время благодаря своему (социально)экономическому содержанию она имеет самое прямое отношение также и к различным наукам об обществе. В существующей отечественной традиции такая двойственность понимается как «принадлежность ЭГ к географическим наукам, но при её широком взаимодействии со смежными науками». Хотя внешне такое определение выглядит банальным и общепринятым, оно на самом деле является дискуссионным (прежде всего для не-географов) и оставляет за скобками достаточно «скользкий» вопрос о возможности и эффективности рассмотрения географических сюжетов вне географии.

Часто ЭГ противопоставляют региональной экономике. Однако экономические науки — не единственные смежники экономико-географов. В связи с этим исчезает характерный для дискуссий прошлых лет пафос, — например, пафос интересной статьи В.В. Покшишевского, 1974, в которой методическая эффективность ЭГ увязывалась с её принадлежностью к экономическим наукам. Сейчас ЭГ уже не может противопоставляться *заранее известному* аналогу, наделённому преимуществами редукционизма. Таковым аналогом довольно долго считалась региональная экономика, связанная с «физикалистской», большинстве своих научных школ, экономикой и потому казавшаяся более конкурентоспособной. *Каждая из наук об обществе и человеке имеет сферу взаимодействия с ЭГ.*

Но если у ЭГ много смежников среди наук об обществе и человеке, то она объективно лишается того *единственного* аналога, который — в силу своей единственности — мог рассматриваться как её *двойник-конкурент*, — как это было 30–35 лет назад с региональной экономикой. Вместо этого возникает целое семейство претендентов (даже несколько групп таких семейств) на определённые части её «экологической ниши».

Однако в данном случае увеличение количества конкурентов ЭГ парадоксальным образом оказывается полезным, поскольку реально эти конкуренты не могут создать «антиэкономгеографическую коалицию», например, в силу недостаточной методологической совместимости ряда наук (обычно приходится сталкиваться с малой совместимостью прежде всего экономики, социологии, истории и психологии, не исключаемой существованием сфер перекрытия этих наук). Методологическая несовместимость смежных с ЭГ наук при наличии у неё элемента «всеядности» способствует коалициям географов с некоторыми из смежников, — коалиции, в которой для ЭГ сохранён суверенитет, усиливающий престиж «своей» науки (допустим, в коалиции политологии и культурной географии, выступающей от лица всей ЭГ).

В настоящее время практически все науки об обществе и человеке стремятся иметь, хотя реально имеют не всегда, *свои собственные региональные разделы*. Однако связь между региональными разделами наук об обществе и человеке объективно носит именно *географический* характер (в духе концепции А. Геттнера), в то время как для самих этих наук соответствующие региональные разделы оказываются методологически *периферийными*, объективно нуждающимися в *географическом* понятийно-терминологическом и теоретическом аппарате. Имеющиеся предложения политологов, социологов и культурологов о политическом, социальном и культурном пространстве как о специальной теоретической категории либо носят очень условный характер, бесконтактный к региональной и географической проблематике (А.Ф. Филиппов), либо не содержат реального элемента новизны.

Экономическое пространство в трактовке чистых экономистов либо игнорирует многообразие региональных факторов и условий (особенно здесь существенна роль внеэкономических аспектов — социальных, экологических и др. — не переводимых в экономические критерии), либо по сути является экономико-географическим, синтезирующим как чисто экономические, так и географические подходы, как это было, например, в работах О.С. Пчелинцева. Недостаточность чисто экономических подходов к экономическому пространству хорошо видна из теоретической неопределённости, возникающей в трак-

товке такого «краеугольного камня» этого пространства, как территориальное (географическое) разделение труда. Как обнаружено нами, авторы одних учебных пособий настаивают, что для внутригосударственного уровня теоретическим базисом этого феномена является теория Д. Рикардо (сравнительные издержки), но не теория А. Смита (абсолютные издержки), в то время как авторы других учебников считают что таким базисом является именно теория А. Смита, а теория Д. Рикардо относится к международной торговле. Но Ф. Бродель (1992) сводит международное разделение труда к формуле «исторически сложилось» (в рамках такой формулы, очевидно, и формируются соотношения, на которые обратил внимание Д. Рикардо). Равным образом взаимоисключающе трактуется понятие «интенсивное развитие региона», в противовес экстенсивному: и как активизация внутренних ресурсов развития, предотвращающая «голосование ногами» (Завалишин, Рязанцев, 2005), инволюцию региона, и как неограниченная миграция рабочей силы, при которой многие регионы и города уже не нуждаются в развитии (Гуриев, 2001, Щедровицкий, 2005), а интенсивность тождественна активности одних и деградации других регионов.

Недостаточная определённости и теоретическая слабость региональных разделов наук об обществе значительно ослабляет конкуренцию со стороны региональных разделов наук об обществе по отношению к ЭГ и даже допускает возможность географической экспансии в смежные области. Создаётся методологическая коллизия, отличная от той, которая существовала в 1970-е гг. (дискуссии о региональной экономике) и была, в свою очередь, порождением однозначного перехода ЭГ в число географических наук.

Для ЭГ, взаимодействующей лишь с одним смежником-«двойником», как это было в 1970-е гг., большая (в редукционистском смысле) точность региональной экономики может быть основанием для профессионального комплекса неполноценности (если забывать о признаваемой географией необходимости так или иначе охватить изучаемый объект «в целом» — необходимости, которая по сути признаёт правомерность холизма; в то же время школа В.Э. Дена в ЭГ, по-видимому, как-то балансировала между редукционизмом и холизмом). Между тем, множество наук об обществе в качестве смежников ЭГ при своём взаимодействии на территории образуют (в критериально-методическом смысле) нечто весьма неопределённое, не дающее возможности извлечь выгоды ни из редукционистской, ни из холистической ориентации и не образующее нечто единое (регионалогия, регионалистика и т.д. — это учебные предметы или исследовательская ориентация, но не единая полноценная наука). Ситуация меняется

(возможно, упрощается) при ориентации на хронологическую концепцию А. Геттнера, из которой географы логически выводили идею территориальной комплексности, предполагающую взаимосвязь и элемент гармоничности общественных явлений на территории, т.е. при трансформации региональных разделов наук об обществе в ЭГ в духе «районной школы». (Однако не следует забывать о критических замечаниях в её адрес, часть которых может представлять интерес и по сей день. Так, А.М. Смирнов (1955) писал, что эта школа ориентирует на изучение *местных отклонений* от общих закономерностей, но не их *местных проявлений*. Истины такой ЭГ он считал банальными, а не научными.) В таком смысле наука о регионах будет тождественна ЭГ как географической науке.

Таким образом, в аспекте конкуренции и «борьбы за существование» ЭГ получает дополнительный шанс на «выживание», однако ценой дополнительного возрастания методологической неопределённости, а также ценой риска утраты собственной научной идеологии.

Однако, хотя единой (в теоретико-методологическом смысле) негеографической науки о регионах не может быть, открытым остаётся вопрос о возможности существования нескольких таких негеографических наук — то есть наук, которые были бы способны решать проблемы, которые географы склонны считать «своими», без использования географической идеологии и географического понятийно-терминологического аппарата.

В несколько другой постановке этот вопрос формулируется следующим образом: способны ли сами экономико-географы лидировать или участвовать в создании таких наук и если «да», то, может быть, совокупность таких наук должна считаться также ЭГ (но в таком случае представлять другую научную школу)? (Заметим, что формально попытка такого рода была в 1970-е гг. в СОПСе, когда многие экономико-географы срочно сооружали здание «новой науки — региональной экономики»; однако по сути тогда ничего нового создано не было). Тот же вопрос может быть сформулирован несколько мягче: вероятно, существует компромиссная научная ориентация, совмещающая ряд чисто географических идей и теорий с негеографическими (с природоведческого фланга географии хорошо известен целый спектр таких переходов из географии в якобы «не-географию» и обратно: ландшафтоведение — изучение геосистем — биогеография — биоценология — экология — популяционная генетика и т.д.; с общественного фланга географии примером может быть экология человека). Существуют также практические области, остро нуждающиеся в теории, в том числе (хотя и далеко не только) экономико-географической — это направления, связанные с экономическим и социальным

обоснованием тех региональных проблем, которые не подлежат (число) экономическому регулированию или не имеют экономической природу.

Принципиальный вопрос — *обладает ли ЭГ такой идеологией и таким аппаратом, который был бы соблазнителен для представителей смежных наук?* Здесь существуют разные мнения. Если В. Леонтьев рассматривал географию как равноправного партнёра экономической науки и антропологии (1990, с. 27–36), то В. Парето считал, что воздействие на общество географического положения и различных природных факторов, включая природные ресурсы «являются очень важными, но исследования, проводившиеся в данном направлении, пока не привели к плодотворным результатам» (2007, с. 317).

По мнению автора, при взаимодействии со смежниками микро-географам следовало бы проявлять большую активность в отношении синтеза концепций разных наук, — обычно здесь более активны не-географы. Важной и выигрышной для ЭГ стороной такого синтеза могла бы быть «привязка к местности» богатого концептуального аппарата негеографических общественных наук, в ходе которой были бы уточнены, а иногда и переосмыслены представления об анатомии, физиологии и экологии социального целого и способах его отображения в социальном пространстве.

Далее автор попытается охарактеризовать методологические проблемы, связанные с взаимодействием ЭГ и социологии.

«Слабые» стороны (очень дискуссионные с точки зрения географа) теоретических подходов в социологии

К таковым следует отнести *интерпретацию* популярного понятия «идеальный тип», освящённого именами К. Маркса и М. Вебера, параллелями (вдохновляющими многих социологов) с идеальным газом в физике и как будто открывающего дополнительные возможности для теоретизирования. Представляется, однако, что такая теоретизация может оказаться мнимой, в духе моделей «точечной экономики», неприемлемость которых для региональных исследований хорошо показана в работах А.Г. Гранберга.

С точки зрения географа выглядит почти кощунственно стремление обществоведов проводить эмпирические обобщения, конструируя общие черты, заведомо не вполне соотносимые с многообразием конкретики, пытаться познать тип, игнорируя индивид как целостность. Для географа странно слышать о европейском, буржуазном или капиталистическом обществе с экономикой Англии, политикой Франции, милитаризмом Германии и т.д.: «Если не в идеале, то

по крайней мере в пределе социальная и политическая наука... стремится сконструировать более или менее общий, целостный, хотя, конечно, и нигде не существующий в чистом виде «тип» того общества, с которым наиболее естественным образом соотносится общество изучаемое» (Зубов, Салмин, Тайван, 1991, с. 11). В свете такой методологии ряд авторов конструируют «идеальный тип» России, не претендующий на обязательное эмпирическое подтверждение российскими реалиями. Один из примеров идеального типа России — «Россия — северная крепостническая страна» (уместно напомнить, что «крепостничество» достаточно жёстко тяготеет к определённому ареалу «средней полосы России», а для севера вообще не было характерно). Такие популярные ныне понятия, как сетевое общество, модернизация и многие другие, в значительной степени основаны на методологии идеального типа.

Дискуссионность, даже опасность такого подхода заключается в возможности значительного искажения информации, в частности, связанной с отказом от познания (реальной) *структуры* того или иного *социума*, а в конечном счёте — с отказом от выявления *реальных субъектов исторического процесса и характера (структуры) их взаимодействия*; вместо этого строится исследовательская модель, лишённая возможности полноценной эмпирической проверки. В рамках построения идеального типа для стран и регионов игнорируется различный характер взаимосвязи экономики, политики и культуры в разных социумах, различия эволюционных траекторий; часть социумов признаётся нормальными, «эталонными» (в то время, как другие мыслятся как «аномальные»). Здесь уместно сослаться на Т. Шанина (1990), считающего выделение лишь «чистых линий» в развитии серьёзным методологическим недостатком, вредящим практике (эффективным часто оказывается смешанный тип развития). К такой же методологии, хотя и с претензиями на существенно больший эмпирический статус, обычно прибегают социологи-практики, говоря о России в целом, исходя из «случайного» набора городов в отдельных регионах страны.

Альтернативой «идеальному типу» является поиск естественной эволюционной таксономии обществ, исходя из известных данных об истории, культуре и экономике разных стран (см., например, Любарский, 2000; близкий подход был у В.П. Семёнова-Тян-Шанского). Однако известная в географии концепция уникальности объективно ставит вопрос о трактовке пространственно-географических образований как *индивидов*, что создаёт специфическую методологическую сложность — необходимость *усреднения или объединения индивидуальностей*, а также различения сущностного, системообразующего

и случайного, внешнего (последнее особенно затруднено при ограничении в применении сравнительного метода в случае уникальных объектов — индивидов; отсюда — ряд спорных моментов в книге Г.Ю. Любарского).

Сказанное никак не отрицает само введённое М. Вебером понятие «идеальный тип» (например: Вебер, 1990, с. 389–412), однако направлено против его профанации, против того, чтобы считать его идеалом, пределом или целью исследования и, тем более, онтологизировать. М. Вебер считал, что «идеальный тип — не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез» (с. 389). *Идеальные типы — не цель, а средство, ценные лишь постольку, поскольку они способствуют познанию конкретной действительности*: «априорно вообще нельзя установить, идёт ли речь о чистой игре мыслей или о научно плодотворном образовании понятий» (с. 392).

В качестве негативного примера М. Вебер (с. 409) приводит понятия «ценность», «с народнохозяйственной точки зрения», «продуктивно», применение которых «внесло хаос»; «какой-либо однозначный смысл вообще может быть придан этим понятиям только в идеально-типическом смысле». Примером идеального типа являются все марксистские «законы» и конструкции: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью, но в равной степени знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или реальные (то есть по существу метафизические) «действующие силы», «тенденции» и т.д.» (с. 404). Опасно, писал М. Вебер, когда эмпирическое знание служит теории, а не наоборот (с. 403).

Тем не менее, концепция «идеального типа» оказалась очень удобной в ситуации, когда ресурсы на проведение исследований ограничены и существует нетерпение «выдать за гора» результат, подтверждающий право на существование и в научном сообществе, и в глазах власть предержащих, не говоря уже о случаях конкретного социального заказа. Н.Ф. Наумова (1999, с. 22) формально соглашается с В.А. Ядовым (1996, с. 28), когда тот пишет: «Концепция модернизации России, т.е. реформации на основе некоторых как бы универсальных параметров сомнительна, ибо не существует универсальной шкалы рациональности, потому что человеческие индивиды и их сообщества отличаются от технических систем, где взаимодействие двух и более элементов описывается как однозначное». Однако далее она всё же пытается возражать, приводя следующий контраргумент: «Если мы исследуем специфику, особенность, отличие вне некоторой

универсальной модели, т.е. не как отклонения в поведении её параметров, то что, собственно мы наблюдаем, с каким объектом имеем дело?» (с. 23).

К сожалению, в такой методологической ситуации географы обычно видят единственную альтернативу — районирование. Однако многие географы подходят к задаче районирования упрощённо, видя в нём не логически обоснованную систему процедур, предполагающую наличие адекватной информации для того, чтобы *обосновать* те или иные положения, а якобы простой способ *проиллюстрировать* собственные гипотезы. С другой стороны, районирование данную проблему, по-видимому, не решает.

Во-первых, районирование основано на априорной гипотезе морфологии пространства, которая далеко не всегда верна (например, считает пространственно локальное частным по отношению к пространственно более крупному).

Во-вторых, знание необходимой для районирования генеральной совокупности часто затруднено; при попытке проведения специального районирования как части районирования общего возникает порочный круг.

В-третьих, применение обычного для районирования общества метода ключей связано с методологическими и техническими сложностями, обусловленными дискретностью (в данном случае) геопространства и воспроизведением — в случае районирования — сложностей построения идеального типа в пространстве.

Тем не менее, было бы полезным выявление некоторого минимального количества регионов России для изучения экономических и социокультурных ситуаций. Процедуры районирования должны, по-видимому, совмещаться с выборочным изучением отдельных регионов. Допустим, в пределах ЦЧЭР при кажущейся наблюдателю из «центра» однородности существует очень значительный контраст между Воронежской, Липецкой и Тамбовской областями, при этом большая часть Липецкой области является, по-видимому, вариантом развития Тамбовской области в условиях экономического «вливания», в то время, как Елец и Моршанск, возможно, подобны друг другу, а Мичуринск и Воронеж являются уникальными образованиями, при этом Воронеж «подпитывается» своим регионом. Население Тамбовской и Липецкой областей в значительной степени патриархально (однако без преобладания потомков крепостных, как часто считают в «центре»), в отличие от населения Воронежской области (где потомков крепостных ещё меньше). Является ли подобная характеристика районированием?

Другие методологические недостатки, с которыми ЭГ сталкивается в социологии (и общественном знании в целом) и которые экономико-географы не всегда могут замечать:

- 1) отсутствие оценок о соотношении знания и незнания (в географии это особенно очевидно в случае региональной оценки экологической обстановки, однако существенно и для общества);
- 2) неясность в вопросе о «степени, или сфере применимости» тех или иных теоретических конструкций или практических выводов.
- 3) применение научных понятий и терминов, обозначающих конкретные явления жизни конкретного общества, без учёта степени их эмпирической обоснованности;
- 4) использование лишь локально обоснованных понятий, а также статистических тенденций в качестве общих понятий и проведение с ними разнообразных логических операций как с абстрактными символами;
- 5) формальное применение сравнительного метода без «приведения к общему знаменателю» рассматриваемых явлений, находящихся в разном контексте;
- 6) элемент субъективизма и недостаточность однозначного «монистического» подхода в вопросах об опережении или отставании в развитии, особенно, при сравнении внешне сходных явлений в рамках разных циклов развития, протекающих в разной историко-культурной реальности. При этом факты *отставания* региона-лидера и *опережающего* развития *отстающего* региона (с точки зрения времени появления и с точки зрения силы проявления) остаются без внимания;
- 7) недостаточное различие сущего и должного. Например, в явлениях кризиса неясно, что связано с внутренними причинами, а что — с внешними, внешнее считается заведомо менее существенным;
- 8) совершенно недостаточно обращается внимание на различие «физических» и статистических закономерностей (взаимосвязей). Это является дополнительным моментом, затрудняющим в исследовательской практике различение сущего и должного, случайного и закономерного, временно-локального и долговременного.

Многие эмпирически выявляемые черты общества, постулируемые в качестве «исторически необходимых», могут оказаться привходящими, не сущностными для данного феномена. Тенденциям развития, носящим статистический характер, придаёт-

ся значение жёстких, фатально необходимых закономерностей. Так, постиндустриальное общество часто выделяется как стадия развития, исходя главным образом из формально-статистических критериев, при рассмотрении его содержания лишь на гипотетическом уровне. В результате сам феномен такого общества трактуется взаимоисключающим, в целом, образом: и как «золотой век будущего», и как «кошмар будущего», при этом сам феномен считается некоторой не только закономерной, но и «неотвратимой» стадией развития (ср.: Глинчикова, 2000, с. 26, с. 32; Иноземцев, 2000, с. 13, которые полемизируют с известными концепциями Д. Белла и О. Тоффлера). Поэтому, быть может, следует согласиться с В.А. Ядовым (1996, с. 24) в том, что «теоретизирование в парадигме «индустриальное» — «постсовременное» общества — не самый надёжный путь»;

- 9) не принято выделять полужёсткие закономерности (взаимосвязи), существенно облегчающие различение закономерного и случайного.

Ранее Б.Б. Родман (1971, с. 104–105), характеризуя понятие «узловой район», писал о трёх степенях пространственного прикрепления объектов к центрам — *жёстком*, *полужёстком* (правило с исключениями) и *мягком* (статистическом); «жёсткое прикрепление можно назвать детерминированным, а полужёсткое и мягкое — вероятностным... Иной подход лишил бы понятие «узловой район» всякого смысла». По-видимому, устойчивыми можно считать полужёсткие и жёсткие зависимости.

В то же время В. Парето (2007, с. 22) настаивал на том, что *закономерности-упорядоченности могут быть только жёсткими*: «Ни один закон, включая экономические и социальные законы, не допускает исключений: неоднобразное единообразие — это бессмыслица. Феномен, названный в просторечии исключением, представляет собой наложение действия одного закона на действие другого закона». Принять такое положение трудно.

Отождествление В. Парето закономерности и единообразия (с. 13) — противоречит: а) принципу внешних ограничений, б) известной сущностной особенности географии и региональных исследований — сочетанию типичного, массового с уникальным, единичным, индивидуальным. В действительности при изучении географического и социального пространства всегда обнаруживается, что разные закономерности проявляются («действуют») «с разной силой».

А. Геттнер (1930, с. 246) писал о связи определённых типов климата с распространением религии, считая такую связь примером *географической причинности*. Однако здесь существуют исключения. Эти исключения, будучи явлениями по сути *единичными*, не образуют какую-то особую закономерность, всегда являясь *«исключением, подтверждающим правило»*, например, ислам в Индонезии и Малайзии — странах с влажным климатом, в Боснии и Татарстане с умеренным климатом, ламаизм в Монголии и Калмыкии с их сухим климатом. *Использование понятия «полужёсткая закономерность» позволяет отказаться от жёсткой дихотомии — «физические» и статистические закономерности;*

- 10) придание макрообщностям (включая регион и страну) свойств отдельного индивида и личности, принимающей решение, использующей морально-этические нормы и несущей ответственность за свои поступки;
- 11) своего рода «деление на ноль» — в оценочных суждениях обычно активно используются различные упущенные альтернативы развития, упущенная выгода, «сослагательное наклонение в истории» (без этого оценки часто невозможны), однако нередко часто используется заведомо не возможное, например, с лёгкостью пишут о возможности смены религии и т.д.;
- 12) отсутствие представлений о региональной репрезентативности и её критериях, при этом нет выделения сторон жизни общества, которые условно могут фиксироваться вне жёсткой региональной привязки и для которых это недопустимо. В одних случаях получаемая информация вообще лишена региональной репрезентативности, что не считается существенной погрешностью, в других случаях такая репрезентативность вызывает вопросы или недоумение. Поиск места регионов в какой-либо существенной тенденции, их аналогичности и контрастности заменяется «случайным выбором» или осуществляется «экспертно», без суждения в публикациях;
- 13) «монизм» в ущерб «плюрализму», в т.ч. при интерпретации эмпирически выявленных тенденций на уровне региона в особенно России в целом; противоречие между культурным генотипом (социокодом) и точками бифуркации;
- 14) социологами-прикладниками социум обычно изучается как своего рода «чёрный ящик» — с точки зрения сиюминутной реакции людей на внешний раздражитель, зонд, материализующийся в наборе вопросов респондентам и экспертам, вне адекватной

понятийной системы (ср. с идеей Маркса о «вульгарной полит-экономии, скользящей по поверхности явлений»).

Весьма существенный дефект — отсутствие обобщений проводимых на местах социологических исследований, а также сводной информации о таких исследованиях. Соответственно, нет попыток выявлять и интерпретировать региональные различия фиксируемых в каждом из регионов характеристик. Примеры высокопрофессиональных коллективов социологов на местах: «Квалитас» в Воронеже (Н.А. и А.Л. Романович), ТверьЦИОМ (Е.М. Смирнов), Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН (К.А. Гулин), проводящий несколько ежегодных «замеров» в рамках развитой внутрирегиональной сети мониторинга, а также «Социс» в Ярославле (Р.А. Оглоблин); организации социологов в Воронеже, Ярославле и ряде других городов связаны обменом информации по сетевому принципу, однако необходимые обобщения не проводятся.

С другой стороны, обобщения определённой части проводимых в масштабах России исследований (в особенности «на стыке» социологии, философии и политологии) вызывают вопросы (здесь мы «выносим за скобки» вопрос о региональной репрезентативности такой информации). Обращает на себя внимание несоответствие между относительно частным характером вопросов респондентам и возможностью очень разного понимания ответов на эти вопросы, с одной стороны, и всеобщностью выводов при однозначности и жёсткости интерпретаций, с другой стороны. Нередко возникает впечатление, что выводы основаны на авторской оценке ситуации в стране (с которой в одних случаях можно, а в других — нельзя согласиться), но не самих собранных данных, которые используются лишь как попытка проиллюстрировать собственную точку зрения. Отсутствуют общенаучные промежуточные уровни исследования, связанные с разработкой рабочих гипотез и т.д.

В качестве собственного методического опыта необходимо отметить создание географической альтернативы методике социологов в отношении учёта пространственно-региональных факторов. *Социологами (кроме тех, кто изучает свои регионы на местах) не изучаются (и — главное — не ставится задача такого изучения) регионы и их группы как целостности; в идеале мыслится лишь изучение типичных крупного, среднего и малого города в нескольких типичных регионах. В действительности, города одного и того «типа» могут «вести себя» по-разному, как в одном и том же, так и в соседних регионах. С точки зрения ЭГ, таких типов — как городов, так и регионов — должно быть очень много, при этом до проведения исследований (особенно, пока нет необходимой критической массы соответствующей информации)*

неизвестно, каким считать «ожидаемое поведение» города и региона. Кроме того, изучение региональных семейств городов позволяет выявить тенденции, не фиксируемые при выборочном изучении отдельных городов. Если бы московские социологи изучали региональную идентичность по нашей программе (Крылов, 2005), но при своём понимании пространственно-региональной репрезентативности они, возможно, пришли бы к другим (отчасти) выводам как относительно региональных, так и относительно многих других тенденций. **Автор полагает, что лучше познать несколько организмов, идентифицируя их принадлежность к разным, возможно видам, с тем, чтобы начать познание биоценозов, экосистем и процесс эволюции, чем изучать лишь отдельные органы разных организмов, не зная их видовую принадлежность и место в экосистемах (речь идёт о локально-региональных социальных организациях). Иными словами, лучше изучать отдельные целостные полигоны-ключи, хорошо вписывающиеся в местный контекст и представляющие собой соседние мезорегионы-индивидуумы в рамках более обширного экономического района, обычно характеризующегося как нечто единообразное (что применительно к целям конкретных исследований как раз неочевидно), постепенно расширяя круг таких полигонов, чем «распылять» процесс сбора информации по обширной территории вне возможности сравнительного и контекстуального анализа.**

Слабые стороны географов (школ ЭГ):

- 1) отсутствие представлений о существовании плюрализма, элемента неопределённости и в связи с этим — возможности выбора в области общественно-научных концепций и теорий;
- 2) нередкое некритическое восприятие концепций и теорий смежных общественных наук;
- 3) априорное (вне научного эксперимента) рассмотрение социальной и культурной сферы с позиций экономического детерминизма (в духе марксизма), либо, напротив, вне всякой связи с прошлым и современным экономическим развитием (якобы по М. Веберу).
- 4) отсутствие представлений о степени эмпирической обоснованности выбираемых теоретических положений;
- 5) односторонний интерес к относительным (сравнительным) значениям рассматриваемых параметров при недостаточном интересе к их абсолютным значениям (возможно, под влиянием теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо);
- 6) недостаточное применение сравнительного метода.

Сюда следует добавить отсутствие теорий, описывающих такие интуитивно ощущаемые всеобщие феномены, как региональные интересы, региональная самоорганизация и ряд других (весьма ограниченно описывают эти феномены циклы Кондратьева, энергопроизводственные циклы, теории расселения и т.д.). Хотя такие теории не обязательно должны быть экономико-географическими, именно экономико-географы несут наибольшую (моральную) ответственность за отсутствие таких теорий.

Указанные недостатки равным образом связаны и с изоляционистскими тенденциями в ЭГ, и со слабостью попыток превращения ЭГ в самодовлеющую теоретическую науку.

Сильные стороны экономико-географического мышления:

- 1) умение исследовать пространственный рисунок региона, пространственно-региональный рисунок социума;
- 2) представление о необходимости поиска уникальности каждого региона.

В целом сильные стороны экономико-географов как географов заключаются в реализации методологической установки А. Геттнера (1930, с. 200): «Цель географии, как и вообще всякой науки, заключается не в познании каких-то всеобщностей, как часто ещё думают в силу непонятной приверженности к схоластическому средневековому реализму, а в познании фактической действительности... Противоречие этому положению законов физики и химии только кажущееся, и они также в конечном счёте служат освоению действительности, входящей в компетенцию других наук и техники». А. Геттнер считал, что в отношении установления общих законов, исходя из методов генерализации и индивидуализации, современная ему география сделала «большой шаг вперёд по сравнению с историей. В этом смысле её можно назвать обобщающей или номотетической наукой» (с. 201).

В то же время версия построения теоретической географии в духе известной книги В. Бунге показала, что попытки уподобиться физике и химии приводили к тому, что географы абстрагировались от наиболее существенного для регионов и городов — культурно-социально-экономического содержания, которое «выносилось за скобки» и которому полагалось быть, по возможности, «прочими равными условиями».

В области ЭГ и региональной экономики в последние годы распространилась идеология социал-дарвинизма, в данном случае понимаемая как отождествление сиюминутной экономической слабости региона, обусловленной т.о. внешними для региона обстоятельствами, с оценкой «степени нужности» региона для страны (ср.: Щедро-

вицкий, 2005), а также с приданием в такой ситуации региону свойств личности, которая как бы несёт ответственность за «неправильное поведение» и обладает свободой воли — выбором такого поведения. *Пока отсутствует внятная теория региона, в т.ч. основанная на синтезе географии, социологии, политологии, экономики и др. наук. Заметим, идея необходимости такой теории как исходного звена изучения региона, в т.ч. с позиций социологии, уже выдвигается рядом социологов. В рамках экономической науки она не может быть создана, поскольку большинство её научных школ, подобно «теоретической географии» В. Бунге, абстрагируется от наиболее существенного в регионах, включая социальную проблематику, — развивается «внеконекстуально» и онтологизирует «человека экономического» (ср.: Колпаков, 2006). В то же время не исключена возможность попыток создания такой теории социологами (см., например, недавно появившееся направление, посвящённое «территориальному поведению»: Завалишин, Рязанцев, 2005; Рязанцев, Завалишин, 2006).*

Для нашего обсуждения важен вопрос — совпадают ли в принципе научные результаты, достигаемые в настоящее время исследовательскими средствами разных наук, в том случае, если познавательная цель и изучаемые объекты в этих науках совпадают (например, при изучении регионов или поселений с позиций ЭГ, социологии, региональной экономики и т.д.)? В. Леонтьев (1990) обсуждает этот вопрос в рамках редукционизма, приводя примеры экономики, антропологии и географии.

В. Леонтьев не считает отдельные науки об обществе дополняющими друг друга в смысле разделения труда (видимо потому, что речь идёт о достаточно близких друг к другу науках); отдельные науки — это разный взгляд на одни и те же вещи (или на тесно связанные между собой части единого целого), — разный постольку, поскольку отдельные науки об обществе развиваются самостоятельно и имеют свой инструментарий.

По мнению В. Леонтьева, «отдельные факторы в своей основе несоизмеримы и каждый из них ведёт себя в соответствии с собственным “законом движения”» (с. 29). Однако общество рассматривается им как целостность, приводящая в определённое соответствие действие отдельных факторов (с их законами движения и способами концептуального отображения). Тогда действие отдельных факторов можно сравнить по их воздействию на целое — уровень вероятности событий, полученный на основе аналитического аппарата разных наук, сопоставим, «поскольку рассматриваются альтернативные пути развития одно и того же процесса» (с. 30). В связи с этим предполагается существование элемента частичной взаимозаменяемости раз-

ных наук, в смысле возможности сравнения и интерпретации получаемых ими результатов.

Сравнение получаемых в каждой из наук результатов позволяет исключить часть вариантов развития и признать некоторые из теорий (которые соответствуют забракованным вариантам) ошибочными. В таком смысле смежные науки представляют собой по сути единую науку, при этом различия между отдельными науками становятся тождественными различиям между научными школами внутри одной науки. (Любопытно, что концепция В. Леонтьева совпадает с позицией полемической статьи известного методолога науки Г.Д. Левина, 2008 — в отличие от концепций Куна, Поппера и др.).

Такая позиция предполагает сопоставимость «степени точности» смежных наук и «скоординированность» их в рамках целого. Реально это не всегда так. Часто один и тот же объект (объект «в целом») изучают различающиеся так или иначе между собой науки, и в связи с этими различиями они изучают не совсем одно и то же (хотя и пытаются охватить один и тот же круг явлений). Если в смысле В. Леонтьева можно и нужно сравнивать результаты медицины и биологии, хотя они и нуждаются в дополнении, то результаты социологии и экономики могут противоречить друг другу, поскольку обычно исходят из разной модели сущности человека и по-разному трактуют отношение дедукции и индукции (как правило, приоритет индукции в социологии и дедукции в экономике). Социальное целое вряд ли может быть познано только в рамках редукционизма. И это говорит о правомерности существования разнокачественных наук, что не учитывает В. Леонтьев. Однако отсюда не следует вывод о несопоставимости (несоизмеримости) этих наук (критикуемый в общем виде Г.Д. Левиным, 2008). Поэтому сравнивать результаты этих наук надо иначе, чем это предлагает В. Леонтьев, в частности, привлекая критерии эксперимента, практики, дополнительных наблюдений и т.д. Сопоставимость будет возникать в рамках некоей более обширной системы, при этом может идти речь лишь о сопоставимости нежёсткой, при которой лучше говорить не об ошибочности теорий каких-то наук, а о разной степени их эффективности в разных ситуациях. При изучении регионов возможно создание такой обширной «надсистемы» силами разных наук. Представляется, что наиболее высоки шансы создать такую «надсистему» социологам (см.: Рязанцев, 2007) и экономико-географам. В последнем случае следует обратить внимание на преодоление существующих изоляционистских тенденций в ЭГ.

Наиболее общие понятия, критерии и закономерности при изучении региона в принципе должны быть едиными для всех наук, изучающих регион (что не исключает возможность элементов плюра-

лизма). Однако каждая из наук, изучающих регион, и в том случае, если она стремится к познанию региона в рамках единых понятий, критериев и закономерностей (такая ситуация возникает не всегда), неизбежно будет делать это по-своему — даже в случае попыток овладения идеями и аппаратом смежных наук. Отсюда следуют как сопоставимость, так и несопоставимость результатов исследований, а также очень важный вопрос о лидерстве в конструировании общих представлении о регионе.

Литература:

1. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв., том 3. — М.: Прогресс, 1992.
2. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990, с. 416–494.
3. Геттнер А. География, её история, сущность и методы. Пер. с нем. Под ред. Н.Н. Баранского. Л.–М., Госиздат, 1930, 416 с.
4. Глинчикова А.Г. Выступление. Трансформации в современной цивилизации. Постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы Круглого стола // Вопросы философии, 2000, № 1, с. 26–32.
5. Гуриев С. Индустриальный феодализм // Эксперт, 2001, № 14, с. 56.
6. Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение: опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования, 2005, № 10, с. 83–92.
7. Зубов А.Б., Салмин А.М., Тайван Л.Л. Есть ли будущее у политологии Востока? // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Вып.1. — М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит., 1991, с. 8–23.
8. Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии, 2000, № 12.
9. Колпаков В.А. Эволюция экономической теории от А. Смита до неосмитианства // Вопросы философии, 2006, № 11, с. 73–84.
10. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования, 2005, № 3, с. 13–23.
11. Левин Г.Д. Современный релятивизм // Вопросы философии, 2008, с. 73–82.

12. Леонтьев В. К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества // Василий Леонтьев. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1990, с. 27–36.
13. Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. — М.: изд. КМК, 2000, 449 с.
14. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? Под. ред. В.Н. Садовского и В.А. Ядова. — М.: Эдиториал УРСС, 1999, 174 с.
15. Парето В. Компендиум по общей социологии. Пер. с итал. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007, 511 с.
16. Покшишевский В.В. О самом главном в экономической географии // Теоретические проблемы экономической географии. Вопросы географии, Сб. 95. — М.: Мысль. 1974, с. 25–42.
17. Родоман Б.Б. Узловые районы // Теоретическая география. Вопросы географии, Сб. 88. — М.: Мысль, 1971, с. 97–118.
18. Рязанцев И.П. Социология региона в структуре социологического знания // Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения. Социальные процессы в современной России: традиции и инновации», том 4. — М.: Изд-во КДУ, 2007, с. 55–58.
19. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2006, 455 с.
20. Смирнов А.М. О системе понятий экономической географии // Труды Одесского ун-та им. И.И. Мечникова, 1955.
21. Шанин Т. Интервью // Знание — сила, 1990, № 9.
22. Щедровицкий П.Г. Сбежать из мёртвой зоны // Аргументы и факты, 2005, № 6.
23. Ядов В.А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования, 1996, № 3, с. 27–30.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ ЖИЛЬЯ И ЖИЛИЩА

1. Жилье и жилище — понятийные различия

Проблема жилья и жилища — сугубо отечественная проблема, возникшая в первые же годы советской власти и актуальная до сегодняшних дней. Можно даже утверждать, что эта проблема — одна из острейших для ближайших генераций.

Возникла эта проблема из попытки навязать целой стране, весьма разнородной в культурном отношении, некоторые рационалистические схемы, редуцирующие и эту культурную разнородность, и исторически сложившиеся уклады жизни, и семейные этнические традиции, и онтологические основания организации жизни, и природу человека.

Стремление сделать человека винтиком социалистического способа производства, семью — ячейкой общества, а весь народ — строителем коммунизма требовало решения ряда исполинских задач, одной из которых являлось разрушение общественной, частной, семейной и личной жизни и переплав жизни в одну — государственную форму.

Наряду с «классовым» террором, введением неправого государственного порядка, провозглашением новой этики (Ленин: «этично то, что полезно для партии» [16]), решению этой задачи было подчинено превращение жилья в жилище, принципиальными различиями между которыми можно считать следующие:

жилье	жилище
социо-культурная среда обитания	геометрическое пространство или площадь
стиль и образ жизни	Метрический стандарт
продукт дизайна	производственный продукт
уникальный элемент коммуникации	унифицированный элемент учета и контроля
самодостаточная единица биологического, социо-культурного и хозяйственного воспроизводства	функциональная ячейка общества

С современной точки зрения можно утверждать, что жилище — продукт проектирования и строительства, жилье — процесс обживания и вживания человека в свое жилище.

Если жилище может быть представлено объектно, то жилье — процессуальный продукт (или товар): жилье есть в значительной степени жизненный путь, way of life, вехами которого являются сменяющие друг друга образы жизни. Это означает, что:

а) материальная составляющая и духовная составляющая жилья — финансовые, интеллектуальные и духовные вложения потребителя жилья, являющегося одновременно и его создателем;

б) цена жилья непредсказуема и апостериорна, в отличие от цены жилища, которая устанавливается априорно и вполне предсказуема.

Жилье, будучи инфраструктурой, не имеет конкурентов или заменителей, но у человека на его жизненном пути может и должен быть выбор в распределении своих средств между жильем, образованием, туризмом (путешествиями), автомобилем и другими подобного рода товарами и услугами.

2. Исторический экскурс:
методы и способы превращения жилья в жилище

- 2.1. Выведение жилья и городской земли из рыночного оборота

Строго говоря, это произошло еще до Октябрьской революции: летом 1917 г. муниципальная программа партии эсеров принимается как правительственная. Ключевым пунктом этой программы является «социализация земли, понимаемая как изъятие ее из товарного оборота и обращение в состояние народа» [1, 8].
- 2.2. Уничтожение общественной жизни, независимой от государства

Ровно через год после того, в июле 1918 г., за подписью секретаря МГК Каменева выходит постановление Московского совета рабочих и красноармейских депутатов о советизации (=муниципализации) жилищ и земель в Москве [17]. К советским зданиям и землям причислены:

— бывшие городские;

— бывшие мещанского общества;

— бывшие купеческого общества;

— бывшие ямского общества;

— бывшие дворянского общества;

— бывшие банковские;

— бывшие церковные и монастырские;

— доходные владения, принадлежавшие ранее комиссариату социального обеспечения;

- бывшие акционерного общества «Верхние торговые ряды»;
- переданные подотделу советских зданий специальными постановлениями.

Из-под обществ и общественной жизни одним махом выдергивается коврик материальных оснований, и их существование тут же оказывается подпольным в полном и прямом смысле этого слова. Общественная жизнь, не подчиненная государству, объявляется вне закона.

2.3. Введение норм и нормативов на жилищную площадь, мебель, оборудование и оснащение

Тем же постановлением начата была многолетняя кампания по превращению социо-культурного пространства жилья в кубатурно-квадратурные фикции жилищ.

Все началось с уплотнения по следующим нормам: 20 квадратных аршин (10 квадратных метров) пола на одного человека и ребенка до 2 лет, а также 10 квадратных аршин на ребенка от 2 до 12 лет (так как уплотнение носило безвременный характер, «навсегда», то его устроители предполагали, что дети не растут и вообще демографическая ситуация остановлена — уже никогда двухлетний ребенок не будет трехлетним, а двенадцатилетний — тринадцатилетним). При этом уплотнение сопровождалось реквизицией мебели по странной норме: каждого наименования — не более одного предмета; если с одним столом на семью еще можно примириться, то с одним стулом или одной постелью — с трудом.

Дальнейшее нормирование распространяется на количество ванн и туалетов и т.п.

2.4. Деприватизация и пролетаризация жилья

После X съезда РСДРП(б), развернувшейся на нем дискуссии по этике и особенно программному выступлении Н.К. Крупской [9, 16] о понятии пролетарской этики и средствах ее формирования, партия приступила к планомерному и фронтальному низведению жилья до жилища.

По мнению М.Г. Мееровича [11, 12], перед советскими архитекторами и градостроителями была поставлена задача создания пространства, формирующего образ жизни советского человека — коллективиста, пролетария (=неимущего), лишенного чувства собственного достоинства и частной собственности, героического альтруиста и патриота-интернационалиста (что само по себе невозможно, но оказалось совместимым в советском человеке).

2.5. Введение чрезвычайного натурального жилищного налога. Жилищный психоз и формирование социальной технологии тотального стука и недоверия

В 1922 г. на жилтоварищества был наложен 10-процентный натуральный жилищный налог. Эта мера оказалась более драконовской и вызвала куда более ужасные последствия, чем продразверстка — ведь хлеб еще может вырасти на следующий год, а жизненное пространство такой способностью к воспроизводству не обладает. К тому же хлеб увозился (в основном, в Германию), и крестьяне больше его не видели, квартиру или комнату — не увезешь...

Для целей изъятия жилья была создана ЧЖК (Чрезвычайная Жилищная Комиссия, ее сотрудники тут же были прозваны москвичами чижиками), которая совместно с ВЧК реквизировала из примерно 150 тысяч московских квартир 12 668. Жилищный психоз, о котором писали тогда газеты и который обсуждал булгаковский Воланд на сессии в Варьете, был вызван не самим актом изъятия, а распределением изъятых [7]:

выделено рабочим — 5658 (44.7%),
совслужащим — 1524 (12.0%),
слушателям ВУЗов — 942 (7.6%),
партшколам — 707 (5.6%),
РОНИ (образовательная структура) — 223 (1.8%),
нечистой силе — 3614 (28.3%).

Бывшие владельцы этих квартир и комнат, перейдя в подвал или в ставшую коммунальной квартиру соседа, ежедневно видели, что в их родном гнезде происходит нечто невероятное и запломбированное: все это стало явочными, допросными и прочими помещениями ВЧК. Более того, так был начат специфический фонд для привлекаемых извне чекистских и партийных кадров. Ценой преступлений и предательств человек мог вырваться в центр (страны или области, или района — масштаб неважен), получить казенную квартиру, в которой он не хозяин, которая — не только место проживания, но и рабочее место. Человек вырывался из круга родных, друзей и знакомых в вакуум специфических внутрипартийных или внутричекистских отношений, становился заложником этой засекреченной круговой поруки и агентом, погруженным в социальную среду. Его мироощущения ничем не отличались от сознания шпиона, заброшенного в чужую страну, на вражескую территорию. И он вел себя соответственно, вызывая страх и одновременно распространяя вокруг себя ауру и заразу недоверия и стукачества. Лишь много десятилетий спустя, зажив, органы и партаппарат начали создавать себе привилегирован-

ное спецжилье, отделенное от рядовых хрущоб, разумеется, сохраняя за собой огромный потенциал жилья для «входящих».

2.6. Свертывание жилищного строительства

Несмотря на огромное количество строительных контор и трестов (только в Москве действовали такие мощные бюрократические структуры как Госстрой, Жилстрой, Мосстрой, Госстройконтора), никакого жилищного строительства по сути не велось, хотя численность населения Москвы за первые два года нэпа увеличилась вдвое. В 1923 г. были построены первые тридцать 8-квартирных барачков в Богородском для рабочих и служащих завода «Красный богатырь». На митинге открытия поселка тов. Подвойский назвал это явлением пролетарской культуры (квартиры по 22 квадратных метра выдавались на пятерых первопоселенцев, удваивавших свою численность за год-полтора).

Вместо жилищного строительства шли либо экспроприации различных видов, либо занятие под жилье тех или иных жилых и нежилых помещений. Так, авиационный завод «Салют» занял в 1923 г. помещения бывшей Измайловской военной богадельни, построенной архитектором Тоном в 30-е гг. XIX века. До того инвалидов разогнали и рассеяли по домам окрестных сердобольных старушек, а при въезде заводских каждый жилой этаж поделили пополам, просторные палаты разделили на клетушки-пеналы. В результате было расселено около пяти тысяч человек там, где раньше проживало 500 совсем не барствующих и одиноких людей.

Вся идеология жилищного строительства держалась на сугубо пролетарских идеях нищеты — удешевления жилищ донельзя. ЦИК и СНК РСФСР постановлением от 25 августа 1924 г. устанавливали цену на землю в Москве в размере 3 копеек за одну квадратную сажень (4.55 квадратных метров). Темпы строительства при огромном потоке новой рабочей силы оставались смехотворно низкими: в 1925 г. по всей стране было истрчено 10 миллионов рублей, что позволило дать жилье 30 тысячам человек; в 1932 г. в Москве было построено всего 120 стандартных 16-квартирных барачков на 10 тысяч жителей при среднегодовом приросте численности населения за 1931–1938 гг. в размере 220 тысяч человек в год. Потребность в новом жилье удовлетворялась на сотые и тысячные доли процента (в 1925 г. — из 27 тысяч заявок было удовлетворено 50–60 или 0.2%) [5]. Проведенный в том же году конкурс Моссовета в строительном техникуме имени тов. Каменева (70 отечественных и 34 иностранных архитектора) отверг 80% проектов как не соответствующие идеям удешевления. Луч-

шими были признаны система Галахова (обшивка деревянного каркаса досками с заполнением пространства опалубки городскими отбросами), система Мосдрева (деревянный каркас снаружи облицовывается в полкирпича, а изнутри обшивается соломитом — смесью соломы с алебастром) и система «Герард» (полтора кирпича снаружи, один изнутри, а между ними — шлак) [14].

2.7. Классовый подход в установлении квартплаты

При этом квартплата устанавливалась с учетом следующих обстоятельств:

- размер занимаемой площади;
- местонахождение (за пределами Камер-Коллежского вала, то есть на окраинах, устанавливалась 10-процентная скидка);
- размер заработка (примерно 1% от зарплаты за одну квадратную сажень полезной площади в месяц);
- социальное положение (в 1923 г. рабочие в среднем имели по 4.7 квадратных метра на человека и платили 0.27 копейки за метр, служащие — соответственно 7 и 36 копеек, так называемый нетрудовой элемент — 5.75 и 1.85 рубля: грубо говоря, при столь же стесненных метражом обстоятельствах эти изгои платили в семьсот раз больше, чем класс-гегемон [14, 19].

2.8. Хроническое отставание от жилищного строительства социо-культурной инфраструктуры

Еще медленнее создавалась социо-культурная инфраструктура, хронически отстававшая от темпов жилищного строительства. Все это, включая квартирный психоз и ужасы квадратур и кубатур, совершенно нелепые «голодные» нормы и правила (естественный рост семьи расценивался как самоуплотнение, и на этом основании людям отказывали в постановке на очередь), породило не только мощную индустрию и систему взяточничества, вымогательства и просто издевательств (в настоящее время все это, уже более ничем не сдерживаемое и даже поощряемое, стимулируемое сверху, эта система значительно укрепилась и стала теперь неизживаемой), но и совершенно специфическую культуру жилища и быта: коммуналки, очереди за всем — за хлебом, зарплатой и в туалет.

Это отставание было характерно для исторически значимого периода: с начала 1920-х и до конца 1980-х гг. Если в США жилые кварталы (девелопменты) строятся без этой инфраструктуры, то это объясняется тотальной автомобилизацией населения и нежеланием людей иметь в сугубо спальных местах возмущающие ночной покой биз-

несы, то в СССР это же отставание можно считать целенаправленной политикой порабощения и оскотинивания людей.

2.9. Тотальное превращение квартир в коммунальные

Все началось с эксперимента и создания домов-коммун.

В 1922 г. в Москве числилось 607 домов-коммун [7]. Они принадлежали тем или иным заводам, однако контроль со стороны предприятий не велся по той причине, что значительная часть жильцов никакого отношения к ним не имела (сказывалась высокая текучесть кадров, бесчисленные свободные браки и общая неразбериха городской жизни). «Как очаги новой коллективистической культуры, нового быта, дома-коммуны не оправдали возлагавшихся на них надежд. Это в громадном большинстве случаев дома с обычным дореволюционным укладом жизни, в которых отсутствуют коммунальные учреждения» — писал городской санитарный врач-очевидец, подракумевавший под коммунальными учреждениями, по-видимому, канализацию и водопровод [7].

Тогда же стали возникать провозвестники МЖК — молодежные городские коммуны. История одной из них — «Пионер» на Измайловском острове, в Мостовой башне — весьма поучительна. Производственно-трудовая коммуна из 13–18-летних «фабзайцев» ставила своей задачей продолжение производственных отношений и классовой борьбы в семье и быту. «Правильным разрешением полового вопроса коллектив считает длительный прочный брак, могущий возникнуть в результате взаимной дружбы и общности производственных интересов», — записано было в их Уставе в разделе «Этика». Несмотря на поддержку «Комсомольской правды», юных коммунаров погнали с Острова за пьянку и моральное разложение: коммунары дожили в коммуналке на Мейеровском проезде до 1940 г. и прекратили свое существование как коммунары до войны, превратившись в рядовых обитателей коммунальных квартир.

2.10. Деисторизация городов

Сюда относятся прежде всего: уничтожение памятников, переименования, искоренение местных и этнических традиций, потеря лица городов.

Типовое и совершенно однородное, до состояния фарша, домостроение, внедрение типового набора услуг, пролетаризация городского пространства, вплоть до замещения местного населения «лимитой» и другими формами урбанизации, создание специфического партдизайна и партстиля в монументалистике (преобладание

неподвижных кубических форм либо фаллических фигур), даже планировка рельефа в городе (в Москве жертвою пали историческая Поклонная гора, Синичкина речка и многие другие выразительные детали рельефа) — все делало города анекдотически похожими. Еще более разительна история советизации Кёнигсберга и других городов Восточной Пруссии. Идеи Фомы Кампанеллы, человека несомненно социально опасного (большую часть своей жизни вследствие этого он провел в тюрьмах), воплотились на огромном пространстве.

И первыми жертвами этого нивелирующего процесса стали не храмы, памятники и дворцы, хотя и они оказались по большей части под топором неумолимой истории советской муниципализации. Первыми «пали в борьбе роковой» сады и парки, пошедшие на дрова и просто так. К числу первоисчезнувших в Москве относятся:

Тюфелева роща — 80 га;
Останкинская роща — 50 га;
дача Шаховских — 45 га;
Чистяковские дачи — 45 га;
дача Капустина — 40 га;
Орлова дача — 35 га;
часть Серебряного Бора — 26 га;
дача Габио — 25 га;
Малая Всехсвятская роща — 22 га;
сад «Фантази» — 6 га [19].

Еще более беспощадно уничтожались кладбища, особенно, если они имели религиозную окраску (татарские, мусульманские, еврейские, католические, староверческие).

Часто уничтожение исторических памятников производилось под предлогом того, что они мешают транспортному движению: так в Москве по этому поводу были снесены Сухарева башня и Иверские ворота, Триумфальная Арка, сады на Скобелевской площади (их уничтожили вместе с памятником генералу Скобелеву, «царскому сатрапу», чтобы через двадцать лет на этом же месте поставить памятник Юрию Долгорукому, феодалу и захватчику) и т.д.

Если памятник не сноился, то осквернялся: храм на Калужской был превращен в кинотеатр «Авангард», церковь на Благуше — в заводской цех, Спасо-Угрешский монастырь — в колонию, под Большой Климентовской церковью в Замоскворечье устроили общественный туалет и т.д.

3. Рынок и экономика жилья и жилища

Теперь перед нами стоит противоположная проблема — искусственно-технически, не ожидая плавного, но медлительного естественного-исторического хода событий, вернуть людям жилье.

И первое, что необходимо сделать и во многом уже сделано — вернуть жилье в сферу экономики и рыночных отношений, но это не означает полное отрицание государственного, общественного, социального регулирования в сфере жилья. Речь идет прежде всего об экономике доступного жилья.

3.1. Понятие «доступное жилье»

Жилье как инфраструктура должно быть доступно всем — но не любое жилье любому: для бомжа должны быть доступны ночлежные дома, для студентов — общежития, для солдат — казармы, не оскорбляющие человеческое достоинство солдат, для начинающих семей — скромное жилье, для людей, твердо ставших на ноги — комфортабельная квартира или отдельный дом, для пенсионера — жилье в благоустроенном пансионе (например, в обмен на занимаемое ранее собственное жилье).

Доступность жилья определяется не только ценовой доступностью, но также такими формами доступности, как пространственная (огромные дискомфортные и экстремальные пространства нашей страны должны быть объявлены недоступными для жилья: речь идет об арктических островах, высокогорьях, районах, пораженных радиацией, экологически и тектонически опасных или экстремально загрязненных), транспортная (изохрона транспортной доступности должна быть равна одному часу в одну сторону или двум часам в раунд-трип; микрорайон «Г» в Южном Бутове, застроенный как коттеджный поселок, находится на изохроне пятичасовой доступности в раунд-трип и потому должен быть признан недоступным до тех пор, пока сюда не проведут метро) и другие формы доступности.

Кроме того, из понятия «доступное жилье» должно быть исключено также дотационное государственное и муниципальное жилье, недоступное по тем или иным причинам для тех контингентов, которым оно предназначено, но непосильно для них ни для приобретения, ни для аренды, ни для оплаты жилищно-коммунальных услуг. Обилие в нашей стране разного рода льгот для различных групп населения (инвалидов, пенсионеров, хронических больных, военнослужащих, депутатов разных уровней и т.п.) свидетельствует о том, что для этих групп нет доступного их доходам жилья, что они находятся в униженном положении зависимости от муниципальных и государствен-

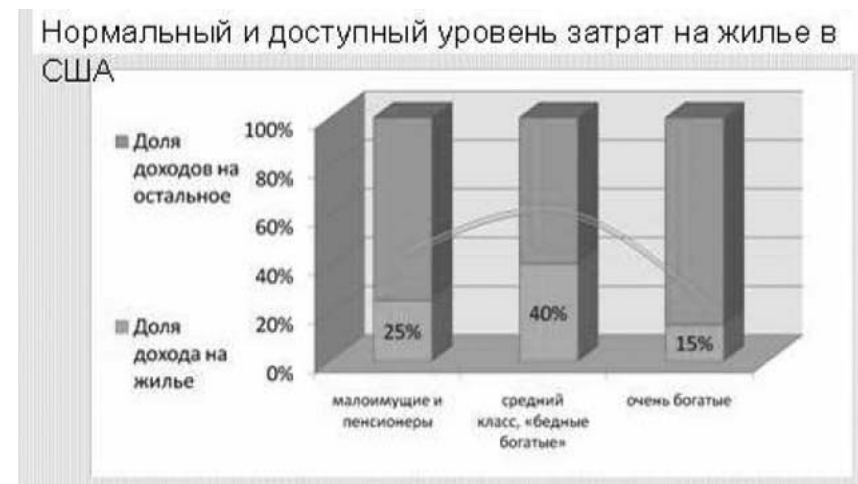
ных властей и, говоря более общо, от гуманности, сострадания и терпимости к ним общества.

Далее рассматриваются основные (но не все) критерии доступного жилья.

Критерий соотношения «доля в доходах — качество жилья»

В СССР квартплата строилась из расчета 1% от средней зарплаты за квадратную сажень или примерно 4–5% от доходов семьи. В СССР после Второй мировой войны и вплоть до распада квартплата составляла примерно 8% от средних значений зарплаты, однако парадокс заключался в том, что наиболее неимущие платили за жилище относительно своих доходов больше, чем богатые: при пенсии в 60 рублей (минимальная пенсия) на квартплату уходило 15–20%, а при зарплате в 500 рублей — 2–3%.

В США нормальным и доступным считается: для среднего класса и «бедных богатых» — около 40% доходов, для малоимущих и пенсионеров (8-я Программа) — до 25%, для очень богатых — 10–20%, при этом худшее по качеству жилье принадлежит среднему классу или основной части населения.

Критерием экономической доступности жилья может быть также соотношение стоимости жилья и годового совокупного семейного дохода на момент приобретения жилья: цена на жилье не должна превышать десятикратный размер годового семейного дохода на момент покупки жилья.

Исторически доказано, что цены на жилье и на труд растут с одинаковым темпом. Это значит, что, если цена на жилье не превышает десятикратной суммы годового дохода, то семье гарантирована доступность именно этого жилья. Но, если за этот расчетный десятилетний период предполагается или реализуется карьерный или профессиональный рост членов семьи, то семья вправе считать для себя доступным примерно через десять лет более дорогое жилье — в том же или другом жилище.

Критерий обобщественности

Доступность жилья определяется, в общем виде, степенью обобществления (открытостью жилья) и совместностью использования пространства и времени: чем доступней жилье, тем больше мест общего пользования, тем индивидуальное (семейное) жилье чаще пересекается с другими и в формах владения и в формах использования. Например, наличие мини-прачечных самообслуживания в большинстве жилых комплексов США делают жилье более доступным — отпадает необходимость покупки и монтажа дорогостоящей техники в каждой квартире.

Критерий включенности в проектирование

Доступность возрастает и становится экономически заметной по мере включенности в формирование жилья на стадии проектирования и перепроектирования (автопоэзис), речь идет прежде всего не о проектировании жилища, а о проектировании среды обитания вплоть до формирования ее сферности (=полноты, законченности, совершенства). Можно даже утверждать, что в совместном проектировании архитектор и власти обеспечивают логику и организацию жилья, а человек и семья — онтологию жилья. Иными словами — архитектурно-планировочные и строительные решения, а также принятое в городе или поселке законодательство определяют формальные ограничения (запрет на изменения, касающиеся несущих конструкций, законодательный запрет на использование дизгармонирующих красок, ограничения по высоте дома и окружающих его деревьев и т.п.), но не содержания жилья (интерьера, планировки и функционализации помещений, традиций и уклада жизни).

Критерий разнообразия и степеней преобразования пространства

Чем более трансформируемо жилое пространство, чем больше образов и стилей жизни оно может в себя включать (актуально и потенциально), тем доступней жилье. Чем меньше трудовых, времен-

ных, материальных и финансовых усилий требует любое преобразование, тем доступней жилье.

Критерий социальной однородности

Чем более социально однородна жилая среда, тем, в общем, более она доступна для представителей этой социальной страты: жить бедному среди богатых также неуютно и недоступно, как богатому среди бедных. Разумеется, это не означает профессиональной однородности: чем разнообразнее профессиональный состав, тем богаче жилое пространство, тем более оно коммуникативно насыщено.

Критерий природной и техноприродной доступности

Собственно, это уже описано. Жилье считается доступным по этому критерию, если в нем безопасно для жизни и здоровья жить. Следует только заметить, что показатели этого критерия становятся все тоньше и разнообразнее: еще 10 лет тому назад никто не говорил об электромагнитном загрязнении среды, а в нашей стране еще никто не выдвигает требование присутствия в жилой среде диких птиц и животных, как это принято в США и Западной Европе.

Критерий транспортной доступности

Считается, что критической для транспортной доступности является часовая изохрона ежедневных трудовых поездок. Согласно теории Г.А. Гольца [6], среднее значение городских трудовых поездок в городах на протяжении более 200 лет в России составляло 30 минут, независимо от преобладающего в разные эпохи вида городского транспорта. На рубеже XX и XXI вв. во всех крупных городах России произошла транспортная революция: теперь средней является часовая доступность, а предельно допустимой — двухчасовая.

3.2. Рыночный механизм ценообразования в сфере жилья

В мировой практике принято выделять цену жилища и цену «земли», которая, по сути, и есть эквивалент цены «жилья», так как в ее формирование входят безопасность, комфортность, расположение, соседство и другие критерии, невозможные при оценке жилища. Как правило, цена жилища, если не делать ремонтов и реконструкций, падает за счет амортизации, а цена «земли» — растет. Американский опыт учит: если цена земли и цена жилища на старте равны, то через двадцать лет жилище теряет (при отсутствии поновлений) более половины своей цены, а «земля» дорожает примерно в 5–10 раз. Разумеется, цена «земли» также может падать: за счет ухудшения расположения, соседства, экологических нарушений, потери безопасности и т.п.

Реально на рынке встречаются не производитель, марка которого необычайно высока, и не потребитель, марка которого также непомерно низка. На рынке актуально присутствуют две позиции — покупателя и продавца. Чудо рыночного механизма заключается в том, что марка продавца (последняя цена, на которую он согласен опустить марку производителя) ниже марки покупателя (последняя цена, выше которой он платить не будет). Зазор между этими двумя марками и есть пространство ценообразования, в котором любая цена взаимовыгодна и продавцу, и покупателю. Марка покупателя, говоря теоретически, всегда выше марки продавца по той причине, что образ жизни — и так устроено человеческое сознание — выше самой жизни.

Реально может существовать только потребительский рынок, то есть рынок, на котором марка потребителя и покупателя независимы от марки производителя и продавца и, более того, являются доминирующими. Как только на рынке начинает доминировать производитель, схлопывается не только рынок, но и вся экономика: производителю при его доминировании на рынке становится выгоднее не производить, чем производить, то есть паразитировать на дефиците товаров и услуг, что наглядно было продемонстрировано советской экономикой.

Однако в случае с жильем рыночный механизм, даже если абстрагироваться от таких необходимых посредников, как банковский и кредитный капиталы, позиционно гораздо богаче.

В качестве «производителя» на рынке жилья выступают:

- муниципальные власти и стоящие за ними городские законы, ценности и история;
- муниципальные службы и стоящие за ними инфраструктуры (улицы, электросети, энергосети, водопровод и канализация, сети связей);

- проектировщики;
- застройщики и стоящие за ними производители строительных материалов, аксессуаров и мебели;
- эксплуатационные службы и управляющие компании.

В качестве «продавца» стоят:

- риэлторы;
- государственные и муниципальные социальные институты, программы и законы;
- налогоплательщики.

В роли «потребителя» выступают:

- семьи, роды, общины и соседи;
- работодатели.

«Покупателем» являются:

- несколько поколений семьи;
- или семья;
- или отдельный человек.

Особенностью отечественного рынка жилья является очевидное доминирование на нем производителей и представляющих их интересы продавцов. Несмотря на бурное жилищное строительство, жилищный рынок заметно схлопывается: около 40% нового жилья простаивает, хотя это жилье и продано. Жилища перестают быть основанием для жилья, а вложения в новые квартиры есть неспецифические инвестиции: свободные финансовые средства гораздо выгоднее и надежнее вложить в новую квартиру, чем в банк, ПИФы, золото или акции. Жилища становятся самым эффективным финансовым инструментом. И чем дефицитней жилища, тем быстрее растут цены: и покупателям квартир как инвесторам, и производителям, и торговцам жильем выгодно иметь в стране или городе дефицит и недоступность жилья.

На рынке вторичного и старого жилья, включая ветхое и аварийное, происходит нечто подобное: жилища превращаются в источник доходов (чаще всего не декларируемых и нелегальных), что превращает весь рынок жилья в криминогенный: нигде так не развита коррупция, взяточничество и «откаты», как в жилищном строительстве и на рынке жилья. В настоящее время конечная цена жилья в семь раз выше себестоимости его производства: «три счетчика» поглощаются «откатами» и взятками и еще три представляют собой сверхприбыли в этой сфере.

Любой рынок, включая жилищный, эфемерен, если на нем доминирует и диктует цены производитель: производителю в этой ситуа-

ции гораздо выгоднее не производить, чем производить, и всегда нужен для гегемонии дефицит продукта относительно спроса.

Чтобы рынок жилья и, прежде всего, рынок жилища, стал потребительским, необходимо, чтобы потребление и потребитель отвечали, как минимум, трем критериям:

- потребление должно быть квалифицированным (компетентным, вплоть до лицензированного);
- потребление должно быть непрерывным;
- потребление должно быть независимым от производителя при участии в ценообразовании.

Это, а также сложность самого объекта торга (жилья), означает, что число факторов, определяющих цену жилья, неопределенно (несчетно) много, что многие из факторов непредсказуемы и что почти все они независимы друг от друга и приводящих обстоятельств (природных и техногенных катастроф и происшествий, общеполитических региональных, страновых и глобальных сдвигов и т.п.).

Факторы ценообразования

К наиболее значимым факторам, влияющим на цену жилья, являются:

- расположение;
- соседство;
- транспортная и информационная доступность;
- развитость инженерной и социо-культурной инфраструктуры;
- мобильность;
- комфортабельность;
- экологичность;
- защищенность от природных и техноприродных рисков;
- материалы;
- технологичность создания (проектирования, строительства и реконструкции) и использования;
- экономическая конъюнктура и инвестиционный климат.

Отличительная особенность жилья от других товаров и услуг заключается в том, что, как правило, по мере использования жилья его цена не амортизирует, а растет (амортизирует жилище, да и то, если построено на скорую руку, экамами и в расчете на решение жилищных проблем одного поколения). При этом, разумеется, взаимосвязаны между собой возраст и цена жилья, чем они выше, тем менее ликвидно это жилье. В этом смысле жилье обладает такими же рыночными особенностями как коллекции марок и монет: чем обширней и богаче

коллекция, тем более она выражает индивидуальные вкусы и пристрастия владельца, тем она уникальней и тем меньше шансов продать ее целиком. К сожалению, в отличие от филателистических и нумизматических коллекций, жилье почти всегда представляет собой единый и неделимый лот, если не прибегать к практике «уплотнений».

4. Городская планировка, градостроительство и география жилища

В отечественной практике градостроительства, проектирования городов и районной планировки географические исследования занимали заметное место. К этим исследованиям относятся география городов, география населения и расселения, региональная география, география ТПК и производительных сил, география размещения природных ресурсов, рекреационная география, география транспорта, строительных материалов и стройиндустрии.

Общим для всех этих исследований были:

- примат производства;
- рассмотрение населения как производительной силы и трудовых ресурсов;
- рассмотрение жилья в зависимости от производственной деятельности (жилье как спальные цеха заводов).

Фактически, география занимается исключительно жилищными вопросами: обеспеченностью населения квадратными метрами, плотностью застройки и заселения, пассажиропотоками, геометрией и физикой расселения и городского пространства (этажностью, озеленением, загрязнением и т.п.)

Даже в самых продвинутых, постмодернистских географических разработках человек отсутствует — он не вписывается в масштаб географических исследований и подменяется статистически значимым «населением», некоей психологической фикцией, в которой не может быть отражена жизнь и единица измерения жизнедеятельности — жилье.

Все доводы в пользу географического изучения населения верны до тех пор, пока города, регионы, общины и сам человек будут оставаться объектами научного рассмотрения, а не субъектами деятельности, прежде всего жизнедеятельности. Субъект — по крайней мере с точки зрения географической науки — неопишем, но именно в силу своей субъектности он и не нуждается в описаниях: ему нужна профессиональная научная и проектная помощь в жизнестроительстве и создании жилья, а не описания.

5. Карта проблем географии жилья

Первое и даже единственное, что необходимо осуществить в сфере жилья и жилища — уничтожение возможностей и практики взяточничества и коррупции в этой сфере, что должно вывести всю сферу из-под криминального зонтика, уничтожить сверхприбыли, оправдываемые в настоящее время криминальными рисками, а также резко, примерно в семь раз снизить цены на аренду и покупку жилья, что сделает и то, и другое доступными, а также освободит огромную товарную массу жилья от несвойственной ему функции инвестиционного института.

Функция государства, помимо нормативного и законодательно-го регулирования, в программе доступного жилья должна быть ограничена дообеспечением средствами до достижения уровня доступности проблемным социальным группам:

- инвалидам, пенсионерам, бывшим военнослужащим и ветеранам войн, молодым семьям, переселенцам из экстремальных районов и т.п.

При этом желательны немонетарные формы дообеспечения.

Основные программы обеспечения населения доступным жильем разворачиваются в следующем спектре:

- изменение системы проектирования и доступ в эту систему потребителей (жителей) как на начальной фазе проектирования, так и в ходе эксплуатации жилья;
- создание системы общего (непрофессионального) архитектурно-дизайнерского образования, такого же массового, как лингвистическая и кредитно-финансовая грамотность;
- программы строительной индустрии и индустрии строительных материалов по использованию материалов и строительных технологий доступного жилья для различных групп и слоев населения;
- программы занятости и создание рабочих и образовательных мест непосредственно в жилой зоне для всех или некоторых членов семьи;
- программа демагистрализации пассажирского транспорта, создание коллекторных сетей, узлов и парков, систем фидерного (дисперсного) развоза;
- переход от слогана «рост материального благосостояния» к программе «доступное наемное жилье — 40% месячного дохода семьи, доступное собственное жилье — десятилетний доход семьи»;

- развитие долгосрочного (30 и более лет) кредитования при покупке жилья и возможностей многократного перефинансирования кредитов;
- изъятие из общедоступного жилого фонда льготных фракций и сепаратное размещение некоммерческого (дотационного) жилья, исключение из состава льготного населения представительских всех ветвей власти;
- отказ от двойного (рыночного и БТИ) ценообразования;
- обеспечение экологической чистоты и безопасности не только внутри жилой среды, но и вне ее до пределов пешей прогулочной доступности (3–5 км) независимо от класса доступности жилья: право на чистоту должно стать базовым (как продукты питания или медицинская помощь первой необходимости);
- изменение земельного законодательства.

Мы стоим перед альтернативой и вызовом мирового сообщества: либо мы вступаем в современную волну цивилизационной глобализации и, следовательно, должны иметь свободно конвертируемое профессиональное образование, совместимые с мировыми инфраструктурой и технологии, кодифицируемое с международным правом законодательство и адекватное мировым стандартам и представлениям жилье (чтобы уметь и мочь жить в других странах и чтобы представители других стран умели и могли жить у нас); либо мы отказываемся участвовать в этой глобализации и тогда нас, как Антарктиды и Экваториальной Африки, просто не будет на карте Ойкумены и цивилизации. В этом аспекте жилище как цивилизационный продукт становится все более однообразным и монотонным, лишенным многих географических отличий, гомологичным, а жилье как культурный процесс — все более уникальным, своеобразным, неповторимым.

Все эти социально-политические и государственно-правовые действия позволят развернуть и сделать практически ориентированными разнообразные географические исследования, проекты и разработки в сфере жилья, а именно:

- географическая теория жилья и жилой среды
- географические проблемы обитаемости и доступности для жилья территории страны и ее отдельных фрагментов;
- географические аспекты образа и стиля жизни;
- географический дизайн жилья;
- географические образцы жилья;
- динамика и территориальная интерференция форм жилья;
- географическое образование и консалтинг при проектировании и создании жилья;

— игровые и интерактивные методы формирования жилья и жилой среды.

Основными потребителями и заказчиками этих исследований и разработок могут быть:

- муниципии и другие структуры самоуправления;
- ТСЖ и управляющие компании отдельных городских комплексов, кварталов, коттеджных поселков и поселений;
- этнические и религиозные общины, коммуны и землячества;
- архитектурные и архитектурно-строительные фирмы;
- риэлторские корпорации и объединения;
- семьи.

Литература

1. Ачадов Взгляды социалистических партий на общественное самоуправление. — М., 1906.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности. — М.: Прогресс, 1986, 622 с. — Игры обмена. — М.: Прогресс, 1988, 632 с. — Время мира. — М.: Прогресс, 1992, 679 с.
3. Велихов Л. Опыт коммунальной программы. — М.: Гос. изд-во, 1926.
4. Вернер И. Жилища беднейшего населения Москвы. — М., 1902.
5. «Вечерняя Москва» Подшивка за 1923, 1925 и 1927 гг.
6. Гольц Г.А. История и современные проблемы уличного и дорожного хозяйства в России. Бюллетень транспортной информации, август, 2006.
7. Гуревич С.А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-коммунальной инспекции и секции коммунальной санитарии в 1922 г. — М.: Изд-во Санчасти МОЗ, 1923.
8. Данилов Л.Ф. (Ачадов) Взгляды социалистических партий на общественное самоуправление. — М.: Земля и воля, 1917.
9. Крупская Н.К. Подготовка ленинца. — Партийная этика. — М.: Политиздат, 1989, 509 с., 253–258.
10. Левинтов А.Е. Реальность и действительность истории. — М.: АГРАФ, 2006, 384 с.
11. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. — Иркутск: ИркутГУ, 2003, 217 с.
12. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. Рождение и смерть жилищной кооперации. Социально-культурный и социально-политический аспекты. — Иркутск: ИркутГУ, 2004, 274 с.

13. Москва в цифрах. «Московский рабочий», 1939.
14. Настольный справочник домоуправлений г. Москвы — М.: «Известия», 1925.
15. Островский В.В. Кооперация и городское самоуправление. — Петроград: Кооперация, 1919.
16. Партийная этика. Материалы дискуссии 20-х годов. — М.: Политиздат, 1989.
17. Постановление Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов по жилищному и земельному вопросам. М., 1918.
18. Сборник важнейших постановлений МГК ВКП(б) по вопросам городского хозяйства. Издание МГК ВКП(б), 1932.
19. Финансовое положение домового хозяйства гор. Москвы по категориям домовладений в 1926/27 гг. — М.: Мосстатотдел, 1929.

Кудымов В.М.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА

Валовой региональный продукт (ВРП) появился в российской статистике сравнительно недавно, в 1994 г. С этого времени опубликованы различные работы, однако большинство из них касаются изучения дифференциации регионов по величине ВРП, совершенствованию методики его расчета. Остается малоизученным влияние отдельных факторов на величину ВРП, и практически нет работ по его моделированию.

Опираясь на предложенную Гольцем Г.А. методику [1] и под его научным руководством автором было проведено исследование взаимосвязей между ВРП и более чем 60-ю абсолютными показателями по регионам РФ и сделана попытка его моделирования. Отличие от работ Гольца Г.А., которые докладывались на XX и XXI сессии МАРСа в 2003 и 2004 гг. соответственно [2, 3], состоит в том, что им исследуются и реконструируются долговременные исторические ряды (то есть временные ряды — прим. авт.), в настоящей же работе были взяты региональные ряды данных. То есть изучение взаимосвязей проводилось не во времени, а в пространстве.

Надо заметить, временные ряды данных характеризуются большей однородностью по сравнению с региональными, поскольку временные изменения имеют более постепенный и плавный характер. Территориальные же данные могут охватывать регионы с разным уровнем и спецификой развития и иметь значительно больший разброс значений. При взятых временных данных возможно построение регрессионных моделей для каждого региона отдельно, при межрегиональном же рассмотрении возможно построение универсальных регрессионных моделей для всех регионов в совокупности.

Основными математическими методами, используемыми в работе, стали средства корреляционно-регрессионного анализа. Информационной базой послужили статистические сборники «Регионы России» разных лет. Расчет взаимосвязей проводился в совокупности 88 субъектов Российской Федерации.

Отбор показателей проводился по принципу совместимости единиц измерения, а также определенной однородности в совокупности регионов. То есть, необходимы были показатели одинаково присутствующие во всех регионах. Отраслевое рассмотрение промыслов в данном случае не подходит, так как доля разных отраслей в экономике регионов сильно различна, ввиду специализации. И подобные расчеты можно проводить только с показателем ВВП или по конкретному региону в совокупности за годы. В совокупности регионов исключение могут составить только отрасли присутствующие повсеместно.

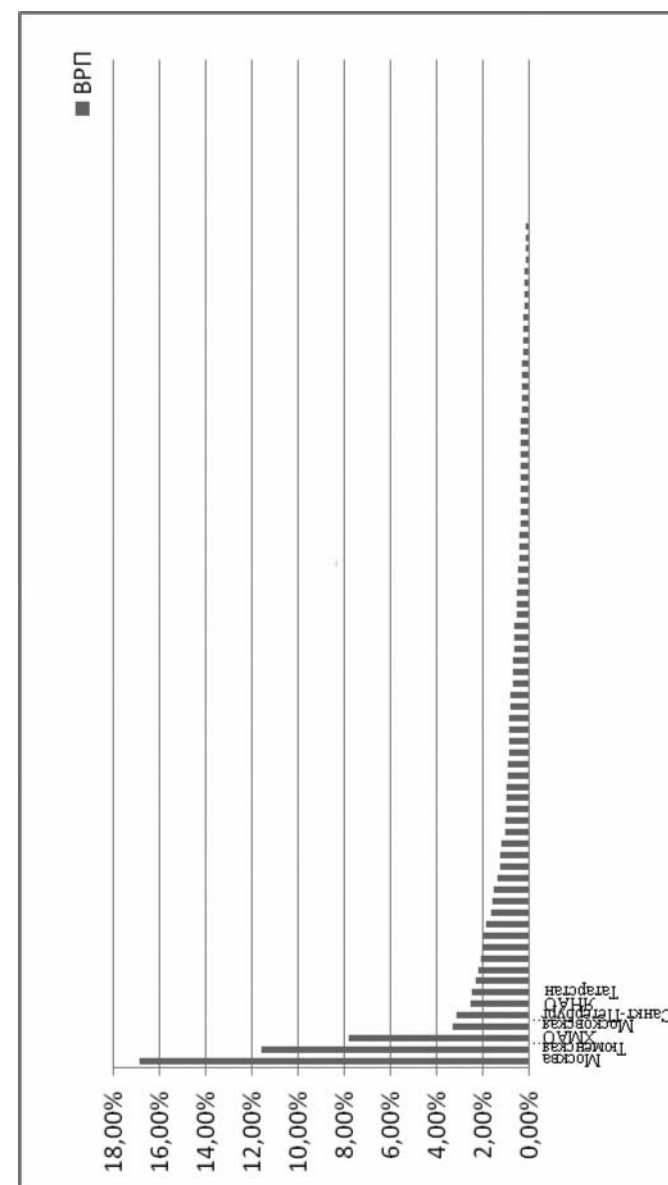
Исходя из принципа совместимости единиц измерения, для расчетов с ВРП в абсолютном выражении были выбраны абсолютные показатели. Также для того, чтобы более точно оценить влияние именно валового регионального продукта, были рассчитаны взаимосвязи тех же показателей с численностью населения. Поскольку численность населения является другим основным показателем характеристики регионов.

Чтобы оценить устойчивость и изменения взаимосвязей показателей во времени, было решено рассмотреть их в динамике за последнее десятилетие. За каждый год с 1995 по 2004 были составлены корреляционные матрицы.

Прежде всего, необходимо отметить, что большую долю в суммарном ВРП занимают всего два субъекта РФ — Москва и Тюменская область. Сумма ВРП двух этих субъектов составляет более 30% суммарного ВРП 79 субъектов РФ без учета автономных округов, а с включением в расчеты автономных округов — около 40% суммарного ВРП (график 1).

График 1.

Доли ВРП регионов в суммарном ВРП (2004 г.).

На приведенном выше графике показаны доли регионов в суммарном ВРП, в данном случае суммарный ВРП представляет математическую сумму валовых региональных продуктов всех регионов. Для получения экономической суммы необходимо считать без автономных округов. Так, например, ВРП Ханты-Мансийского округа уже включен в состав ВРП Тюменской области. Тем не менее, поскольку все расчеты в данной работе имеют больше математический характер и включают все субъекты РФ, в том числе и автономные округа, больший интерес представляет именно математическая сумма.

Приведем теперь некоторые результаты исследования. Со многими выбранными показателями были найдены тесные взаимосвязи, которые можно интерпретировать несколькими способами. Например, из двух взаимосвязанных показателей, один может быть фактором (факторным признаком), другой — зависимой переменной (результативным признаком). Также один показатель может быть частью целого, или косвенно сказываться в другом показателе. Показатели могут быть взаимозависимыми, по принципу замкнутого круга, то есть изменение одного может сказываться на другом, а его изменение обратно на первом. А также показатели могут быть просто взаимосвязанными, но развиваться параллельно в зависимости от какого-то третьего фактора.

В целях систематизации, экспертным путем, была проведена группировка показателей и выделены следующие четыре группы показателей взаимосвязанных с ВРП:

- 1 группа: факторные признаки ВРП;
- 2 группа: результативные признаки ВРП;
- 3 группа: показатели, полностью или частично входящие в состав ВРП;
- 4 группа: социально-экономические показатели, взаимосвязанные с ВРП опосредованно (через численность населения).

К первой группе показателей, являющихся факторными признаками для ВРП, были отнесены показатели, от которых зависит величина ВРП, то есть показатели, характеризующие уже накопленный потенциал (мощности) и объем новых вложений. Это показатели стоимости основных фондов, численности занятых в экономике, объемов инвестиций и другие. К этой же группе показателей можно отнести показатели эффективности использования накопленного потенциала. Однако они в исследовании не рассматривались, ввиду недостаточного статистического материала.

Для примера, на графике 2 показана зависимость ВРП от численности занятых в экономике, а на графике 3 зависимость ВРП от стои-

мости основных фондов. Как можно увидеть из графиков, большинство регионов имеют линейную связь по этим показателям, исключения составляют только Москва и Тюменская область с округами.

На графике 4 показана зависимость ВРП от численности занятых в экономике с исключением из совокупности Москвы и Тюменской области (также ХМАО и ЯНАО). На графике прослеживается выраженная линейная связь, однако, она далека от функциональной, регионы расположены не строго по линии регресса, а в пределах некоторого диапазона относительно нее.

Ко второй группе показателей были отнесены показатели, для которых ВРП является фактором, то есть результативным от ВРП признаком. Величина этих показателей взаимосвязана и зависит от величины ВРП. К ним были отнесены фактическое конечное потребление домашних хозяйств, валовое накопление, доходы и расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации

Обнаружена очень тесная связь ВРП с доходами и расходами консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. С налоговой частью доходов также наблюдается очень высокий уровень связи. Налоги, составляющие основную часть доходов консолидированных бюджетов, являются отчислениями от экономической

График 2.

Зависимость ВРП от численности занятых в экономике, 2004 г.

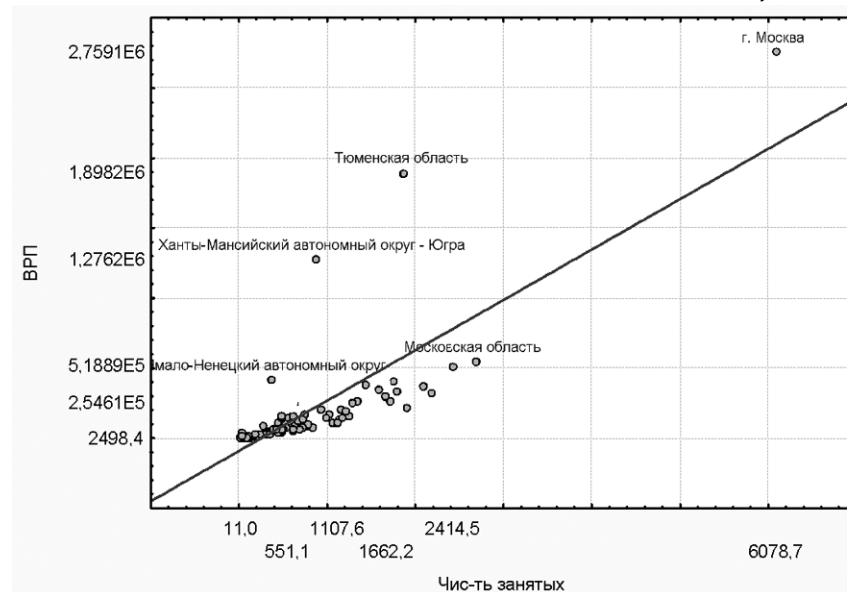

График 3.

Зависимость ВРП от стоимости основных фондов, 2004 г.

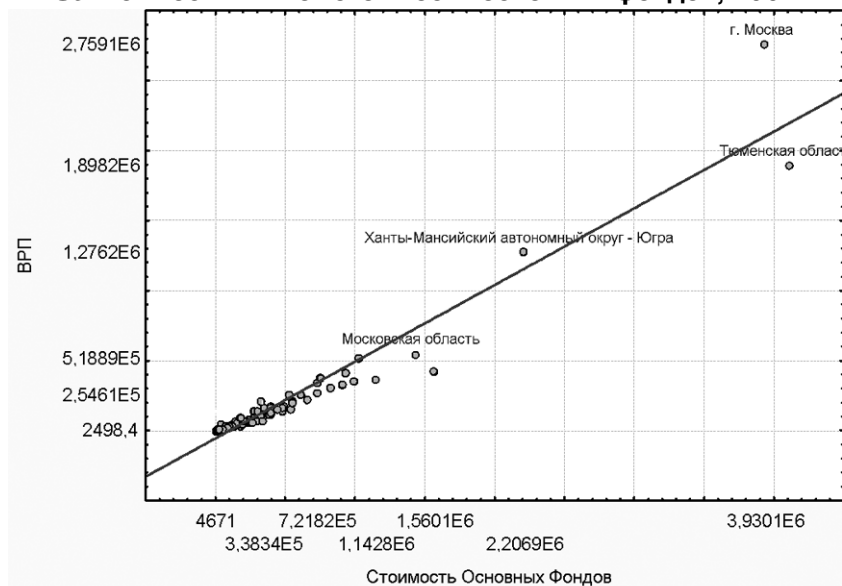
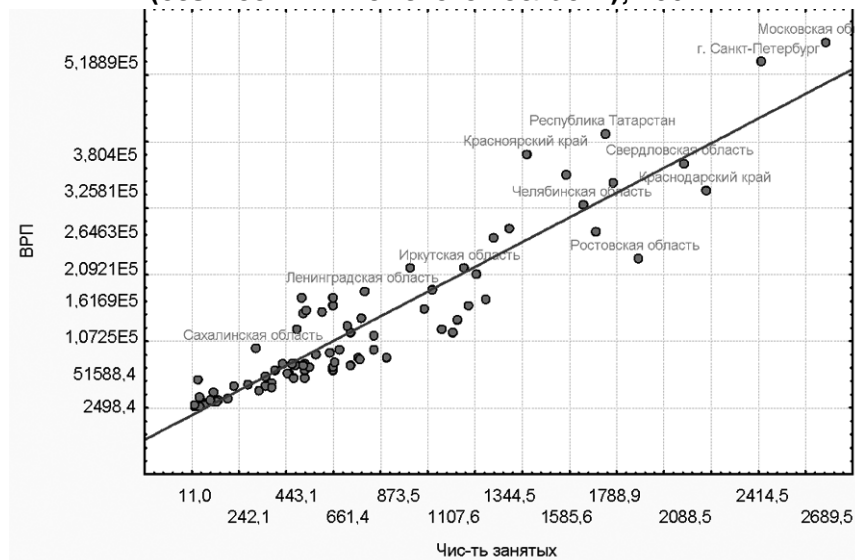

График 4.

**Взаимосвязь ВРП и численности занятых в экономике
(без Москвы и Тюменской области), 2004 г.**

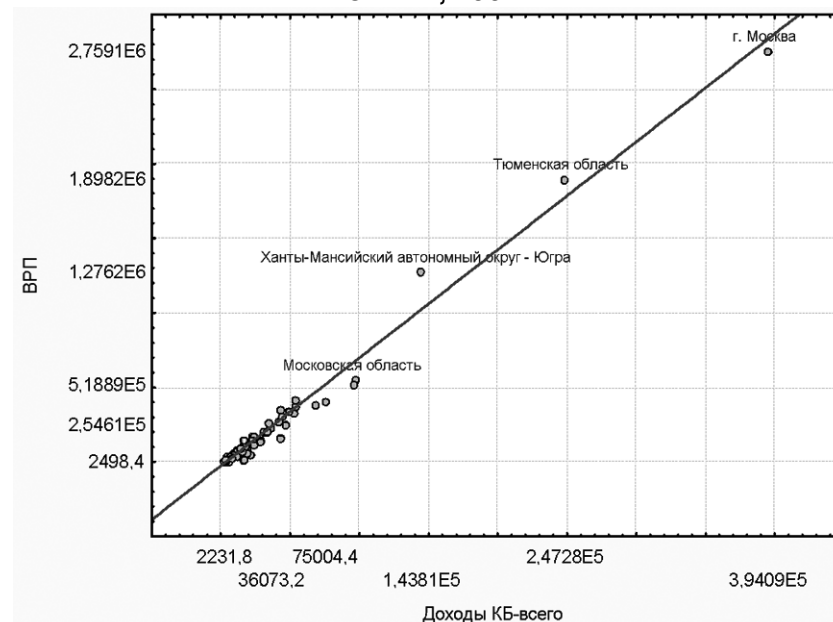
деятельности и непосредственно зависят от величины выпускаемых товаров и услуг, тем самым от ВРП. Взаимосвязь доходов консолидированных бюджетов с численностью населения значительно меньше, что позволяет их рассматривать как результативный признак от ВРП.

Уровень связи расходов, консолидированных бюджетов с ВРП, несколько ниже, чем ВРП с доходами. В абсолютном выражении расходы консолидированных бюджетов составляют примерно ту же величину, что и доходы, и взаимосвязь между ними имеет почти линейную функциональную зависимость. Таким образом, расходы консолидированных бюджетов можно рассматривать как результативный признак от доходов, а также, при таком уровне связи, как результативный признак от ВРП. На графике 5 можно увидеть линейную зависимость доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ от величины валового регионального продукта.

В третью группу были выделены показатели, являющиеся частью целого ВРП. Согласно методологии СНС, валовой региональный продукт включает в себя отрасли производящие товары и отрасли производящие услуги. К отраслям производящим товары относятся промыш-

График 5.

**Зависимость доходов консолидированных бюджетов
от ВРП, 2004 г.**

ленность, сельское хозяйство и строительство. Отрасли, производящие услуги, включают в себя множество различных видов услуг. По отраслям производящим товары имеется полная статистика валовых объемов производства по всем показателям. По сфере услуг же статистика валовых объемов есть только по части услуг, это разные виды услуг населению и показатели розничного и оптового товарооборота.

Из показателей третьей группы особо следует выделить показатели строительной деятельности. Строительство имеет место во всех регионах и его универсальность при расчете взаимосвязей с ВРП состоит в том, что показатели строительной деятельности есть как в стоимостных, так и в натуральных единицах измерения. Так, показатель стоимости выполненных работ по договорам строительного подряда имеет высокий и относительно устойчивый уровень взаимосвязи с ВРП, тогда как с численностью населения уровень взаимосвязи этого показателя значительно меньше и с каждым годом сокращается.

Есть также несколько показателей результатов строительной деятельности, выраженных в натуральной форме. Были рассмотрены ввод в действие жилых домов и ввод в действие квартир. Оба этих показателя имеют примерно одинаковую тесноту связи с численностью населения, в среднем 0,9, и несколько разную с ВРП в среднем 0,7–0,8. При этом в последние годы заметно снижение уровней связи как с ВРП, так и с численностью населения. Значительно снизилась связь между общей площадью построенного жилья и ВРП в период с 1995 г. по 2004 г. с 0,84 до 0,66 соответственно.

Необходимо обратить внимание на то, что, в отличие от показателя стоимости работ, натуральные показатели больше взаимосвязаны с численностью населения, а не с ВРП. Если объем строительных работ (в тыс. руб.) в 2004 г. был больше связан с ВРП ($r_{\text{ВРП}}=0,94$; $r_{\text{ЧН}}=0,63$), то ввод зданий (в м²) больше был связан с численностью населения ($r_{\text{ВРП}}=0,70$; $r_{\text{ЧН}}=0,88$).

К четвертой группе были отнесены внешние по отношению к ВРП показатели. Эти показатели взаимосвязаны с ВРП, но, тем не менее, на взгляд автора, не являются ни зависимыми, ни результативными признаками, ни составной частью ВРП. Их развитие происходит параллельно и возможно в зависимости от третьего фактора, такого как численность населения. Рассмотрены были не все возможные показатели, которые можно было бы отнести к этой группе, а только показатели сферы здравоохранения, преступности, транспорта, связи и окружающей среды. Необходимо отметить, что все рассмотренные показатели четвертой группы являются натуральными.

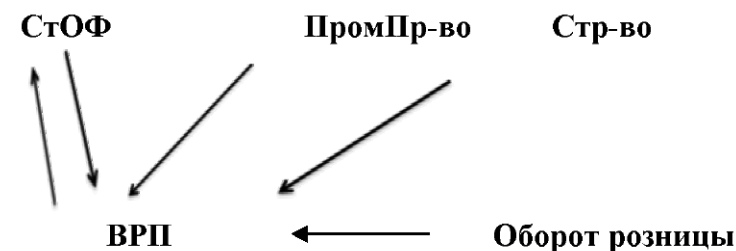
В результате проведенных расчетов и анализа полученных взаимосвязей были сделаны следующие выводы:

- Для моделирования объемов ВРП необходимо использовать стоимостные показатели. Натуральные показатели больше связаны с численностью населения, нежели с показателем ВРП, и порой имеют некий нормативный характер от численности населения.
- За последнее прошедшее десятилетие взаимосвязь ВРП с выбранными показателями не оставалась неизменной в течение всего периода ни с одним из показателей. Наименее устойчивы взаимосвязи стоимостных показателей с натуральными. В то время как стоимостные показатели год от года претерпевают значительные изменения, натуральные показатели более инертны. Взаимосвязи между рассмотренными натуральными показателями заметно отличаются большей устойчивостью.
- Зависимости натуральных социально-экономических показателей от ВРП нет, есть зависимость от численности населения.

В ходе длительной работы, автором была получена модель для определения валового регионального продукта в зависимости от конкретных показателей. В модель были взяты следующие показатели: стоимость основных фондов, объем промышленного производства, объем строительных работ и оборот розничной торговли. Все эти четыре показателя, так же как и ВРП, являются стоимостными. В официальной статистике они даются с точностью до 1 млн. или до 100 тыс. руб.

Из этих показателей стоимость основных фондов является показателем имеющегося в регионе потенциала и влияет на величину ВРП, то есть региону с большей стоимостью основных фондов соответствует и больший ВРП. Показатели объем промышленного производства, объем строительных работ и оборот розничной торговли частично, за вычетом промежуточного потребления, входят в состав ВРП.

Необходимо отметить следующий характер связей:

Не только стоимость основных фондов влияет на ВРП, но также имеется обратное влияние ВРП на стоимость основных фондов. Так, согласно определению, в стоимость основных фондов включается

стоимость зданий и сооружений. Здесь можно привести пример Москвы. Высокие объемы ВРП вместе с ограниченной территорией привели к резкому росту цен на недвижимость в этом субъекте РФ, что в свою очередь увеличило стоимость основных фондов. Также можно привести в пример Ханты-Мансийский автономный округ. Высокие мировые цены на нефть и большие объемы ВРП от добычи нефти положительно сказываются на росте стоимости акций нефтедобывающих компаний и, соответственно, на стоимости основных фондов.

Приведем коэффициенты корреляции ВРП по субъектам РФ с выбранными показателями. Со стоимостью основных фондов коэффициент корреляции в 2004 г. равнялся 0,96. С объемом промышленного производства, объемом строительных работ и оборотом розничной торговли — 0,81; 0,94 и 0,85 соответственно. То есть с объемом промышленного производства и оборотом розничной торговли корреляция получилась небольшой. Однако с суммой последних трех показателей корреляция ВРП оказалась значительная (см. график 6).

График 6.

С объемом промышленного производства взаимосвязь ВРП не такая высокая, так как Тюменская область имеет непропорционально большие значения по этому показателю. С оборотом розничной торговли — из-за непропорционально больших значений Москвы. В сумме же они друг друга балансируют, и связь с ВРП получается очень тесной — коэффициент корреляции равен 0,97.

Полученная в результате исследования модель имеет вид квадратичной поверхности и представлена в следующей формуле:

$$\text{ВРП} = a + bx + cx^2 + dy + my^2 + nxy$$

где a, b, c, d, m, n — эмпирические коэффициенты,

x — стоимость основных фондов,

y — сумма объема промышленного производства, объема строительных работ и оборота розничной торговли

Работоспособность модели проверялась по соответствию, рассчитанных с помощью нее, теоретических данных фактическим данным, представленными в официальной статистике. Соответствие теории факту определялось по следующей формуле:

$$\Delta = ((y_{\text{факт}} - y_{\text{теор}}) / y_{\text{факт}}) \cdot 100\%$$

где $y_{\text{факт}}$ — фактический ВРП

$y_{\text{теор}}$ — теоретический ВРП

Далее на графике 7 приводятся вид этой квадратичной поверхности по данным за 2004 г., на графике 8 показаны отклонения факта от теории по всем субъектам РФ в % к их абсолютной величине, регионы упорядочены слева направо по убыванию абсолютной величины отклонения. График 9 — гистограмма этих же отклонений. Как можно увидеть из гистограммы большинство отклонений попадают в 20-процентный диапазон, в целом же, как правило, укладываются в пределах 50%.

На графике 10 представлена корреляция между фактическими и теоретическими данными. По методике Гольца Г. А. это позволяет, вместо расчета корреляционных отношений по нелинейным моделям, более простым путем определить по нелинейной модели коэффициент детерминации и сопоставить теорию с фактом.

Модель была проверена за каждый год с 1998 по 2004 и показала свою устойчивость. Как правило, отклонения теории от факта, за редким исключением, укладываются в пределах 50%. Эти отклонения получены при взятых факторных признаках, парные коэффициенты корреляции с которыми — 0,96 и 0,97. С учетом больших региональных различий по абсолютным величинам (разница между Москвой и Эвенкийским АО — 1100 раз), такие отклонения можно считать хорошим приемлемым результатом.

График 7.

Зависимость ВРП от стоимости ОФ, объема промышленного производства, объема строительных работ и оборота розничной торговли, 2004 г.

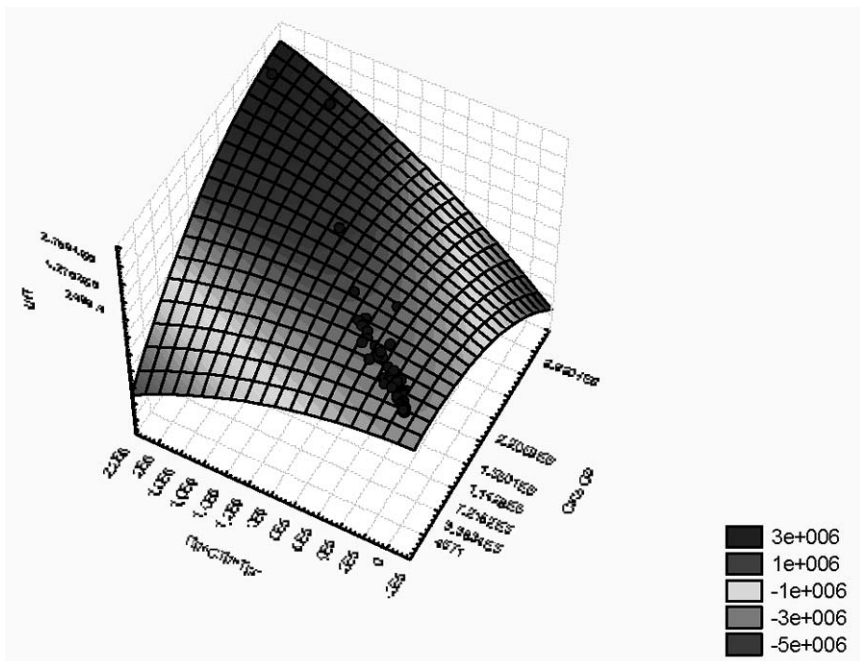

График 8.

Дельта между теорией и фактом по данной модели ВРП, 2004 г.

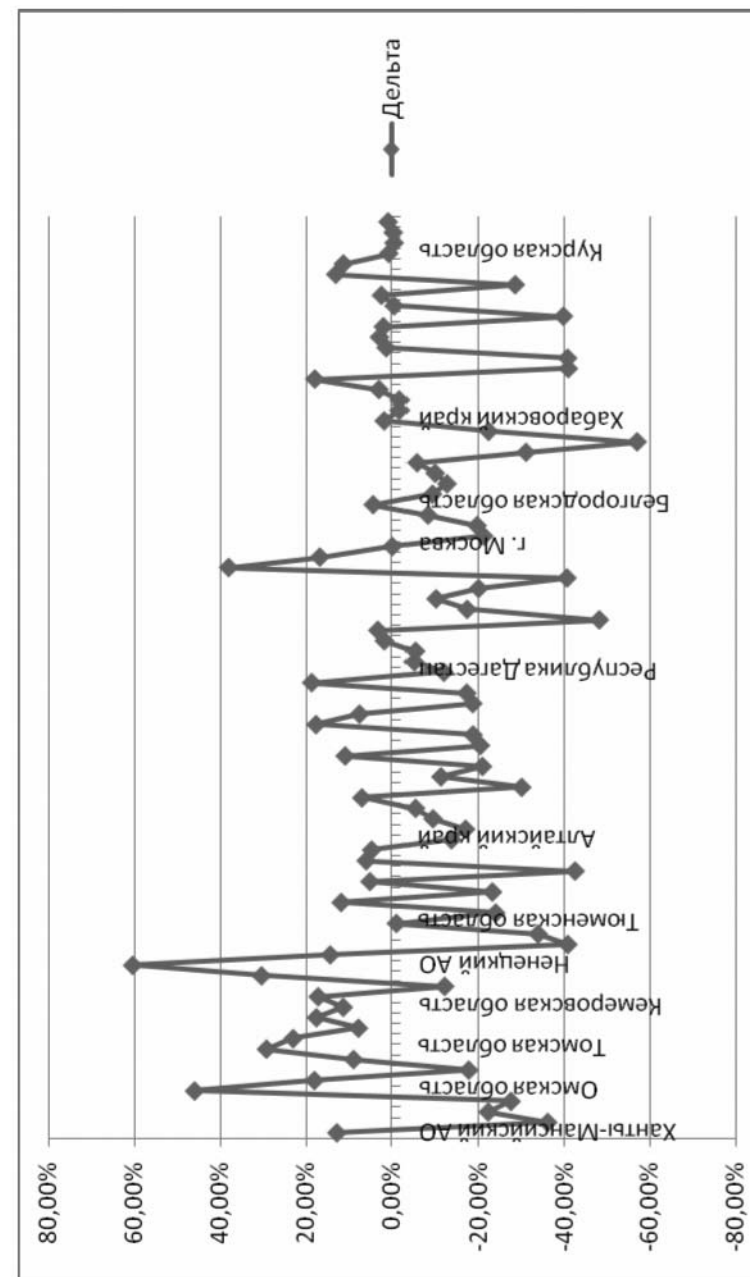
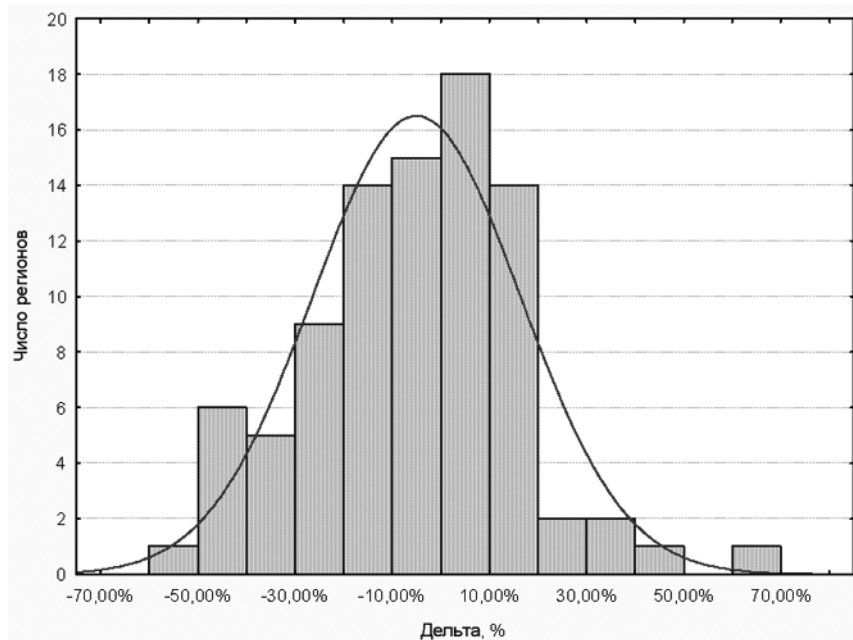

График 9.

**Гистограмма распределения отклонений
теоретических данных от фактических, 2004 г.**

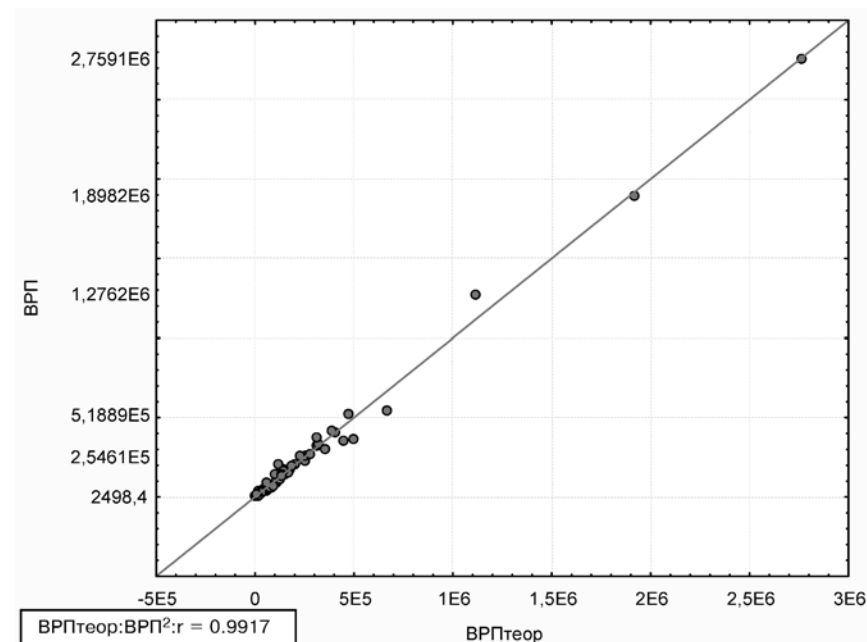

Литература

1. Гольц Г.А. Опыт высокоточного моделирования социально-экономических процессов на массивных статистических материалах // Экономика и мат. методы — М., 2008 — том 44, № 1 — С. 124–125.
2. Гольц Г. А., Гольц Г.Г. Роль долговременных исторических рядов в методах социально-экономического прогнозирования: транспорт, экономика, демография // Города и городские агломерации в региональном развитии / Сборник материалов XX ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Пущино, 24–26 мая 2003 г. — М., — С. 70–85.
3. Гольц Г. А., Гольц Г. Г. Реконструкция долговременных рядов социально-экономических показателей и пути ее использования

График 10.

Корреляция между теорией и фактом, 2004 г.

в прогнозировании и управлении // Проблемы приграничных регионов России / Сборник материалов XXI ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Белгород–Харьков, 5–7 июня 2004 г. — М., — С. 259–272.

4. Кудымов В.М. Взаимосвязь социально-экономических процессов с показателем валового регионального продукта // Региональная экономика: теория и практика — М., 2007 — № 15 — С. 42–51.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНА ЛИ РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ БИЗНЕСЕ?

Туризм — как вид деятельности ныне является выгодным и высокодоходным. Международные потоки туристов растут год от года. В последнее десятилетие Россия все активнее выходит на мировой туристический рынок. Однако выявление места России в международном рейтинге конкурентоспособности государств в сфере туризма и путешествий свидетельствует о том, что позиции нашей страны в этой сфере явно невысоки, и различные сегменты туристской отрасли развиваются неравномерно.

Тенденции развития международного туризма

Согласно данным Всемирной туристической организации (ВТО), в 2007 г. по всему миру путешествовало выше 846 млн. человек. По прогнозам, бурное развитие международного туризма будет продолжаться и далее (к 2020 г. прогнозируется до 1,6 млрд. прибытий иностранных граждан)².

Мировой экспорт коммерческих услуг в 2007 г., по данным Всемирной торговой организации, составил 3,3 трлн. дол. (на долю США приходится около 14%, доля России — 1,2%). В структуре экспорта коммерческих услуг удельный вес статьи «путешествия и туризм» более 26%. Средние темпы роста этого сектора в период 2000–2007 гг. составили 9%³. Объемы валютных поступлений от туризма за период с 1950 по 2003 гг. выросли более чем в 140 раз. Мировые доходы от международного туризма в 2006 г. оценивались в 735 млрд. дол. (для сравнения: 1990 г. — 264 млрд. дол.), а с учетом доходов транспортных фирм — превысили 880 млрд. долларов.

Роль сектора путешествий и туризма оценивается ныне более чем в 10% мирового ВВП, в 12% мирового экспорта, и на него прихо-

² <http://www.world-tourism.org> — данные Международной туристской организации.

³ <http://www.wto.org> — данные Международной торговой организации.

дится 9,5% мировых потоков инвестиций⁴. Туристический бизнес одновременно стимулирует развитие многих других отраслей хозяйства. Только в 2006 г. туриндустрия предоставила около 10 млн. новых рабочих мест в мире, а общее число занятых в туристическом секторе мировой экономики превысило 240 млн. (или около 9% от общего числа рабочих мест)⁵.

Статистика международного туризма использует разные формы сбора информации. Статистическое наблюдение осуществляется через отчетность (данные процедуры контроля при въезде в страну и нахождения в ней, регистрация прибытий в средствах размещения), используются записи в регистрационных журналах международных перевозчиков пассажиров и национальные туристические обзоры, или посредством специально проводимых исследований (в т.ч. опросов). Качество собранной информации и достоверность результатов наблюдений довольно сильно могут различаться. Специалисты выделяют три главные проблемы: 1) сопоставимость баз данных; 2) полнота и достоверность статистической информации (в настоящее время ни одна страна мира не ведет систематического наблюдения за туризмом в полном объеме); 3) несовершенство методологии статистического учета (причина которого кроется непосредственно в природе «индустрии туризма» — сложной и нетипичной для других отраслей экономики). Все это приводит к фактической недооценке экономической роли туризма⁶.

С целью проведения маркетинговых исследований и продвижения туристского продукта к потребителям, выявления основных направлений и тенденций развития туризма для планирования его материально-технической базы используют показатель «прибытий». Под ним понимается число зарегистрированных прибытий иностранных граждан в ту или иную страну (далеко не всегда при этом прибывающих непосредственно с туристической целью) за определенный период времени. При этом, поскольку за одну поездку даже непосредственно туристы посещают несколько стран, фактическое число туристов несколько меньше количества прибытий. Учет в отдельных странах (и в России) ведется более подробный — характеризуют

⁴ <http://www.world-tourism.org> — данные Международной туристской организации.

⁵ RATANews от 10.03.2006.

⁶ *Александрова А.Ю.* Международный туризм: учебник. - М. Аспект-Пресс, 2004.

прибывающих в страну иностранных граждан по целям приезда, но и здесь есть проблемы статистики.

Известно, что вследствие многих причин (на характеристике которых мы не будем здесь останавливаться) развивается туризм в разных регионах и странах мира неравномерно. Лидерами по числу туристских прибытий являются, бесспорно, страны Зарубежной Европы, а среди стран мира — Франция (79,1 млн., 2006 г.), Испания (58,5 млн.), США (свыше 51 млн.), Китай (около 50 млн.), Италия, Германия. При этом граждане ФРГ в 2006 г. сами совершили примерно 65 млн. туристских поездок за рубеж, и именно эта страна лидирует в мире по расходам на туризм. Очень быстрыми темпами развивается туризм в Азии и особенно в Китае. А вот доля России в международном туризме (по числу прибытий иностранных граждан) невысока — 2,4%.

Анализ данных также показывает, что свыше 50% мировых доходов от туризма также приходится на страны Европы (учитывая и внутрирегиональный европейский туризм). Однако лидером по доходам, получаемым от туристической деятельности, являются США (85,7 млрд. дол., 2006 г.). Далее следуют: Испания (более 51 млрд.), Франция (более 46), Италия (более 38), Китай. Отметим, что только в период с 1995 по 2006 гг. в Китае доходы от туризма выросли с 8,7 до 33,9 млрд. дол. (и это без учета доходов от туристов в Гонконге и Макао, которые составляли 11,6 и 8 млрд. дол. соответственно).

Доходы России от приема иностранных граждан невысоки — менее 1% общемирового показателя. При этом расходы на выездной туризм у нашей страны — много выше (18,8 млрд. дол., 2006 г., то есть баланс отрицательный). Хотя и по расходам на туризм, которые растут быстрыми темпами (1995 г. — 4,3 млрд. дол.; 2000 г. — 3,4 млрд.; 2006 г. — 7 млрд.), Россия лишь на 9-м месте. Лидеры — ФРГ (74,8 млрд. дол.), США (72 млрд.), Великобритания (62 млрд.), Франция (31 млрд.). Иными словами Российская Федерация, несмотря на имеющийся огромный туристский потенциал, имеет лишь малую долю европейского и мирового рынка туриндустрии. Так, доля нашей страны по числу прибытий туристов составляет около 4% от общеевропейского показателя (и 2,4% — от мирового), а по доходам от туризма — менее 2% (или менее 1% от мирового показателя).

В 2007 г. всего из нашей страны было совершено свыше 34,2 млн. поездок граждан за рубеж, однако непосредственно с целью туризма — 9,4 млн. поездок (или около 27% из общего потока выезжающих из страны). Самыми главными туристскими направлениями были поездки в такие страны, как Турция (свыше 20% потока

российских туристов), Китай (около 18%), Египет (свыше 14%). Анализ выездного потока показывает, что он с каждым увеличивается и что расширяются туристские предпочтения российских граждан: наряду с традиционным интересом к странам с теплыми морями у россиян все более популярными становятся страны, где пляжный отдых можно совместить с культурно-познавательной программой, а также с лечением.

Но далее следует отметить, что из всего потока въезжающих в Россию иностранных граждан (23 млн. прибытий) непосредственно с целью туризма прибывают всего лишь менее 10% приезжающих. При этом небольшое сокращение выездного туристского потока в нашу страну начало происходить с 2006 г. Это объясняется, прежде всего, резким ростом цен на гостиницы из-за уменьшения числа отелей высокого туристского класса, в результате чего произошло существенное удорожание пакета услуг, предлагаемого туристам при их путешествии по России. Тем не менее, можно отметить, что поток въезжающих в нашу страну иностранных граждан по сравнению с 1995 г. увеличился вдвое (с 10 до 22,9 млн. чел.). Хотя выезд туристов по-прежнему превышает въезд (34,3 против 22,9 млн. чел.; в том числе непосредственно с целью туризма: 9,4 млн. чел. против 2,2 млн. соответственно)⁷.

Рейтинг конкурентоспособности стран в сфере туризма и путешествий

В материалах Международного экономического форума (2007–2008 гг.) «The Travel&Tourism Competitiveness Report 2007. Furthering the Process of Economic Development»; The Travel&Tourism Competitiveness Report 2008) представлен рейтинг стран мира, составленный на основе интегрированного индекса, характеризующего положение дел в туристской сфере. Нами сравнивались данные рейтинговых таблиц за 2006 и 2007 гг., где представлены данные по 124 и 130 странам мира (на которые приходится 90% мирового населения и 98% мирового ВВП). Россия за год переместилась в обозначенном рейтинге всего лишь с 68-й (показатель индекса 4,03) на 64-ю позицию по данным на 2007 г. (показатель индекса 4,04).

Интегральный индекс конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий включает в себя 14 показателей, объединенных в 3 категории: 1) конструкция сводов и правил, регулирующих деятельность

⁷ Туризм в цифрах: Стат. сб. / ИИЦ «Статистика России»; Российский союз туриндустрии. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.

туристического бизнеса (regulatory framework) — или законодательная среда для развития туризма; 2) бизнес-среда и инфраструктурное обеспечение туристической индустрии (business environment and infrastructure); 3) наличие природного, культурного и человеческого потенциала (human, cultural and natural resources) — или ресурсы для развития туризма. Индекс рассчитывается как среднее арифметическое значение между значениями этих трех показателей (при максимальном значении индекса — 7, у лидера Швейцарии индекс — 5,66). Разработчиками использовалась статистика из различных источников ООН, ЮНЕСКО, ВТО, данные аналитических обзоров (World Economic Forum и др.), материалы ежегодных обзоров о мнении экспертов и организаторов турбизнеса (опрос проводится среди гендиректоров фирм) и др.

В рейтинге 2006 г. Россия занимала 68-ю позицию в общем списке (в том числе: по первой группе показателей — 100-е место, по второй группе показателей — 49-е) И даже по третьей — наличию ресурсов для развития туризма — лишь 65-е место, и это при том, что природный для развития индустрии путешествий и туризма есть ресурс в России буквально повсюду, и зачастую — просто уникальный. В рейтинге рядом с Россией находились Кувейт, Гватемала, Ботсвана и Китай (табл. 1).

Таблица 1.

**Позиции отдельных стран и России
в рейтинге конкурентоспособности**

Страна	Интегральный индекс	1-я категория показателей	2-я категория показателей	3-я категория показателей
Швейцария	1	2	2	2
Австрия	2	3	12	1
ФРГ	3	6	3	6
Исландия	4	5	8	5
США	5	33	1	12
Кувейт	67	71	50	86
Россия	68	100	49	65
Гватемала	69	68	76	69
Ботсвана	70	78	69	85
Китай	71	69	61	93

Составлено по: «The Travel&Tourism Competitiveness Report. Furthering the Process of Economic Development», World Economic Forum 2007. Geneva, Switzerland, 2007.

Анализ рейтинговой таблицы подтвердил тот факт, что ситуация в туристической сфере в России явно неблагоприятная, и можно проследить — на какие позиции следует обратить особое внимание. К тому же, важно понять — по каким параметрам (критериям) в мире оценивают деятельность данного сектора экономики, и где мы собственноручно отстаем.

В первом блоке показателей учитываются такие факторы развития индустрии туризма, как политика госрегулирования туризма, охрана окружающей среды, гарантии безопасности путешественников и туристов, государственные приоритеты развития туристического бизнеса. Учитывается степень поощрения иностранных инвестиций и охраны иностранной собственности (защищены ли права собственников, какое время необходимо для организации бизнеса, имеются ли сложности с получением визы, какова степень открытости воздушного сообщения с той или иной страной). Имеется в виду также учет особенностей госрегулирования авиационными соглашениями (двухсторонние соглашения между государствами, корректировка соглашений, межведомственные протоколы, какие авиалинии предпочитают туристы, какими самолетами летают, доля чартерных рейсов и др.). Большое внимание уделяется мероприятиям по охране окружающей среды для привлекательности той или иной местности с целью развития туризма. Оценивается степень жесткости законов по охране природы и степень их исполнения, объемы выбросов загрязняющих веществ и др.

Большое внимание уделяется вопросам безопасности туристов, доступности врачебной помощи, выполнении санитарных норм и проч. И, наконец, оценивается вклад государства в развитие всего комплекса туристических услуг — определяется степень приоритетности развития этого сектора экономики, участие страны в ярмарках, маркетинговых компаниях по привлечению туристов, условия привлечения иностранных инвестиций в турбизнес.

В данном контексте становится понятным, почему особенно низкие позиции наша страна занимала в таких позициях рейтинга за 2006 г., как политика государственного регулирования туристической деятельности (124-е место из 124 возможных), охрана окружающей среды (113-е), национальная стратегия развития туризма (104-е место), национальные приоритеты развития данной отрасли (99-е место), охрана и безопасность туристов (99-е место). К этому добавляется также положение с уровнем квалификации кадров в индустрии туризма (70-е место из 124 анализируемых) и т.д. Но и по оцениваемым позициям бизнес-среды и инфраструктуры туризма место России в рейтинговой таблице оставляет желать лучше-

го. В рейтинговой таблице за 2007 г. позиции РФ в таблице о рангах несколько улучшились (но далеко не по всем позициям). Так, при 64-й позиции по общему индексу соотношение по 3-м группам показателей — 80:65:39. А положение дел в категории «бизнес-среда и инфраструктурное обеспечение туристической отрасли» даже ухудшилось: было 49-е место — стало 65-е (в том числе за счет ценовой политики в туризме — 112-е место из 130). По показателю уровня развития законодательной базы и госрегулирования — ныне у России 110-е место из 130, по оценке защиты окружающей среды — 117-е место, по показателю безопасности туристов — 127-е из 130. Можно, конечно, поспорить с этими данными. Но положение страны в данном рейтинге конкурентоспособности в туристической отрасли, будет, без сомнения, отрицательно влиять в целом на имидж страны и на число прибытий иностранных граждан в будущем.

Проблемы в отечественной сфере туризма и путешествий, с одной стороны, связаны с формированием рыночных отношений, разгосударствлением и приватизацией средств размещения, созданием новых туристских компаний (специализирующихся как на внутреннем так и на международном туризме). Как мы помним, первоначально существенный рост спроса на поездки за границу был связан с длительным отсутствием возможности свободного выезда из страны. Но с другой стороны, открытость российской экономики при ее деформированной структуре и кризисном состоянии в 1990-е гг. привела и к серьезным отрицательным последствиям для туристской сферы, таким, как отрицательное сальдо по статье «туризм»; наличие одного из самых низких в мире показателей туристской подвижности населения, что объясняется невысокими доходами большей части жителей страны; значительным и почти постоянным увеличением транспортных тарифов, а также ростом цен на туристические услуги. Туристский бизнес многие годы был ориентирован на сиюминутную прибыль (без вложений в материальную базу, без повышения качества услуг, без внедрения новых технологий и повышения квалификации кадрового состава и т.д.).

Все это привело к ухудшению созданной еще в социалистический период развития страны (но быстро устаревающей материальной базы туризма) и глубочайшему кризису в отрасли. Удельный вес поступлений от туризма в ВВП России в 1990-е гг. не превышал 1% (а налоговые поступления от деятельности субъектов предпринимательства в туризме составляли в начале 2000-х гг. не более 1,5% общих налоговых поступлений (для сравнения: среднемировой показатель 11–15%). Но в середине 2000-х гг. ситуация все же начала ме-

няться в лучшую сторону, и нельзя не отметить, что в сфере российского туризма происходят существенные изменения.

При этом следует понять, что развитие туризма важно не только для экономики страны, но положительный эффект почувствуют даже рядовые граждане. Ведь для интенсивного и эффективного развития туризма необходима современная инфраструктура, а это новые дороги, развитие всех видов транспорта, телефонная связь, строительство и др. Но наличие природных и человеческих ресурсов благоприятных для туристической отрасли еще не достаточно для развития этой отрасли экономики. Важно грамотное их использование, создание современной инфраструктуры и четкое структурное управление (отработанная конструкция сводов и правил, регулирующих деятельность туристического бизнеса). Для России, имеющей богатейшие природные ресурсы, очень важен опыт стран (в том числе «стран с переходной экономикой»), которые, даже не имея таких возможностей, как у нас, тем не менее, смогли поднять туристическую отрасль на довольно высокий уровень. Иными словами, проблемы развития туристического бизнеса представляются актуальными для России.

Развитие туристско-рекреационного комплекса в России

Несмотря на отмечаемый в некотором роде туристический бум в России, влияние индустрии туризма на экономику нашей страны пока не очень заметно и значительно. Или, как отмечают эксперты, оно в целом адекватно вкладу государства в развитие данной отрасли. По самым оптимистическим подсчетам в российской индустрии туризма занят лишь один работник из 300, что в 30 раз ниже аналогичного мирового показателя. В 2007 г. руководители Ростуризма оценивали размеры вклада туристической отрасли России в экономику страны в 3,1–3,2%⁸. Доходы от международного туризма в 2006 г. в России — составили около 7 млрд. дол. (1995 г. — 4,3 млрд.; 2000 г. — 3,4 млрд.; 2005 г. — 5,6 млрд. дол.). Для сравнения: в доходы США оценивались в 85,7 млрд. дол., в Испании и Франции — около 50 млрд. долларов⁹. Вот и получается, что неразвитость инфраструктуры, невысокое качество сервиса, а также устойчивый миф о России, как о зоне повышенного риска для туристов привели к тому, что в настоящее время на нашу страну приходится менее 2% мирового туристского потока и около 1% мировых доходов от прибытия иностранных граждан.

⁸ RATANEWS.RU.

⁹ <http://www.unwto.org>.

По данным Федерального агентства по туризму, на сегодняшний день в России действует более 4000 туроператорских компаний (в том числе — менее 3 тыс. — в сфере международного туризма). Частично они осуществляют формирование туристского продукта, и действуют на основе договорных отношений с прочими предприятиями туристской индустрии. А чаще всего осуществляют лишь перепродажу готового иностранного туристского продукта. Проблемы туристических компаний связаны с конкуренцией со стороны давно сложившихся на международном рынке компаний (объединяющих широкий круг фирм, предоставляющих различные виды туристских услуг). Да и на продвижение турпродукта Россия тратит много меньше, чем многие страны мира: около 3 млн. евро (а, например, Кипр — 49; Турция — 120 млн. евро)¹⁰.

Необходима четко сформулированная концепция развития отрасли, которая смогла бы сделать российский туризм конкурентоспособным. России следует интегрироваться в мировую экономику, развивая туристический сектор и увеличивая прием иностранных туристов, а не вывозя капитал через путешествующих по другим странам мира соотечественников. При этом государство должно быть заинтересовано в создании особого инвестиционного климата для туристской индустрии.

Туристский потенциал как составная часть инвестиционного потенциала российских регионов

Специалисты рейтингового агентства «Эксперт-РА» (публикуя ежегодно информацию об инвестиционном климате регионов России) довольно широко подходят к определению инвестиционного потенциала, используя широкий набор статистических показателей. Характеристика инвестиционного потенциала региона обычно включает восемь интегрированных составляющих: ресурсно-сырьевой, трудовой, производственный, инновационный, инфраструктурный, институциональный, потребительский, финансовый потенциалы. В 2005 г. агентство «Эксперт-РА» впервые включило еще показатель «туристического потенциала»¹¹. При этом учитывались четыре параметра: наличие и уровень развития природно-рекреационного и историко-культурного комплексов, развитость сети размещения туристов и мест развле-

¹⁰ Приложения к Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года (по данным UNWTO).

¹¹ «Эксперт», № 44 (538) от 27 ноября — 3 декабря 2006 г.; «Эксперт», № 44 за 2007 г.

чения. Только высокая концентрация, оптимальное сочетание и пропорциональное развитие всех составляющих туристического бизнеса сделает тот или иной регион привлекательным для туристов.

Главными туристическими центрами ныне являются Москва и Санкт-Петербург (за счет имиджа двух российских столиц). При этом только два региона: Краснодарский край (за счет курортов Черноморского побережья Кавказа) и Ставропольский край (за счет бальнеологических курортов Кавказских минеральных вод) — концентрируют почти треть всего природно-рекреационного потенциала России. Иными словами регионами-аутсайдерами с точки зрения развития туристского бизнеса выступают практически все остальные субъекты РФ. В рейтинге на 2006–2007 гг. (по сравнению с 2005–2006 гг.) ситуация практически не изменилась. В список регионов-лидеров вновь вошли Краснодарский край, Москва и Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Башкортостан и Ставропольский край. Вологодская область и Республика Карелия несколько подвинули Пермский край и Челябинскую область, входивших в 2005 г. в группу лидеров. Но ведь Россия со своеобразием, неповторимостью и обширностью своих регионов обладает колоссальным туристическим потенциалом. Только в список объектов Всемирного наследия (который включает 855 объектов в 142 странах мира) включены 23 российских объекта.

Основное содержание стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации, а также реализующих их комплексных целевых программ регионального развития заключается в выработке способов решения наиболее острых и важных проблем развития регионов и в активизации потенциальных «точек роста» региональной экономики. «Точкой роста» для региона является такой вид деятельности или сектор экономики или конкретный проект, развитие которого обеспечивает развитие социально-экономической системы региона в целом. Так, например, проф. В.А. Агафонов (ЦЭМИ РАН) предлагает рассматривать следующие различные типы или «пространства» роста: использование сырьевого потенциала региона, технологический рост, социальное развитие и рост человеческого потенциала, развитие производственного потенциала, развитие социальной и производственной инфраструктуры. Следует, без сомнения, добавить еще и развитие туристско-рекреационных комплексов. «Точками роста», которые могут впоследствии превратиться в «зоны роста», могут выступить особые экономические зоны туристско-рекреационного типа¹².

¹² Федеральный закон об особых экономических зонах в Российской Федерации был принят Государственной Думой 8 июля 2005 г. и одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 г. (новая редакция Федерального закона от 03.06.2006 № 76-ФЗ).

В 2006 г. Правительством РФ определены семь территорий из двадцати восьми, претендовавших на статус особых туристско-рекреационных экономических зон¹³. Экономические преференции получили Красноярский, Ставропольский и Алтайский края, Зеленоградский район Калининградской области, Иркутское районное муниципальное образование, Майминский и Чемальский районы республики Алтай, Прибайкальский район республики Бурятия.

Первоначально планировалось, что общий объем инвестиций составит 325 млрд. руб., из них 44,5 млрд. — из средств федерального бюджета, остальное покроют за счет частных вложений. Сейчас эти цифры корректируются. Строительство транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры в туристско-рекреационных зонах (ТРЗ) создается за счет государства — планируется привлечь в период до 2016 г. как из федерального, так и региональных бюджетов до 60 млрд. рублей. Предварительные оценки будущих затрат компаний-резидентов ТРЗ могут превысить 260 млрд. рублей. ТРЗ станут «точками роста», которые будут стимулировать развитие региональных экономик. Специально для строительства объектов инфраструктуры внутри зон государством было создано ОАО «Особые экономические зоны», которое будет выступать генеральным заказчиком и застройщиком данных объектов. Средства частных инвесторов будут направлены непосредственно на строительство коммерческих туристских объектов: гостиниц, спортивных, оздоровительных комплексов, ресторанов, гольф-клубов и пр.

Согласно прогнозу, после реализации этой программы поток туристов в России увеличится с 3 до 9,7 млн. человек в год, что повлечет за собой появление 150 тыс. дополнительных рабочих мест в регионах. Создание туристско-рекреационных ОЭЗ стало своевременным и логичным шагом по созданию особого режима предпринимательской деятельности в туристской индустрии. Государством предусмотрен целый ряд мер. Это и предоставление налоговых льгот, самыми существенными из которых являются снижение ставки налога на прибыль предприятий на 4%, освобождение на 5 лет от налога на имущество и земельного налога, гарантия от неблагоприятного изменения налогового законодательства и др. Предполагается, что туристская отрасль страны в итоге сделает в своем развитии качественный рывок.

¹³ <http://www.economy.gov.ru> — материалы Правительства Российской Федерации по проектам федеральных законов, регулирующих порядок создания и функционирования особых экономических зон в Российской Федерации.

Развитию туриндустрии в стране (конкретно в Краснодарском крае) послужит, без сомнения, и факт проведения в 2014 г. в России (в Сочи) зимних Олимпийских игр. В этот регион уже вкладываются очень значительные финансовые средства — как государственные, так и частных инвесторов. При этом обращается внимание на экологический аспект при строительстве олимпийских объектов.

Следует еще обратить внимание и на развитие игорных зон (планируется в России сформировать своего рода «Лас-Вегасы» и «Монте-Карло»). Эти территории могут в будущем также привлекать туристов. Как сообщала газета «Коммерсантъ», четыре региона хотят получить на игорные зоны свыше 30 млрд. дол. В соответствии с финансово-экономическими обоснованиями проектов создания игорных зон, которые были отправлены в Минфин, общая стоимость «игорных резерваций» составила 727,5 млрд. руб. (свыше 31,2 млрд. долларов). Это в два раза дороже, чем будет стоить России Олимпиада-2014 в Сочи. Из этой суммы 101 млрд. руб., согласно расчетам четырех губернаторов, должны составить деньги федерального бюджета (на инфраструктуру), остальное — это средства регионов и инвесторов. Самым дорогим проектом должен стать «Азов-Сити»: размер планируемых инвестиций (государственных и частных) оценен в 415,9 млрд. руб., Калининградский проект стоит 270,9 млрд. руб., Алтайский — 28,2 млрд. руб., Приморский — 12,9 млрд. руб.¹⁴

В конечном счете, речь должна идти о создании современной индустрии туризма в России, о развитии международного туристического бизнеса с российским участием. Достойный уровень развития туриндустрии в России послужит созданию образа динамично развивающейся страны, повысит ее статус и престиж в мировой экономике и политике.

¹⁴ Газета «Коммерсантъ» от 10.04.2008.

Макар С.В.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА В РАЗВИТИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСНЫМ ФОНДОМ

Лесной сектор Российской Федерации, включающий лесоуправление, ведение лесного хозяйства и отрасли лесной промышленности, в течение длительного времени находился в стороне от структурных и экономических преобразований, довольно долго и трудно адаптируясь к условиям рыночной экономики и системе федеративных отношений, основанной на положении ст. 72 Конституции РФ. Согласно ей, вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Все это время леса находились в федеральной государственной собственности, управлялись на основе методов директивного централизованного планирования, хозяйство в лесах осуществляли монопольные структуры — лесхозы в статусе федеральных государственных учреждений, работавшие в системе экономических отношений, сформированных в начале советского периода.

Совместное ведение лесного хозяйства в условиях России выразилось в распределении властных полномочий между субъектами лесных отношений в условиях, когда собственность на природный объект (лесной участок) являлась государственной.

При этом возможны различные варианты, обусловленные методами распределения полномочий по субъектам лесных отношений. При одном из них возможен вариант, когда полномочие «жестко» закреплено за субъектом лесных отношений в виде прав и обязанностей, устанавливаемых на законодательной базе. В этом случае эффективность управления лесным участком обеспечивается при соблюдении баланса прав и обязанностей, практическая реализация которых представляется маловыполнимым условием.

При другом варианте полномочия (в виде прав собственности) закрепляются за собственником и передаются другим субъектам лесных отношений на время под определенные обязательства. Этот механизм передачи прав государственной собственности получил в зарубежной практике название «делегирование полномочий». При этом полномочия могут делегироваться как федеральным центром терри-

ториальным образованиям, так и территориальными образованиями федеральному центру.

Для понимания сегодняшней трансформации управления лесным хозяйством необходимо проследить эволюцию взглядов модели федеративных отношений, основанной на реализации ранее названного конституционного принципа «совместного ведения» Российской Федерации.

Затянувшийся поиск модели начался еще до принятия Конституции РФ, когда в Основах лесного законодательства (1993 г.) для достижения политического компромисса между центром и регионами без объявления прав собственности на лесной фонд основные функции по распоряжению лесным фондом были переданы от центра административным районам (ныне муниципальным образованиям). Таким образом, была создана уникальная и неизвестная в мировой практике децентрализация в управлении государственными лесами. Такое политическое решение, не подготовленное ни в экономическом, ни в социальном плане, осуществлялось в условиях структурного и финансового кризиса в лесопромышленном секторе и явилось предпосылкой для неконтролируемого хищнического использования лесных ресурсов.

Период с 1993 по 1997 г., когда лесами управляли административные районы, можно назвать периодом децентрализации в системе лесных отношений, опасность негативных экономических и экологических последствий которой была осознана законодательной и исполнительной властью. Поэтому в 1997 г. был принят Лесной кодекс Российской Федерации с другой моделью федеративных отношений. Эта модель была основана на понимании конституционного принципа федерализма (совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов) как директивного распределения полномочий по управлению лесным фондом между субъектами лесных отношений.

Практика применения Лесного кодекса показала, что у федерации и ее субъектов сложилось разное представление о совместном ведении при управлении лесным фондом, а также о правах и обязанностях при осуществлении директивно установленных полномочий.

В первую очередь стало очевидным несоответствие прав и обязанностей, закрепленных за федерацией и ее субъектами при управлении лесным фондом. Наиболее ущемленными оказались экономические интересы федерации, материально отвечавшей за состояние лесного фонда, но не имевшей возможности воздействовать на формирование в лесопользовании рыночной среды, обеспечивающей получение высоких доходов.

То, что на сегодняшний день цена древесины на корню в России самая низкая в мире, во многом объясняется системой федеративных отношений, когда в системе лесопользования федерация имела преимущественно обязанности, а ее субъекты — права. Как следствие, государство, владеющее четвертью мировых лесных богатств, но занимающее при этом лишь восьмое место по производству продукции из древесины, не могло быть удовлетворено состоянием дел в лесном секторе и начало предпринимать действия, чтобы изменить сложившуюся неблагоприятную ситуацию.

Дело в том, что, управляя от имени государства лесным фондом, органы местного самоуправления реализовывали свои экономические интересы, способствуя при этом развитию теневой экономики и нелегальной деятельности в сфере лесопользования.

За время действия Лесного кодекса в редакции 1997–2004 гг., которое можно назвать периодом директивного федерализма в лесных отношениях, так и не удалось достичь эффективного использования огромного ресурсного потенциала и создания конкурентоспособной лесной промышленности. Изменившаяся в стране политическая ситуация, обусловленная новыми подходами к распределению государственной власти между РФ, ее субъектами и муниципальными образованиями (отмена выборов глав исполнительной власти субъектов федерации, реформа местного самоуправления), создала предпосылки для централизации лесопользования. Это и было осуществлено Федеральным законом № 122 от 22 августа 2004 г., передавшим все полномочия по управлению лесным фондом федеральным органам исполнительной власти и созданным в соответствии с Указом Президента № 314 от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»: Министерству природных ресурсов — с ответственностью за правоустанавливающие функции, Федеральному агентству лесного хозяйства — с ответственностью за функции по управлению лесным фондом, Федеральной службе по надзору в сфере природопользования — с ответственностью за надзорные (контрольные) функции.

Такое понимание конституционного принципа федерализма (совместное ведение федерации и ее субъектов) перестало отвечать экономическим интересам органов власти субъектов федерации, потерявшим контроль за финансовыми потоками в лесном секторе, включая установление платежей за пользование лесным фондом, и, соответственно, вызвало у них недовольство, несмотря на то, что в управление органов власти субъектов федерации были переданы бывшие сельские леса.

Очевидными явились лишь политические последствия, заключающиеся в утрате субъектами федерации возможности участвовать в совместном ведении применительно к управлению государственной собственностью — лесным фондом.

Для их устранения Федеральным законом № 199 от 31 декабря 2005 г. полномочия, принадлежавшие субъектам федерации в соответствии с Лесным кодексом 1997 г., были не только возвращены, но и значительно расширены с включением почти всех функций по государственному и хозяйственному управлению лесным фондом. При этом ФЗ № 199 изменил экономический механизм исполнения полномочий, передаваемых собственником лесного фонда — федерацией ее субъектам. Этот механизм предполагает исполнение переданных полномочий за счет средств собственника, т.е. за счет субвенций из федерального бюджета.

Значительным шагом, сделанным в данном направлении, следует признать принятие в 2006 г. нового Лесного кодекса (ФЗ № 200 от 4 декабря 2006 г.), который в условиях отсутствия национальной лесной политики, предложил новые рыночные подходы к взаимодействию лесной промышленности (пользователя лесных ресурсов) с лесным хозяйством (поставщиком лесных ресурсов от имени государства).

Непременным достоинством нового лесного законодательства является признание невозможности эффективно решать экономические и социальные проблемы развития лесного сектора в системе централизованного государственного управления лесами. Одновременно, Лесной кодекс РФ (2006 г.) создал правовое поле для практической реализации начатой в 2004 г. административной реформы.

Целями¹⁵ административной реформы в лесном секторе являлись:

- 1) разделение государственных и хозяйственных функций в системе лесопользования и ведения лесного хозяйства;
- 2) разделение государственных функций (правоустанавливающих, управления государственной собственностью, надзорных) по органам государственной исполнительной власти, исходя из тех задач, решение которых обеспечивается в управлении отдельными видами функций (табл. 1).

Лесной кодекс 2006 г. содержит много новых прогрессивных правовых норм, способных обеспечить инновационное развитие лесного сектора через повышение его доходности при условии, что эти

¹⁵ Петров А.П. Государственное и хозяйственное управление лесами в условиях децентрализации (учебное пособие). — Пушкино, 2007, с. 40.

Таблица 1.

**Организация управления лесным хозяйством
в соответствии с административной реформой 2004 г.
и положениями Лесного кодекса 2006 г.**

Виды функций Уровни управления	Правоустанавливающие функции	Функции управления собственностью	Надзорные функции
Федерация	Министерство природных ресурсов	Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз)	Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор)
Субъект Федерации	—	Территориальный орган Рослесхоза	Территориальный орган Росприроднадзора
Административный район (муниципальное образование)	—	Лесничество (лесопарк)	—

нормы будут подкреплены соответствующей правоприменительной практикой:

- Предусмотрена новая классификация лесов с учетом их целевого назначения. Леса, расположенные на землях лесного фонда, подразделяются на защитные, эксплуатационные и резервные.
- Основными территориальными единицами управления в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов определены лесничества и лесопарки.
- Лесные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут предоставляться юридическим лицам в аренду, постоянное (бессрочное) пользование и безвозмездное срочное пользование, а гражданам — в аренду и безвозмездное срочное пользование.
- Объектом аренды могут быть только лесные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и прошедшие государственный кадастровый учет.
- Увеличено количество видов использования лесов. Приведенные в предыдущем Лесном кодексе виды лесопользования не отражали всего многообразия особенностей лесопользования, фактически сложившегося к настоящему времени, как с точки зрения использования ресурсного потенциала, так и с точки зрения использования территории. Появились новые

в правовом отношении виды, такие, как ведение сельского хозяйства, содержание и эксплуатация лесных плантаций, строительство и эксплуатация объектов инфраструктуры. Особое значение придается щадящим видам использования лесов, не связанным с заготовкой древесины: для рекреационных целей, побочного лесопользования, нужд охотничьего хозяйства и другие.

- Новый лесной кодекс РФ дает возможность индивидуализировать лесной участок как объект недвижимости — земельный участок, что позволяет корректно установить арендные отношения. Определение леса одновременно как экосистемы и природного ресурса, объекта, расположенного на землях любых категорий, позволяет разработать нормы публично-правового регулирования использования, охраны, защиты лесов и требований лесоводства с учетом экологической и рекреационной функций лесов.
- Универсальным инструментом коммерческого использования лесов является договор аренды лесного участка. На основании указанного договора может осуществляться заготовка древесины, живицы, недревесных лесных ресурсов, пищевых ресурсов и лекарственных растений, создание лесных плантаций и их эксплуатация, ведение охотничьего хозяйства и т. п. В общем случае договор аренды лесного участка может заключаться на срок от 10 до 49 лет. Договор аренды лесного участка заключается по результатам аукциона по продаже права на заключение такого договора, кроме случаев заключения договора аренды для реализации приоритетных инвестиционных проектов.

К сожалению, несмотря на то, что Лесным кодексом 2006 г. предложен рыночный механизм доступа к лесным ресурсам через аукционы, этот механизм продолжает обслуживаться системой платежей, созданной в советское время, когда древесные ресурсы не продавались, а распределялись директивно по фондам. Основу этой системы составляет прейскурант минимальных ставок платы за древесину, устанавливаемых Правительством Российской Федерации без учета состояния лесных рынков, определяемого объемами и ценами продаж лесопроductии. Эта система практически не изменилась даже в условиях децентрализации власти, когда решения о передаче лесов в пользование принимают органы государственной власти субъектов Федерации.

В реальной практике это означает, что плата за использование лесов в размере минимальной ставки, будучи одним из важнейших элементов договора аренды лесного участка или договора купли-про-

даже лесных насаждений, определяется директивно третьей стороной — федеральным органом власти без учета прямых интересов сторон, подписывающих названные выше договоры.

Негативные последствия занижения ставок лесных податей очевидны: нерациональное использование лесосечного фонда, незначительная дифференциация ставок по породно-размерно-качественным характеристикам древесины, несоответствующая фактической потребительской стоимости сортиментов; отсутствие у лесопользователей заинтересованности в развитии инфраструктуры арендуемых участков лесного фонда и введении на этих участках долговременного целевого хозяйства, рост доли экспорта круглых лесоматериалов в общем объеме производства (сокращается в последние полгода после значительного повышения экспортных пошлин).

При изложенном подходе органы государственной власти субъектов Федерации теряют экономическую мотивацию к осуществлению эффективного лесоресурсного менеджмента, не получая за это соответствующего вознаграждения, поскольку плата за использование лесов в части минимальных ставок платы за древесину принадлежит федеральному бюджету. Отсутствие экономической мотивации к эффективному распределению лесных ресурсов и создает основу для их дефицита в одних сферах потребления при избытке ресурсов в других.

Таким образом, с 2007 г. лесное хозяйство России развивается в принципиально новых условиях. Происходит масштабная и последовательная децентрализация управления российского лесного хозяйства (за исключением лесов Московской области, которые остаются под управлением Федерального агентства лесного хозяйства). Это решение отражает желание и готовность регионов самостоятельно управлять своими лесными ресурсами. Администрации лесосырьевых регионов получают самые широкие полномочия в сфере использования лесов, их охраны, защиты и воспроизводства.

Управление лесным фондом возлагается на субъекты РФ через механизмы предоставления субвенций. За федеральным центром сохраняются ограниченные полномочия управления лесами общесистемного характера по регулированию и контролю за осуществлением субъектами РФ переданных полномочий.

В сфере разделения государственных и хозяйственных функций экономическими инструментами для делегирования полномочий органам власти субъектов федерации должны стать соглашения (договора) и региональные лесные планы.

Передаваемые полномочия классифицируются в соглашении как делегируемые права на управление лесным фондом. Соглашения обязательно должны делегировать субъектам федерации и права, и соответствующие обязательства, позволяющие в постоянном режиме контролировать ход исполнения последних.

К числу такого рода обязательств следует отнести:

- 1) получение лесного дохода от использования лесных ресурсов;
- 2) поступление лесного дохода в федеральный бюджет и бюджет субъекта федерации;
- 3) получение внебюджетных доходов от хозяйственного управления лесным фондом;
- 4) выполнение лесохозяйственных работ по объемам и срокам;
- 5) периодическую отчетность о состоянии лесного фонда по результатам исполнения переданных полномочий;
- 6) инвестиции в развитие лесного сектора, например в строительство лесовозных дорог.

Только через механизм соглашений можно установить величину субвенций из федерального бюджета, сопоставив объем передаваемых полномочий с делегируемыми регионам обязательствами. Для того чтобы установить величину субвенций из федерального бюджета при делегировании субъектам федерации полномочий по управлению лесным фондом, необходимо через лесное законодательство и нормативные акты Правительства РФ создать экономический механизм, в котором должны быть реализованы следующие положения:

- 1) передаваемые полномочия подлежат обязательной экономической оценке, дифференцированной по государственным и хозяйственным функциям;
- 2) основу экономической оценки должны составлять ресурсные показатели лесного фонда при реализации функций государственного управления;
- 3) величина субвенций должна рассчитываться исходя из нормативов затрат и фактически достигнутых показателей по управлению лесами и ведению в них хозяйственной деятельности с учетом выполнения обязательств, установленных соглашениями на передачу полномочий;
- 4) для оценки результатов от реализации полномочий по управлению лесным фондом, переданных субъектам федерации, должна быть законодательно установлена процедура постоянного контроля за исполнением переданных полномочий и приемки достигнутых результатов.

Организационной и экономической базой эффективного лесоресурсного менеджмента должно стать частно-государственное партнерство в системе арендных отношений, когда государство и частный бизнес становятся равноответственными за результаты принимаемых решений в сфере использования и воспроизводства лесов. Для того чтобы эти результаты давали экономическую выгоду обоим сторонам, реализации любого крупномасштабного проекта освоения лесов должно предшествовать тщательное профессиональное изучение рынка с оценкой спроса на планируемые объемы производства лесопроductии. Государство, возможно при участии частного бизнеса, должно создать федеральный научный центр с региональными отделениями по изучению лесных рынков и прогнозированию спроса на лесопроductию при разных сценариях развития национальной и мировой экономик.

Рассмотрение региональных особенностей сегодняшней трансформации управления лесным хозяйством, необходимо предварить характеристикой состояния ресурсного потенциала лесного фонда страны и его региональную специфику.

Известно, что в настоящее время в Российской Федерации сосредоточено четверть мировых запасов леса, или около 75 млрд. м³, приходящихся на общую лесопокрытую площадь страны — 719 млн. га, из которых 252 млн. га в Сибирском и 278 млн. га в Дальневосточном федеральном округе, а еще 78 млн. га — в Северо-Западном федеральном округе. В наиболее многолесных регионах России произрастают наименее производительные леса (класс бонитета V и ниже составляют 40–60% площади эксплуатационных лесов).

Одновременно, общая площадь лесов России, возможных для эксплуатации, практически составляет около 50% площади земель, покрытых лесной растительностью основными лесообразующими породами. Так как рубки главного пользования лесом осуществляются только в спелых и перестойных насаждениях, это говорит о том, что значительная часть лесов России представлена спелыми и перестойными лесами. При этом, в европейско-уральской части страны удельный вес спелых и перестойных насаждений, возможных для эксплуатации, почти в 1,5 раза выше, чем в азиатской ее части.

Существуют объективные трудности вовлечения спелых и перестойных лесов в главное пользование лесом. Эти трудности связаны, в первую очередь, с транспортной и социальной недоступностью лесов из-за отсутствия дорог. Поэтому доля лесов, представляющих реальную коммерческую ценность, не превышает в стране одной трети

в составе земель, покрытых лесной растительностью. Основным объемом заготовок древесины по рубкам главного пользования приходится на Европейско-Уральскую часть России.

Промышленное использование лесов осуществляется на основании расчетной лесосеки — ведущего норматива организации главного пользования лесом. Она должна обеспечивать исполнение доминирующего принципа управления лесами России — принципа непрерывности и неистощительности, учитывая как экономические, так и экологические факторы ведения лесного хозяйства. Годовая расчетная лесосека устанавливается на основе результатов вычислений возможных ежегодных объемов рубки леса для достижения баланса пользования и восстановления лесосырьевых ресурсов без их истощения.

Принцип непрерывного и неистощительного пользования лесом, выдвинутый и обоснованный русским лесоводом М.М. Орловым, состоит в том, что ежегодный объем рубок главного пользования лесом должен быть установлен на уровне, не позволяющем сокращать объемы лесопользования в последующие годы, а также обеспечивать наиболее полное использование лесосырьевых ресурсов в течение оборота рубки при сохранении и усилении всех охранных и защитных свойств, а также полезностей леса.

В России до сих пор принято ориентировать размер главного пользования лесом преимущественно на средний годичный прирост насаждений. Отношение объема фактически вырубленной древесины к объему расчетной лесосеки главного пользования (использование расчетной лесосеки) характеризует в определенной мере состояние всех отраслей лесного комплекса.

За последние 40 лет произошло существенное сокращение использования расчетной лесосеки (максимальное сокращение характерно для периода, связанного с началом осуществления рыночных реформ), и сегодня оно составляет не более 30% от возможного уровня.

До введения в 1993 г. Основ лесного законодательства Российской Федерации расчеты годичного пользования древесиной велись в целом в разрезе субъектов федерации, с последующим распределением годичной лесосеки по лесхозам и леспромхозам. Поэтому на перерубы по отдельным хозяйствам смотрели не очень строго — главное было, чтобы контрольные цифры по субъекту РФ в целом не превышались.

Переход от расчетов пользования лесом по субъектам федерации к установлению расчетных лесосек по каждому лесхозу отдельно по хозяйствам в пределах групп лесов (на основе материалов лесос-

устройства) занял несколько лет. Теперь уже компенсация перерубов расчетных лесосек по одним лесхозам в пределах субъектов РФ за счет их недоиспользования в других лесхозах тех же субъектов не допускалась.

Однако снижение пользования лесом продолжалось, независимо от изменения принципов расчета его теоретических показателей. Столь длительное снижение фактического пользования лесом по отношению к расчетным показателям связано с тем, что идея пользования лесом и выполняемые на ее основе расчеты годовых лесосек по хозяйствам и лесхозам исчерпали себя под воздействием плановой экономической системы хозяйства и особенностей всей лесной инфраструктуры, включая транспортную, лесопромышленную и потребительскую.

Так, при интенсивной эксплуатации лесов Европейской части страны, осуществлявшейся в первые послевоенные годы и сопровождавшейся перерубами расчетной лесосеки, особенно интенсивно вырубались хвойные насаждения. Это было связано с несовершенством технологии переработки мягколиственной древесины и плановой ориентацией удовлетворения государственных потребностей в первую очередь в хвойной древесине.

Как результат, сформировался новый тип пользования лесом — очаговый. Перерубы и без того завышенных расчетных лесосек, которые постоянно допускались в течение нескольких десятилетий, привели к истощению лесов в Европейской России, а также вдоль основных транспортных путей в Сибири и на Дальнем Востоке, что вызвало ухудшение экологической обстановки в обширных регионах и привело к утрате огромных производственных мощностей. В 1990-х гг. снижение использования расчетной лесосеки было связано с общим экономическим кризисом. Поскольку основной объем отпуска древесины всегда, как и сейчас, приходится на Европейско-Уральскую часть России, где сосредоточен основной объем деревоперерабатывающих предприятий страны, самое внушительное падение использования расчетной лесосеки здесь и произошло.

Очаговая вырубка лучших лесов в самых близких к местам потребления районах осуществлялась в России на протяжении многих лет. Она нанесла и продолжает наносить вред лесному хозяйству, особенно хозяйству многолесных регионов страны. В ареале освоенных эксплуатацией лесов самые доступные производительные и качественные древостои к настоящему времени уже вырублены. Спелые и перестойные насаждения в условиях Европейского Севера и Урала имеют продуктивность ниже средней по стране. Запасы в спелых на-

саждениях ряда многолесных областей Европейской России равны или меньше, чем в приспевающих. В то же время увеличились запасы спелых древостоев мягколиственных пород, не находящих сбыта без глубокой переработки. Поэтому, несмотря на наличие значительных территорий, занятых лесом, в перспективе ближайших десятилетий сохранится дефицит качественной древесины хвойных пород, и особенно он будет усиливаться на территории Европейской части страны.

Одновременно с 1998 г. наблюдается устойчивый рост лесозаготовок и вывозки древесины. Поступательный рост за этот период составил 20%. Рубками главного пользования в лесах Российской Федерации в 2006 г. было заготовлено 136 млн. м³ древесины.

На сегодняшний день в силу различий лесорастительных условий и транспортной доступности территории России основной объем лесопользования приходится на 27 субъектов Российской Федерации: 16 — в Европейско-Уральской части и 11 — в Азиатской части. В табл. 2 приведены данные за 2006 г. по расчетной лесосеке главного пользования (доля отдельных регионов в общей площади расчетной лесосеки и ее фактическое использование), что характеризует основные черты современного пользования лесом.

Непропорциональность распределения расчетного пользования между Европейской и Азиатской частями России сохраняется до сих пор, хотя хорошо известно, что 80% лесных запасов расположено за Уральскими горами и только 20% на Европейской территории России. При этом 40% ежегодного расчетного пользования приходится на европейскую часть России и 60% — на азиатскую ее часть.

Данные свидетельствуют, что фактический размер пользования продолжает оставаться весьма низким по отношению к расчетной лесосеке — меньше 1/4 по всем хозсекциям и меньше 1/3 по хвойному хозяйству. Все показатели интенсивности пользования лесом в России (использование расчетной лесосеки, использование годового прироста древесины, размер съема древесины с 1 га при рубке главного пользования по сравнению со средним запасом древесины на 1 га) сохраняют весьма низкие значения относительно стран, ведущих активное лесное хозяйство.

«Это еще одна иллюстрация того, что идея пользования лесом, применяемая в настоящее время в лесном секторе России, вследствие огромного количества площадей леса привела к тому, что наращивание объемов пользования происходило за счет расширения площадей эксплуатационных лесов в регионах с развитой инфраструктурой. Там же, где это было уже затруднительно, снижали возрасты рубок, используя для обоснования манипуляции с понятием спелости

леса. Известными факторами неэффективного пользования лесом в России является слабая развитость транспортной инфраструктуры в многолесных районах страны, а также весьма однобокая инфраструктура лесозаготовительных и деревоперерабатывающих производств в местах лесопользования. В сочетании с высокими транс-

Таблица 2.

**Характеристики использования расчетной лесосеки
главного пользования в отдельных регионах России, 2006 г.**

Регион	Доля расчетной лесосеки отдельных регионов в общем показателе, %	Использование расчетной лесосеки, %
Российская Федерация	100,0	23,1
Европейская часть РФ	40,7	36,0
Архангельская область	3,9	38,3
Вологодская область	2,9	37,0
Мурманская область	0,1	13,4
Республика Карелия	1,8	62,3
Республика Коми	5,0	23,0
Ленинградская область	1,5	59,0
Новгородская область	1,4	37,8
Псковская область	0,45	29,5
Владимирская область	0,3	66,8
Костромская область	1,6	31,8
Московская область	0,35	22,9
Тверская область	0,85	29,0
Ярославская область	0,4	19,9
Кировская область	2,6	40,5
Пермский край	2,7	28,9
Свердловская область	3,0	24,6
Азиатская часть РФ	59,3	14,3
Красноярский край	12,7	15,8
Иркутская область	10,6	31,0
Усть-Ордынский Бурятский АО	0,35	22,0
Читинская область	2,7	7,6
Агинский Бурятский АО	0,15	8,3
Республика Бурятия	1,2	11,2
Приморский край	1,6	43,1
Хабаровский край	5,2	32,9
Еврейская автономная область	0,25	24,4
Амурская область	3,2	13,5
Сахалинская область	0,7	7,1

портными тарифами на железнодорожные перевозки это делает экономически невыгодным развитие лесозаготовок в новых, но отдаленных районах, даже при низкой стоимости лесных ресурсов»¹⁶.

Удаленность деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий от основных запасов леса в настоящее время в большинстве регионов России способствует сохранению наследия плановой экономики — очагового лесопользования. В результате накапливаются нерешенные проблемы лесного хозяйства, особенно в области лесоустройства и лесозащиты. Они связаны с последствиями длительного исключения части лесов из пользования и хронического среднестатистического недоиспользования годовых объемов рубок леса (расчетных лесосек), определяемых исходя из приростной и возрастной структуры лесов.

Обилие площадей леса и установление возрастов рубки, определяющих доминирование спелых и перестойных лесов в России, традиционно ориентируют лесопользование в России на сплошную рубку (главное пользование) с применением сплошнолесосечных технологий лесозаготовок. В результате объемы рубок ухода и, соответственно, размеры промежуточного пользования лесом незначительны и явно недостаточны для повышения продуктивности лесов лесоводственными методами, тем более, что в рамках принятой методики исчисления расчетной лесосеки освоение древесных ресурсов всегда было ниже расчетных размеров, что отодвигало потребность в оценке реального текущего прироста насаждений на второй план.

Таким образом, благое намерение — пользоваться лесом в пределах специально рассчитанного норматива расчетной лесосеки, при ориентации системы пользования на традиционное доминирование главного пользования лесом, в большинстве случаев привело к скрытому истощению лесных ресурсов, формой проявления которого является общее снижение продуктивной способности лесов, к накоплению лесов с большим количеством старых и физиологически ослабленных деревьев, что резко увеличивает рост риска, частоты и интенсивности лесных пожаров и вспышек массового размножения вредителей и болезней леса.

В многолесных районах это часто приводило к накоплению запасов спелого леса вследствие его малодоступности для лесозаготовителей из-за сильной фрагментарности участков. Поэтому и показатели эффективности лесопользования остаются на очень низком уровне.

¹⁶ Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. — М.: ИД «Юриспруденция», 2004, с. 270–271.

Сравнительное исследование производительности лесов по регионам показывает, что самой низкой производительностью характеризуются наиболее многолесные экономические районы России (Северный, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский). В связи с этим возникает проблема реальной ориентации лесного сектора экономики России в долгосрочном плане. Развитие доходности лесов в этих регионах затруднено по многим причинам, из которых немаловажными являются низкая численность населения и отсутствие дорог.

Следовательно, требуют уточнения и традиционные представления о том, что Россия является самой богатой лесными ресурсами страной, огромных запасов древесины которой полностью хватит современным и будущим поколениям россиян. Все зависит от того, как считать, и от того, какое лесное хозяйство государство будет развивать.

Необходим пересмотр роли лесов в экономике. Для этого нужна достоверная и исчерпывающая информация о наличии и использовании всех видов лесных ресурсов и продуктов их переработки. Мониторинг лесного потенциала должен стать всесторонним и обязательным в качестве необходимого условия для обоснования развития лесного сектора того или иного региона. Это позволит обсуждать и решать все вопросы, связанные с состоянием и использованием лесных ресурсов страны, с экологическими последствиями лесозаготовки, поможет найти компромиссные решения в отношениях между лесным хозяйством и лесной промышленностью, сельским, водным, рыбным хозяйствами.

Для решения вышеперечисленных задач в рамках реализации Лесного кодекса 2006 г. Постановлением Правительства РФ от 24 апреля 2007 г. № 246 утверждено Положение о подготовке лесного плана субъекта Российской Федерации.

В условиях реформирования управления лесным хозяйством региональный лесной план должен служить основой освоения лесов, что является необходимым условием для определения всех вариантов ведения лесного хозяйства с учетом региональных особенностей. Лесной план — это набор экономически обоснованных мероприятий по устойчивому управлению лесными экосистемами в определенном регионе (субъекте федерации). В лесном плане субъекта РФ определяются цели и задачи лесного планирования, а также мероприятия по осуществлению планируемого освоения лесов и зоны такого освоения.

Положением установлено, что лесной план субъекта РФ составляется на 10 лет и подготавливается на основе материалов лесоустройства, государственной инвентаризации лесов, государственного лесного реестра, отчетных данных об использовании, охране, о защите и вос-

производстве лесов, планов социально-экономического развития субъекта РФ и документов территориального планирования субъекта РФ. Разработка региональных лесных планов (региональных планов управления лесным фондом) должна стать первоочередной задачей государства в условиях федеративных отношений при реализации структурных реформ в системе лесопользования и ведения лесного хозяйства.

Законотворческая деятельность в вопросах реализации нового Лесного кодекса свидетельствует о значительной степени осознания регулирующими органами региональной специфики ведения лесного хозяйства. Приказом МПР России от 28 марта 2007 г. № 68 утверждены перечни лесорастительных зон и лесных районов Российской Федерации. В соответствии с этим нормативным актом территория РФ разделена на 8 лесорастительных зон и 30 лесных районов. Лесорастительные зоны характеризуются однородными лесорастительными признаками, что обусловлено природноклиматическими условиями. На основании лесорастительного районирования осуществляется установление лесных районов с относительно сходными условиями использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов. Лесным кодексом предусмотрено, что для каждого лесного района устанавливаются возрасты рубок лесных насаждений (возрасты лесных насаждений, устанавливаемые для заготовки древесины определенной товарной структуры), правила заготовки древесины и иных лесных ресурсов, правила пожарной и санитарной безопасности в лесах, правила лесовосстановления и правила ухода за лесами.

Логика принятых нормативных актов в рамках реализации положений Лесного кодекса 2006 г. свидетельствует о стремлении государства повысить эффективность ведения лесного хозяйства. Очевидно, что в рамках лесного фонда существуют лесные участки, где использование и воспроизводство лесных ресурсов обеспечивает получение чистого дохода в размерах, достаточных для воспроизводства всех привлекаемых экономических ресурсов (капитала, труда, лесного фонда). Одновременно, есть леса, где ведение хозяйственной деятельности в сфере использования и воспроизводства лесных ресурсов, по экономическим критериям является неэффективным на период времени, устанавливаемый региональным планом (не менее 10 лет).

В одном случае, лесные участки представляют интерес для частного бизнеса, поэтому хозяйственное управление передается в частные руки. Земли лесного фонда под хозяйственным управлением частного лесного бизнеса — это земли, передаваемые в пользование на условиях долгосрочной аренды с обязанностью лесопользователей выполнять все лесохозяйственные работы. Критерием отнесения лесов к названной группе является их экономическая эффективность.

В другом случае лесные участки не представляют интереса для частного бизнеса ввиду их неэффективности, поэтому хозяйственное управление остается в руках государственных предприятий. В названных условиях государство вынуждено одновременно осуществлять как государственное, так и хозяйственное управление лесным фондом, создавая и развивая для этих целей соответствующие раздельные институты: коммерческие организации — для выполнения хозяйственной деятельности, органы управления лесным фондом в структурах государственной власти, которым лесное законодательство делегирует соответствующие полномочия.

При распределении земель лесного фонда по формам его хозяйственного управления приоритетное значение будут иметь экономические критерии, позволяющие оценивать эффективность использования и воспроизводства лесных ресурсов.

Специалисты ВИПКЛХ¹⁷ методами статистического анализа (материалы отчетности 2004 г.) провели ранжирование субъектов РФ по их приоритетности в развитии хозяйственного управления лесным фондом по двум вариантам:

- хозяйственное управление передается частному бизнесу;
- хозяйственное управление осуществляется государственными организациями.

По первому варианту хозяйственные функции передаются частному бизнесу на контрактной основе, и заказчиком работ выступают территориальные органы управления лесным хозяйством. Основной формой контрактной организации лесохозяйственной деятельности должно стать арендное лесопользование, когда обязательство по выполнению лесохозяйственных работ становятся частью долгосрочных договоров аренды.

Наиболее приоритетны в экономическом плане для передачи хозяйственных функций под управление частного бизнеса регионы с развитым лесопользованием, где получаемый доход от лесопользования достаточен для финансирования затрат, возникающих при хозяйственном управлении лесным фондом. Прежде всего, это регионы в зоне интенсивного хозяйственного и промышленного лесопользования — субъекты на северо-западе европейской части России (Ленинградская, Костромская, Вологодская, Новгородская, Архангельская, Псковская и Кировская области, Республики Карелия и Коми), в центральной

¹⁷ Петров А., Устинова Е. Региональный лесной план — экономическая основа государственного и хозяйственного управления лесным фондом в условиях федеративных отношений. Ж-л «Устойчивое лесопользование», № 4 (12) 2006, с. 16–21.

части страны (Владимирская, Брянская, Смоленская и Московская области), в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, ориентированные, в первую очередь, на экспорт лесопродукции (Приморский, Хабаровский и Красноярский края, Еврейская АО, Сахалинская и Амурская области). Этот перечень регионов практически полностью совпадает с приведенным в таблице 2 перечнем субъектов федерации, в которых обеспечивается основной объем лесопользования Российской Федерации (многолесные регионы и развитые в хозяйственном отношении центральные регионы, обеспеченные лесными ресурсами).

Таким образом, при ранжировании были выявлены регионы с развитым лесопользованием, в которых хозяйственные функции управления лесным фондом целесообразно возложить на лесопользователя через арендные отношения. В этом случае основой экономических отношений между собственником лесного фонда и лесопользователем будет соотношение платежей за пользование лесным фондом и стоимости лесохозяйственных работ.

Существующий на сегодняшний день опыт арендного лесопользования показывает, что большинством вертикально интегрированных лесопромышленных компаний такое соотношение между доходами и расходами обеспечивается.

По второму варианту хозяйственного управления лесным фондом хозяйственные функции выполняются государственными коммерческими организациями (предприятиями), создаваемыми на базе лесхозов. Для таких организаций обязательным условием деятельности является соизмерение доходов и расходов, что предполагает оценку хозяйственных функций по затратам на их осуществление и доходам, получаемым государством.

Источниками дохода государственных коммерческих организаций могут являться:

- выручка от реализации продукции (работ, услуг);
- платежи за пользование лесным фондом;
- бюджетные ассигнования на выполнение государственных заказов.

Бюджетные ассигнования должны быть источником доходов государственной коммерческой организации в том случае, если для покрытия стоимости лесохозяйственных работ недостаточно двух первых источников.

Проведенное ранжирование выявило группу субъектов РФ, где основным источником формирования дохода государственной коммерческой организации сможет стать выручка от реализации продукции и услуг при хозяйственном управлении лесным фондом. К ним от-

носятся субъекты федерации с высоким спросом на древесину на внутреннем и внешнем рынках — регионы центральные (Московская, Смоленская, Тверская, Ивановская, Брянская, Тамбовская и Воронежская области), северо-западные (Ленинградская и Калининградская области, Республика Карелия), регионы Поволжья (Республика Марий Эл и Чувашская республика, Нижегородская и Ульяновская области), Юга Сибири (Алтайский край, Курганская и Новосибирская области, Усть-Ордынский Бурятский АО) и Дальнего Востока (Приморский край). Предприятия, создаваемые в данных регионах, могут оказаться достаточно эффективными, способными своими доходами без привлечения бюджетных ассигнований покрыть затраты на хозяйственную деятельность.

Бюджетное субсидирование деятельности государственных лесохозяйственных предприятий неизбежно в малолесных районах, где ресурсы древесины для всех видов пользования истощены и представлены насаждениями, имеющими низкую коммерческую ценность (прежде всего, субъекты на юге европейской части страны). В этих регионах бюджетные ассигнования, получаемые на конкурсной основе для выполнения государственных заказов, могут быть основным источником доходов государственной коммерческой организации.

Ранжирование субъектов РФ по их готовности к проведению структурной реформы государственного лесоправления позволяет установить региональные приоритеты в ее проведении. Между тем, следует отметить, что условия хозяйствования в стране настолько разнообразны, что требуется тщательное экономическое обоснование региональных различий в развитии государственного и хозяйственного управления лесным фондом не только на уровне субъектов федерации, но и на более низких иерархических уровнях.

Литература

1. Петров А.П. Государственное и хозяйственное управление лесами в условиях децентрализации. — Пушкино, 2007. — 92 с.
2. Петров А.П. Стратегия развития лесного сектора: дефицит ресурсов или кризис менеджмента // «Лес и бизнес», № 1, 2008.
3. Петров А., Устинова Е. Региональный лесной план — экономическая основа государственного и хозяйственного управления лесным фондом в условиях федеративных отношений // «Устойчивое лесопользование», № 4 (12) 2006, с. 16–21.
4. Писаренко А.И., Страхов В.В. Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. — М., 2004. — 552 с.

Горкина Т.И.

«НОВАЯ УГОЛЬНАЯ ВОЛНА» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ЭНЕРГЕТИКУ¹⁸

Угольная промышленность до конца 1960-х гг. имела большое значение как для многих стран мира, так и для мировой энергетики в целом. Благодаря угольной промышленности в СССР в 1930-е гг. была проведена ускоренная индустриализация страны. Этот период в развитии мировой энергетики принято называть «первой угольной волной». Доля угля в мировом топливно-энергетическом балансе (ТЭБ) составляла 50–60%. Особенно высока она была в европейских странах, обладающих большими запасами угля и, соответственно им, объемам добычи. В Бельгии, ФРГ и Великобритании его доля достигала 77–80%. В этот период основными угледобывающими странами были США, СССР и Китай, которые добывали 55% потребляемого в мире угля. На долю 10 ведущих угледобывающих стран (США, СССР, Китай, ГДР, Польша, ФРГ, Чехословакия, ЮАР, Индия и Австралия) приходилось 87% мировой добычи. Как правило, основная масса добываемого угля потреблялась в самих угледобывающих странах, а на экспорт шел в основном коксующийся уголь.

Развитие транспорта и переход химической промышленности на углеводородное сырье оказали большое влияние не только на объемы добычи и потребления, но и на состояние угольной промышленности. В отрасли начался застой. Поэтому во многих угледобывающих странах была проведена реструктуризация отрасли. Конечным результатом этого процесса стало закрытие нерентабельных шахт и разрезов и широкое внедрение механизации и автоматизации производственных процессов. Такая реструктуризация была характерна прежде всего для промышленно развитых стран. В СССР в этот период масштабная перестройка угольной промышленности не проводилась, вследствие чего добыча угля в среднем составляла 1,5 тыс.т/сутки на один забой против 5–10 тыс.т/сутки в передовых угледобывающих странах. Реструктуризация отрасли имела не только технологический характер, она оказала большое влияние и на размещение угольных предприятий. В странах, обла-

¹⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07–06–00398).

дающих большой территорией (США, Канада, СССР), произошел сдвиг отрасли в районы, где возможна добыча угля более дешевым открытым способом. В европейских странах территориальные сдвиги оказались менее заметны. Изменения в размещении угледобывающих предприятий ограничивались, как правило, границами угольного бассейна.

Обилие и дешевизна нефти на мировом энергетическом рынке привела к уменьшению доли угля в ТЭБ к 1970-м гг. В ПРС его доля сократилась значительно (см. табл. 1). Особенно это стало заметно для ТЭБ США, переориентировавших свою энергетику в значительной мере на дешевую ближневосточную нефть. По стоимости ближневосточная нефть оказалась дешевле не только американского угля, но и собственной нефти. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других ПРС. В СССР удельный вес угля неуклонно снижался, составив к 1980 г. 33,6%. В это время происходил переход советской экономики на дешевый природный газ. Начиная с середины 1980-х гг. в стране наступила т.н. «газовая пауза», продолжающаяся до настоящего времени. В ТЭБ соотношение уголь–нефть–газ стало выглядеть следующим образом: 19:26:55.

Таблица 1.

**Удельный вес угля в ТЭБ промышленно развитых стран
в 1960–1980-х гг.**

	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Мир	49,9	33,6	30,6
в т.ч.			
Канада	19,6	13,2	12,6
США	24,3	19,8	22,3
Япония	58,8	25,9	18,7
Австрия	53,3	25,0	16,1
Бельгия	75,0	35,2	27,1
Дания	46,2	11,1	37,0
Финляндия	...	15,8	26,9
Франция	61,1	29,0	21,4
ФРГ	77,5	42,7	33,1
Италия	20,4	8,5	8,3
Нидерланды	55,3	11,9	5,8
Испания	65,2	28,5	20,5
Великобритания	77,0	49,1	38,0
Австралия	56,8	45,9	43,4
ЮАР	...	82,5	80,5

Источник: [8].

Энергетический кризис 1970-х гг. оказал положительное влияние на угольную промышленность ПРС, особенно на американскую, канадскую и австралийскую. В энергетических программах ПРС повышалась роль угля. Перспективы развития угольной промышленности в посткризисный период рассмотрим на примере западноевропейских стран. В 1983 г. был опубликован отчет Евросоюза, где отмечалось, что уголь является основой энергообеспечения стран ЕС.

В первую очередь на уголь должны были перейти электроэнергетика и ряд отраслей обрабатывающей промышленности, потребляющие в больших количествах тепловую энергию. Угольная промышленность должна была стать приоритетной в энергополитике ЕС. На ее развитие предполагалось выделять государственные субсидии. В отчете отмечалось, что выдвигание угля на ведущую роль изменит сложившиеся энергосвязи, потребует решения огромного числа научных, технологических, организационных и экономических проблем, связанных с добычей, обогащением и переработкой угля в жидкое или газообразное топливо, охраной окружающей среды, транспортировкой угля, изменением структуры сбыта и т.п.

Для этих целей был создан Международный проект World Coal Study (WOCOL), в котором приняли участие 16 угледобывающих стран (Австралия, Канада, КНР, Дания, Финляндия, Франция, ФРГ, Индия, Индонезия, Италия, Япония, Нидерланды, Польша, Швеция, Великобритания, США). Участники проекта детально изучили состояние мировой энергетики на период от энергетического кризиса до начала 1980-х гг. и дали прогноз развития мировой энергетики на ближайшие 20 лет. Результаты этого эксперимента в области международного сотрудничества были опубликованы в книге руководителя проекта К.Л. Уилсона «Уголь — мост в будущее», изданной в СССР в 1985 г. [11]. Основные выводы проекта следующие.

1. В 1990-е гг. произойдет сокращение международной торговли нефтью.
2. Экономия энергии, атомная энергия, невозобновляемые и нетрадиционные источники энергии, а также новые энергетические технологии не смогут удовлетворить потребности в энергии до 2000 г.
3. Необходимо принять срочные меры по увеличению доли угля в ТЭБ, т.к. до 2000 г. уголь может стать основным видом энергии с удельным весом в ТЭБ в 50–75%. Для этого надо увеличить добычу угля в 2–3 раза, а торговля энергетическим углем должна возрасти в 10–15 раз по сравнению с уровнем 1979 г.
4. Увеличение добычи должно происходить в соответствии с мерами по охране окружающей среды.

5. Уже сейчас во многих регионах мира уголь конкурентноспособен в качестве топлива для электроэнергетики. По мере роста цен на нефть уголь будет увеличивать свою долю в ТЭБ.
6. Технологии добычи, транспортировки и использования угля хорошо отработаны и постоянно совершенствуются. В 1990-е гг. будут широко применяться газификация и ожижение угля.
7. Объем капиталовложений в угольную промышленность должен возрасти в 3 раза, что находится в пределах возможностей мировых финансовых рынков. Трудности могут возникнуть лишь в отношении капиталовложений в энергетику развивающихся стран.

Рассмотрим теперь этот прогноз с точки зрения первого десятилетия XXI в. Международная торговля нефтью возросла по сравнению с 1980 г. в 1.5 раза, в то время как общее потребление энергии выросло лишь на треть. Структура мирового ТЭБ в 2000 г. выглядела следующим образом (в %): нефть — 38; природный газ — 24; уголь — 26; атомная энергия — 6; гидроэнергия — 6. Нефть продолжает доминировать в потреблении энергии, а уголь не стал основным видом топлива, его добыча увеличилась по сравнению с 1980 г. лишь на 12% вместо предполагаемого удвоения. Также не осуществились планы по газификации и ожижению каменного угля. Программы НИОКР в отношении этих технологий практически оказались замороженными, т.к. производители нефти полностью удовлетворяли потребности мирового рынка. В промышленном масштабе получение нефти из угля производится только на заводе в Сасолбурге в ЮАР.

Однако после энергокризиса роль угля стала очень заметной в электроэнергетике. США, Канада, ЮАР и Австралия увеличили добычу энергетического угля в расчете не только на свои электростанции, но и на экспорт в Европу, Японию и в страны Юго-Восточной Азии. Экспорт энергетического угля стал важным фактором для развития угольной промышленности. В прибрежных районах в странах-импортерах образовались энергетические узлы, состоящие из угольных терминалов и ТЭС, работающих на угле. Международная торговля энергетическим углем за двадцатилетний период выросла в 2 раза, в то время как торговля коксующимся углем — лишь на 20%. В основном экспорт энергетического угля осуществляется преимущественно морскими перевозками. В конце XX в. образовались своеобразные угольные «мосты» между странами-экспортерами и странами-импортерами. Первые такие «мосты» образовались через Атлантический океан между США и Европой, Канадой и Японией. Сейчас большая их часть идет через Тихий океан в азиатские развивающиеся страны и страны новой индустриализации.

Однако в середине 1980-х гг. началось снижение цен на углеводородное сырье, что повлияло на положение каменного угля. В ряде стран, особенно европейских, началось не просто сокращение добычи угля, а закрытие шахт и вывод их из эксплуатации. Таким образом, в Европе произошла смена ориентиров, обозначенных в европейской энергостратегии 1980-х гг. В 1990-е гг. потребление угля сократилось на 36% в основном за счет прекращения добычи низкокалорийного бурого угля в ФРГ и закрытия последних шахт в Бельгии в 1992 г. и Португалии в 1994 г. Из западноевропейских стран уголь продолжают добывать только Великобритания, где добыча в 1990-е гг. сократилась вдвое, Испания и Франция. В восточноевропейских странах добыча сохранилась во всех странах, несмотря на требования Евросоюза прекратить или значительно сократить добычу. Низкие темпы реструктуризации объясняются тем, что уголь является основным энергетическим ресурсом в этих странах и поэтому доля угля так значительна как в энергетике, так и в промышленности. По требованию Евросоюза восточноевропейские страны постепенно снижают потребление угля. В постсоциалистический период из-за финансовых затруднений, не позволяющих в достаточных количествах закупать постоянно дорожающее углеводородное топливо, его потребление увеличилось лишь в Болгарии и Румынии.

Угольная промышленность европейских стран дотируется в значительных масштабах. Так, средний размер дотаций на 1 т добываемого угля составляет (в млн. дол.): в Германии — 144; Испании — 75; Франции — 494; Великобритании — 3 [10]. Низкий уровень дотаций в Великобритании объясняется высоким уровнем оснащения шахт. Они являются наиболее высокопроизводительными в Западной Европе, имея среднегодовую производительность в 3200–3500 т/чел. в год. Поэтому цены на местный уголь сопоставимы с ценами на импортный уголь. Стоимость же импортного угля для западноевропейских стран не превышает 40–47 дол./т. Поэтому Еврокомиссия предложила прекратить дотации к 2010 г. и перейти в разумных пределах на импортный уголь. Такая политика проводится и в отношении новых стран ЕС. Для них сокращение добычи угля имеет не только экономические, но и социальные последствия, т.к. в угольной промышленности занято большое число работающих.

Энергетическая политика европейских стран в корне изменилась в 2000-е гг. Она стала основываться на экологических принципах. В этой связи уголь рассматривается как энергоресурс, в наибольшей степени оказывающий негативное влияние на природу. В своей новой стратегии ЕС хочет создать условия для более широкого применения возобновляемых источников энергии, доведя их долю к середине

XXI в. до 30–50%. Объемы добычи угля будут определяться следующими факторами: поддержание энергетической безопасности; создание условий для быстрого возобновления добычи в случае чрезвычайных ситуаций; поддержание оборудования на законсервированных шахтах в рабочем состоянии; сохранение квалифицированных кадров и технологий.

Энергетическая политика азиатских стран существенно отличается от европейской. Здесь наблюдается противоположная тенденция — повсеместное увеличение добычи и потребления угля. Рынок угля активно развивается. Благодаря своей относительной дешевизне он стал важным топливом для Азии, т.к. экологическим проблемам здесь не придают такого значения как в Европе. Спрос на энергетический уголь на мировом рынке возрос в значительной степени из-за роста его потребления китайской электроэнергетикой. Активно внедряет в свой ТЭБ уголь Япония, которая занимает третье место в Азии и седьмое в мире по объемам использования угля, и это при том, что в стране практически нет своей угольной промышленности. Две последние шахты — Икешима мощностью 1 млн. т и Тайхейо мощностью 2 млн.т — были закрыты соответственно в 2001 г. и 2002 г. Аналогичное положение характерно и для других азиатских стран.

О значении угля для экономики различных регионов дает представление таблица 2. Из этой таблицы видно, как значительно выросло потребление угля в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Такой рост происходит на фоне постоянного снижения удельного веса угля в европейских странах и странах бывшего СССР в целом. Эти страны все больше ориентируются на природный газ, поступающий как по трубопроводам, так и в сжиженном виде газовозами. «Газовая пауза», характерная для России, становится все более реальной и для европейских стран с их жесткой экологической политикой в отношении угля. В Северной Америке снижение доли угля связано не с уменьшением его потребления на электростанциях, которое постоянно увеличивается, а с ростом спроса на углеводороды, необходимые прежде всего для удовлетворения растущих потребностей на транспорте.

Таблица 2.

Удельный вес регионов в потреблении угля в 1986–2006 гг., %

	1986 г.	1996 г.	2006 г.
Европа	17	11	7
Страны, входящие в бывший СССР	17	8	6
Северная Америка	21	23	18
Азиатско-Тихоокеанский регион	39	53	65

Источник: [7].

В условиях сокращения ресурсов углеводородов, старения мировой трубопроводной системы и высокой степени опасности возникновения чрезвычайных ситуаций в ряде нефтедобывающих районов по мнению многих политиков, ученых и производителей назрела необходимость в переориентации экономики на уголь. Обеспеченность стран угольными ресурсами во много раз превышает аналогичный показатель по углеводородным запасам. Так, если в среднем по миру при современных объемах добычи обеспеченность по углю составляет 192 года, то по нефти — 41 год, по газу — 67 лет. Особенно велики запасы угля в таких странах как США (27% от итога по миру), Россия (17%), Китай (13%), Индия (10%) и Австралия (9%), на которые приходится почти 80% мировой добычи [1].

Несмотря на огромные доказанные запасы угля, вероятность обнаружения новых месторождений весьма велика, т.к. в настоящее время геологоразведочные работы по углю ведутся в небольших масштабах, а в большинстве развивающихся стран практически вообще не проводятся. По оценкам, открытие крупных угольных запасов особенно возможно в странах Южного полушария. Об этом свидетельствуют разведанные крупные месторождения угля в Австралии, Южной Америке, Африке и Азии. Например, на юге Африки в Ботсване открыто самое мощное в мире месторождение каменного угля с запасами в 200 млрд. т. Это свидетельствует о том, что угольные ресурсы еще не изучены достаточно полно, поэтому трудно представить их истинные размеры.

Рост цен на нефть ограничивает возможность ее применения в ряде секторов мировой экономики. Поэтому в настоящее время все чаще звучат предложения об увеличении доли угля в энергетике, поскольку угольная энергетика активно развивается в ряде стран. Новый импульс для развития угольной промышленности дают постоянный рост цен на углеводородное сырье и дефицит мощностей в электроэнергетике. Для масштабного развития угольной энергетике необходимо решить проблемы, связанные как с экологией, так и с более широким внедрением новых технологий и оборудования в угольную промышленность. Большое значение имеет также ценовая политика в отрасли. Это направление в мировой энергетике получило название «второй» или «новой угольной волны».

Для того, чтобы «вторая угольная волна» стала действительно реальностью, необходимо создать условия, обеспечивающие конкурентоспособность угля при высоких ценах на другие энергоносители путем разработки доступных чистых угольных технологий. Для этого необходимо освоить в промышленных масштабах технологии производства жидкого топлива из угля и его газификации подземным спо-

собом, а также внедрить в электроэнергетике экологически чистое сжигание угля. Кроме этого необходимо освоить новые способы транспортировки угля на большие расстояния, в т.ч. и морским транспортом. Технологическое сближение физико-технических характеристик угля и жидкого топлива будет способствовать созданию угольно-нефтяной или угольно-водной пульпы, которые можно будет транспортировать и сжигать подобно нефти.

Развитие новых видов транспортировки угля будет иметь большое значение для угольной промышленности, т.к. сейчас транспортные расходы зачастую выше затрат на добычу. В среднем транспортная составляющая достигает 35–40%. Особенно это существенно для стран с большой территорией, осуществляющих экспорт угля. Это наиболее важный вопрос для России, которая хочет увеличить экспорт как энергетических, так и коксующихся углей. Большой проблемой для российской угольной промышленности является удаленность месторождений от потребителей, т.к. среднее расстояние между поставщиками и местом отгрузки угля на экспорт или для внутреннего потребления составляет в среднем 4000 км. Кроме этого, пропускная способность российских портов и железных дорог ограничена. Для увеличения экспорта угля необходимо развивать транспортную инфраструктуру. В этом заинтересованы как сами угольщики, которые вкладывают значительные средства в этот сектор, так и транспортники, поскольку на долю угля приходится треть грузооборота железных дорог.

Для Австралии — крупнейшего экспортера угля — транспорт также стал препятствием для наращивания экспортных возможностей. Свой экспортный потенциал в 250 млн. т она не может полностью реализовать из-за недостаточной пропускной способности железных дорог и морских портов. В 2006 г. ее экспорт составил 231 млн. т энергетического коксующего угля. [9].

В других странах-экспортерах транспортная составляющая значительно меньше. Кроме этого, поскольку экспорт угля они практикуют уже с начала 1980-х гг., была создана соответствующая инфраструктура, состоящая из внутренних путей (железнодорожный и речной транспорт до места отгрузки на экспорт) и внешних (хорошо оборудованные экспортные морские терминалы). В среднем форвардные цены на уголь в 2003 г. составляли (в дол./т): в портах-экспортерах — Ричард-Бей (ЮАР) — 29,5; Боливар (Колумбия) — 31,6; Ньюкасл (Австралия) — 24,7; Калимантан (Индонезия) — 24,7; в портах-импортерах — Амстердам, Роттердам и Антверпен — 40,4; японские порты — 35,2; южнокорейские — 31,5; Циндао (Китай) — 26,5 [6]. В странах-импортерах по мере увеличения внешних поставок также создана

стабильная сеть для доставки угля непосредственно потребителю. В Западной Европе уголь из портов с угольными терминалами далее перегружается или на суда меньшего тоннажа, предназначенных для каботажного плавания, или на речные суда, следующие по судоходным рекам и каналам. Если в начале развития торговли энергетическим углем в Европе угольные ТЭС строились около морских угольных терминалов, то теперь на уголь переводятся ТЭС, расположенные и в глубине территории. Такая же ситуация характерна и для Японии.

В целом о значении угля для мировой экономики в настоящее время дает представление таблица 3. Исходя из данных этой таблицы, представленной здесь в сокращенном виде, можно сделать следующие выводы. Во-первых, продолжается, согласно Энергетической стратегии ЕС, повсеместное снижение удельного веса угля в европейских странах, особенно значительное в бывших социалистических странах. Во-вторых, стабилизация его доли в таких странах-экспортерах как США и ЮАР. В-третьих, рост удельного веса угля практически во всех азиатских странах, как экспортеров, так и импор-

Таблица 3.

Доля угля в потреблении первичной энергии в ведущих странах-экспортерах и странах-импортерах угля в 1999–2005 гг., %

Страна	1990 г.	2005 г.
Австралия	40,0	44,5
Канада	11,6	10,3
Япония	17,4	21,1
Франция	8,9	5,2
США	23,8	23,7
Испания	21,2	14,1
Великобритания	29,7	16,1
Италия	9,9	8,9
Германия	36,1	23,7
Израиль	19,8	39,2
Республика Корея	27,4	23,1
Польша	75,5	58,7
Россия	20,7	16,0
Бразилия	7,2	6,5
Казахстан	54,2	52,6
Китай	61,2	63,3
Турция	31,9	26,4
Индонезия	3,8	14,2
ЮАР	72,9	72,0
Индия	33,2	38,7

Источник: [3].

теров. В-четвертых, снижение доли угля на всем постсоветском пространстве. В-пятых, снижение его доли в латиноамериканских и африканских странах, все больше ориентирующихся на собственные углеводородные ресурсы. В-шестых, из стран-экспортеров только в Австралии все шире используется уголь для собственных нужд.

Мировая угольная промышленность реформируется по разносторонней схеме, начиная с середины 1970-х гг., соответственно, собственным энергетическим ресурсам. Как правило, на реформирование отрасли отводится 20–30 лет, Россия отводит для этого 12–15 лет, чтобы войти в число передовых угледобывающих стран и восстановить свои позиции в мировой угольной промышленности. Она в 2006 г. занимала 5-е место в мире по добыче против 3-го места в 1980-е гг. По мнению экспертов Мирового энергетического агентства, если это осуществится, то будет беспрецедентным явлением в мировой энергетике.

Прогнозы будущего развития отрасли в начале XXI в. стали более умеренными по сравнению с прогнозами 1970-х гг. Предполагается, что потребление угля вырастет за 2004–2030 гг. на 74%, причём в первой половине этого периода ежегодные темпы роста составят 2,6%, потом — 1,8% [5]. За предшествующий 25-летний период потребление угля возросло на четверть. Вероятнее всего не произойдет существенных изменений в списке основных угледобывающих стран. В 2006 г. по добыче угля три первых места занимали соответственно Китай, США и Индия (см. таблицу 4).

Из числа основных угледобывающих стран по всей вероятности уйдут европейские страны, на их место могут прийти новые страны из Африки, Азии и Латинской Америки. Если этого не произойдет, то территориальная концентрация в угольной промышленности усилится.

Для того, чтобы «вторая угольная волна» действительно стала реальностью, в первую очередь нужно принять законодательные меры и увеличить финансовую помощь со стороны государства. Одной из основных причин, препятствующих увеличению потребления угля, является его ценовая неконкурентоспособность по сравнению с газом, который в начале 2000-х гг. стал вытеснять уголь из ТЭБ электроэнергетики. Сейчас производство электроэнергии на базе угля составляет (в %): в Польше — 96; Чехии — 75; ФРГ — 58; США — 56; ЮАР — 90; Австралии — 86; Китае — 70; России — 21 при среднем мировом показателе 39%. Процесс вытеснения угля природным газом в балансе электростанций пришелся на 1990-е гг. после начала процесса либерализации и приватизации электроэнергетики. Так, массованный перевод ТЭС Великобритании на газ негативно отразил-

Таблица 4.

Ведущие страны в добыче угля в 2006 г.

	Страна	млн. т	%
1	Китай	1956	36,0
2	США	1008	18,6
3	Индия	403	7,4
4	Австралия	365	6,7
5	Россия	280	5,1
6	ЮАР	243	4,5
7	ФРГ	208	3,8
8	Польша	161	3,0
9	Индонезия	132	2,4
10	Казахстан	87	1,6
11	Украина	81	1,5
12	Греция	71	1,3
13	Канада	66	1,2
14	Чехия	62	1,1
15	Колумбия	55	1,0
16	Турция	48	0,9
17	Румыния	35	0,6
18	Вьетнам	26	0,5
19	Болгария	26	0,5
20	Великобритания	25	0,5
ИТОГО:			
20 ведущих стран		5338	98,2
Мир, всего		5428	100,0

Источник: [2].

ся на угольной промышленности страны, в результате чего британским правительством был принят мораторий на строительство новых газовых ТЭС. Перевод электроэнергетики особенно актуален для России, которая по газоемкости (млрд. м³ на 100 млн. дол. ВВП) в 8 раз превышает ФРГ, в 6 раз — США. Увеличение доли газа в качестве топлива для ТЭС может привести к дефициту газа в больших масштабах. Предполагается что оптимальным для мировой энергетики должно стать такое соотношение в ТЭБ: уголь–нефть–газ в пропорциях 40:25:35. В ценовом отношении уголь–газ различия должны составить 1:1,7.

Росту угля в ТЭБ в 2000-е гг. мешали такие факторы как внедрение новых технологий для получения нефти из сланцев, битуминозных песков и тяжелых высоковязких нефтей, увеличение коэффициента нефтеотдачи, получение метана из угольных пластов, а также разви-

тие возобновляемой и нетрадиционной энергетики. Уголь в первой половине XXI в. может удовлетворять большую часть дополнительных потребностей в энергии. Тем не менее, ему все же отводится роль «моста» к энергетике будущего, параметры которой крайне разноречивы. Внедрение водородной или даже возобновление атомной генерации может повлиять на его составляющую в ТЭБ. Так, одна АЭС мощностью 1 гВт способна не только уменьшить потребление угля, но и освободить 7 тыс. чел., занятых в угледобыче.

В настоящее время происходит смена приоритетов в мировой энергетической политике — от энергетической безопасности отдельной страны к энергетической взаимозависимости, которая должна стать основой единого энергетического пространства и делового партнерства. Развитие энергетики ведет к возникновению транснациональных энергетических структур и энерготранспортных систем, к сращиванию энергетики с другими промышленными производствами и появлению вертикально интегрированных структур. Большая роль в этом процессе отводится углю, который может повысить устойчивость как электроэнергетики, так и энергетики в целом.

Литература

1. BP Statistical Review 2006.
2. Coal Facts 2007. UN: 2008.
3. Human Development Report 2007/2008. UN: 2007.
4. International Energy Annual 2005. UN: 2007.
5. International Energy Outlook. Wash., 2008.
6. Platts Coal Trader International. 18 July 2003.
7. The Coal Resource. A Comprehensive overview of Coal. — World Coal Institute: 2005. — 48 p.
8. World Energy Statistics за 1960–1980 гг.
9. www.ssyonline.com.
10. Зарубежные новости. Вып. 21. — 20 июля 2003 г.
11. Уилсон К.Л. Уголь — мост в будущее. — М.: Недра, 1985. — 262 с.

Атаева Н.А.

ВЕТРЯНЫЕ И ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ В ЭКОНОМИКЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ (историко-географический анализ)

Использование ресурсов гидравлической и ветровой энергии, является в регионе старейшим видом силового привода мельниц. Письменные упоминания об этом встречаются в «Писцовых книгах Рязанского края» и относятся ко второй половине XVI в. [5]. С начала XVIII в. предпринимаются попытки регистрации мельниц всех видов с целью централизованного налогообложения. В этот же период получает широкое распространение практика передачи ремонтных мельниц в аренду сельским общинам и отдельным крестьянам на правах замены оброка [2]. С начала XIX столетия уже издаются технические наставления по правилам строительства и эксплуатации мельниц различного вида [6]. В середине XIX века, в размещении мельниц просматривается корреляционная связь с хозяйственной специализацией территории (табл. 1).

Таблица 1.

Размещение мельниц по уездам Рязанской губернии в 1860 г.

№	Уезд	Число водяных мельниц	Число ветряных мельниц	Всего
1	Скопинский	38	261	299
2	Ранненбургский	66	160	226
3	Пронский	40	150	190
4	Рязанский	43	132	175
5	Михайловский	29	111	140
6	Зарайский	26	100	126
7	Рязанский	28	92	120
8	Данковский	23	93	116
9	Сапожковский	36	68	104
10	Егорьевский	19	37	56
11	Спасский	15	34	49
12	Касимовский	27	20	47
ИТОГО:		390	1 258	1 638

Использована таблица из [1. С. 300].

Из анализа таблицы вытекает, что по состоянию на 1860 г. в Рязанской губернии, насчитывалось 1648 мельниц: 1258 ветряных и 390 водяных. Показательны отличия в территориальной концентрации мельниц, подтверждающее наличие прямой корреляционной связи между специализацией сельского хозяйства и уровнем развития потенциала мукомолья. В южных, «зерновых» уездах губернии насчитывалось 1250 водяных и ветряных мельниц, или свыше 76% от общего количества (Скопинский, Ранненбургский, Данковский, Рязский, Пронский, Сапожковский и Михайловский уезд). Именно эти уезды, охватывая 49% от общей площади региона, сосредотачивали почти 66% всей пашни в губернии.

Производственно-экономические показатели эксплуатации мельниц, могут быть получены расчетным путем (табл. 2–3).

Согласно информации таблицы 2, ветряные мельницы ежегодно перерабатывали 1258 тыс. четвертей зерна, что составляет более 29% от объема урожая зерна в Рязанской губернии. Финансовая значимость работы мельниц оценена суммой 188 700 рублей серебром в год. Территориальная дифференциация показателей прямо соответствует концентрации мельниц в южных «хлебобобных» уездах.

Соответствующие показатели применительно к водяным мельницам представлены в таблице 3.

Показатели эксплуатации водяных мельниц на порядок выше сравнительно с ветряными мельницами: объем переработки 2398 тыс. четвертей в год, или более 55% от урожая зерна в губернии. Финансовая значимость их работы оценена суммой 359 700 рублей серебром в год. Территориальная дифференциация показателей также прямо соответствует природно-ресурсным условиям территории, специализации сельского хозяйства и экономической обоснованности их концентрации в «хлебобобных» уездах.

Соответственно, общий объем обработки зерна мельницами составлял примерно 3700 тыс. четвертей в год, или 77% от годового урожая зерновых в губернии. Ценность мельничного хозяйства в финансовых терминах, превышала сумму 548 тыс. рублей серебром в год. Согласно данным на соответствующий период, общая ценность мануфактурного производства в Рязанской губернии составляла более 5.2. млн. руб. Из них почти 863 тыс. руб., или 17%, приходилось на отрасли переработки хлебных продуктов [1. С. 255–256]. Следовательно, ценность мельничного хозяйства губернии в 548 тыс. руб. составляет более 63% в сфере переработки хлебных продуктов. Таким образом, водяные и ветряные мельницы являлись одним из значимых объектов экономики Рязанской губернии.

Таблица 2.

Производственно-экономические показатели работы ветряных мельниц
по уездам Рязанской губернии (XIX век)

Уезд	Число ветряных мельниц (табл. 1)	Число поставов мельниц, (в среднем 2 постава), N	Объем работы, четвертей /год (Q): $Q = W \times N \times P$ где: W — загрузка 100 дней/год, P — производит 5 четвертей/сутки	Ценность эксплуатации мельниц, рублей серебром в год (C_B): $C_B = Q \times Ц$ где: Ц — цена за помол 0.15 руб. серебром / четверть
1. Скопинский	261	522	261 000	39 150–00
2. Ранненбургский	160	320	160 000	24 000–00
3. Пронский	150	300	150 000	22 500–00
4. Рязский	132	264	132 000	19 800–00
5. Михайловский	111	222	111 000	16 650–00
6. Зарайский	100	200	100 000	15 000–00
7. Данковский	93	186	93 000	13 950–00
8. Рязанский	92	184	92 000	13 800–00
9. Сапожковский	68	136	68 000	10 200–00
10. Егорьевский	37	74	37 000	5 550–00
11. Спасский	34	68	34 000	5 100–00
12. Касимовский	20	40	20 000	3 000–00
ИТОГО:	1 258	2 516	1 258 000	188 700–00

Таблица составлена расчетным путем по данным [1. С. 301]

Таблица 3.

Производственно-экономические показатели работы водяных мельниц
по уездам Рязанской губернии (XIX в.)

Уезд	Количество водяных мельниц	Число поставов мельниц, (в среднем 2 постав), N	Объем работы, четвертей /год (Q): $Q = W \times N \times P$ где: W — загрузка 200 дней/год, P — производит 5 четвертей/сутки	Ценность эксплуатации мельниц, рублей серебром в год (Π_b): $\Pi_b = Q \times \Pi$ где: Π — цена за помол 0.15 руб. серебром /четверть
1. Ранненбургский	66	173	346 000	51 900—00
2. Рязанский	43	139	278 000	41 700—00
3. Пронский	40	136	272 000	40 800—00
4. Сапожковский	36	131	262 000	39 300—00
5. Зарайский	26	118	236 000	35 400—00
6. Данковский	23	97	194 000	29 100—00
7. Михайловский	29	90	180 000	27 000—00
8. Скопинский	38	85	170 000	25 500—00
9. Рязанский	28	73	146 000	21 900—00
10. Касимовский	27	62	124 000	18 600—00
11. Спасский	15	56	112 000	16 800—00
12. Егорьевский	19	39	78 000	11 700—00
ИТОГО:	390	1 199	2 398 000	359 700—00

Таблица составлена расчетным путем по данным: [1. С. 301]

Водяные мельницы, уступая в количестве почти в 3 раза, перемалывали по объему почти в 2 раза больше, сравнительно с ветряными агрегатами. Соответственно были выше и показатели их финансовой значимости. Диспропорция по производственно-экономическим показателям является прямым следствием технологических особенностей работы мельниц. Зависимость ветряных мельниц от непредсказуемости силы ветра приводила к тому, что крестьянин охотнее возил зерно на водяную мельницу. Наполнительный резервуар в виде мельничного гидроузла обеспечивал более быстрый, а главное, гарантированный помол урожая. Водяная мельница была предпочтительна и по ресурсной обеспеченности в годовом разрезе, в среднем работала 200 дней в год, тогда как ветровая до 100 дней [4. Л. 1—38]. С учетом специфики концентрации кинетической энергии в водном и воздушном потоке очевидны выгоды использования ресурсов гидравлической энергии. Соответственно, ветряные мельницы заметно уступали водяным и по возможности получения единичной мощности, что также сказывалось на производительности агрегатов.

Сама оценка энергетической мощности объектов гидравлической (ветровой) энергетики является сложной и самостоятельной задачей. Проблема усугубляется фактическим отсутствием исчерпывающей информации на соответствующий период. Поэтому речь может идти о приближенной оценке на основе расчетов. В архивах за 1920-е гг. встречаются данные, позволяющие приблизительно оценить мощность ветряных мельниц. Техническое устройство агрегатов к этому периоду не претерпело кардинальных изменений. Соответственно, информация может быть использована для расчетной оценки энергетического потенциала. Мощность ветряных мельниц на юге региона колебалась в пределах от 12 до 45 лошадиных сил на единичный агрегат [3. Л. 37, 216—218]. Проведенный анализ выборки по 30 ветряным мельницам, «дает» средний показатель в 22 лошадиные силы на один «ветряк». Приняв эти данные за контрольные, мощность ветряных мельниц составит 11 л/с на 1 технологический постав мельницы. Результаты соответствующих расчетов представлены в таблице 4.

Согласно данным таблицы 4, суммарная мощность ветряных мельниц в Рязанской губернии оценена в 20 369 кВт. Из них 15 787 кВт (77.5%) было сконцентрировано в южных, «хлебоборных» уездах региона.

Применительно к энергетической оценке мощности водяных мельниц ситуация выглядит еще сложнее. Даже для приблизительной расчетной оценки необходимы данные по каждому мельничному створу. Такая информация отсутствует, поэтому оценка приводится на основе метода энергетической аналогии. Производительность

1 поставка водяной мельницы с учетом периода ее загрузки (в среднем 200 дней в году) была в 2 раза выше, чем на ветряной мельнице (100 дней в году). Соответственно, объективно можно увеличить показатель мощности 1 поставка минимум на 75% (табл. 5).

Из анализа таблицы 5 вытекает, что суммарная мощность водяных мельниц составляла 16 988 кВт. Таким образом, гидравлические установки, численно уступая ветроагрегатам более чем в три раза, имели меньше потенциал по мощности на 17% (3381 кВт). Более 2/3 потенциала водяных мельниц, или 12 057 кВт, также было сконцентрировано в южных уездах.

Суммарный потенциал мощности водяных и ветряных мельниц в Рязанской губернии оценен в 37 357 кВт (54.5% на ветряных и 45.5% на водяных мельницах). Из них 27 844 кВт (74.5%), было сконцентрировано в южных уездах региона.

Выводы: По состоянию на XIX в. масштабное использование энергии ветра и рек в Рязанской губернии было характерно в аграрном секторе. Всего насчитывалось 1648 мельниц, из них: 1258 ветряных и 390 водяных. Их суммарная мощность была оценена в 37 357 кВт (54.5% на ветряных и 45.5% на водяных мельницах). Территориальные аспекты их концентрации, были прямо связаны с природной и хозяйственной дифференциацией территории.

Таблица 4.

**Оценка мощности ветряных мельниц
по уездам Рязанской губернии (XIX век)**

Уезд	$P_{\text{ветр.}} = N \times P_{\text{уд.}}$ в кВт (1 л/с = 0.736 кВт), где: $P_{\text{уд.}}$ — 11 л/сил на один постав
1. Скопинский	4 226
2. Ранненбургский	2 591
3. Пронский	2 429
4. Рязский	2 137
5. Михайловский	1 797
6. Зарайский	1 619
7. Данковский	1 506
8. Рязанский	1 490
9. Сапожковский	1 101
10. Егорьевский	599
11. Спасский	550
12. Касимовский	324
ИТОГО:	20 369

Таблица 5.

**Расчетная оценка мощности водяных мельниц
по уездам Рязанской губернии (середина XIX века)**

Уезд	Суммарная мощность водяных мельниц по уездам Рязанской губернии $P_{\text{вод.}} = \sum N \times 11 \text{ л/с} \times 75\% \times 0.736$ где: $\sum N$ общее количество поставов на водяных мельницах; 11 л/сил мощность 1 технологического поставка на ветряной мельнице; 75 % — разница производительности на 1 постав в пользу водяных, сравнительно в ветряными мельницами; 0.736 — переводный коэффициент л/сил в кВт
1. Ранненбургский	2 451
2. Рязский	1 970
3. Пронский	1 927
4. Сапожковский	1 856
5. Зарайский	1 672
6. Данковский	1 374
7. Михайловский	1 275
8. Скопинский	1 204
9. Рязанский	1 034
10. Касимовский	879
11. Спасский	793
12. Егорьевский	553
ИТОГО:	16 988

Таблица 6.

**Суммарная мощность водяных и ветряных мельниц
по уездам Рязанской губернии (XIX в.)**

Уезд	Суммарная мощность, кВт: $\sum P = P_{\text{вод.}} + P_{\text{ветр.}}$ (табл. 4–5)
1. Ранненбургский	5 430
2. Рязский	5 042
3. Пронский	4 356
4. Сапожковский	4 107
5. Зарайский	3 291
6. Данковский	3 072
7. Михайловский	2 957
8. Скопинский	2 880
9. Рязанский	2 524
10. Касимовский	1 343
11. Спасский	1 203
12. Егорьевский	1 152
ИТОГО:	37 357

В южных, «зерновых» уездах Рязанской губернии было сосредоточено 1250 водяных и ветряных мельниц, или свыше 76% от их общего количества (Скопинский, Ранненбургский, Данковский, Рязский, Пронский, Сапожковский и Михайловский уезд). Занимая не более 49% общей площади региона, здесь было сосредоточено почти 66% всей пашни. Ценность всего мельничного хозяйства в финансовых терминах превышало сумму 548 тыс. руб. серебром в год. Таким образом, водяные и ветряные мельницы являлись одним из значимых объектов экономики региона и занимали доминирующее положение в сфере переработки урожая.

Литература

1. Материалы для географии и статистики России (собранные офицерами Генерального штаба): Рязанская губерния. /Составитель М. Баранович. СПб.: Общественная польза, 1860. — 551 с.: илл.
2. Материалы Рязанской провинциальной канцелярии. Документы по Указу камер-коллегии, об отдаче на откуп из оброка желающим лицам, попорченных от весеннего разлива мельниц (1710–1781 гг.). ГАРО. Ф–1. оп. 1. д. 181.
3. Материалы Рязанской губернской плановой комиссии — Сектор сводного планирования — Мукомольный подотдел при Рязанском губернском продовольственном комитете. Состояние мельничного хозяйства по уездам Рязанской губернии за 1922–1924 гг. ГАРО. Ф. Р–324. оп. 1. д. 250.
4. Материалы плановой комиссии исполкома Рязанского областного комитета трудящихся — промышленный сектор. Материалы о строительстве и реконструкции мельничной системы облмелтреста и улучшения работы предприятий сельхозмукомолья за 1954 г. ГАРО. Ф. Р–4775 оп. 2 д. 1676.
5. Писцовая книга Рязанского края XVI–XVII вв. /Под ред. В.Н. Сторожева — Рязань: Изд-во Рязанской Ученой Архивной комиссии. Т. I. Вып. 2. 1900. — 755 с.
6. Полное наставление о гидростатических правилах, о строении мельниц каждого рода, водяных, ветровых, работающих горячим паром. В 6-ти частях. — М., 1811. — 280 с.

Атаев З.А.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Внутренние социально-экономические различия Костромской области позволяют разделить регион на две неравнозначные части, совпадающие с природным районированием территории: небольшой Приволжский район во главе с Костромой и огромное Лесное Заволжье, тяготеющее к железной дороге Буй — Котельничи (Кировская область) с общим направлением: Урал — Сибирь (рис. 1, табл. 1). В Приволжской части региона сконцентрированы основное население и наиболее экономически значимые города (Кострома, Волгорецк, Нерехта), тогда как Лесное Заволжье отличается высокой лесистостью территории (более 73% площади), густой речной сетью и редким населением (3,6 чел./км²). Относительно густо заселены лишь окрестности котловин Галичского и Чухломского озер (древние очаги русского заселения).

Исторически цепочки небольших населенных пунктов сложились вдоль рек, позднее дополненные лесопромышленными поселками (молевой сплав древесины, 22 леспромхоза и 2 сплавные конторы) и железными дорогами. В примагистральной полосе локализованы и относительно молодые города (за исключением г. Галич) и экономически значимые центры Заволжья: Буй, Галич, Нея, Мантурово, Шарья. Еще четыре малых города Лесного Заволжья (Кологрив, Макарьев, Солигалич, Чухлома) с людностью до 9 тыс. человек расположены в самой «глубинке» региона и не связаны с железнодорожной магистралью (за исключением г. Солигалич).

Специфика внутренних различий области имеет отражение и в территориальной организации энергетики. Топливные ресурсы представлены месторождениями торфа (Сухоноговское, Космынинское, Бычихинское, Ильинское, Угорское и др.) и горючих сланцев (Мантуровское). В настоящее время торф и сланцы не используются в качестве энергетического топлива для электростанций и тепловых котельных.

В Костромской области функционируют до 1 тыс. локальных котельных различной ведомственной принадлежности (табл. 2). В топливном балансе локальных котельных резко доминирует электроэнергия в качестве первичного энергоносителя (почти 1/2 объема об-

Таблица 1.

Города и плотность населения сельских административных
районов Костромской области (2002 г.)

Приволжская зона	Лесное Заволжье
Численность населения городов зоны	
1. Кострома — 286,0 тыс. чел.	1. Буй — 27,3 тыс. чел.
2. Нерехта — 27,0 тыс. чел.	2. Галич — 19,6 тыс. чел.
3. Волгореченск — 18,9 тыс. чел.	3. Мантурово — 20,3 тыс. чел.
—	4. Нея — 11,6 тыс. чел.
—	5. Шарья — 25,7 тыс. чел.
—	6. Кологрив — 3,9 тыс. чел.
—	7. Макарьев — 8,1 тыс. чел.
—	8. Солигалич — 6,9 тыс. чел.
—	9. Чухлома — 5,5 тыс. чел.
Всего 3 города; 331,9 тыс. чел.	Всего 9 городов, 128,9 тыс. чел.
Плотность населения сельских районов Костромской области (без учета населения городов, являющихся административными центрами районов)	
1. Костромской район — 21,4 чел./км ²	от 1,5 до 3,0 чел./км ²
2. Красносельский район — 11,2 чел./км ²	1. Кологривский район — 1,6 чел./км ²
3. Нерехтинский район — 10,2 чел./км ²	2. Солигаличский район — 1,9 чел./км ²
—	3. Чухломский район — 2,4 чел./км ²
—	4. Нейский район — 2,5 чел./км ²
—	5. Макарьевский район — 2,7 чел./км ²
—	6. Мантуровский район — 2,9 чел./км ²
—	7. Буйский район — 2,9 чел./км ²
—	8. Кадыйский район — 2,9 чел./км ²
—	от 3,0 до 5,0 чел./км ²
—	9. Межевский — 3,0 чел./км ²
—	10. Поназыревский район — 3,2 чел./км ²
—	11. Пыщугский район — 3,3 чел./км ²
—	12. Парфеньевский район — 3,4 чел./км ²
—	13. Октябрьский район — 3,5 чел./км ²
—	14. Шарынский район — 3,5 чел./км ²
—	15. Антроповский район — 4,2 чел./км ²
—	16. Павинский район — 4,3 чел./км ²
—	17. Вохомский район — 4,4 чел./км ²
—	от 5,0 до 7,0 чел./км ²
—	19. Сусанинский район — 5,0 чел./км ²
—	20. Островский район — 6,1 чел./км ²
—	21. Судиславский район — 6,5 чел./км ²
Средний показатель по зоне: 14,3 чел./км ²	Средний показатель по зоне: 3,6 чел./км ²

В авторской таблице для расчетов использованы исходные данные: Костромская область. Адм. карта. — М.: Роскартография, 2002. — М. 1:500 000.

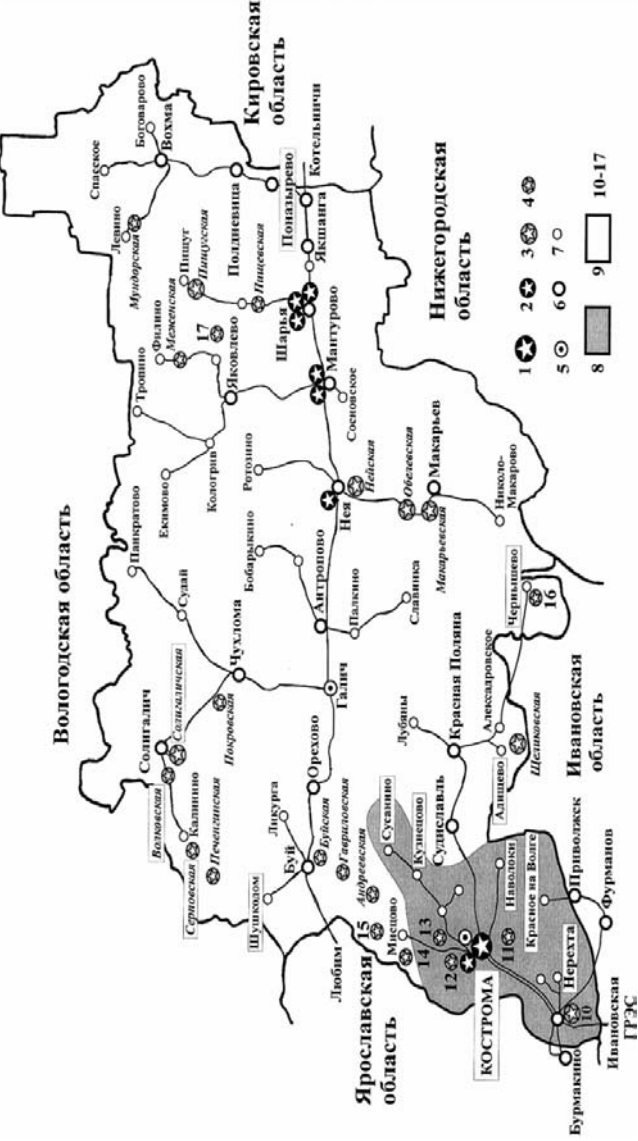

Рис. 1. Зоны централизованного и децентрализованного электроснабжения Костромской области (1961–1965 гг.)

Тепловые электростанции (ТЭС): 1 — ТЭС до 100 МВт; 2 — малые ТЭС 1–30 МВт. Объекты малой гидроэнергетики: 3 — мини-ГЭС от 0,1 до 1 МВт; 4 — микро-ГЭС до 0,1 МВт. Подстанции: 5 — 220 кВ; 6 — 110 кВ; 7 — 35 кВ. Зона централизованного снабжения: 8 — на 01.01.1961 г.; 9 — на 01.01.1965 г. ГЭС: 10 — Нерехтинская мини-ГЭС; 11 — Ивакинская микро-ГЭС; 12 — Апраксиновская микро-ГЭС; 13 — Царевская микро-ГЭС; 14 — Пустыньская микро-ГЭС; 15 — Фоминская микро-ГЭС; 16 — Чернышевская микро-ГЭС; 17 — Слепцовская микро-ГЭС. Реконструкция автора на основе материалов музея ОАО «Костромаэнерго».

Таблица 2. Котельные жилищно-коммунального хозяйства в административных районах Костромской области (2004 г.)

Структура потребления котельного топлива по районам Костромской области							
Район	Количество котельных, ед. (всего 926 ед.)	Топливный баланс котельных района, %					
		Электроэнергия	Уголь	Дрова	Мазут	Газ	Дизельное и печное топливо
1. Антроповский	81	—	27,7	60,7	11,6	—	—
2. Буйский	35	48,6	49,7	1,7	—	—	—
3. Вохомский	41	66,6	4,9	28,5	—	—	—
4. Галичский	112	57,2	11,7	7,3	22,9	—	0,8
5. Кадыйский	22	—	—	85,0	—	—	15,0
6. Кологривский	—	—	—	—	—	—	—
7. Костромской	—	—	—	—	—	—	—
8. Красносельский	11	0,3	52,9	—	—	46,9	—
9. Макарьевский	22	—	100,0	—	—	—	—
10. Мантуровский	32	43,4	31,1	25,5	—	—	—
11. Межевский	44	32,0	34,3	33,7	—	—	—
12. Нейский	7	—	69,4	30,6	—	—	—
13. Нерехтинский	133	48,8	15,3	0,4	—	30,8	4,8
14. Октябрьский	58	46,7	—	51,5	—	—	1,7
15. Островский	41	—	34,5	18,0	47,1	—	0,4
16. Павинский	37	77,2	—	22,8	—	—	—
17. Парфеньевский	19	46,9	31,0	21,8	—	—	0,3
18. Поназыревский	16	20,7	9,7	69,6	—	—	—
19. Пыщугский	25	91,0	—	9,0	—	—	—
20. Солигаличский	50	93,8	1,5	4,7	—	—	—
21. Судиславский	37	18,0	71,5	2,1	8,5	—	—
22. Сусанинский	37	51,1	40,7	3,8	—	—	4,5
23. Чухломский	45	—	9,4	90,6	—	—	—
24. Шарьинский	21	—	92,4	7,6	—	—	—
Топливный баланс локальных котельных Костромской области							
Вид топлива		Расход топлива, т.у.т. в год		Доля первичного энергоносителя в суммарном балансе котельных области, %			
1. Электрическая энергия		80 723		47,3			
2. Каменный уголь		40 937		24,0			
3. Дрова		25 418		14,9			
4. Мазут		10 874		6,4			
5. Природный газ		10 188		6,0			
6. Диз. и печное топливо		2 357		1,3			
Итого:		170 497		100,0			

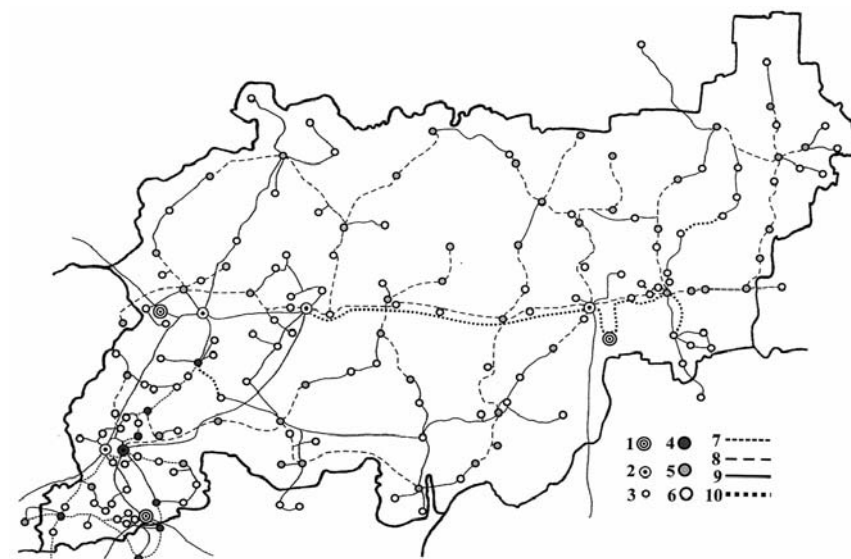

Рис. 2. Эволюция территориального каркаса электрической сети Костромской области (1961–2006 гг.)

Подстанции (ПС): 1 — 500 кВ; 2 — 220 кВ; 3 — 35–110 кВ. Этапы ввода в эксплуатацию подстанций: 4 — до 01.01.1961 г.; 5 — 01.01.1965 г.; 6 — 1970–1980 гг. Исключение составляет ПС 500 кВ «Звезда». Ввод ЛЭП: 7 — до 01.01.1961 г.; 8 — на 01.01.1965 г.; 9 — 1970–1980 гг.; 10 — 1990–2005 гг. Реконструкция автора на основе материалов ОАО «Костромаэнерго».

щего топливopотребления в регионе). Почти 30% от общего числа электрических котельных стали таковыми после 1992 г., т. е. после либерализации цен на топливо и при сохранении искусственно низких тарифов на электроэнергию.

Природный газ используется только в Приволжской части региона — Костромском, Красносельском и Нерехтинском районах. Однако даже в разрезе этих районов природный газ не доминирует в топливном балансе местных котельных (31–47%), большую значимость имеет привозной каменный уголь и электроэнергия (49–53%). В Лесном Заволжье топливная составляющая котельных более разнообразна, хотя в районном разрезе также имеет свои особенности. Так, электроэнергия доминирует в качестве первичного энергоносителя котельных в 10 наиболее малозаселенных районах (44–94% объема топливopотребления), еще в 10 районах более значима доля каменного угля и дров (50–100%). Доминирование мазутного топлива на-

Таблица 3.

Электростанции Костромской области (2004 г.)

Электростанция	Установ- ленная мощность, МВт	Дополнительные сведения
9. Костромская ГРЭС	3600	системообразующая электростанция РАО «ЕЭС России» г. Волгореченск, первая очередь энергоблоков введена в эксплуатацию в 1969–1974 гг., вторая построена за 1971–1973 гг., третья очередь энергоблоков вступила в строй за 1976–1980 гг.
10. Костромская ТЭЦ-1	33	1930 г., г. Кострома
11. Костромская ТЭЦ-2	170	1974 г., г. Кострома
12. Шарьинская ТЭЦ	12	1965 г., г. Шарья, пиковая мощность электростанции в 1980-е гг. составляла 24 МВт
4 станции суммарной мощностью 3815 МВт: 1 ГРЭС (3600 МВт) и 3 ТЭЦ (215 МВт)		

блюдается только в Островском административном районе (более 47% в балансе локальных котельных).

По мощности станций (3,8 млн. кВт) и объему среднегодового производства электроэнергии (13,6 млрд. кВт ч) регион в ЦЭР уступает только Московской, Тверской, Смоленской областям — Москве. Региональный сетевой потенциал составляет по всем классам напряжения почти 30 тыс. км, включая и кабельные сети (рис. 2–3). В ОАО «Костромаэнерго» насчитывается 4 сетевых предприятия, эксплуатирующих сети 0,4/10–110 кВ: Центральные электросети (с плотностью сетей в зоне обслуживания — 1,2 км ЛЭП/км²), Галичские (0,43 км ЛЭП/км²), Шарьинские (0,39 км ЛЭП/км²) и Нейские сети (0,29 км ЛЭП/км²).

Потенциал линий электропередач высокого и сверхвысокого напряжения (220–500 кВ), являются собственностью Федеральной сетевой компании (ФСК). Собственно системообразующие сети включают ЛЭП 500 кВ и 3 подстанции («Костромская АЭС», «Костромская ГРЭС» и «Звезда»), предназначенные для выдачи мощности Костромской ГРЭС и обеспечения транзитных связей с энергосистемами Московской, Ивановской, Нижегородской, Вологодской и Кировской областей.

Питающие сети (110–220 кВ) включают 55 ПС 110 кВ и еще 5 подстанций 220 кВ (2 ПС в Костроме и 3 ПС в области). Длина этих сетей превышает 2,5 тыс. км (2005 г.). С учетом еще 108 подстанций и 2740 км сети напряжением 35 кВ в области всего насчитывается

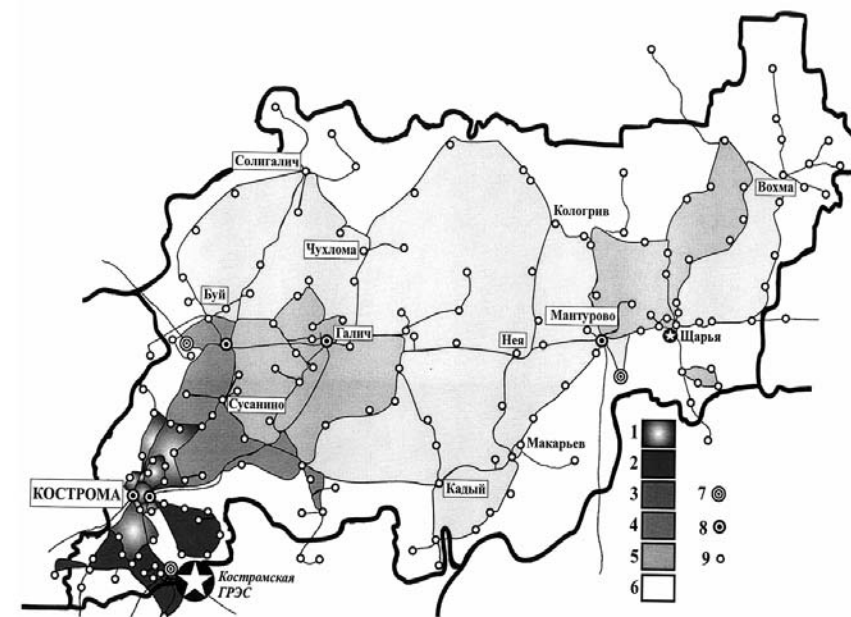

Рис. 3. Плотность сельского населения по циклам питающей электрической сети Костромской области (2002 г.)

Плотность сельского населения по циклам: 1 — от 21,4 чел./км² и более; 2 — от 10 до 12 чел./км²; 3 — от 5 до 9 чел./км²; 4 — от 3 до 5 чел./км²; 5 — от 1,5 до 3 чел./км²; 6 — до 1,5 чел./км². Электрические подстанции: 7 — 500 кВ; 8 — 220 кВ; 9 — 35–110 кВ.

Плотность населения рассчитана без учета горожан по источнику: Костромская область. Административная карта. М. 1:500 000. — 2002 г.

168 подстанций диапазона напряжения 35–220 кВ (на начало 1990-х гг. было 128 ПС), суммарной мощностью почти 3 млн. кВт·А и длиной ЛЭП до 5,3 тыс. км.

Распределительные сети используют низкое напряжение (0,4–6–10 кВ). В ОАО «Костромаэнерго» длина сети напряжением 6–10 кВ составляет более 12,5 тыс. км. И это без учета потенциала электросетей самого низкого (бытового) напряжения — 0,4 кВ до 10 тыс. км. Сегодня износ сетевой инфраструктуры в регионе превышает 90%, а более 1/2 объема отпуска электроэнергии составляют потери в сетях общего пользования, что определяет постановку проблемы надежности энергоснабжения.

Для изучения структуры энергетического пространства области рассмотрим морфологию сети 35–220 кВ на основе положений мате-

матической теории графов [5]. Тип «циклические питающие сети» в области представлен 31 образованием с учетом 3 связанных циклов с соседними регионами: один цикл с Ярославской и два цикла Ивановской областью (табл. 4, рис. 4).

Таблица 4.
**Морфология и метрика циклов питающей электрической сети
Костромской области (35–110–220 кВ)**

Морфология и метрика циклических сетей	Число циклов	Число выходов ЛЭП за пределы региона
Главный остов электросети:		
1-й топологический ярус	31	15
2-й топологический ярус	3	
Внеостовный петлевой цикл	1	
Внеостовные циклы-острова	2	

Фрагмент таблицы из [3. С. 242].

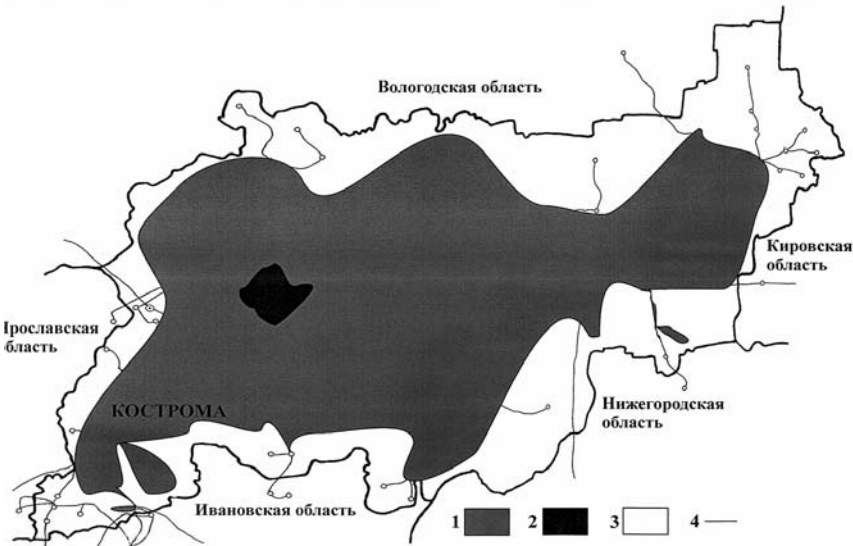

**Рис. 4. Топоморфологические части питающих электросетей
Костромской области [3. С. 248]**

Зона циклических сетей: 1 — первый топологический ярус; 2 — второй топологический ярус; 3 — зона древовидных сетей; 4 — питающие линии электрических передач (35–110–220 кВ).

В питающих электросетях первый топологический ярус включает 28 циклов, второй ярус — 2 цикла. Анализ пространственного каркаса электроэнергетики предлагается провести сопряжено с показателем плотности населения в пределах сетевых циклов (рис. 3). Главный остов питающей сети оконтуривает зону наиболее плотного заселения и освоения в регионе, а метрика циклов по ярусам позволяет выделить зоны гарантированного энергообеспечения (сгущение циклов в Приволжской части с плотностью населения 10–25 чел./км²) так же, как и депрессивные ареалы с относительно низким уровнем надежности энергообеспечения (крупные и разреженные циклы сети Лесного Заволжья с низкой плотностью населения — от 1 до 5 чел./км²).

Дифференциация энергетического пространства Костромской области отражает ее главные полосы, приуроченные к многофункциональным транспортным жгутам. Так, ЛЭП 220 кВ расходятся лучами от основных энергоузлов области — г. Костромы и Костромской ГРЭС. Западное и южное простираение ЛЭП связывает регион с энергоузлами Ярославской и Ивановской области вдоль Северной железной дороги и ответвлений федеральной автотрассы М8 Архангельск–Москва (А113 Ярославль–Кострома, Кострома–Иваново–Владимир–Москва).

Сети 220 кВ, отходящие в северо-восточном направлении, также приурочены к транспортной ориентации железной и автомобильной дорог, образуя сетевой цикл, связывающие подстанции 220 кВ по линии: Кострома–Борок–Галич. Наиболее показательно влияние субширотной полимагистрали, пересекающей регион почти посередине и состоящей из автодороги Буй–Шарья, железнодорожной магистрали Вологда–Киров, системообразующей ЛЭП 500 кВ «ПС Костромская АЭС — Вятка» (Кировская область). Именно этот транспортный жгут является основой развития всех сетевых циклов в Лесном Заволжье.

Сочетание морфологических образований в главном остова сети проявляется не только приуроченностью к многофункциональным полимагистралям но и формированием внеостовных новообразований. Так, имеет место случай образования побочного остова в Красносельском районе (одна вершина сочленения с главным остовом), где неким разделителем выступает артерия р. Волга. Встречаются случаи образования цикла-петли с соседним регионом, например, западнее города Нерехта (Ярославская железная дорога., автомагистраль А113 Ярославль–Кострома). В регионе встречается и такое образование, как цикл-остров, соединенный с главным остовом единственным

дендритом, в окрестностях селения Рождественское в Шарьинском административном районе (автодорога Шарья–Ветлуга).

Геосетевой анализ морфологии циклических сетей в топологических ярусах с признаками типа управляющей структуры позволяет высказать следующие суждения (рис. 5).

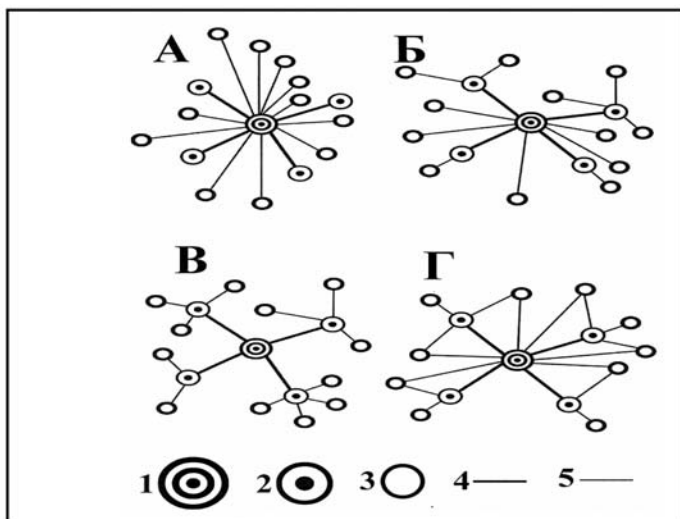

Рис. 5. Графы, отражающие типы и свойства управляющей структуры энергосистемы (по В.М. Чебану, А.К. Ландману)

1–3 — энергетические узлы разной мощности и назначения (электростанция-подстанция), 4–5 — электрические сети разного класса и функционального назначения.

Использованы данные и схема [9. С. 14].

А — строго централизованный тип. Очень низкая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Очень низкие технологические возможности для поэтапного ввода разных сегментов энергосистемы в эксплуатацию в случае аварий или иных сбоев. **Очень высокая уязвимость энергосистемы** и соответственно потребителей в зоне обслуживания в случае аварий.

Б — централизованный тип. Низкая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Средние технологические возможности для поэтапного ввода сегментов энергосистемы в эксплуатацию в случае аварий и сбоев. **Высокая уязвимость энергосистемы** и потребителей в случае аварий и сбоев.

В — иерархический тип. Очень высокая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Низкие технологические возможности для поэтапного ввода сегментов энергосистемы в эксплуатацию в случае аварий и сбоев. **Низкая уязвимость энергосистемы** и потребителей в случае аварий и сбоев.

Г — смешанный тип. Низкая потребность в автоматизированных каналах передачи информации. Очень высокие технологические возможности для поэтапного ввода сегментов системы в эксплуатацию в случае аварий. **Очень низкая уязвимость энергосистемы** и потребителей в зоне обслуживания в случае аварий и сбоев.

Первый топологический ярус питающей электросети не охватывает полностью территорию Костромской области. С условно внешней стороны яруса остается 30–35% площади региона, где сложившаяся морфология питающей сети определяет развитие строго централизованного типа управляющей структуры с очень низкой надежностью энергоснабжения. Анализ конфигурации 28 циклов с условно внутренней стороны 1 яруса (60% площади региона) свидетельствует о закреплении централизованного типа управления питающими сетями с низкой надежностью энергоснабжения. Во 2 ярусе морфология циклов питающей сети указывает на наличие признаков иерархического типа управляющей структуры для 2 сетевых циклов энергосистемы (высокая надежность снабжения). Таким образом, до 3/4 площади области признано проблемной в случае возникновения аварии в региональной энергосистеме.

На основе пространственного моделирования может быть решена задача повышения каркасной надежности электросети за счет роста сложности морфологического типа управляющей структуры (рис. 6). В Костромской области вместо ныне существующего 31 цикла питающей электрической сети может быть сформировано почти 110 циклов, а число топологических ярусов возрастет от двух до трех. Тогда тип строго централизованной системы управления сетью на периферии замещается на смешанный тип, главный остов почти достигает границ области, пространственный каркас энергосистемы приобретает двухуровневое построение.

Основу первого уровня энергетического пространства составляют циклы централизованной питающей сети. Второй уровень — это множество территориально сочетающихся энергосистем (циклов) локального значения, ориентированных на энергоносители разной природы и имеющих связь с «Костромаэнерго» посредством общей сети. В практике взаимодополняющей работы централизованной и локальной энергосистем, необходимо определить стратегию выбора типа

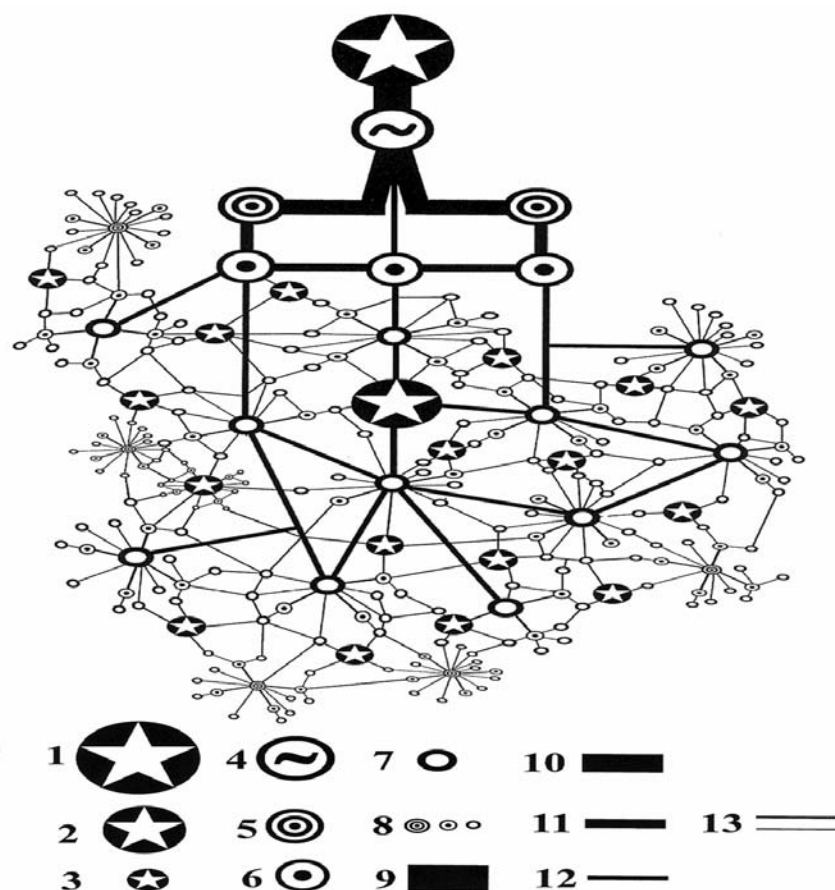

Рис. 6. Модель двухуровневой организации централизованной и локальной энергетической системы (авторское видение сочетания централизованных и локальных энергосистем) [3. С. 31]

Электростанции: 1 — федеральная тепловая станция мощностью ≥ 1 тыс. МВт; 2 — тепловая станция региональной энергосистемы мощностью до 1 тыс. МВт; 3 — малая электростанция локальной энергосистемы, мощностью до 30 МВт. Электрические подстанции (ПС): 4 — системообразующие ПС 750 кВ; 5 — системообразующие ПС 500 кВ; 6 — системообразующие и питающие ПС 220 кВ; 7 — питающие ПС 35–110 кВ; 8 — распределительные ПС 10–6–0,4 кВ. Линии электрических передач (ЛЭП): 9 — системообразующие ЛЭП 750 кВ; 10 — системообразующие ЛЭП 500 кВ; 11 — системообразующие и питающие ЛЭП 220 кВ; 12 — питающие ЛЭП 35–110 кВ; 13 — распределительные ЛЭП 10–0,4 кВ.

малых электростанций в качестве генерирующей основы локальных энергосистем.

Для функционирования малых-ГТУ-ТЭЦ отечественного производства требуется наличие газопровода с внутренним давлением 2,5 МПа. В Костромской области к таковым может быть отнесен только участок ответвления от газопровода межрайонного значения «Нижний Новгород–Иваново–Череповец» к Костромской ГРЭС и областному центру.

Более перспективен вариант развития малой энергетики на основе газо-поршневых двигателей, лучше адаптированных для работы от газопроводов более распространенного стандарта городской и сельской сети (0,3–1,2 МПа). Современный уровень сельской газификации в области близок к степени полной обеспеченности (88%) [6. С. 208]. Но по сетевому виду газоснабжения газифицировано не более 15–20% жилищного фонда региона. Остальная доля, и особенно в сельской местности, приходится на баллонный вариант газификации, что не может обеспечить нужды теплоснабжения. В области развитие малых-ТЭЦ на основе газо-поршневых двигателей возможно только в районах, где реализован сетевой вариант газификации: в Костромском, Нерехтинском, Красносельском и частично в Сусанинском административном районе.

Современный экономический потенциал ресурсов энергии ветра Костромской области оценен автором по мощности почти в 95 МВт, а по объему годового возобновления до 280 млн. кВт·ч (1998 г.) [1. С. 50, 53]. По среднегодовой скорости ветра регион не может быть признан перспективным для развития ветроэнергетики (не более 3 м/с в год). Вместе с тем отдельные части области могут быть признаны эффективными для эксплуатации ветроэнергостанов мощностью 1–10 кВт. К таким зонам могут быть отнесены побережья крупных водоемов (Горьковское водохранилище, озера Галичское и Чухломское), где благоприятное сочетание широкой водной поверхности озер, отсутствие сплошных лесных массивов и наличие возвышенного рельефа (Галичская и Чухломская возвышенность) имеют следствием наличие высокого ветроэнергopotенциала территории.

Не менее значимы для развития ветроэнергетики зоны вдоль крупных рек, характеризующиеся высоким показателем среднегодовой скорости ветра вследствие действия «коридорного эффекта» в речной долине (Волга, Кострома, Нея, Унжа, Ветлуга и др.). Перспективны и возвышенные участки региона с высотами более 200–250 метров. Это территория Солигаличской и Кологривской воз-

вышенности в системе Северных Увалов. Об этих возможностях свидетельствует и историческая практика эксплуатации ветряных двигателей в регионе.

Однако большую хозяйственную значимость в Костромской области имели гидроэнергоустановки (рис. 1). Картометрический анализ свидетельствует, что в регионе почти у каждого села существует благоприятный речной створ (всего около 300), что примерно соответствует числу современных сельских администраций (269). Большинство этих поселений выполняли административные функции на протяжении последнего столетия. По состоянию на 1945 г. эксплуатировалось примерно 300 мельничных и лесосплавных плотин. В период 1940–1950-х гг. на их основе было построено 46 МГЭС суммарной мощностью 1,8 МВт, а еще на 187 объектах проводились проектно-изыскательские работы [7. С. 235–236, 256]. В 1946 г. экономический потенциал гидроэнергетических ресурсов Костромской области был оценен в 11 МВт по мощности [4. С. 105]. В 1994 г. для региона была обоснована целесообразность возрождения малых гидроэлектростанций общей мощностью 14 МВт [10]. Исходя из среднегодовой загрузки гидротурбин (3,5 тыс. час), экономический ресурс региона определен в 49 млн. кВт·ч/год [2].

Таким образом, суммарный экономический потенциал энергии ветра и ресурсов для развития малой гидроэнергетики в регионе составляет почти 110 МВт по мощности и до 330 млн. кВт·ч по объему производства. Среднегодовое производство 3 региональных ТЭЦ достигает 1,4 млрд. кВт·ч электроэнергии (2005 г.). Следовательно, экономический ресурс возобновляемой энергетики региона только по двум видам энергоносителя составляет до 24% объема генерации на тепловых электростанциях в Костромской области.

Рост многообразия энергоустановок определяет рост надежности энергоснабжения, а отбор направлений взаимного дополнения разномасштабных энергосистем зависит от специфики и содержания «месторазвития» (цикла). Основные направления пространственного комбинирования разномасштабных энергосистем имеют следующее содержание:

1. Наиболее малозаселенная часть сельской местности Костромской области (до 1,5 чел./км²) ограничивает целесообразность расширения потенциала электросетей. В таких зонах функционирование локальных систем является почти единственным способом решения энергетических и социальных проблем территории, в том числе по автономной схеме энергоснабжения маломощных потребителей в зонах большой протяженности распре-

делительных сетей от фидера питающей подстанции. Таким образом, на передний план выдвигается социально-экономический аспект «месторазвития», а территориальный аспект такого масштаба позволяет отнести к ним крупные и периферийные циклы со слабой связностью сети (тип «ветвь–дерево»), зоны доминирования малолюдных поселений и очагового сельского расселения (синоним: зоны «белых пятен», «черных дыр», «вымирающих деревень» и т. д.).

2. В районах с более высокой долей малолюдных поселений и редким населением (от 1,5 до 3,0 чел./км²) по причине износа сетей резко снижается надежность энергообеспечения, и при этом доминирует инфраструктурный аспект обустройства «месторазвития». По состоянию на 2006 г. в области насчитывается более 1,1 тыс. км «бесхозных» ЛЭП и до 1 тыс. подстанций 6–10 кВ (фонды изношены на 100%). Указанный потенциал составляет почти 9% ЛЭП 6–10 кВ ОАО «Костромаэнерго» (12,5 тыс. км), причем это без учета износа собственной инфраструктуры, что снижает надежность энергоснабжения. Проблема может быть решена путем комбинирования локальной и централизованной энергосистемы. В этой схеме малые электростанции служат основным источником генерации энергии для зоны обслуживания локальной системы, имеющей слабые связи с централизованной системой. Работа малых генераторов по схеме модульных сегментов в общей энергосистеме позволяет повысить энергоэкономические показатели функционирования по комплексу эффектов, в том числе и по параметру надежности.
3. В рекреационных и природоохранных зонах также применимы схемы комбинирования локальных и централизованных энергосистем, где базовую нагрузку несет локальная энергосистема, а ее переходную часть — централизованная. Вариант актуален и для экологически неблагополучных территорий с целью замены многочисленных тепловых котельных пространственно дисперсных потребителей. Такие модули наиболее целесообразны на основе возобновляемых энергоисточников (ВИЭ), когда во главу угла ставится экологический аспект «месторазвития». Трансформация котельных в когенерационные установки с двойным циклом производства энергии (малые-ТЭЦ) и на основе использования ВИЭ — наиболее приемлемая схема функционирования локальных систем не только с точки зрения экологии, но и эффективности в условиях роста тарифов на энергию.

4. Четвертое направление перспективно для «месторазвития» по принципу «полюса роста» (особенно в Приволжской зоне). Схема локальной энергосистемы предусматривает эксплуатацию модуля малой генерации как неотъемлемой составляющей централизованной системы. Это максимально оптимизирует эластичность производства при высокой надежности самой системы снабжения и одновременно приводит к росту синергетических эффектов в результате такого синтеза (эффект «домино»). Сопряженная энергосистема особенно перспективна для территорий с резко возрастающим спросом на энергию (пригородная зона, рентабельные сельскохозяйственные организации, коттеджные поселки повышенной комфортности, зоны массового перехода на электроотопление и т. д.). Место локальной и централизованной энергосистемы в графике нагрузки будет зависеть от конкретных условий местности, объема потребностей в сезонном и суточном разрезе, текущего уровня цен на энергоносители и т. д.

Литература

1. Атаев З.А. Экономико-географические предпосылки использования возобновляемых источников энергии в сельской местности Центрального экономического района России (на примере Рязанской и сопредельных областей): Дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.11. (Приложение) / Моск. гос. ун-т землеустройства. — М., 1998. — 103 с.
2. Атаев З.А. Территориальная организация локальной энергетики ЦЭР России: Монография / З.А. Атаев; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — М.; Рязань: Изд-во МПСИ, 2006. — 344 с., 15 с. ил.
3. Атаев З.А. Географические основы локальной энергетики Центрального экономического района России: монография / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2008. — 284 с.
4. Григорьев С.В. Потенциал энергоресурсов малых рек СССР. — Л.: Гидрометеиздат, 1946. — 105 с. (Сер. I (IV)).
5. Оре О. Теория графов. — 2-е изд. — М.: Наука, 1980. — 356 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Статистический сборник / Федеральная служба госстатистики. — М.: Росстат, 2005. — 966 с.
7. Смулов В.В., Тимонин Ю.К. Свет над землей Костромской: Страницы истории электрификации области. (К 40-летию «Кострома-энерго»). — Кострома: ГУИПП «Кострома», 2001. — 520 с.

8. Список котельных Костромской области. — М.: ГНУ ВИЭСХ. Фондовый материал отдела возобновляемых источников энергии, 2003. — 27 л.
9. Управление режимами электроэнергетических систем в аварийных ситуациях / В.М. Чебан, А.К. Ландман, А.Г. Фишов. — М.: Высшая школа, 1990. — 144 с.: ил.
10. Федеральная целевая программа развития энергетических систем агропромышленного комплекса России на основе использования нетрадиционных источников энергии на 1996–2000 гг. «Возобновляемая энергетика села — 2000». — Кн. 3: Аналитический обзор. Проблемы и перспективы развития систем энергоснабжения села / Главное управление инженерного и социального обустройства сельскохозяйственных территорий Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации. — М., 1994. — 55 с.

Тузова А.А.

МАСШТАБЫ И ДИНАМИКА ТЕНЕВОГО СЕКТОРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹⁹

В результате обработки массива экспертных данных по 145 отдельно взятым странам мира [4] нами установлено, что по состоянию на 2005 г. масштабы теневой экономики составляют примерно 16% их совокупного официально регистрируемого валового внутреннего продукта (ВВП). Эту цифру можно считать результирующей и для мирового хозяйства в целом, т.е. теневая экономика по своим размерам достигает примерно 1/6 валового мирового продукта.

Какова динамика теневых секторов во времени? В группе экономически развитых стран за период 1990–2005 гг. в 19 странах из 21 отмечается ускоренный рост теневых секторов экономики по отношению к официально регистрируемому ВВП. В одном случае зафиксирован «нулевой» рост и в одном — незначительная убыль. Размеры прироста варьируют в диапазоне 0,3–5,3 процентных пункта. В целом же масштабы теневых секторов в этой группе стран, производящих 73% валового мирового продукта, за 1990–2005 гг. увеличились с 10,1% до 11,7% их суммарного ВВП, т.е. на 1/6.

Общая тенденция опережающего роста теневой экономики в сравнении с официально регистрируемой хозяйственной деятельностью прослеживается и в развивающихся странах, хотя картина здесь более пёстрая. В Китае с начала 1990-х гг. масштабы теневой экономики в процентах к ВВП выросли более чем в 1,5 раза, в Индии — на 3, а в Республике Корея — на 7 процентных пункта. В Латинской Америке прирост соответствующих показателей за 1990–2005 гг. составил: в Бразилии — 13, в Аргентине и Венесуэле — на 5, в Колумбии — на 17 процентных пункта. В Мексике в связи с её вступлением в Североамериканскую зону свободной торговли НАФТА отмечено снижение этого показателя на 1–2 процентных пункта, что объясняется плодотворным эффектом тесного экономического взаимодействия с США и Канадой.

За последние 15 лет теневой сектор разрастался практически во всех группах стран современного мира, но особенно заметно —

¹⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 07-06-00398).

в странах с переходной экономикой. В этой группе, включающей государства Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР, масштабы теневой экономики за 1990–2005 гг. выросли с 27% до 38% их суммарного ВВП, т.е. теневой сектор здесь рос почти в 1,5 раза быстрее официального.

Изменение размеров теневых секторов в рамках мирового хозяйства определяется не только его ростом или убылью по отдельно взятым странам. Очень важную роль в этом играют также сдвиги в географии мирового хозяйства, обусловленные различными темпами роста национальной экономики, а именно — валового внутреннего продукта, в процентах к величине которого и измеряются масштабы теневой экономики. Сдвиги в географии мирового хозяйства способны сами по себе породить эффект роста теневых секторов в мировом масштабе. С теоретических позиций, его размеры, исчисленные в процентах к валовому мировому продукту, могут расти даже в случае их сокращения во всех отдельно взятых странах за счёт изменения их «весов», т.е. соотношения валовых внутренних продуктов, в пользу стран с более высокими размерами теневых секторов.

О динамике теневых секторов за период в 15 лет можно судить по достаточно репрезентативной информационной базе, охватывающей 70 стран мира [3; 4]. Итоги обработки экспертных данных по этим странам свидетельствуют о том, что теневая экономика в период 1990–2005 гг. росла примерно на 1/5 быстрее, чем официально регистрируемая, и её масштабы увеличились с 13% до 16% их совокупного ВВП. Примерно так обстоит дело и в мировом масштабе, т.к. на долю 70 стран, по которым мы располагаем экспертными данными, приходится до 89% валового мирового продукта.

Чем вызван опережающий рост теневых секторов в современную эпоху? Во-первых, это перенос центра тяжести экономической жизни в сферу услуг (к началу XXI века на долю услуг приходится 62% валового мирового продукта), где, судя по многочисленным признакам, удельный вес теневых секторов как правило выше, чем в сфере материального производства. Это связано со специфическими особенностями «сервисной экономики», сравнительно латентной по своей природе, которая производит «нематериальную» продукцию, проходящую по статьям «невидимого» экспорта и т.д.

Во-вторых, это информационная революция, породившая на периферии мирового хозяйства так называемый «демонстрационный эффект». Стремление копировать западные потребительские стандарты и имитировать «голливудский шик» в бедных странах стимулирует производство и потребление товаров-подделок, нелегальный

ных продуктов и т.п. С другой стороны, современные информационные технологии служат эффективным инструментом теневого бизнеса. Развитие всемирной сети Интернет привело к созданию «виртуального» экономического пространства и развитию электронной коммерции. Перемещение товаров и услуг по каналам «всемирной паутины» сложно контролировать, они зачастую просто неуловимы для целей налогообложения и статистического учёта. В итоге, 36% реализуемого в мире программного обеспечения, продаётся с нарушением авторских прав (к категории «пиратского» относится 22% программного обеспечения, устанавливаемого в США, 29% — в Великобритании, 31% — в Швейцарии, 87–88% — в России и Индонезии, 91% — на Украине), а 50–65% всего проходящего по Интернету трафика приходится на контрафактный «контент».

Теневая экономика в её нынешнем виде является в немалой степени порождением процессов глобализации, охвативших мир в последней четверти XX века. В эпоху, когда силы пространственного трения, тормозившие прежде движения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы из одной страны в другую значительно ослабли, новую динамику обрели и явления теневой экономики, проявившие свой глобальный характер. Не случайно теневую экономику рассматривают в качестве одной из глобальных проблем современности. Либерализация международных экономических отношений расширила возможности для вывоза «теневых» капиталов, торговли нелегальными продуктами, для «серого» импорта и т.п. В современную эпоху рост теневой экономики в развитых странах связан в том числе и с её «импортом» из остального мира, где этот феномен представлен в избытке. В частности, рост численности иммигрантов, особенно нелегальных иммигрантов, в передовых странах Запада, создаёт «питательную среду» для развития теневого бизнеса, имеющего зачастую этническую окраску.

Развитие оффшорных зон, новое международное разделение труда, связанное с переходом развивающихся стран к стратегии промышленного экспорта, широко практикующийся «аутсорсинг» — всё это современные источники роста теневого сектора мирового хозяйства. Но главная, институциональная, причина кроется в усиливающемся противоречии между глобальным характером экономики и локальными принципами налогообложения.

Наконец, это переход от плановой экономики к рыночной во многих странах Европы и Азии, который сопровождался расцветом теневого бизнеса, ставшего своеобразным «демпфером», смягчившим для населения тяготы переходного периода. Вопреки мнению многих отечественных авторов периода «перестройки и гласно-

сти» о том, что с легализацией «рыночных отношений» неофициальная коммерческая деятельность канет в небытие, произошло обратное. В период становления капиталистического рынка и на фоне глубокого экономического спада мы стали свидетелями взрывного роста теневой экономики.

С точки зрения размещения и масштабов теневого сектора в мировом хозяйстве сложилась явно выраженная д и х о т о м и я. В «центре» мирового хозяйства, который образуют развитые страны, производящие 73% валового мирового продукта, размеры теневого сектора экономики составляют 11–12% их совокупного ВВП. В остальном мире, который мы с известной долей условности называем «периферией» и который включает огромное множество стран разного типа (как развивающихся, так и с переходной экономикой), размеры теневого сектора составляют 30% их совокупного ВВП. Таким образом, глобальный «рисунок» теневой экономики образует «кольцевую» структуру (Табл. 1), и разница в относительных размерах теневого сектора между «центром» и «периферией» мирового хозяйства имеет 2,5-кратную величину.

Таблица 1.

	ВВП, 2005 г.	Доля в валовом мировом продукте	Размеры теневых сектора, в % ВВП
Развитые страны	32,3 трлн.долл.	73%	11–12%
Остальной мир	11,9 трлн.долл.	27%	30%
Мировое хозяйство в целом	44,2 трлн.долл.	100%	16%

В современном мире существует в целом обратная зависимость между (1) размерами индексов экономической свободы и конкурентоспособности, уровнем развития гражданского общества, душевыми показателями ВВП — с одной стороны, и (2) развитием теневого сектора экономики, коррупцией — с другой. Если показатели первой группы (1), достигая наивысших значений в «центре» мирового хозяйства, затем резко убывают, то показатели второй группы (2) наоборот достигают наивысших значений именно на «периферии» мирового хозяйства.

Следует отметить, что и в пределах выделенных в мировом хозяйстве зон масштабы теневой экономики заметно различаются. Так в экономически развитых странах размеры теневой экономики колеблются от 7% валового внутреннего продукта в Швейцарии и 8–10%

в США, Японии, Великобритании до 20–26% в Италии, Испании и Греции. Следует отметить, что в развитых странах высокий уровень налогообложения — один из главных факторов развития теневой экономики. Коэффициент корреляции здесь достигает 0,72.

В странах Центрально-Восточной Европы и в государствах, возникших на пространствах бывшего СССР, разброс показателей — от 18% в Чехии и Словакии до 50–60% в Молдове и Грузии. Наконец в развивающихся странах размеры теневого сектора варьируют от 17–19% в Чили и Китае до 43–62% валового внутреннего продукта в Бразилии, Нигерии, Колумбии, Перу, Таиланде, Филиппинах, Шри-Ланке и др. Фактически в трети развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки теневой сектор развит настолько, что можно говорить о существовании «параллельной» («второй») экономики, сопоставимой по своим масштабам с официальной.

Теневая экономика, как феномен не только экономического, но и социального, — это «привилегия» бедных стран, не обременённых демократическими традициями, и идущих по пути «догоняющего» развития. Она менее всего развита там, где сильны институты рыночной экономики и гражданского общества. Весь комплекс явлений теневой экономики, имеющих маргинальный характер в странах «золотого миллиарда», приобретает более или менее типические черты при движении из «центра» мирового хозяйства в направлении «периферии», где в ряде стран теневой сектор становится тормозом экономического развития.

Увеличение масштабов теневого сектора приводит к сокращению доходных статей бюджета и перекладывает налоговое бремя на население и предприятия, работающие в сфере официального бизнеса. В свою очередь рост налоговой нагрузки создаёт дополнительные стимулы для перехода производителей товаров и услуг в теневой сектор. Возникает порочный круг самовоспроизводства теневой экономики.

С другой стороны, повышенная доля избавленной от налогового бремени и социальной ответственности теневой экономики, фактически поощряемое властями несоблюдение прав интеллектуальной собственности, включая массовое производство контрафактной продукции, — всё это ведёт к минимизации производственных издержек в странах поздней индустриализации, обеспечивает занятостью избыточные трудовые ресурсы и формирует конкурентные преимущества в международном разделении труда, сокращая отставание от стран-лидеров. Тем самым ускоряются и процессы инновационной диффузии, которые транслируют новейшие достижения научно-тех-

нического прогресса на периферию мирового хозяйства. Такова двойственная природа теневого сектора экономики.

Теневая экономика в её нынешнем виде — суть порождение многих глобальных процессов, охвативших мир, и среди них — процесса урбанизации. В 2006–2007 гг., согласно предварительным данным, свершился так называемый глобальный урбанизационный переход и численность городского населения мира превзошла общее число сельских жителей. Движущей силой этого перехода являются переживающие демографический «взрыв» развивающиеся страны, которые вот уже более 30 лет определяют основные динамические характеристики всемирного процесса урбанизации. Если в 1970 г. в развивающихся странах проживало 50% всех горожан, то в настоящий момент — более 2/3, а к 2025 г., согласно прогнозам, их доля достигнет 80% [2].

Важнейшей особенностью всемирного процесса урбанизации является то обстоятельство, что в настоящее время 90% всего прироста городского населения мира приходится на развивающиеся страны, где «излишки» сельского населения (миллионы людей, страдающих от латентной безработицы в деревне) устремляются в города. Движение это во многом носит характер «ложной» урбанизации, не обеспеченной адекватно занятостью в промышленности и сфере услуг. Этот феномен, известный и прежде, приобретает сегодня несравнимо большее звучание, учитывая нынешнюю роль развивающихся стран в росте городского населения мира. Поскольку «неформальные» рабочие места, согласно имеющимся оценкам, обеспечивают заработком весьма значительную часть трудоспособного городского населения в развивающихся странах (75% в Чёрной Африке, 30–50% в Латинской Америке и т.д.) [1], описанные процессы влекут за собой и структурный рост теневой экономики в мировом масштабе.

Литература

1. Костинский Г.Д. Мировая урбанизация в XX столетии / Экономическая география мирового развития. XX век. Под общ. ред. Ю.Г. Липеца, В.А. Пуляркина и С.Б. Шлихтера. — СПб.: Алетея, 2003. С. 121–133.
2. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. — М.: Пресс-Соло, 2005. — 167 с.
3. Schneider F., Enste D. Shadow Economies Around the World: Size, Causes and Consequences // Journal of Economic Literature. Vol. XXXVIII, March 2000. Pp. 77–114.

4. *Schneider F.* Shadow Economies and Corruption All Over the World: New Estimates for 145 Countries // Economics (Open Assessment E-Journal). № 2007–9
(<http://www.economics-ejournal.org/economics/journalarticles>)

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	5
<i>Корытный Л.М.</i>	
О необходимости и возможности реформирования административно-территориального деления России	5
<i>Герцен А.А.</i>	
Теоретические основы политической регионалистики и географии административно-территориального деления	16
<i>Левинтов А.Е.</i>	
Модели освоения и использования территорий и ресурсов	43
<i>Нагирная А.В.</i>	
Типология стран мира по уровню готовности к жизни в информационном обществе и наличию условий для его становления	67
<i>Бородин Н.Д.</i>	
Практика реформирования муниципальных образований на примере некоторых субъектов Российской Федерации	80
<i>Глезер О.Б., Бородин Т.Л., Артоболевский С.С.</i>	
Взаимовлияние муниципального и административно-территориального устройства субъектов РФ в ходе реформ местного самоуправления	93
<i>Корнус А.А.</i>	
Особенности административного устройства и местного самоуправления слободской Украины (XVII-XVIII вв.)	103
<i>Щербинин А.И.</i>	
Взгляд на реформу административно-территориального деления РФ (сибирский аспект)	114

Воробьева В.В., Малов В.Ю., Мелентьев Б.В.

Использование экономико-математического моделирования для оценки исторического опыта реализации крупных инфраструктурных проектов	118
--	-----

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	130
---	-----

Родоман Б.Б.

Страна перманентного колониализма	130
--	-----

Чистобаев А.И.

Взаимообусловленность разработки стратегий развития и схем территориального планирования	139
---	-----

Зигерн-Корн Н.В.

Смена парадигмы потенциала регионального развития в отечественных исследованиях	145
--	-----

Семина И.Н.

Депрессивные регионы России: статистический анализ развития транспорта в период с 1990 по 2006 гг.	151
---	-----

Мелентьев Б.В.

Влияние политики изменения веса непроизводственного потребления регионов на экономические показатели развития	162
--	-----

Лейзерович Е.Е.

Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года	173
---	-----

Трифонов З.А.

Культурный потенциал национальных столиц России: типологические характеристики	182
---	-----

Пономарева З.В.

Совершенствование административно-территориального устройства на региональном уровне (на примере Воронежской области)	198
--	-----

Сергеева К.П.

«Живая ткань» расселения Нижегородской области	204
---	-----

Логинова Н.Н.

Демографическое развитие регионов России и семейно-демографическое поведение населения Республики Мордовия	213
---	-----

<i>Сиротин О.А.</i> Роль инфраструктуры в трансформации восточных земель ФРГ	230
<i>Красноярова Б.А.</i> Большой Алтай: процессы интеграции и дезинтеграции	242
<i>Комарова Т.М.</i> Половозрастная структура населения как фактор социально-демографической безопасности региона (на примере Еврейской Автономной области)	253
<i>Мищук С.Н.</i> Современные тенденции миграционных процессов Еврейской Автономной области	258
<i>Бородина Т.Л., Волкова И.Н., Гриценко А.А., Баринев С.Л.</i> Приграничные территории России и Украины: общая история и разделенное настоящее (географические подходы)	265
<i>Руденко Л.Г., Лисовский С.А., Маруняк Е.А.</i> Трансформационные процессы в экономике Украины: внешние и внутренние факторы	287
<i>Подгрушный Л.М.</i> Современные особенности стадийно-эволюционного развития регионов Украины	299
Глава 3. ОТРАСЛЕВЫЕ И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ	318
<i>Синцеров Л.М.</i> Гуманитарная глобализация: первый этап	318
<i>Крылов М.П.</i> Взаимодействие экономической географии со смежными научными дисциплинами: эффективность методологий и стили мышления	328
<i>Левинтов А.Е.</i> Географические аспекты проблемы жилья и жилища	346
<i>Кудымов В.М.</i> Моделирование валового регионального продукта	365

<i>Родионова И.А.</i> Конкурентоспособна ли Россия в международном туристическом бизнесе?	380
<i>Макар С.В.</i> Региональная специфика в развитии хозяйственного управления лесным фондом	392
<i>Горкина Т.И.</i> «Новая угольная волна» и ее влияние на мировую энергетику	411
<i>Атаева Н.А.</i> Ветряные и водяные мельницы в экономике Рязанской губернии в XIX веке (историко-географический анализ)	423
<i>Атаев З.А.</i> Территориальная организация локальной энергетики Костромской области	431
<i>Тузова А.А.</i> Масштабы и динамика теневого сектора мировой экономики	448

Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Сборник докладов XXV сессии МАРС / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. — М.: Институт географии РАН, 2008. — 460 с.

Рецензенты:

В.Н. Стрелецкий, кандидат географических наук

А.А. Агирречу, кандидат географических наук

Ответственный редактор сборника:

С.С. Артоболевский, доктор географических наук

Сдано в набор 20.12.2008. Подписано к печати 02.02.2009.

Формат 60х90/16. Объем 32,1 п.л. Тираж 300 экз.

Издательство И.П. Матушкина И.И.

Отпечатано в ООО «Связь4Принт»